

От автора трилогии *this man*,
бестселлера номер 1 по версии Times

ДЖОДИ ЭЛЛЕН МАЛПАС

КНИЖНЫЙ ЧЕРВЬ
ПЕРЕВОДЫ КНИГ

ОДНОЙ НОЧИ
НИКОГДА НЕ БУДЕТ
ДОСТАТОЧНО

Одна ОБЕЩАННАЯ *Ночь*

Ливи заметила его в ту же секунду, как он зашел в бистро. С ошеломляющей внешностью, способной остановить сердце, и таким пронизывающим взглядом голубых глаз, от которых она растерялась настолько, что оказалась практически не способна принять его заказ. Как только он вышел за дверь, она подумала, что никогда снова его не увидит. А потом она нашла записку, оставленную им на салфетке...с подписью М. Всё, чего он хотел — одна ночь, чтобы насладиться ею. Ни чувств, ни обязательств, ничего, кроме удовольствия. Все защитные механизмы Ливи, строящиеся в течение всей её одинокой жизни, оказались под угрозой уничтожения этим сбивающим с толку мужчиной. Наглый, но при этом с отличными манерами. Джентльмен, но холодный. Страстный, но бесчувственный. Только влечение настолько велико, что Ливи не может винить его...или себя. Он пробуждает в Ливи что-то, глубокое, вызывающее привычку, что-то, о существовании чего она не подозревала — то, что, она боится, только он в силах удовлетворить. Только вот она чувствует, что за спортивными машинами, дорогими костюмами, роскошными апартаментами, внутри ему больно. Чтобы заполучить его, тело и душу, ей придется бросить вызов его тёмным тайнам. Погружаться в его мир и ломать защиту становится её одержимостью — одержимостью, которая сможет разбить её сердце без права восстановления.

Пролог

Он позвал ее. Она понимала, что он узнает — у него повсюду были глаза и уши, но это никогда не останавливало ее от непослушания. Это было частью ее плана заполучить желаемое.

Ступая по темному коридору подпольного Лондонского клуба к его кабинету, она едва ли осознавала свою глупость. Мешали решимость и слишком большое количество выпитого алкоголя. Дома у нее была любящая семья, люди, которые оберегали и заботились о ней, заставляя чувствовать себя желанной и значимой. В глубине души знала, что нет веских оснований раскрывать свое тело и душу этому омерзительному, жалкому преступному миру. Но в очередной раз делала это сегодня. И повторит завтра ночью.

Желудок скрутило, как только она подошла к двери в его кабинет, ее пропитанный алкоголем мозг работал едва ли достаточно для того, чтобы хотя бы поднять руку и взяться за дверную ручку. Почти не икая и шатаясь на своих дурацких шпильках, она ввалилась в кабинет Уильяма.

Он был красивым мужчиной в свои почти сорок, с копной густых волос; на висках уже пробивалась седина, придавая ему элегантную проседь, идеально подходившую к его изысканному костюму. Скулы квадратной формы выглядели суровыми, но улыбка, когда он сверкал ею, очень дружелюбная, хоть и была не частой. Его клиенты-мужчины никогда не видели эту улыбку. Уильям предпочитал придерживаться жесткого внешнего вида, который в его присутствии заставлял трястись всех мужчин. Только для своей девочки его глаза всегда сияли, а выражение лица было мягким и успокаивающим. Она этого не понимала, да и не пыталась понять. Знала только, что он ей нужен. Он тоже испытывал к ней нежность. И она использовала эту слабость против него. Жесткое сердце бизнесмена было мягким для всех своих девочек, но для нее оно полностью таяло.

Уильям посмотрел на дверь, в которую она вошла, спотыкаясь, и поднял руку, прерывая

серьезный разговор с высоким, посредственным типом, стоявшим у его стола. Одним из его правил было всегда стучаться и дожидаться разрешения войти, но она никогда этого не делала, а Уильям никогда ей за это не выговаривал.

— Продолжим позже, — сказал он, отпуская своего партнера, который без всяких протестов и недовольств тихо закрыл за собой дверь.

Уильям встал и, расправляя пиджак, вышел из-за своего огромного стола. Даже сквозь дымку, вызванную алкоголем, она идеально четко видела сосредоточенность на его лице. И еще разглядела толику раздражения. Он подошел к ней осторожно, с опаской, как будто боялся, что она сбежит, и аккуратно взял за руку. Усадил ее в одно из стеганых кожаных кресел напротив своего стола, затем налил себе скотч, протянул ей воды со льдом, и только после этого сел.

Она не испытывала страха в присутствии этого сильного мужчины, даже в такой напряженной ситуации. Странно, она всегда чувствовала безопасность. Он пойдет на все для своих девочек, включая кастрацию любого идиота, перешедшего черту. У него есть свои конкретные правила, и ни один мужчина в здравом уме не посмел бы их нарушить. Это стоило бы им больше, чем просто жизни. Она видела результат, и он не был утешительным.

— Я говорил, тебе уже достаточно, — сказал Уильям, стараясь произнести это свирепо, но достиг только того, что в голосе сквозила симпатия.

— Если ты не отдашь их мне, я найду их сама, — сказала она, опьянение придавало решимости. Кинула сумку на стол прямо перед ним, но Уильям проигнорировал ее неуважение и толкнул сумку обратно к ней.

— Тебе нужны деньги? Я дам тебе денег. Не желаю больше, чтобы ты крутилась в этом мире.

— Это не тебе решать, — бесстрашно заявила она, безусловно понимая, что творит. Его сжатые губы, потемневший взгляд серых глаз говорили, что она преуспела. Она не оставила ему выбора.

— Тебе семнадцать лет. У тебя вся жизнь впереди, — он встал и, обойдя стол, сел на край прямо перед ней. — Ты соврала про свой возраст, нарушила бесчисленное множество правил и теперь отказываешься позволить мне собрать воедино осколки твоей жизни, — он взял ее за подбородок, заставляя смотреть на него это дерзкое личико. — Ты не уважаешь меня и, что хуже всего, себя.

Она на это не ответила. Она дурачила его, обводила вокруг пальца, просто чтобы быть ближе.

— Мне жаль, — промямлила тихо, освобождаясь от его хватки, чтобы сделать большой глоток воды. Она не знала, что еще сказать, да и если бы слова нашлись, они никогда не будут достаточно хороши. Понимала, что сострадание Уильяма к ней может разрушить уважение, заработанное им в этом криминальном бизнесе, а ее отказ позволить ему исправить ситуацию — ситуацию, за которую он чувствовал себя ответственным — еще больше подвергнет риску его репутацию.

Он встал перед ней на колени, положив большие ладони на ее обнаженные ноги:

— Кто из моих клиентов нарушил правила на этот раз?

Она пожала плечами, не желая делиться именем человека, с которым была в постели. Знала, что Уильям предупреждал их всех держаться от нее подальше. Она солгала ему так же, как и Уильяму.

— Не имеет значения, — она хотела, чтобы Уильям разозлился на ее затянувшееся

неуважение, но он оставался спокойным.

— Ты не захочешь найти то, что ищешь, — Уильям казался ублюдком, бросая такие жестокие слова. Он знал, чего она хочет. — Я не могу присматривать за тобой, — сказал он тихо, одергивая подол ее короткого платья.

— Знаю, — прошептала она.

Уильям протяжно, устало вздохнул. Он понимал, она не принадлежит его миру. Не знал даже, принадлежит ли теперь сам. Он никогда не позволял симпатии переплетаться с бизнесом, никогда не ставил себя в положение, которое могло бы разрушить его вполне респектабельное состояние, пока эта молодая девушка не стала превыше всего. Это все сапфировые глаза. В любом случае, он никогда не позволял сантиментам вклиниться в его бизнес — не мог себе позволить — но в этот раз он провалился.

Подняв свою большую руку, провел по мягкой, фарфоровой щеке, безнадежность в ее глазах пронзила его жесткое сердце.

— Помоги мне поступить правильно. Ты не принадлежишь мне и этому месту, — сказал он.

Она кивнула, и Уильям издал вздох облегчения. Эта девочка была слишком красивой и отчаянной — опасная комбинация. Эта девочка найдет себе неприятностей. Он был зол на себя, позволяя этому случиться, несмотря на все ее уловки.

Он присматривал за своими девочками, уважал их, убеждался в том, что его клиенты их уважают, и всегда внимательно следил за всем, что могло подвергнуть их риску, морально и физически. Знал, что они сделают, прежде чем они это делали. Только этой он позволит ускользнуть. Эта обвела его вокруг пальца. Хотя он и не мог винить ее. Он винил себя. Слишком отвлекся на красоту этой молодой девушки — красоту, отпечаток которой навсегда останется внутри. Он снова отошлет ее и на этот раз убедится, чтобы она оставалась как можно дальше. Он позаботится об этом ради ее блага. И этот поступок болью отзовется в его темной душе.

Глава 1

Можно рассказать пару слов о том, как приготовить идеальную чашку кофе. Еще больше можно рассказать о том, как приготовить идеальную чашку кофе с помощью похожей на космический корабль машины, на которую я сейчас пялюсь. Я днями наблюдала за тем, как моя напарница, официантка Сильвия, с легкостью выполняет задание, при этом она еще и болтает, хватая снизу новую кружку и пробивает заказ через кассу. Но все, чего я, кажется, достигла — это колоссальная путаница как с кофе, так и в пространстве вокруг машины.

Тихо выругавшись, я с силой нажала на заклинивший фильтр этой штуковины, и он открылся, разбрасывая повсюду кофейные зерна.

— Нет, нет, нет, — бормочу себе под нос, хватаясь за тряпку в переднем кармане фартука. Промокшая ткань стала коричневой — неопровержимое доказательство моей миллионной неприятности за сегодня.

— Хочешь смену тебя? — веселый голосок Сильвии раздается за моими плечами, заставляя их поникнуть. Бесполезно. Не важно, сколько раз я стараюсь, все всегда заканчивается подобной ерундой. Мы с этим аппаратом не дружим.

Я драматично вздыхаю и поворачиваюсь, протягивая Сильвии большую металлическую ручную штуковину.

— Прости. Эта машина меня ненавидит.

Ярко-розовые губы девушки изгибаются в нежной улыбке, а блестящие черные кудряшки подпрыгивают, когда она мотает головой. Ее терпение заслуживает похвалы.

— Я справлюсь. Почему бы тебе не убрать седьмой столик?

Двигаясь быстро, я хватаю поднос и направляюсь к недавно освободившемуся столику в надежде спастись.

— Он меня выгонит, — бормочу, нагружая поднос. Я работаю здесь только четыре дня, но нанимая меня, Дэл сказал, что у меня уйдет пару часов на обучение и освоение машины, занимающей большую часть места на задней стойке бистро. Тот день был отвратительным, и я думаю, Дэл разделяет мои мысли.

— Нет, не выгонит, — Сильвия запускает машину, и звук струйки, бегущей из пенной трубки, заполняет бистро. — Ты ему нравишься, — кричит она громче, беря кружку, затем поднос, ложку, салфетку и шоколадную присыпку, все время с легкостью вращая металлический кувшин с молоком.

Я улыбаюсь, вытирая стол, прежде чем взять поднос и направиться обратно на кухню. Дэн знает меня всего неделю и уже заявил, что у меня нет ни одной плохой косточки в теле. Моя бабушка говорила то же самое, добавляя при этом, что лучше бы мне поскорее повзрослеть, потому что люди не всегда милы и приветливы.

Я направилась к посудомоечной машине, водрузив поднос с одной стороны.

— Ты в порядке, Ливи?

Поворачиваюсь на грубоватый голос Пола, повара.

— Великолепно, а ты?

— На вершине мира, — он продолжает вычищать кастрюли, насвистывая при этом, как делает всегда.

Загружая грязные тарелки в посудомойку, я подумала, что со мной все будет в порядке, пока не буду позволять себе проигрывать этой машине.

— Еще что-нибудь от меня, прежде чем я уйду отсюда? — спрашиваю Сильвию, когда та проталкивается в распашные двери кухни. Я завидую тому, с какой легкостью и скоростью она выполняет все задачи: начиная от работы с этой чертовой машиной и заканчивая тем, как она приносит соответствующие кружки посетителям, даже не глядя.

— Нет, — она повернулась, вытирая руки об фартук. — Сматывайся. Увидимся завтра.

— Спасибо, — я сняла фартук и отбросила его. — Пока, Пол.

— Хорошего вечера, Ливи, — крикнул он, размахивая поварешкой над головой.

Лавируя между столиками бистро, я пробираюсь к двери и выхожу в узкий переулок, тут же намкнув под дождем.

— Прекрасно, — улыбаюсь я, прикрывая голову джинсовой курткой, и принимаюсь бежать.

Пока я перепрыгиваю выбоины, мои конверсы не дают ни единого шанса ногам остаться сухими, хлюпая при каждом быстром шаге, который я делаю по дороге к автобусной остановке.

Зайдя в наш дом, толкаю дверь и, затаив дыхание, прижимаясь к ней спиной.

— Ливи? — хриплый голос Нан¹ настойчиво освещает мой промокший дух. — Это ты?

— Я! — вешаю промокшую куртку на крючок и скидываю насквозь мокрые конверсы, прежде чем пройти по длинному коридору к кухне в дальнем конце. Нахожу Нан, склонившейся над плитой и помешивающей что-то в огромной кастрюле — несомненно,

суп.

— Вот и ты! — она бросает деревянную ложку и ковыляет ко мне. В свои восемьдесят один она довольно яркая и по-прежнему расторопна. — Ты промокла!

— Все не так плохо, — уверяю ее, взъерошивая волосы, пока она осматривает меня с головы до ног и останавливается на моем плоском животе, как только задирается футболка.

— Тебе нужно поправиться.

Я закатываю глаза, но подыгрываю ей:

— Умираю с голода.

Улыбка, озарившая ее морщинистое лицо, заставляет улыбнуться и меня, когда она обнимает меня, похлопывая по спине.

— Чем занималась сегодня, Нан? — спрашиваю я.

Она отпускает меня и указывает на стол:

— Садись.

Немедля делаю так, как мне велено, и беру ложку, уже ждущую на столе:

— Итак?

Она поворачивается ко мне, нахмурившись:

— Итак, что?

— Сегодня. Что ты делала? — подсказываю я.

— Оо, — бросает в меня кухонным полотенцем. — Ничем волнительным не занималась. Немного походила по магазинам и испекла твой любимый морковный пирог, — она подходит к другой столешнице, где на охлаждающей решетке лежит пирог. Только это не морковный пирог.

— Ты приготовила для меня морковный пирог? — спрашиваю, глядя, как она возвращается и наливает две тарелки супа.

— Да. Как и сказала, Ливи. Я сделала твой любимый.

— Но мой любимый лимонный, Нан. Ты знаешь это.

Она не отрывается от своего занятия: несет две тарелки с супом и ставит их на стол.

— Да, знаю. Поэтому и испекла тебе лимонный пирог.

Я снова взглянула через кухню, просто чтобы удостовериться, что не ошибаюсь.

— Нан, больше похоже на пирог-перевертыш с ананасами.

Она присела на стул, посмотрев на меня так, будто это я здесь тронулась умом.

— Потому что это и есть пирог с ананасами, — она погрузила ложку в тарелку, прихлебнув немного супа с кориандром, прежде чем потянуться за свежим домашним хлебом. — Я испекла твой любимый.

Она запуталась, также как и я. Из-за последних нескольких секунд нашей беседы я понятия не имею, что за пирог она испекла, да мне и не важно. Я смотрю на свою любимую бабушку и наблюдаю, как она кушает. С ней, кажется, все хорошо, и она не выглядит запутавшейся. Это начало? Наклоняюсь вперед:

— Нан, ты хорошо себя чувствуешь? — Я беспокоюсь.

Она начинает смеяться:

— Я шучу над тобой, Ливи!

— Нан! — подтруниваю я, тут же почувствовав себя лучше. — Не делай так!

— Я еще не выжила из ума, — она махнула своей ложкой в сторону моей тарелки. — Ешь свой ужин и рассказывай, как сегодня справилась.

Вздыхаю и драматично пожимаю плечами, ковыряясь в супе.

— Я не могу справиться с кофе-машиной — большая проблема, так как девяносто процентов покупателей заказывают какой-либо кофе.

— Ты поймешь и справишься, — с уверенностью говорит бабушка, как будто она эксперт в этих штуковинах.

— Не уверена. Дэл не оставит меня просто для уборки столиков.

— Ну, а за исключением кофе-машины тебе нравится?

Я улыбнулась:

— Да, действительно нравится.

— Хорошо. Ты не можешь вечно за мной присматривать. Такая молоденькая штучка, как ты, должна наслаждаться жизнью, а не ухаживать за своей бабушкой, — она посмотрела на меня с опаской. — Да и в любом случае, за мной не нужно ухаживать.

— Мне нравится за тобой присматривать, — возражаю тихо, вдаваясь в свою обычную лекцию. Мы могли спорить об этом до посинения, но так и не прийти к согласию. Она слаба, не физически, а морально, и не важно, как сильно она настаивает на том, что с ней все в порядке. Бабуля вздыхает. Я опасаюсь худшего.

— Ливи, я не оставлю это злочное божье место, пока не увижу, что ты взяла все под контроль. А этого не случится, если ты все время будешь носиться со мной, как курица с яйцом. Я опаздываю, так что давай, включай свою маленькую тощую задницу в работу.

Я вздрагиваю:

— Говорила же тебе. Я счастлива.

— Счастлива, сбегая от мира, который может столько всего предложить? — спрашивает она серьезно. — Начни жить, Оливия. Поверь мне, время очень скоро пройдет мимо тебя. Прежде чем успеешь понять, будешь считать вставные зубы и не сможешь кашлянуть или высморкаться, не рискуя при этом описаться.

— Нан! — я поперхнулась куском хлеба, но она совсем не удивлена. Она предельно серьезна, как всегда бывает с ней во время подобных разговоров.

— Правдивая история, — вздохнув, говорит она. — Развейся. Принимай все, что ни подбросит тебе жизнь. Ты не твоя мать, Олив...

— Нан, — медленно предупреждаю я.

Она заметно вжалась в свое кресло. Знаю, что пугаю ее, но я вполне счастлива и так. Мне двадцать четыре. Я жила с бабушкой с самого рождения и после того, как бросила колледж, нашла отговорку остаться дома и присматривать за ней. Но пока я была счастлива присматривать за бабулей, она этому не радовалась.

— Оливия, я двигаюсь дальше. Ты тоже должна. Я никогда не должна была тебя удерживать.

Улыбаюсь, не зная, что сказать. Она не осознает этого, но мне нужно было задержаться. В конце концов, я дочь своей матери.

— Ливи, сделай свою бабулю счастливой. Надень какие-нибудь туфли, выйди и наслаждайся собой.

Теперь ссугулилась я. Она не может просто остановиться.

— Нан, ты пытаешься заставить меня встать на каблуки, — ноги болят от одной только мысли.

— Сколько у тебя пар тех холщовых? — спрашивает она, намазывая мне маслом еще хлеба и подавая.

— Двенадцать, — отвечаю, абсолютно обнаглев. — Все разных цветов. — Еще, я

собираюсь купить желтые в субботу.

Беру свой хлеб и вонзаюсь в него зубами, улыбаясь, когда бабуля недовольно фыркает.

— Ну, по крайней мере, выберись и повеселись. Грегори всегда предлагает. Почему бы тебе не согласиться на его постоянные предложения?

— Я не пью, — хочу, чтобы она прекратила это. — А Грегори только и будет таскать меня по гей барам, — говорю, вздернув брови. Мой лучший друг спит с достаточным для нас обоим количеством мужчин.

— Любой бар лучше, чем никакого бара. Может, тебе понравится, — она тянется ко мне, убирая крошки с моих губ, и ласково гладит по щеке. Знаю, что она собирается сказать. — Пугает, насколько вы похожи.

— Знаю, — кладу руку поверх ее, удерживая на месте, пока бабушка молча смотрит на меня. Я не очень хорошо помню маму, но видела доказательства, я ее точная копия. Даже странно, как мои светлые волосы схоже рассыпаются волнами по плечам, и кажется, будто их слишком много для моего крошечного тела. Они невероятно тяжелые, а если их не выпрямлять, делают, что хотят. И мои большие темно-синие глаза — зеркальная копия глаз бабушкиных и маминых. Словно сапфиры, говорят люди. Как-то не вижу этого. Макияж больше удовольствие, чем необходимость, но он всегда минимален на моей светлой коже.

Дав бабушке достаточно времени, чтобы предаться воспоминаниям, беру ее руку и кладу рядом с тарелкой. — Ешь, Нан, — говорю тихо, продолжая поглощать свой суп.

Вернувшись мыслями ко мне, она продолжает ужинать, но молчит. Она никогда не забудет разрушительный образ жизни моей мамы — образ жизни, который отобрал у бабушки ее дочь. Прошло восемнадцать лет, а она по — прежнему дико скучает по моей маме. Я нет. Как я могу скучать по кому-то, кого едва знала? Но наблюдать за тем, как бабушка погружается в эти грустные мысли, тогда и сейчас — это так больно для меня.

Да, определенно нужно сказать о том, как приготовить идеальную чашку кофе. Снова пялюсь на аппарат, только сегодня я улыбаюсь. Я сделала это — правильное количество пены, гладкой, как шелк, и немножко шоколадной посыпки, образующей сверху идеальное сердце. Просто стыдно, что пью это я, а не благодарный покупатель.

— Вкусно? — в предвкушении спрашивает Сильвия.

Я мурлычу и вздыхаю, ставя чашку на стол.

— Кофе-машина и я теперь друзья.

— Ура! — визжит она, обвивая меня руками. Я смеюсь, разделяя ее энтузиазм, заглядываю за ее плечо, когда двери быстро распахиваются.

— Кажется, толкучка обеденного времени вот-вот начнется, — говорю, освобождаясь от объятий напарницы. — Возьму этого.

— Ооо, да она полна уверенности, — смеется Сильвия, отходя и освобождая мне место за стойкой. Она сияет, глядя, как я иду к только что зашедшему посетителю.

— Чем могу помочь? — спрашиваю я, готовая быстро выполнить его заказ, но когда он не отвечает, поднимаю взгляд и вижу, что он внимательно на меня смотрит. Начинаю нервно трястись, не очень довольная таким пристальным изучением. Вновь обретаю дар речи. — Сэр?

Его глаза расширяются немного:

— Эм, капучино, пожалуйста. С собой.

— Конечно, — оставляю мистера Большие Глаза прийти в себя и подхожу к своему

новому лучшему другу. Берусь за ручную шпуконину и успешно закрепляю ее в держателе — быстро и мастерски.

— Вот почему Дэл не уволит тебя, — шепчет из-за плеча Сильвия, заставляя меня слегка подпрыгнуть.

— Прекрати, — говорю я, доставая с полки готовую чашку и ставя ее под фильтр, прежде чем нажать нужную кнопку.

— Он на тебя смотрит.

— Сильвия, прекрати!

— Дай ему свой номер.

— Нет! — восклицаю слишком громко, быстро оглядываясь через плечо. Он на меня смотрит. — Не интересуется.

— Он милый, — говорит Сильвия, и я должна согласиться. Он очень милый, а я совсем не заинтересована.

— У меня нет времени на отношения, — говорю почти правду. Это моя первая работа, а перед этим я провела большую часть своей взрослой жизни, заботясь о Нан. Сейчас я не совсем уверена, действительно ли ей по-прежнему нужна моя забота или же это мое оправдание.

Сильвия пожимает плечами, оставляя меня во время второго раунда с кофе-машиной. Я заканчиваю, улыбаясь, когда лью в чашку молоко, прежде чем опустить шоколадную посыпку на пенку и накрыть крышечкой. Я так горжусь собой, что заметно по моему улыбающемуся лицу, когда я поворачиваюсь, чтобы вручить капучино мистеру Большие Глаза.

— Два фунта восемьдесят центов, пожалуйста, — я хотела было поставить чашку, но он останавливает меня, забирая ее из моих рук, касаясь при этом.

— Спасибо, — говорит он, заставляя своим вежливым ответом посмотреть на него.

— Пожалуйста, — говорю, медленно убирая свою руку и принимая у него десятифунтовую купюру. — Принесу вашу сдачу.

— Не беспокойся об этом, — он слегка качает головой, пробежав взглядом по моему лицу. — Но я не откажусь от номера твоего телефона.

Я слышу, как усмехнулась Сильвия из-за стола, пока убирала его.

— Извините. Я не одинока, — пробиваю через кассу его заказ, насчитываю сдачу и протягиваю ему, игнорируя недовольное фырканье Сильвии.

— Конечно, не одинока, — он едва заметно улыбается, выглядя смущенным. — Как глупо с моей стороны.

Я улыбаюсь, пытаюсь смягчить его дискомфорт.

— Все в порядке.

— Обычно я не прошу первую встречную женщину дать свой номер телефона, — объясняет он. — Я не какой-то псих.

— Честно, все в порядке, — теперь смущена уже я, молчаливо желая, чтобы он ушел до того, как я запущу кофейную чашку в голову Сильвии. Чувствую, как она в шоке пялится на меня. Начинаю перебирать салфетки: хоть что-то, лишь бы избежать этой неудобной ситуации. Я могла бы поцеловать парня позади, который, как будто, спешит. — Пожалуй, мне стоит принять заказ, — указываю за плечо мистера Большие Глаза на встревоженного бизнесмена.

— Ох, да. Прости, — он пятится назад, поднимая в знак благодарности свою чашку. —

Увидимся.

— Пока, — поднимаю руку, прежде чем переключиться на следующего покупателя. — Что будете заказывать, сэр?

— Латте, без сахара, и побыстрее, — он едва ли взглянул на меня перед тем, как ответить на телефонный звонок и отойти от стойки, оставив на стуле свой портфель.

Я еще мысленно не отошла от встречи с мистером Больше Глаза, но гораздо больше меня сейчас занимают байкерские ботинки Сильвии, шагающие в мою сторону, где я снова берусь за кофе-машину.

— Не могу поверить, ты ему отказала! — сурово шепчет она. — Он же славный.

Я быстро заканчиваю свою третью порцию идеального кофе, не уделяя ее шоку должного внимания.

— Он нормальный, — равнодушно отвечаю я.

— Нормальный?

— Да, он нормальный.

Я не смотрю на нее, но знаю, она только что закатила глаза:

— Невероятно, — пробубнила она, топя назад, ее пышная попа покачивается в такт подпрыгивающих черных локонов.

Снова победно улыбаюсь, приготовив еще один кофе. Улыбка не сходит, даже когда взволнованный бизнесмен вкладывает мне в руку три фунта, прежде чем схватить чашку и удалиться, не потрудившись сказать спасибо.

За весь остаток дня я ни разу не присела. Летала между залом и кухней, убрала бесчисленное множество столов, приготовила дюжины идеальных порций кофе. Во время своих перерывов проверяла, как там Нан, и каждый раз меня отчитывали, называя тупицей.

В пять часов я плюхаюсь на один из коричневых кожаных диванчиков и открываю баночку колы в надежде, что кофеин и сахар смогут вернуть меня к жизни. Я измотана.

— Ливи, я только вынесу мусор, — кричит Сильвия, доставая черный пакет из одного ведра. — Ты в порядке?

— Прекрасно, — поднимаю свою банку и откидываю голову на спинку дивана, сопротивляясь искушению закрыть глаза. Вместо этого наблюдаю за яркой лампой на потолке. Не могу дождаться, когда доберусь до кровати. Ноги болят и отчаянно нужен душ.

— Здесь кто-нибудь работает или самообслуживание?

Я моментально вскакиваю с дивана при звуке нетерпеливого, но спокойного голоса, и разворачиваюсь, чтобы обслужить посетителя.

— Простите! — Спешу к стойке, сталкиваясь бедром об угол и сдерживаясь от громких ругательств. — Чем я могу вам помочь? — спрашиваю, потирая бедро, и поднимаю взгляд.

Я отшатываюсь. И с шумом выдыхаю. Пристальный взгляд его синих глаз врезается в меня. Глубоко, глубоко в меня. Мой взгляд блуждает, охватывая пиджак его костюма, жилет, бледно-голубую рубашку и галстук, его темные покрытые щетиной скулы и то, как приоткрываются его губы. Затем я снова нахожу эти глаза. Самые пронзительные синие глаза, которые я когда-либо видела, и они смотрят прямо на меня с толикой любопытства. Воплощение идеала стоит прямо передо мной, поэтому я пялюсь на него с интересом.

— Часто так тщательно изучаете покупателей? — его голова склоняется на бок, идеальные брови изгибаются в ожидании.

— Чем я могу вам помочь? — выдыхаю я, махнув в его сторону блокнотом.

— Американо, четыре порции, два куска сахара, заправленный наполовину, — слова

вылетали из его рта, но я их не слышу. Я вижу их. Прочла по губам, быстро записывая в блокнот и продолжая следить за его ртом. Прежде чем я поняла, что происходит, ручка соскользнула с блокнота, и я запачкала пальцы записями. Нахмурившись, посмотрела вниз.

— Эй? — голос снова звучит нетерпеливо, заставляя мои глаза подняться. Я позволяю себе сделать шаг назад и охватить взглядом все его лицо. И вот я шокирована не тем, как невероятно он великолепен, а тем, что тело отказывается функционировать, за исключением глаз. Они работали достаточно хорошо и никак не могли оторваться от безупречности напротив меня. Не смогли оторваться, даже когда он, положив ладони на стойку, наклонился вперед. Локону темных растрепанных волос не остается ничего, кроме как упасть на его лоб. — Я заставляю вас чувствовать себя некомфортно? — спрашивает он. Это я тоже читаю по губам.

— Чем я могу вам помочь? — снова выдыхаю я, тряхнув в его сторону блокнотом.

Он кивает вниз на мою ручку:

— Вы меня уже спрашивали. Заказ на вашей руке.

Я смотрю вниз: чернила покрывают все пальцы, только ничего путного не вижу, даже когда пытаюсь составить общую картинку из записей в блокноте и того, куда соскочила ручка.

Медленно поднимая глаза, встречаюсь с его глазами. В них виднеется тень понимания.

Он кажется самодовольным. Это окончательно сбивает с толку.

Сканирую информацию, оставшуюся в голове за последние несколько минут, но не нахожу заказ на кофе, только сохранившийся образ его лица.

— Капучино? — спрашиваю в надежде.

— Американо, — возражает спокойным шепотом, — четыре порции, два сахара, заправленный наполовину.

— Точно! — вырываюсь из убогого охваченного благоговением ступора и направляюсь к кофе — машине, руки трясутся, сердце грохочет. Со всей силы ударяю фильтр о деревянный ящик, чтобы очистить его от использованных зерен, надеясь, что громкий стук вернет мне немного ретировавшихся мозгов. Не выходит. Ощущаю себя все также...странно.

Потянув рычаг кофейного измельчителя, загружаю фильтр. *Он* смотрит на меня. Чувствую, как этот взгляд синих глаз прожигает спину, пока я вожусь с машиной, которую начинаю любить все больше. Хотя вот она меня не любит сейчас. Она не делает ничего из того, о чем я прошу. Никак не могу установить фильтр на держателе, трясущиеся руки делают все только хуже.

Сделав глубокий успокаивающий вдох, пытаюсь снова, успешно устанавливая фильтр и подставляя под него чашку. Нажимаю на кнопку и жду, когда она совершит свое волшебство, все так же оставаясь спиной к незнакомцу позади меня. За всю неделю, что я работаю в бистро Дэла, ни разу не думала, что машина так долго фильтрует кофе. Молчаливо желаю, чтобы она, черт ее подери, поторапливалась.

Спустя вечность я беру чашку и, бросив два куска сахара, готовлюсь наполнить ее водой.

— Четыре порции, — он разрывает некомфортную тишину мягким, скрипучим голосом.

— Простите? — я не поворачиваюсь.

— Я заказывал четыре порции.

Смотрю вниз на чашку, в которой только одна порция, и закрываю глаза, молясь кофейному богу помочь мне. Не знаю, как много времени мне понадобилось, чтобы добавить еще три порции, но когда я поворачиваюсь, чтобы вручить ему кофе, он сидит на

диване, его стройное, вытянувшееся тело расслаблено, пальцы постукивают по подлокотнику. На его лице ни эмоции, но я понимаю, что он недоволен, и, по какой-то странной причине это делает *действительно* несчастной меня. Весь день я превосходно справлялась с этой чертовой машиной, а сейчас, именно тогда, когда я хочу показать, что знаю свое дело, произвожу впечатление некомпетентной дурочки. Чувствую себя глупо, пока хватаю чашку для кофе на вынос, перед тем как аккуратно поставить ее на стойку.

Он смотрит на нее, потом снова на меня.

— Я хочу выпить его здесь, — его лицо серьезно, голос звучит спокойно, но резко. Я смотрю на него, пытаюсь понять, издевается он или говорит искренне. Не помню, чтобы он просил кофе на вынос — это я сама додумала. Он не похож на того, кто рассаживается во второсортных кофейнях. Ему бы больше подошел роскошный бар для богатеев.

Взяв кофейные чашку и блюдце, просто переливаю кофе и кладу сбоку чайную ложечку, прежде чем уверенными шагами направиться к нему. Не важно, насколько сильно я стараюсь, чашка никак не перестает стучать о блюдце. Ставлю их на столик и смотрю, как он крутит блюдце, перед тем как взять чашку, но не остаюсь возле него: не хочу смотреть, как он будет пить. Быстро разворачиваясь на своих конверсах и исчезаю.

Я практически врываюсь через распашные двери кухни, нахожу Пола. Он уже натягивает пальто.

— Все хорошо, Ливи? — спрашивает он, его круглое лицо изучает меня.

— Ага, — концентрируюсь на широкой металлической раковине, споласкивая вспотевшие руки, когда начинает звонить висящий на стене телефон быстро. Пол берет на себя инициативу, очевидно, придя к выводу, что я, во что бы то ни стало, собираюсь намыливать руки, пока они совсем не исчезнут.

— Это тебя, Ливи. Я ухожу.

— Хороших выходных, Пол, — отвечаю, вытирая руки, прежде чем взять трубку. — Алло?

— Ливи, милая, ты занята сегодня? — спрашивает Дэл.

— Сегодня?

— Да, у меня контракт на обслуживание благотворительного ужина, а меня подвели. Не могла бы ты побыть куколкой и выручить меня?

— Дэл, я бы с удовольствием, но... — не знаю, почему сказала «я бы с удовольствием», потому что на самом деле все наоборот, и я не могу закончить предложение: не могу найти «но». Мне нечего делать сегодня вечером, кроме как тусоваться вокруг бабули и получать за это выговоры.

— Аа, Ливи, я хорошо заплачу. Я в отчаянии.

— Во сколько? — вздыхаю, прислонившись к стене.

— Ты звездочка! С семи вечера и до полуночи. Это не сложно, милая. Просто слоняйся вокруг с подносами канапе и бокалами шампанского. Проще простого.

Проще простого? Еще больше времени на ногах, а они и так меня убивают.

— Мне нужно сходить домой, проверить бабулю и переодеться. Что я должна надеть?

— Черное, и будь у служебного входа гостиницы «Hilton on Park Lane» в семь, хорошо?

— Конечно.

Он разъединился, и я повесила голову, но вскоре внимание привлекли распашные двери, в которые ворвалась Сильвия, выпучив свои карие глаза:

— Ты это видела?

Ее вопрос сразу напомнил мне о великолепном создании, которое сидит, попивая кофе, в бистро. Я почти смеюсь, вешая трубку на рычаг.

— Да, я его видела.

— Вот же дерьмо, Ливи! О таких мужчинах, как он, стоит предупреждать, — она смотрит назад в сторону зала и начинает обмахивать лицо. — Боже. Он дует на свой горячий кофе.

Мне не нужно смотреть. Я могу себе это представить.

— Ты работаешь сегодня? — спрашиваю, пытаюсь вернуть ее слюнки на кухню.

— Да! — она поворачивается ко мне. — Дэл и тебя просил?

— Просил, — достаю свои ключи и запираю заднюю дверь, ведущую в переулок.

— Он пытался уговорить меня попросить тебя, но я знаю, что ты не в восторге от ночной работы из-за бабули дома. Ты пойдешь на это?

— Ну, я согласилась, — бросаю на нее уставший взгляд.

На ее серьезном лице появляется улыбка:

— Время закрытия. Не хочешь дать ему знать, что пора уходить?

Глупо, но борюсь с дрожью при мысли о том, чтобы посмотреть на него, и ругаю себя за это.

— Да, я скажу ему, — заявляю со всей уверенностью, которой не чувствую. Расправив плечи, уверенно прохожу мимо Сильвии в зал бистро и резко останавливаюсь, когда вижу — он ушел. Меня охватывают незнакомые чувства, когда я осматриваю пространство: странное ощущение пустоты вперемишку с разочарованием.

— Оо. Куда он ушел? — захныкала позади меня Сильвия.

— Не знаю, — шепчу, медленно подходя к пустому диванчику, поднимаю наполовину пустую чашку кофе и три фунта стерлингов. Убираю салфетку, прилипшую ко дну блюдца, и собираюсь выкинуть ее, но какие-то черные линии привлекают мое внимание, и я быстро разворачиваю ее одной рукой, кладя на стол.

Открываю от изумления рот. Затем начинаю злиться.

***Возможно, самый худший американо, который когда-либо мог осквернить мой рот.
М.***

Возмущенно хмурюсь, комкаю салфетку и бросаю ее в чашку. Высокомерный говнюк. Я очень редко злюсь, и я знаю, это раздражает бабушку и Грегори. Но сейчас я действительно закипаю от злости. Из-за какой-то глупости. Теперь я не уверена: это потому что я не смогла приготовить хороший кофе, когда у меня начало получаться, или потому что идеальный мужчина не оценил его? И вообще, что означает эта *М*?

Избавившись от чашки, блюдца и оскорбительной салфетки, я закрываю бистро вместе с Сильвией. В итоге решаю, что *М* означает *Мудак*.

Глава 2

Дэл пропускает нас через служебный вход отеля, по пути раздавая инструкции, приводит в зону для персонала и убеждается, что мы в курсе типа клиентов.

Кодовое слово: роскошь.

Я могу с этим справиться. Когда я проверяла Нан, она фактически выставила меня за дверь, а следом за мной мои черные конверсы, и отправилась готовиться к игре в лото с Джорджем в местной пенсионерской компашке.

— Не должно быть ни одного пустого бокала у гостей, — бросает Дэл через плечо, показывая нам пространство, — и следите за тем, чтобы посуда оказалась на кухне, была помыта и снова наполнена.

Я слеую за Сильвией, которая идет за Дэлом. На ходу внимательно слушаю и при этом поднимаю свои тяжелые волосы, чтобы завязывать их резинкой. Указания звучат довольно просто, люди вокруг мне по душе, так что вечер может стать забавным.

— Вот, — Дэл останавливается и вручает каждой из нас по серебряному подносу, глядя вниз на мои ноги. — У тебя не нашлось черных балеток?

Проследив за его взглядом, смотрю вниз и слегка приподнимаю носки своих черных кед.

— Они черные, — я поигрываю носками конверсов, размышляя о том, насколько сильнее болели бы ноги, если бы я обула что-то другое.

Он больше ничего не говорит, просто закатывает глаза и ведет нас дальше, пока мы не оказываемся на полной суматохи кухне, где дюжины людей — персонал отеля — кричат и гаркают друг другу принятые заказы. Когда мы продолжаем идти, прижимаюсь ближе к Сильвии.

— Здесь только мы? — спрашиваю у подруги, начиная вдруг чувствовать легкую нервозность. Все эти безумные движения предполагают большое количество гостей.

— Нет, еще будут временные работники, которых он использует. Мы на подхвате.

— Значит, он часто этим занимается?

— Это его главный источник доходов. Не знаю, зачем ему держать бистро.

Задумчиво киваю сама себе.

— А отель не предусматривает банкетного обслуживания?

— Ах, да. Но решение принимают те ребята, которых ты будешь кормить и поить сейчас, и если они хотят Дэла, они получают Дэла. Он довольно известен в этой сфере. Ты обязана попробовать его канапе, — она символично целует кончики своих пальцев, заставляя меня засмеяться.

Мой босс проводит нас в комнату, где расположился временный персонал, и представляет нас другим официантам и официанткам. Все выглядят апатичными и уставшими. Для них это, вероятно, обычная вещь, но не для меня. Я вся в предвкушении.

— Готова? — Сильвия ставит на мой поднос последний бокал шампанского. — Теперь фокус в том, чтобы удержать его на своей ладони. — Она поднимает свой поднос так, что ладонь оказывается снизу, по центру. — Потом подними его на свое плечо, вот так. — Одно плавное движение, и поднос плывет по воздуху и останавливается на ее плече, соприкоснувшиеся бокалы не издают ни звука. Я восхищена.

— Видишь? — поднос плывет вниз от ее плеча, пока снова не оказывается на уровне талии. — Когда предлагаешь что-то, держи его здесь, когда идешь — вот здесь. — Поднос рассекает воздух, останавливаясь идеально над плечом. — Помни: когда двигаешься, будь расслабленной. Не спи. Твоя попытка.

Я беру полный поднос со стойки и размещаю ладонь прямо по центру.

— Он не тяжелый, — замечаю я, удивившись.

— Да, но забудь, когда пустые бокалы начнут заменять полные, он станет еще легче. Так что аккуратнее, когда будешь поднимать его и опускать.

— Ладно, — я перемещаю запястье, с легкостью поднимая поднос к своему плечу. Широко улыбаюсь, снова опуская его.

— Да ты талант! — смеется Сильвия. — Идем.

Водрузив поднос обратно на плечо, я прокручиваюсь на конверсах и направляюсь в сторону звуков болтовни и смеха, которые доносятся из банкетного зала.

На входе в зал мои синие глаза расширяются, глядя на роскошь, вечерние платья и смокинги. Но я не нервничаю. Чувствую себя до глупости увлеченно. Самые разные люди во всей своей красе.

Без каких-либо напутствий от Сильвии, теряюсь в разрастающейся толпе, предлагая содержимое своего подноса группам людей и улыбаясь, вне зависимости от того, благодарят они меня или нет. Большинство нет, но это не портит мой настрой. Я в своей стихии и удивлена этому. Поднос с легкостью скользит вверх и вниз, я без особых усилий лавирую в массе богатства, снова и снова порхаю вперед и назад на кухню, чтобы пополнить свои запасы и вернуться в зал.

— Хорошо справляешься, Ливи, — говорит Дэл, когда я уйду с еще одним подносом, полным бокалов шампанского.

— Спасибо тебе! — напеваю я, готовая с радостью вернуться в свою изнывающую от жажды толпу. Посреди зала встречаю улыбающуюся Сильвию и посылаю ей свою сияющую улыбку. — Шампанского? — спрашиваю, держа поднос, предлагаю напитки группе из шести мужчин средних лет, все они в смокингах и при галстуках-бабочках.

— Аа! Великолепно! — кричит крепкий мужчина, хватая бокал и протягивая его одному из товарищей. Повторяет это действие еще четыре раза, прежде чем взять бокал себе. — Хорошо работаете, молодая леди! — протягивает ко мне свободную руку и опускает ее в мой карман, подмигивая. — Побалуй себя.

— Ооо, нет! — качаю головой. Не хочу брать у мужчины деньги. — Сэр, мне платит мой босс. Вы, правда, не должны. — Пытаюсь достать купюру из кармана и при этом прочно удержать поднос на ладони. — Мы не ждем чаевых.

— Не желаю слышать, — настаивает он, убирая мою руку от кармана. — И это не чаевые. Это плата за удовольствие наблюдать такие красивые глазки.

Я тут же заливаюсь ярким румянцем, не находя, что ответить. Ему, должно быть, шестьдесят, не меньше!

— Сэр, правда, я не могу принять это.

— Чепуха! — отправляет он меня, фыркнув и махнув толстой рукой, прежде чем вернуться к разговору в компании. И что мне теперь делать?

Я изучаю зал, но никак не могу найти Сильвию, да и Дэла нигде не видно, поэтому я быстро выгружаю оставшиеся бокалы и направляюсь обратно на кухню, где нахожу Дэла, подправляющего канале.

— Дэл, кое-кто дал мне это, — кидаю купюру на стойку, чувствуя себя лучше уже от того, что созналась, но выпучиваю глаза, когда вижу что это пятидесятка. Пятьдесят? Чем он думает?

Еще больше поражаюсь, когда Дэл начинает смеяться.

— Ливи, ты неподражаема. Оставь себе.

— Я не могу!

— Можешь. У этих людей денег больше, чем здравого смысла. Прими за комплимент, — он толкает пятидесятку в мою сторону и продолжает готовить крошечные бутерброды.

Чувствую себя несколько не лучше.

— Я только подала ему бокал шампанского, — говорю тихо. — Вряд ли это можно оценить в пятьдесят фунтов стерлингов.

— Нет, нельзя, но, как я уже сказал, это комплимент. Положи это обратно себе в карман и приступай к обслуживанию, — он кивает на мой пустой поднос, напоминая, что нужно работать дальше.

— Да, конечно, — я начинаю действовать, кидая мерзкие чаевые в карман и готовясь избавиться от них позже. По новой наполняю свой поднос, прежде чем отправиться назад в толпу. Избегаю джентльмена, который только что выбросил на ветер пятьдесят фунтов и разворачиваюсь в другую сторону, врезаясь в спину красного сатинового платья. — Шаманское, мадам? — спрашиваю, переводя взгляд на Сильвию. Она снова подбадривает меня, улыбаясь, только мне это не нужно. Я справляюсь.

Мой взгляд возвращается к девушке в сатиновом платье. Черные, блестящие, идеально прямые волосы спадают на ее наглуго спину. Улыбаюсь, когда она поворачивается ко мне, открывая вид на своего собеседника.

Мужчину.

Его.

М.

Не знаю уж, как мне удалось удержать поднос с недавно наполненными шампанским бокалами от падения на пол, но удалось. Не удалось, тем не менее, удержать улыбку на лице. Его рот приоткрывается, глаза снова впиваются в мою кожу, только эмоций на его превосходном лице нет. Его темная щетина исчезла, оставив вместо себя идеальную загорелую кожу. Волосы чуть менее взъерошены и спадают идеальными волнами на кончики ушей.

— Спасибо, — девушка говорит медленно, принимая бокал и занимая мой взгляд у незнакомца. Огромный, сияющий, инкрустированный бриллиантами крест спускается вниз от ее изящной шеи, камни размещаются как раз над грудью. Вне всяких сомнений, они настоящие. — Хочешь? — поворачивается девушка к нему, поднимая бокал.

Он ничего не говорит. Просто забирает бокал из ее наманикюренных рук. Все это время его шокированные синие глаза на мне.

Он ни на что не реагирует, взгляд почти ледяной, только вот внутри меня разгорается что-то незнакомое, когда гляжу на его лицо. Что-то, чего я никогда не испытывала прежде — что-то, что заставляет меня чувствовать себя неуютно и уязвимо...но не испуганно.

Женщина берет себе другой бокал, и я знаю, что самое время уйти, но не могу пошевелиться. Чувствую, что должна улыбнуться, сделать хоть что-то, чтобы выйти из этого зрительного тупика, сейчас это осуществить абсолютно невозможно. Ничто не работает, кроме глаз, а они отказываются оторваться от него.

— Этого достаточно, — замечает женщина резко, заставляя меня подпрыгнуть. Ее изящные черты искажены от негодования, а темные глаза потемнели еще больше. У нее идеальное лицо, даже когда она смотрит со злостью. — Я сказала, этого достаточно. — Она встает между мной и **М.**

М? Прямо здесь и сейчас решаю, что **М** значит «мистика». Ничего не говорю, в конечном счете, водрузив на плечо свой поднос, и медленно разворачиваюсь, ухожу, чувствуя жгучую потребность заглянуть через плечо, потому что знаю, что он по-прежнему смотрит на меня, и мне любопытно, как это возможно с его подругой. Так что я смотрю, все так, как и ожидала — холодный синий взгляд прожигает дыры в моей спине.

— Эй!

Я подпрыгиваю от испуга, поднос падает из моих рук, и я ничего не могу с этим поделать. Бокалы летят, стремясь столкнуться с мраморным полом, шампанское расплескивается, поднос висит в воздухе до тех пор, пока все это не становится общим месивом на полу, заставляя замолкнуть весь зал. Я застываю на месте, как только разбитое стекло начинает звенеть у моих ног, которое, кажется, никогда не уляжется на полу, наконец. Пронзительный, затянувшийся звон прокатывается по тихому пространству вокруг меня. Глаза опущены вниз, тело напряжено, и я знаю — все внимание приковано ко мне.

Только ко мне.

Все смотрят на меня.

И я не знаю, что делать.

— Ливи! — панический голос Сильвии заставляет взметнуться мою отчаявшуюся голову вверх, и я вижу, как она спешит ко мне, взгляд ее карих глаз на мне. — Ты в порядке?

Я киваю и опускаюсь на колени, начиная собирать осколки, вздрагиваю, когда жгучая боль пронзает колено и ткань брюк рвется.

— Дерьмо! — делаю резкий вдох, слезы тут же собираются в уголках глаз: это смесь боли и искреннего стыда. Не люблю любое внимание ко мне, и я хорошо умею избегать его, но от этого мне не избавиться. Я заставила зал, полный сотен людей, стать неестественно тихим. Хочется бежать.

— Не трогай это, Ливи! — Сильвия поднимает меня, быстро осматривая. Она, должно быть, решила, что я вот-вот сломаюсь, потому что меня в ту же секунду утащили на кухню, подальше от людей. — Садись! — Она стучит по стойке, и я подпрыгиваю, все еще борясь со слезами. Она берет за край штанины и поднимает ее до тех пор, пока не открывается рана. — Ауч! — Подруга дотягивается до чистого куска и отходит, глядя на меня. — Я чертовски боюсь крови, Ливи. Это был тот парень из бистро?

— Да, — шепчу я, съежившись при виде идущего к нам Дэла, но он не выглядит раздраженным.

— Ливи, ты в порядке? — он садится на корточки и строит гримасу при виде моей кровоточащей коленки.

— Прости, — шепчу я. — Не знаю, что случилось. — Он, возможно, в порошок меня сотрет из-за такого спектакля.

— Эй, эй, — Дэл выпрямляется, черты узкого лица смягчаются. — Несчастья случаются, милая.

— Я устроила такую трагедию.

— Достаточно, — говорит строго, поворачиваясь к шкафчику и доставая аптечку. — Это не конец света. — Он открывает его и копошится до тех пор, пока не достает оттуда антисептические салфетки. Приходится стиснуть зубы, когда Дэл протирает коленку, которая очень саднит. — Прости, но нужно промыть.

Я задерживаю дыхание на то время, пока он промывает рану, заклеивает ее пластырем и снимает меня со столешницы.

— Нормально? Ходить можешь?

— Конечно, — я сгибаю колено и улыбаюсь в знак благодарности, прежде чем начать собирать новый поднос.

— И что ты вытворяешь? — спрашивает он, нахмурившись.

— Я...

— Оо, нет, — смеется он. — Бог с тобой, Ливи. Иди в туалет и приведи себя в порядок. — Проходя через кухню, Дэл направляется к выходу.

— Но я в порядке, — настаиваю, хотя на самом деле так себя не чувствую. Не из-за пораненной коленки, а потому что я не готова встретиться лицом к лицу со своими зрителями или *М*. Я просто буду все время смотреть вниз, избегая определенного пристального взгляда, и следить за своими движениями, чтобы избежать дальнейших инцидентов.

— Туалет! — командует Дэл, забирая поднос и ставя его на стойку. — Сейчас же. — Он кладет руки мне на плечи и направляет к двери, не давая возможности возразить. — Иди.

Выдавливаю из себя улыбку, несмотря на непроходящее чувство стыда, выхожу из суматошной атмосферы кухни и ступаю в огромный зал, пытаюсь поторопиться, чтобы меня не заметили. Тут я понимаю, что провалилась — из-за острого взгляда синих глаз по коже проходит легкая дрожь. Такое чувство, что я падаю. Ощущаю себя неловкой, глупой и слабой. Но больше всего незащищенной.

Иду по коридору с роскошными коврами до тех пор, пока не оказываюсь в ужасно экстравагантной ванной комнате, каждый сантиметр которой — это кремовый мрамор и блестящее золото. Первое, что я делаю — вытаскиваю из кармана пятьдесят фунтов стерлингов и несколько секунд плююсь на них. Потом я мну их и бросаю в мусорное ведро. Не стану брать деньги у мужчины. Я споласкиваю руки, прежде чем взглянуть на себя в гигантское зеркало с золотой окантовкой, чтобы переплести волосы. В памяти всплывает хищный взгляд сапфировых глаз, и я вздыхаю. Пытливые глаза.

Когда открываются двери, я не обращаю на них внимание и продолжаю заправлять за уши выбившиеся пряди. Кто-то позади меня бросает тень на мое лицо, когда я наклоняюсь к зеркалу. *М*. Выдохнув, я резко отпрыгиваю назад, врезаясь в его тело, настолько твердое и подтянутое, насколько это вообще можно представить.

— Это женский, — выдыхаю, развернувшись, чтобы заглянуть ему в лицо. Пытаюсь увеличить расстояние между нами, но далеко отодвинуться мне не удастся из-за раковины позади. Несмотря на шок, позволяю себе впитать его близость: костюм — тройка, гладко выбритое лицо. Пьянящий коктейль. Все в нем заставляет мое разумное начало потерять контроль.

Он подходит ближе, сокращая и без того маленькое расстояние между нами, а потом удивляет меня, опустившись на колени и аккуратно поднимая мою штанину. Я вжимаюсь в раковину, задержав дыхание, и смотрю, как он нежно проводит большим пальцем по пластырю, скрывающему порез.

— Больно? — спрашивает тихо, поднимая ко мне невероятно синие глаза. Не могу говорить, поэтому качаю головой, едва заметно, и смотрю, как он медленно встает в полный рост. Секунду он думает о чем-то, прежде чем заговорить снова. — Я должен заставлять себя держаться от тебя подальше.

Я не говорю ему, как плохо он справляется с этим. Не могу оторваться от этих губ.

— Почему ты себя заставляешь?

Его рука касается моей, и требуется все мое самообладание, чтобы не задрожать от охватившего в момент его касания жара.

— Потому что ты кажешься милой девушкой, которая заслуживает от мужчины большего, чем лучший перепах в своей жизни.

Меня шокирует, что я не удивляюсь. Вместо этого, чувствую облегчение, даже если он

просто обещает трахнуть меня и ничего больше. Он тоже хочет меня, и это заявление заставляет мои глаза подняться навстречу ему.

— Может, мне хочется этого, — я дразню его, провоцируя, вместо того, чтобы убежать в противоположном направлении.

Он, кажется, погружается в свои мысли, сосредоточившись на мягких прикосновениях кончиков пальцев, бегущих вверх по моей руке.

— Ты хочешь большего.

Он говорит мне, не спрашивает. Я же не знаю, чего хочу. Я никогда не задумывалась о своем будущем, ни о карьерном, ни о личном. Плыву по течению, да и только; но одну вещь я знаю наверняка. Я стою на опасной дорожке, и не потому что этот незнакомец такой прямолинейный, таинственный и слишком потрясающий, а потому, что он сейчас предлагает мне только интрижку на одну ночь. Я не знаю его. Я была бы невообразимой дурой, если бы легла с ним в постель только ради секса. Это против всех моих правил. Только я, кажется, не могу найти причины, чтобы остановиться. Мне должно быть неуютно от того, что он во мне будоражит, но это не так. Первый раз в жизни, я чувствую себя живой. Я запуталась, незнакомые ощущения атакуют мои чувства, и даже больше, незнакомый жар атакует внутреннюю сторону бедер. Я дрожу.

— Как тебя зовут?

— Я не хочу говорить тебе, Ливи.

Прежде чем успеваю спросить, откуда он знает мое имя, вспоминаю крик Сильвии на весь зал. Хочу коснуться *его*, но, как только поднимаю руку, чтобы дотронуться до его груди, он отстраняется слегка, его взгляд впивается в мою плавно поднимающуюся между наших тел руку. Я останавливаюсь на секунду, чтобы посмотреть, отодвинется ли он еще дальше. Не отодвигается. Моя рука опускается, застывая на его пиджаке, двигаемая его резким вдохом, но он не останавливает меня; просто наблюдает за тем, как я осторожно чувствую его торс поверх одежды, восхищаясь твердостью под ней.

Затем его глаза возвращаются к моим, и его голова медленно опускается навстречу мне, его дыхание согревает мое лицо до тех пор, пока я, в конце концов, не закрываю глаза и не тянусь к его губам. Он все ближе. Его запах слышен сильнее, а горячее дыхание обжигает мне лицо.

Но громкая женская болтовня нарушает момент, и меня вдруг прижимают к стене открытой кабинки и толкают внутрь в последнюю секунду. Дверца хлопает, и я оборачиваюсь, прижатая спиной к двери и с его рукой поверх моего рта, наши лица близко друг к другу. Тело тяжелеет, когда мы смотрим друг на друга, слушая, как девушки прихорашиваются у зеркала, поправляя макияж и освежая парфюм. Мысленно ору им, чтобы убегали к дьяволу, и тогда мы могли бы продолжить то, на чем остановились. Я практически почувствовала его губы на своих, отчего мое желание усилилось раз в десять.

Казалось, прошла вечность, но болтовня, в конце концов, стихает. А вот мое тяжелое дыхание нет, даже, когда он открывает воздуху доступ к моему рту, убрав руку.

Его лоб касается моего, глаза зажмурены:

— Ты слишком милая. Я не могу так поступить, — он поднимает меня и убирает от дверного проема, прежде чем поспешно уйти, оставляя меня с глупым багажом затаенных желаний. Я слишком милая? Начинаю злобно смеяться. Снова злюсь, уже сильнее, и готова отыскать его, чтобы сказать, кому решать, чего я хочу. Уж точно не ему.

Я выхожу из кабинки и, прежде чем выйти из ванной комнаты и отправиться на кухню,

быстро проверяю в зеркале лицо и тело, приходя к выводу, что выгляжу измотанной.

Застаю Сильвию на выходе из кухни.

— Вот ты где! Мы уже хотели отправлять поисковую группу, — она спешит ко мне, радостное выражение лица сменяется беспокойным. — Ты в порядке?

— Нормально, — отмахиваюсь я, понимая, что выгляжу так же беспокойно, как и чувствую себя. Я не позволяю Сильвии давить на меня дальше, поэтому хватаю бутылку шампанского и игнорирую пылкий взгляд подруги. Бутылка в моих руках пуста. — Есть еще бутылки? — спрашиваю, опуская ту слишком резко. Меня трясет.

— Да, — отвечает медленно, передавая мне взамен недавно открытую.

— Спасибо, — я улыбаюсь в ответ. Улыбка натянутая, и Сильвия знает это, но я не могу стряхнуть свою печаль или раздражение.

— Ты уверена...

— Сильвия, — я перестаю наливать и делаю глубокий вдох, поворачиваюсь и искренне, но вымученно улыбаюсь. — Честно. Я в порядке.

Она кивает, так и не поверив, но помогает мне наполнить бокалы, а не допытывается дальше.

— Полагаю, тогда мы должны приступить к обслуживанию.

— Должны, — я соглашаюсь, забираю поднос со стойки и опускаю на свое плечо. — Уже иду. — Я оставляю Сильвию и смело встречаю толпу людей, гости меня уже не волнуют так, как раньше. Я и вполтину прежнего не улыбаюсь, предлагая шампанское, и постоянно осматриваю зал в его поисках. Быстро бегаю на кухню так, чтобы вернуться в толпу, ни капли не обращаю внимания на окружающих и рискую показаться полной дурой, натолкнувшись на что-то и снова уронив поднос.

Но мне плевать.

Непонятно почему, мне нужно увидеть его снова...и тогда что-то заставляет меня обернуться, невидимая сила тянет к *нему*.

Он там.

Я замираю на месте, поднос застывает между плечом и кистью руки, а он изучает меня, стакан с темной жидкостью застывает у его рта. Это притягивает мои глаза к его губам — губам, которые я почти попробовала.

Чувства обостряются, когда он поднимает свой стакан и отправляет его содержимое вниз по горлу, прежде чем вытереть рот тыльной стороной ладони и поставить пустой стакан на поднос проходящей мимо Сильвии. Она бросает на него удивленный взгляд, а потом разворачивается, явно глядя на меня. Ее большие карие глаза ненадолго останавливаются на мне, а потом ее заинтригованный взгляд, со смесью легкого беспокойства, начинает метаться между мной и этим сбивающим с толку мужчиной.

Он пялится — действительно пялится, и его собеседница, должно быть, озадачена, так как она поворачивается, следя за его взглядом, пока не видит меня. Она хитро улыбается, поднимая пустой бокал из-под шампанского. Паника наступает.

Сильвия исчезла, оставляя на меня эту девушка. Та покачивает пустым бокалом в воздухе, напоминая мне о цели моего пребывания здесь, и мое любопытство, в купе с плохими манерами, не дает мне проигнорировать ее. Так что я направляюсь к ним — к ней, все также улыбающейся, к нему, который по-прежнему пялится, — до тех пор, пока не оказываюсь перед ними и предлагаю содержимое своего подноса. Ее попытка заставить меня чувствовать себя неловко очевидна, но я слишком заинтригована, чтобы беспокоиться

об этом.

— Можете не торопиться, милая, — мурлычет она, беря бокал и протягивая ему. — Миллер?

— Спасибо, — говорит он тихо, принимая напиток.

Миллер? Его зовут Миллер? Поворачиваю к нему голову, и впервые его губы понимающе растягиваются. Уверена, если он позволит себе, то, возможно, снесет мою крышу своей улыбкой.

— Теперь убирайся, — говорит девушка, поворачиваясь ко мне спиной и, к сожалению, лицом к Миллеру, но ее грубость не уменьшает моего внутреннего восторга. Разворачиваюсь на своих конверсах и ухожу счастливая: теперь знаю его имя. В любом случае, я не оборачиваюсь.

Сильвия набрасывается на меня, словно волк, как только я вхожу на кухню. Так и знала:

— Вот же дерьмо! — я вздрагиваю от ее ругани и ставлю поднос на стол. — Он пялится на тебя, Ливи! И я имею в виду настоящий прожигающий взгляд.

— Знаю, — нужно быть слепой или абсолютно тупой, чтобы не заметить.

— Он с девушкой.

— Да, — я, возможно, и рада узнать его имя, но мне не нравится этот факт. Теперь, когда у меня есть право ревновать. Ревновать? Так вот, что это? Эмоция, которую я никогда прежде не испытывала.

— ООО, я что-то чувствую, — щебечет Сильвия, посмеиваясь и выплывая из кухни.

— Да. Я тоже, — бормочу себе под нос, оборачиваясь, чтобы взглянуть обратно на вход, понимая, что он следит за каждым моим шагом.

Остаток вечера я избегаю его, но определенно точно чувствую на себе взгляд его глаз, пока лавирую в толпе. Ощущаю постоянное притяжение в его направлении и борюсь с собой, чтобы не взглянуть туда, но я горжусь собой за то, что сдерживаюсь. Испытывать незнакомое чувство наслаждения, теряясь в его пристальном взгляде, — я могла бы разрушить это, увидев его с другой девушкой.

Попрощавшись с Дэлом и Сильвией, выхожу через служебный вход на полуночный воздух и направляюсь к метро, предвкушая теплую постель и утреннее ничегонеделанье.

— Она просто партнер по бизнесу, — его бархатный голос позади останавливает меня, лаская кожу, но я не оборачиваюсь. — Знаю, тебе интересно.

— Тебе не нужно объясняться передо мной, — я продолжаю идти, уверенная в своих действиях. Он хочет меня, и, возможно, я не знаток игры в кошки-мышки, но понимаю, что не должна казаться отчаявшейся, даже если, к великому раздражению, таковой себя чувствую. Я благоразумна: я узнаю плохие вещи, когда вижу их, а позади меня стоит человек, который в силах разрушить мою разумность.

Он ловит мою руку, удерживая от побега, и я разворачиваюсь, чтобы заглянуть ему в лицо. Если бы я была достаточно сильной, я бы закрыла глаза так, чтобы не впитывать черты его сильного лица. Но я недостаточно сильная.

— Нет, я не должен объясняться, и все же, стоя здесь, делаю именно это.

— Зачем? — не вырываю руку из его хватки, потому что тепло его прикосновения делает свою работу, согревая сквозь джинсовую куртку продрогшую кожу, распалая кровь. Ничего такого прежде я не чувствовала.

— Ты, в самом деле, не хочешь связываться со мной. — Он и сам, кажется, не верит в

то, что говорит, и, должно быть, издевается над собой, ожидая, что я куплюсь на это. А я хочу. И хочу уйти, стереть из памяти наши встречи и вернуться к стабильности и благоразумности.

— Тогда дай мне уйти, — говорю тихо, встречаясь с глубиной его глаз. Затянувшаяся тишина, оседая и растекаясь между нами, является свидетельством того, что на самом деле он не хочет, но я решаю за него и вырываю руку из его хватки. — Доброй ночи, Миллер. — Отхожу на пару шагов, прежде чем развернуться и уйти оттуда. Это, возможно, одно из самых благоразумных решений, которое я когда-либо принимала, даже если большая часть противящегося сознания хочет, чтобы я следовала этому. Что бы там ни было.

Глава 3

Затянувшееся непривычное чувство после пятничного вечера было прервано Нан в субботу утром, когда она сказала три моих любимых слова: «Давай осмотрим достопримечательности».

Мы побродили по городу, посидели, выпили хороший кофе, снова побродили, перекусили, выпили еще хорошего кофе и снова побродили, в конце концов, ввалившись в дверь поздно вечером в субботу с рыбой и луковым супом из местного магазинчика. В воскресенье я помогаю Нан сшить лоскутное одеяло, которое она делает для солдата из Афганистана. Она без понятия, кто он, но у всех в местной старушечьей компании есть друзья по переписке, и Нан подумала, что будет мило, если она сделает что-нибудь, что будет его согревать... в пустыне.

— У тебя что, солнце спрятано в носках, Ливи? — спрашивает Нан в понедельник, когда я захожу на кухню, готовая к утренней работе.

Я смотрю вниз на свои новые ярко-желтые конверсы и улыбаюсь:

— Тебе они не нравятся?

— Прелестные! — смеется она, ставя на стол мою миску с хлопьями. — Как твоё колено?

Садясь за стол, подгибаю ногу и беру свою ложку:

— Превосходно. Чем сегодня займешься, Нан?

— Мы с Джорджем пойдем на рынок покупать лимоны для твоего пирога, — она берет со стола пакетик чая и кидает в мою кружку вместе с двумя кусочками сахара.

— Нан, я не пью с сахаром! — пытаюсь схватить со стола кружку, но бабулины старые руки работают слишком ловко.

— Тебе нужно поправиться, — настаивает она, наливая чай, и толкает ко мне кружку. — Не спорь со мной, Ливи. А то перекину тебя через колено.

Я улыбаюсь ее угрозе. Она обещает это двадцать четыре года и никогда не выполняет.

— Ты можешь купить лимоны в местном магазинчике, — говорю, как ни в чем не бывало, и кладу в рот ложку, чтобы не ляпнуть чего-то еще. Я могу столько всего наговорить.

— Ты права, — ее старые синие глаза мельком смотрят на меня, прежде чем она начинает пить свой чай. — Но я хочу поехать на рынок, а Джордж сказал, что отвезет меня. Тема закрыта.

Отчаянно пытаюсь сдержать улыбку, но я знаю, когда нужно заткнуться. Старик Джорж так любит Нан, но она, в самом деле, жестковата с ним. Не знаю уж, почему он крутится вокруг, если она с ним ведет себя как босс. Она играет в бессердечность и незаинтересованность, но я знаю, что любовь Джорджа взаимна. Дедули нет семь лет, и

Джордж никогда не сможет заменить его, но такие дружеские отношения полезны для Нан. Потеряв дочь, она впала в глубокую депрессию, а дедушка заботился о Нан, годами страдая в тишине, молча переживая свою потерю и справляясь с горем, пока тело не сдалось. Потом осталась только я — подросток, оставленный все оберегать, с чем я поначалу не очень хорошо справлялась.

Она начинает подкладывать в мою миску еще хлопьев.

— Пойду в клуб, тот, что работает по понедельникам, в шесть, так что меня не будет дома, когда ты вернешься с работы. Сможешь разогреть ужин?

— Конечно, — накрываю рукой миску, чтобы остановить поток хлопьев. — Джордж тоже пойдет?

— Ливи, — сердито предупреждает она.

— Прости, — улыбаюсь, подвергнутая пытке ее сердитых глаз, когда она качает головой, седые пряди выбиваются из-за ушей.

— Очень грустно, раз я выбираюсь в свет чаще, чем моя внучка.

Ее слова убивают мою улыбку. Я на это не подписывалась.

— Мне нужно на работу.

Я встаю и наклоняюсь, чтобы поцеловать ее в щеку, не обращая внимания на вздох.

Выхожу из автобуса и, спеша на работу, петляю между огромным количеством людей на тротуарах: час-пик. Настроение соответствует цвету кроссовок — яркое и солнечное, такое же, как погода.

Пройдя по переулкам Мейфеира, захожу в бистро, уже набитое битком, так же, как это было в прошлый понедельник, когда я начала работать на Дэла. Нет времени, чтобы поболтать с Сильвией или еще раз извиниться перед Дэлом за свое фиаско в пятницу. В меня брошен передник, и я принимаюсь за дело, тут же приступая к уборке пустых кофейных чашек с четырех освободившихся столиков, прежде чем свободные места займут новые посетители. Я улыбаюсь, быстро разнося заказы и еще быстрее убирая со столиков. У меня, действительно, талант к этому «обслуживание с улыбкой» делу.

С приближением пяти часов мои конверсы уже больше не блестят так, как раньше. Ноги болят, мышцы болят и болит голова. Но я все так же улыбаюсь, когда Сильвия, проходя мимо, шлепает меня по заднице.

— Ты здесь только неделю, а я уже не знаю, что бы без тебя делала.

Моя улыбка становится шире, когда я смотрю, как она, толкнув распашные двери, заходит на кухню. Но как только я оборачиваюсь и снова встречаюсь лицом к лицу с ним, улыбка гаснет. Я не являюсь ярой поклонницей теории судьбы в жизни или теории того, что на все есть свои причины. Верю в то, что ты сам хозяин своей судьбы — только твои собственные решения и поступки влияют на ход жизни. Но, к сожалению, чужие решения и поступки тоже влияют на этот ход, и иногда ты бессильна предотвратить это. Может, поэтому я отгородилась от мира — прячусь и отвергаю любого человека, любую возможность или вероятность, которые могут отнять у меня контроль. И я абсолютно счастлива, признавая это. Ничтожные эгоистичные поступки кого-то еще уже слишком сильно затронули мою жизнь. Что меня действительно не радует, так это внезапная неспособность продолжать свою благоразумную стратегию, тогда как, возможно, это самое важное, что следует сделать.

И причина этого бессилия стоит прямо передо мной.

Знакомое чувство участвовавшего сердцебиения должно рассказать мне все, что нужно знать, и оно говорит. Меня тянет к нему — действительно, тянет. Только что он здесь делает? Он возненавидел мой кофе, а я, сделав за целый день бесконечное множество идеального кофе, полагаю, что теперь это может измениться.

Он опять просто пялится на меня. Меня это должно бесить, но я не в том положении, чтобы спрашивать его, какого дьявола он смотрит, потому что сама на него пялюсь. Демонстрирует свое обычное невозмутимое выражение лица. Он вообще умеет улыбаться? Плохие зубы? По его внешнему виду кажется, что у него идеальные зубы. Все, что я вижу идеально, и знаю: все, чего не вижу, тоже. Он снова одет в костюм-тройку, на этот раз темно-синий, что делает его глаза еще ярче. Выглядит так же идеально и дорого, как всегда.

Мне нужно что-то сказать. Это глупо, но именно Сильвия, толкнув меня в спину дверьми кухни, выводит из транса.

— Ой, — восклицает она, хватая мою руку. Подруга изучает мое шокированное лицо, взволнованная тем, что я ничего не отвечаю или не пытаюсь пошевелиться. Потом она переводит взгляд и слегка приоткрывает рот. — Оо, — шепчет, разжимая пальцы, ее взгляд мечется между нами. — Я только...эм...заберу мусор. — Она бросает меня, оставив обслуживать его. Хочу крикнуть ей «вернись», но опять же, язык не слушается, и я убийственно пялюсь.

Он кладет руки на стойку, наклоняясь вперед, из-за чего локон его волос падает на лоб, и это заставляет мои глаза взглянуть на его макушку.

— Ты рассматриваешь меня очень внимательно, — говорит он тихо.

— Ты тоже меня рассматриваешь, — замечаю, обретая дар речи. Он действительно пялится. — У тебя не очень хорошо получается держаться подальше.

Он не обращает внимания на мое замечание.

— Сколько тебе лет? — его взгляд медленно скользит вниз по моему телу, после чего возвращается к глазам. Я не отвечаю, но начинаю хмуриться, когда он выжидающе изгибает бровь. — Я задал тебе вопрос.

— Двадцать четыре, — говорю быстро, тогда как на самом деле хотела сказать ему, чтоб занимался своими делами.

— С кем-нибудь встречаешься?

— Нет, — удивляюсь, охотно отвечая. Всегда ведь заявляю, что встречаюсь с кем-то, когда мужчины проявляют интерес. Такое чувство, как будто я околдована.

Он задумчиво кивает:

— Спросишь, чего бы мне хотелось?

Под этим, надеюсь, он подразумевает, чего бы ему хотелось выпить. Или меня? Он хочет вернуться к тому, на чем мы остановились? Начинаю нервно крутить антикварное сапфировое кольцо на своем пальце, которое дедушка купил для Нан, — очевидный признак того, что я нервничаю. Прошло уже три года с тех пор, как Нан подарила его мне на день рождения, а я постоянно его кручу.

— Чего бы вы хотели? — пятничной самоуверенности, как ни бывало. Я ополоумела.

Пристальный взгляд синих глаз, кажется, стал немного темнее.

— Американо, четыре порции, два кубика сахара, наполовину заправленный.

Током прошибло от досады, это нелепо. Еще смешнее то, что он вернулся сюда после того, как назвал мой кофе самым худшим из всех, что когда-либо пробовал.

— Я думала, тебе не понравился мой кофе.

— Не понравился, — отталкивается от стойки. — Но я хотел бы дать тебе шанс реабилитироваться, Ливи.

Мои щеки вспыхивают.

— Ты не хотела бы попытаться реабилитироваться? — его лицо вполне бесстрастно, абсолютно серьезно.

Мне следует порыться глубоко внутри в поисках той самой плохой косточки, о которой твердит Нан, и сказать ему, куда идти, только я не очень-то стараюсь найти.

— Ладно, — говорю вместо этого, оборачиваюсь к злополучной кофе-машине, уверенная, что она меня подведет. Я бы, несомненно, выполнила свою работу куда лучше, если бы не находилась под столь пристальным вниманием.

Мысленно помолившись кофейному богу, начинаю с первой порции, усердно пытаюсь выровнять обрывистое дыхание. Делаю все медленно и аккуратно, не заботясь о том, что это может занять у меня целую ночь. Глупо, но я хочу, чтобы на этот раз ему понравилось.

Боковым зрением вижу, как из распашных дверей выглядывает голова Сильвии, и знаю, что она отчаянно хочет узнать, что происходит. Чувствую ее улыбку, даже если мне ее не видно. Хочу, чтобы она вышла и нарушила эту неловкую тишину, дав мне повод заговорить о чем-то комфортном, но, в то же время, не хочу этого. Хочу быть с ним наедине. Меня тянет к нему, и я абсолютно ничего не могу с этим поделать.

Закончив, надежно закрываю крышку на чашке на вынос, прежде чем отдать ему. Он снова сидит, и я тут же понимаю свою ошибку. Он еще даже не попробовал кофе, а я уже провалилась.

Взгляд его синих глаз останавливается на картонной чашке, но я начинаю говорить раньше, чем он:

— Вам в обычную чашку?

— Возьму на вынос, — поднимает на меня глаза. — Может, так вкуснее. — Он не улыбается, но у меня такое чувство, как будто хочет.

Иду осторожно, хотя с крышкой риск пролить минимальный, и протягиваю ему кружку:

— Надеюсь, вам понравится.

— Я тоже, — говорит он, взглядом указывая на диванчик напротив. — Составь мне компанию. — Он снимает крышку и медленно сдувает с кофе пар, его и без того привлекательные губы сейчас как будто манят меня. Все, что он делает ртом, медленно — начиная с разговора и заканчивая сдуванием пара. Все настолько неторопливо, я даже начинаю задумываться, будет ли что-то еще. За его красотой, разве что, высокомерие. Вслед ему, должно быть, оборачиваются, где бы он ни был.

Брови взметнулись, и он снова указывает на диванчик напротив. Мои ноги по собственному желанию двигаются вперед, чтобы присесть.

— Как кофе? — спрашиваю я.

Он делает медленный глоток своего американо, и я понимаю, что напряглась, ожидая, что сейчас он его выплюнет. Но он не делает этого. Кивает в подтверждение и делает еще глоток, поэтому я расслабляюсь, глупо успокаиваясь от того, что он не кажется недовольным. Его глаза поднимаются.

— Ты, должно быть, заметила, что я тоже к тебе равнодушен.

— Тоже? — задаю вопрос с легким замешательством.

— Довольно очевидно, что ты ко мне равнодушна.

Какое наглое замечание.

— Полагаю, много женщин должны быть неравнодушны к тебе, — парирую я. — Ты всех их приглашаешь на чашку кофе.

— Нет, только тебя, — он наклоняется ближе, и пристальный взгляд его проникновенных глаз практически лишает меня возможности дышать. Я никогда не была предметом такого напряженного внимания. Это слишком.

Ярываю зрительный контакт и смотрю в сторону, но потом кое-что вспоминаю и заставляю себя встретиться с его взглядом.

— Кто была та девушка на вечеринке? — ни капли не стесняюсь задать этот вопрос. Он первый начал, спросив о моих отношениях, так что я имею право знать. Девушка казалась слишком бесцеремонной, чтобы быть деловым партнером. Я не затаила дыхание, но все еще надеюсь, что он один. Глупо думать, что этот мужчина свободен, и так же глупо то, что я хочу его — хочу, чтобы он был доступным... для меня.

— Бизнес, — он отвечает, внимательно меня разглядывая, его спокойный тон обжигает кожу.

— Ты один? — спрашиваю, так как хочу полной ясности, только не знаю для чего. На самом деле, мне интересно, что задумало мое подсознание, потому что я понятия не имею... не то, чтобы меня это заботило, хотя это должно меня волновать.

— Один.

— Ладно, — это все, что я говорю, по-прежнему глядя на него и тихо радуясь. Теперь я хочу узнать, сколько ему лет. Он кажется старше, а его наивысшего качества одежда так и кричит о деньгах каждый раз, когда я его вижу.

— Ладно, — говорит он в ответ, делая еще один медленный глоток кофе, когда я смотрю на него. Он — как гигантская сила, манящая меня... куда-то. — Мне понравился кофе, — говорит он, ставя чашку на стол и сминая ее перед тем, как не спеша подняться с диванчика. Мой взгляд следует за ним, пока я не начинаю себе казаться крохотной под его сильным, пристальным взглядом синих глаз, глядящих вниз на меня.

— Ты уходишь? — выпаливаю от легкого шока. Для чего все это было? Какова его цель? Он, недовольно вздрогнув, протягивает мне руку:

— Было приятно увидеть тебя.

— Мы уже виделись, — замечаю я. — Ты почти поцеловал меня, а потом ушел.

Его рука едва опускается от моих резких слов, но потом он снова ее протягивает.

— А потом ты ушла от меня.

Так это игра? Он недоволен тем, что я осмелилась уйти, и теперь отплатил мне, оставив за собой последнее слово? Его рука стала ближе, и я отодвинулась, боясь коснуться ее.

— Думаешь, будут искры? — тихо спрашивает он.

Мои глаза распахиваются. Знаю, что искры будут, потому что уже их чувствую. Его насмешливые замечания каким-то образом придают мне храбрости, и моя маленькая рука поднимается, чтобы встретиться с его рукой. И вот снова они. Искры. Нет электрических разрядов на все быстро, которые заставили бы нас обоих выдохнуть и отпрыгнуть в шоке друг от друга, но есть что-то другое, и вместо внешнего огня, оно бьет изнутри, расходясь по всему телу, заставляя сердце биться быстрее и губы приоткрыться. Я не хочу позволять ему уйти, но он напрягает свою ладонь, подсказывая отпустить руку.

А потом он разворачивается и уходит, ни слова больше, ни жеста, которые могли бы дать понять, что он тоже что-то почувствовал. Почувствовал? Что это было? Кто он? Поднимаю ладони к щекам и лихорадочно тру их, пытаюсь втереть в себя хоть сколько-

нибудь разумности. Я слишком заинтригована им, и никакие прогулки и подстегивания бабушки не смогут отвлечь меня от любопытных мыслей, ни после этого контакта, ни после предшествующего разговора. Я оказалась на незнакомой территории — опасной территории. После стольких лет бегства от всех мужчин, даже самых порядочных, я оказалась близка к тому, кого определенно лучше избегать.

И все же это притяжение — очень сильное притяжение.

Я погружена в мечты всю неделю. Каждый раз, когда открываются двери бистро, я выискиваю его. Но он ни разу не появился. Дюжина мужчин за последние четыре дня спрашивали мое имя, номер или же говорили мне, какие у меня потрясающие глаза. И каждый раз я хотела, чтобы это был Миллер.

Была занята приготовлением одного идеального кофе за другим, и даже обслужила еще один шикарный прием для Дэла во вторник в надежде, что он там будет. Не был.

Я всегда старалась сделать свою жизнь простой, но сейчас жажду осложнения — высокого, темноволосого, таинственного осложнения.

Сегодня суббота, и Грегори развлекает меня, таская меня за собой по Ройал Парку. Знает, что меня что-то гложет. Он подбрасывает охапку листьев, когда мы бредем по центру Грин Парка, к Букингемскому Дворцу. Хочет спросить, и я знаю, что дольше он не выдержит. Он все время болтает, в то время, как я отвечаю односложно. Больше мне это с рук не сойдет. Возможно, я могла бы собраться и притвориться, что все хорошо, но не думаю, что хочу этого. Скорее хочу, чтобы Грегори надавил на меня, и я могла бы поделиться с ним историей о Миллере.

— Я кое-кого встретила, — слова вылетают изо рта, разрушая комфортную тишину между нами. Он выглядит шокированным, и это нормально, потому что я тоже в некоторой степени шокирована.

— Кого? — спрашивает он, заставляя меня остановиться.

— Не знаю, — пожимаю плечами и, опустившись на траву, начинаю перебирать листья. — Он появлялся в бистро пару раз и на благотворительном вечере, который я обслуживала.

Грегори присоединяется ко мне, на приветливом лице широкая улыбка.

— Оливию Тейлор впечатлил мужчина?

— Да, Оливию Тейлор абсолютно точно впечатлил мужчина, — такое облегчение разделить эту ношу. — Не могу перестать о нем думать.

— Ура, — Грегори возводит руки к небу. — Он горячий?

— До глупого, — улыбаюсь. — У него самые потрясающие глаза. Синие, как небо.

— Я хочу знать все, — заявляет Грегори.

— Нечего больше рассказывать.

— Ну, что он говорил?

— Он спросил, не встречаюсь ли я с кем-то, — стараюсь, чтобы голос звучал небрежно, только я знаю, к чему все идет.

Его глаза расширяются, когда он наклоняется вперед:

— И ты сказала?

— «Нет».

— Свершилось! — воспекает он. — Спасибо гребаный Боже, наконец, свершилось!

— Грегори! — отчитываю его, но сама не могу сдержаться и тоже начинаю смеяться.

Он прав: это случилось, и случилось жестоко.

— Ох, Ливи, — он выпрямляется, став абсолютно серьезным. — Ты даже не представляешь, как долго я этого ждал. Я должен его увидеть.

Я усмехаюсь, перекидывая волосы на одно плечо.

— Ну, это вряд ли. Он внезапно появляется и еще быстрее исчезает.

— Сколько лет? — волнение на лице Грегори не идет в сравнение ни с чем, что я когда-либо видела. Я ошастливила его день — возможно, месяц или даже год. Он неустанно пытался затащить меня в бары, соглашаясь даже на традиционные, если это значило, что я пойду за ним. Грегори присутствует в моей жизни восемь лет, только восемь, хотя это может показаться вечностью. Парень «очаровашка» в школе, все девчонки вились вокруг него, и он всех их приглашал на свидания, только у него был маленький секрет — секрет, который, раскрывшись, сделал его изгоем. Классный парень оказался геем. Такой же, как восемьдесят процентов геев, как всегда утверждал Грегори. Тот день, когда я нашла его за велосипедной стоянкой, избитого одноклассниками по колледжу, положил начало нашей дружбе.

— Думаю, что-то около тридцати, но выглядит он старше. Знаешь, очень солидным. Он всегда носит дорогие костюмы.

— Идеально, — потирает руки. — Имя?

— *М*, — говорю тихо.

— *М*? — лицо Грегори складывается в недовольную гримасу. — Кто он? Босс Джеймса Бонда?

Я взрываюсь от смеха, пока мой друг смотрит и ждет подтверждения того, что у объекта моего вожделения за буквой алфавита есть имя.

— Он подписался *М*.

— Подписался? — его замешательство увеличивается так же, как и мрачный вид. Не уверена, что стоит рассказывать эту часть.

— Ему не понравился мой кофе, и он решил дать мне это знать, написав на салфетке. Подписал ее *М*. Но я уже выяснила, что его зовут Миллер.

— Уфф, сексуальный. Но наглец! — он удивлен, выказывая знакомую реакцию на то, что я сказала, но потом его лицо вытягивается. — И как ты себя почувствовала?

— Некомпетентной, — произношу слово, не подумав, и на этом не останавливаюсь. — Глупой, злой, раздраженной.

Теперь Грегори улыбается:

— Он вызывает реакцию? — спрашивает. — Ты немного рассердилась?

— Да! — выдыхаю, абсолютно выйдя из себя. — Я на самом деле взбесилась.

— О мой Бог! Я уже люблю его, — он встает и протягивает руки, чтобы поднять меня. — Клянусь, ты его зацепила. Как и большинство мужчин на планете Земля.

Я позволяю другу поднять себя на ноги.

— Неправда, — вздыхаю, задумываясь над словами, которыми мы обменивались, над одной фразой особенно: «*Я тоже совсем равнодушен к тебе*».

Равнодушие равняется притяжению?

— Поверь, так и есть.

Мне вдруг до боли захотелось сказать и увидеть, что на это скажет Грегори:

— Я была в миллиметре от его губ.

Грегори резко выдыхает:

— Что ты имеешь в виду? — его спина выпрямляется, и он смотрит на меня,

сощурившись. — Ты струсилась?

— Нет, это я была слишком требовательна, — мне даже не стыдно. — Он сказал, что не может, и оставил меня в женском туалете чувствовать себя безнадежной идиоткой.

— Ты злилась?

— Бешено.

— Да! — он хлопает в ладоши и прижимает меня к груди. — Это хорошо. Рассказывай дальше.

Я выкладываю все — про разлившееся шампанское, «партнера» Миллера, про то, как он подошел ко мне после всего, чтобы отпугнуть.

Когда я заканчиваю, Грегори задумчиво напевает. Это не та реакция, которую я ожидала или которую хотела.

— Он игрок. Неподходящий для тебя мужчина, Ливи. Забудь о нем.

Я в шоке! Мой укоризненный взгляд говорит ему об этом.

— Забыть? Ты спятил? То, как он смотрит на меня, Грегори, заставляет меня хотеть, чтобы на меня всегда вот так смотрели, — ненадолго останавливаюсь. — Чтобы он так смотрел.

— Ох, дорогая, маленькая девочка.

Я вздыхаю:

— Знаю.

— Отвлекаемся, — заявляет он, смотря вниз на мои оранжевые конверсы. — Какого цвета купим сегодня?

Мои глаза загораются:

— Я видела одни небесно-голубые на Карнаби — стрит.

— Небесно-голубые, да? — он обнимает меня за плечи, и мы идем к станции метро. — Ты только подумай.

Глава 4

Мы с Сильвией последними выходим из бистро. Пока она запирает дверь, я захожу в подворотню, чтобы выбросить мусор в контейнер.

— Сегодня я буду долго отмокать в ванной, — говорит Сильвия, взяв меня под руку, когда мы идем по улице. — Со свечами.

— Никуда не пойдешь? — спрашиваю я.

— Неа. Понедельники — полный отстой, но вечера среды — просто бомба. Тебе стоит пойти, — карие глаза многообещающе вспыхивают, но тут же гаснут, как только подруга видит, как я качаю головой. — Почему нет?

— Я не пью, — мы переходим улицу, лавируя в потоке машин вечернего час пика, вызывая нескончаемый поток сигналов за то, что игнорируем пешеходные переходы.

— Да пошли вы! — кричит Сильвия так, что на нас обращаются миллионы взглядов.

— Сильвия! — я пристыженно отдергиваю ее от края дороги.

Она только смеется и показывает водителям средний палец.

— Почему ты не пьешь?

— Потому что не доверяю себе, — слова срываются с губ, шокируя меня и точно так же шокируя Сильвию, удивленный взгляд карих глаза обращается ко мне...а потом она улыбается:

— Думаю, мне бы понравилась пьяная Ливи.

Я несогласно фыркаю.

— Это моя, — я направляюсь к автобусной остановке, выходя на дорогу и готовясь снова её перейти.

— Увидимся завтра, — подруга тянется ко мне, чтобы чмокнуть в щеку, и мы обе подпрыгиваем, когда нам снова сигналист машина. Я игнорирую нетерпеливого придурка, а вот Сильвия нет.

— Какого хрена! Что не так с этими людьми? — кричит она. — Мы даже не на пути твоего вычурного AMG, ты, пижон на Мерседесе! — Она начинает подходить к машине, но тут окно со стороны пассажира начинает опускаться. Чую, назревает скандал. Сильвия наклоняется к машине. — Научись, блин, во... — она прерывает свой гневный поток, выпрямляется и отодвигается от черного Мерседеса.

В замешательстве наклоняюсь, чтобы выяснить причину такого её поведения, сердце пропускает слишком много ударов, когда я вижу водителя.

— Ливи, — голос Сильвии едва слышен в сумасшедшем потоке машин и шуме их гудков. Она отходит с проезжей части. — Мне кажется, он сигналист тебе.

Я всё ещё немного наклоняюсь, когда перевожу взгляд с Сильвии на машину, в которой свободно сидит *он*, расслабленный, одна рука небрежно лежит на руле.

— Садись, — кратко распоряжается он.

Знаю, что сяду в эту машину, поэтому не понимаю, зачем смотрю на Сильвию в ожидании того, что она скажет. Она качает головой.

— Ливи, не надо. Ты его не знаешь.

Я выпрямляюсь, открываю рот, собираюсь заговорить, только слов нет. Она права, и я разрываюсь, мои глаза мечутся между машиной и новой подругой. Я не беззаботная или глупая — не была таковой очень долгое время — несмотря на это, каждая мысль, мелькающая в голове прямо сейчас, говорит мне сесть в машину. Я не знаю, как долго стою там, размышляя, но отвлекаюсь, когда дверца со стороны водителя Мерседеса распахивается, и он, обойдя машину, берет меня под локоть и открывает пассажирскую дверцу.

— Эй, — Сильвия пытается отговорить меня. — И как ты думаешь, какого хрена ты творишь?

Он подталкивает меня к сиденью, после чего оборачивается к застывшей на месте Сильвии.

— Я просто поговорю с ней, — он достает из внутреннего кармана ручку и листок бумаги, царапает на том что-то, прежде чем отдать его Сильвии. — Это я. Набери номер.

— Что? — Сильвия вырывает листок у него из рук и пробегает по нему глазами.

— Набери номер.

Бросив на него укоризненный взгляд, она достает из сумки свой телефон и набирает. Начинает играть громкая мелодия, и он, достав из внутреннего кармана свой iPhone, протягивает мне.

— У неё мой телефон, набери, и она ответит.

— Я могла бы позвонить ей, — заявляет Сильвия, прекращая звонить. — И что это, черт возьми, доказывает? Ты мог бы забрать его у неё в ту же секунду, как бросишь.

— Тогда, полагаю, тебе придется поверить мне на слово, — он хлопает дверцей и обходит машину, оставив Сильвию стоять на тротуаре, разинув рот.

Мне бы стоило выпрыгнуть, но я не делаю этого. Я должна протестовать и ругаться, но и этого я не делаю. Вместо этого я смотрю на свою подругу на тротуаре и держу iPhone,

который мне только что дал Миллер. Она права: это ничего не доказывает, но ничто не останавливает меня на пути к чему-то невероятно глупому. В любом случае, я не боюсь его. Он не причинит мне вреда, разве что только моему сердцу.

Еще больше машин начинают сигналить вокруг нас, когда он садится в машину, поспешно отъезжая от обочины, не сказав при этом ни слова. Я не нервничаю. Меня практически похитили посреди оживленной улицы Лондона, а у меня даже желудок в приступе паники не скручивается. Хотя кое-что меня всё же волнует. Незаметно бросаю на него взгляд — ничего, кроме темного костюма и великолепного профиля. В закрытом пространстве салона между нами тихо, и всё же кто-то говорит, и это не я или Миллер. Это желание. И оно говорит мне, что я стою на пороге переживаний, которые изменят мою жизнь. Я хочу знать, куда он меня везет, хочу знать, о чем он собирается говорить, но мое желание не подталкивает меня к вопросам, а *М.* не выглядит так, как будто собирается выкладывать все прямо сейчас, поэтому я расслабленно откидываюсь на спинку мягкого кожаного сиденья и остаюсь тихой. Стерео начинает работать, и я вдруг с интересом вслушиваюсь в песню «Boulevard of Broken Dreams»² группы Green Day, трек, который я никогда не ассоциировала с этим таинственным мужчиной.

Мы находимся в машине долгие полчаса, останавливаясь и проталкиваясь в пробках, до тех пор, пока он не въезжает на подземную автостоянку. Он, кажется, сосредоточенно о чем-то думает, выключая двигатель, несколько раз касается руля, прежде чем выйти из машины и подойти к ней с моей стороны. Открыв дверцу, он находит мои глаза. Я вижу уверенность в его глазах, когда он протягивает мне ладонь.

— Дай мне свою руку.

Отвечаю на автомате, рука поднимается, встречаясь с его, когда я вылезая из машины, впитывая знакомое ощущение внутренних искр, разрывающих меня. С каждым его новым прикосновением эти ощущения становятся все более невероятными.

— Вот и снова они, — шепчет он, переместив руку, чтобы удобнее держать меня. Он это тоже чувствует. — Дай мне свою сумку.

Тут же отдаю ему сумку, непроизвольно, даже не задумываясь. Я на автопилоте.

— Мой телефон у тебя? — спрашивает, слегка хлопнув дверцей машины, закрывая её и подталкивает меня к лестничной клетке.

— Да.

— Позвони своей подруге и скажи, что ты в моем доме, — проходит через дверь. — И позвони кому-нибудь, кто, возможно, будет беспокоиться.

Ничего не могу поделать, просто иду за ним, медленно поднимающимся по лестнице. Он по-прежнему сжимает мою руку и позволяет сделать звонки, о которых просил.

— Мне лучше использовать свой телефон, — говорю, копаясь в его iPhone. Моя сведущая бабуля сразу увидит незнакомый номер на определителе и начнет задавать вопросы — вопросы, на которые я не хочу отвечать или даже не знаю как.

— Твое право, — небрежно пожимает плечами, продолжая тянуть меня за собой. Когда мы проходим третий этаж, ноги начинают болеть, и я делаю глубокий вдох в попытке затолкнуть немного воздуха в свои уставшие легкие.

— Который этаж твой? — спрашиваю, немного запыхавшись, пристыженная своей физической подготовкой. Я много хожу, но не преодолеваю так много ступенек обычно.

— Десятый, — как ни в чем не бывало бросает он через плечо. Ещё шесть этажей? Из легких вылетает весь воздух, а ноги замирают.

— Здесь нет лифтов?

— Есть.

— Тогда почему... — я делаю только вдох и выдох, когда он подхватывает меня и несет наверх. У меня нет выбора, поэтому я цепляюсь за его плечи, все ощущается слишком правильно, нос и глаза впитывают его близость.

Когда мы оказываемся на десятом этаже, он плечом открывает дверь, входя в пустой холл, ставит меня на ноги и вставляет ключ в замочную скважину черной глянцевой двери.

— После тебя, — он отходит в сторону и жестом приглашает войти, что я и делаю — без мыслей, протестов или вопросов, зачем он меня сюда привел.

Его рука оказывается на моей шее, теплая и подбадривающая, когда я прохожу по коридору, огибаю огромный круглый стол. Коридор переходит в просторное, заполненное мрамором пространство со сводчатыми потолками и поразительными произведениями искусства повсюду, где изображена лондонская архитектура. И вовсе не грандиозность квартиры или море кремового мрамора привели меня в восторг. Эти картины — их шесть, каждая в определенном пространстве там, куда больше всего подходит. Они не обычные или традиционные; они абстрактны, заставляют присматриваться, чтобы понять, что это. Но мне слишком хорошо знакомы эти здания и памятники, и, куда бы я ни посмотрела, я их все узнаю — не нужно присматриваться.

Я осторожно иду к самому большому из виданных мной кожаному дивану кремового цвета.

— Садись, — он подталкивает меня вниз, а сумку ставит рядом. — Звони своей подруге, — он оставляет меня искать свой телефон и, подойдя к широкому шкафчику из красно-коричневого дерева, достает высокий стакан и наполняет его темной жидкостью.

Я набираю Сильвию, и спустя всего один гудок в уши врезается её сердитый голос.

— Ливи?

— Это я, — говорю тихо, наблюдая за тем, как он, развернувшись, прислоняется к шкафу и медленно делает глоток.

— Где ты? — звучит так, как будто она идет. Дыхание неровное.

— У него. Я в порядке, — неловко объясняюсь, в то время, как он внимательно смотрит, мне некуда сбежать от его пристального взгляда.

— Кем, блин, он себя возомнил? — недоверчиво спрашивает она. — Ты так сглупила Ливи. О чем ты думала?

— Не знаю, — я отвечаю честно, потому что правда не знаю. Я позволила ему забрать себя, запихнуть в машину и привезти в незнакомую квартиру. Я, на самом деле, такая глупая, но даже сейчас, слушая крики и ругань своей подруги в трубке телефона, пока он смотрит равнодушно, я не боюсь.

— Боже, — шипит она. — Что ты делаешь? Что он говорит? Чего хочет?

— Я не знаю, — гляжу, как смотрит он, когда делает еще один глоток своего напитка.

— Ты вообще ни черта не знаешь, разве нет? — она взрывается, начиная тяжело дышать.

— Нет, — признаюсь. — Позвоню тебе, когда буду дома.

— Лучше бы тебе так и поступить, — её тон пугает. — Если ты не перезвонишь к полуночи, я позвоню в полицию. Я записала его номера.

Улыбаюсь сама себе, благодарная за её заботу, но глубоко внутри знаю, что это не понадобится. Он не сделает мне больно.

— Я позвоню, — уверяю её.

— Уж будь добра, — Сильвия всё ещё волнуется. — И будь осторожна, — уже мягче добавляет она.

— Ладно, — я отсоединяюсь и сразу же набираю бабулю, торопясь покончить с этим и выяснить, зачем он меня сюда привел. Бабушке не нужно многое объяснять. Она обрадовалась, как я и думала, когда узнала, что я собираюсь выпить кофе с друзьями с работы.

Закончив, кладу свой и его телефоны на широкий журнальный столик из стекла прямо перед собой, затем начинаю крутить кольцо, пытаюсь придумать, что сказать. Мы просто смотрим друг на друга. Он, постоянно отпивая жидкость, я, теряясь под пристальным взглядом.

— Хочешь выпить? — спрашивает он. — Вино, бренди?

Качаю головой:

— Водки?

— Нет, — алкоголь слабость, о которой ему не стоит знать, к тому же, не думаю, что мне нужен алкоголь, чтобы совершить безрассудный поступок рядом с этим мужчиной. — Почему я здесь? — задаю, наконец, ключевой вопрос. Предполагаю, что знаю ответ, но хочу услышать от него эти слова.

Он задумчиво касается пальцами кромки стакана, отталкивается от шкафа, медленно приближаясь ко мне. Расстегивает пуговицу пиджака, садится на столик напротив меня и, разрывая наш зрительный контакт, ставит свой стакан, отодвигая его и наши телефоны. Сердцебиение учащается еще больше, когда он, взглянув на меня, берет под колени и подтягивает на край дивана так, что наши лица оказываются в паре дюймов друг от друга. Он ничего не говорит, так же, как и я. Наше дыхание, соединяясь между нашими лицами, говорит все, что должно быть сказано. Нас обоих разрывает желание.

Его лицо приближается, тот самый локон падает на лоб, но *М.* не касается моих губ. Он замирает у моей щеки, тяжело дыша, почти касаясь моего уха. Мое лицо непроизвольно тянется к нему, внизу живота появляется приятное томление.

— Не могу перестать думать о тебе, — шепчет он, крепче сжимая мои колени. — Я стараюсь, как никогда, но вижу тебя везде, куда бы ни посмотрел.

Я делаю глубокий вдох, руки поднимаются и тонут в его густых прядях. Перебираю их пальцами, закрыв глаза.

— Ты сказал, что не можешь быть со мной, — напоминаю ему, глупо это или нет. Я не должна обращать внимание на его сопротивление, потому что, если он сейчас отгородится, я, кажется, сойду с ума.

— Всё ещё не могу, — его лицо скользит вдоль моего, пока он не прижимается своим идеальным лбом к моему растерянному лицу. Он не мог привести меня сюда просто для того, чтобы повторить эти свои слова. Он не может держать меня вот так, говорить такое, а потом ничего не делать.

— Я не понимаю, — шепчу, молясь всем богам, чтобы он не останавливал все это.

Его лоб осторожно прижимается к моему:

— У меня есть предложение, — он, должно быть, почувствовал мое смятение, потому что отстранился, изучая мое лицо. Сделав глубокий вдох, беру себя в руки. — Всё, что я могу предложить тебе — это одна ночь.

Мне не нужно спрашивать, о чем он говорит. Ноющая боль в животе сказала всё за него.

— Почему?

— Мне чужды эмоции, Ливи, — потянувшись к моей щеке, подушечкой большого пальца вырисовывает круги на моем виске. — Но я очень хочу тебя.

— Ты хочешь меня на одну ночь и больше ничего? — спрашиваю, ноющая боль теперь превратилась в настоящую. Только одна ночь? Хотя для меня непростительно думать о большем. Лучший секс в моей жизни. Так он сказал. Ничего больше.

— Одна ночь, — подтверждает он. — И я молю, чтобы ты дала мне её.

Я потерялась в его синих глазах, отчаянно надеюсь, что он скажет что-то ещё — что-нибудь, что заставит меня почувствовать себя лучше, потому что прямо сейчас я чувствую себя обманутой, и это отвратительно. Я едва его знаю, но мысль позволить себе одну ночь с этим мужчиной изматывает душу.

— Не думаю, что могу, — мой взгляд падает так же, как сердце. — Не очень честно просить меня об этом.

— Я никогда не говорил, что честный, Ливи, — он хватается меня за подбородок, заставляя взглянуть на него. — Я что-то увидел и хочу этого. Обычно я беру то, что хочу, но сейчас позволю тебе выбрать.

— Зачем мне это? — я спрашиваю. — Что получу я?

— Я буду боготворить тебя двадцать четыре часа, — его губы приоткрываются, и он проводит языком по полной нижней губе, как будто пытаюсь показать, на что будут похожи эти двадцать четыре часа. Он зря растрачивается. Я прекрасно представляю себе, на что будут похожи эти двадцать четыре часа.

— Ты сказал, что можешь предложить мне только ночь.

— Двадцать четыре часа, Ливи.

Я хочу сказать да, но голова начинает качаться, моя принципиальность хочет другого. Если я свяжусь с каким-то парнем, это не должно быть вот так. Всё, что я делала, чтобы не идти по стопам своей матери, будет разрушено, если я сделаю это, а я не могу позволить себе вот так сдаться.

— Прости. Я не могу, — я не должна извиняться за свой отказ на его непомерную просьбу, но я прошу прощения. Я хочу, чтобы он боготворил меня, но не ценой предстоящей печали, которая обязательно будет со мной после этой ночи. Я уже чувствую, что не справляюсь, а ведь он даже не поцеловал меня.

Он заметно сугулится и отстраняется, полностью разрывая контакт между нами. Я чувствую пустоту, которая должна только укрепить мое решение отказать ему. Одной ночи никогда не будет достаточно.

— Я разочарован, — вздыхает он. — Но уважаю твоё решение.

А я разочарована тем, что он уважает мое решение. Хочу, чтобы он боролся сильнее, убеждая меня сказать да. Я не соображаю, когда говорю:

— Я ничего о тебе не знаю.

Он поднимает свой стакан и делает глоток, пригвоздив мой взгляд к своим губам.

— Если бы ты знала больше, передумала бы?

— Не знаю, — я расстроена и раздражена — раздражена тем, в какое положение он меня поставил. Решение должно быть легким: отказ на такое предложение незнакомца, но чем дольше я нахожусь с ним, даже если это странно и нереально, тем сильнее я хочу взять свой ответ назад и согласиться на предложенные двадцать четыре часа.

— Ну, теперь ты знаешь мое имя, — его губы изгибаются немного, но это ни разу нельзя назвать улыбкой.

— Это всё, что я знаю, — парирую я. — Я не знаю твоей фамилии, сколько тебе лет или где ты работаешь.

— И тебе нужно знать всё это, чтобы провести со мной ночь? — его темные брови поднимаются, губы изгибаются чуть сильнее. Если бы он просто искренне улыбнулся, я бы уже почувствовала, что знаю его лучше. Но должна ли я очаровываться им еще больше, если это значит, что меня будет тянуть ещё сильнее?

Я не знаю, поэтому неопределенно пожимаю плечами и роняю голову, волосы падают на колени.

— Меня зовут Миллер Харт, — начинает он, притягивая к себе мой взгляд. — Мне двадцать девять...

— Прекрати! — поднимаю руки, останавливая его поток. — Не рассказывай. Я не должна знать.

Он наклоняет голову, немного удивленный, хотя по-прежнему отказывается это показывать.

— Не должна или не хочешь?

— И то, и другое, — резко фыркаю, чувствуя, как редкое для меня чувство злости закипает внутри. Он заставлял меня сердиться еще до того, как предположил что-то отвратительное, но сейчас я действительно чувствую это. Я встаю, заставляя его немного отодвинуться и взглянуть вверх на меня. — Спасибо за предложение, но мой ответ нет. — Беру свою сумку, телефон и направляюсь к двери, но успеваю дойти только до конца дивана, прежде чем он осторожно хватает меня и прижимает к стене, сумка падает на мрамор, глаза зажмуриваются.

Его подбородок на моем плече, рот у самого уха:

— Ты не кажешься уверенной, — шепчет, поднимая колено между моих бедер и раздвигая их.

— Нет, — признаюсь я, коря себя за слабость. Его тело, прижатое к моему, чувствуется слишком правильно, тогда как я отчаянно хочу, чтобы всё казалось мне ошибкой. Всё говорит о том, что это неправильно, но от сумасшедшей правильности становится трудно игнорировать предостерегающие знаки.

— Именно поэтому я не отпущу тебя, пока не согласишься. Ты хочешь меня, — он разворачивает меня, упираясь ладонями в стену по обе стороны от моей головы. — А я хочу тебя.

— Но только на двадцать четыре часа, — говорить удается с трудом, и я лихорадочно борюсь с неровным дыханием.

Он кивает и медленно приближается к моему рту. Он неуверен, колеблется; я вижу это в его глазах. Но затем он осмеливается куснуть мою нижнюю губу, осторожно, нашептывая, будто самому себе, ободряющие слова, прежде чем ворваться языком в мой рот, пока я не расслаблюсь и не принимаю его ласковое вторжение. Ничто не смогло бы удержать меня от стоны, когда я расслаблюсь в его поцелуе и цепляюсь пальцами за его плечи. Это божественно, прямо как я и думала, но не способствует моему благоразумию. Как бы то ни было, я заталкиваю свои сомнения подальше и теряюсь в нем. Он боготворит меня, и мысль о двадцати четырех часах подобного почти заставляет меня разорвать поцелуй, чтобы заорать «да»! Но я нерываю. Несмотря на наслаждение и растущее желание, концентрируюсь на единственном поцелуе, который когда-либо получу от Миллера Харта. И единственном, который буду вспоминать всю оставшуюся жизнь.

Он стонет, толкаясь в меня своим пахом. Его стояк вжимается в меня.

— Господи, ты божественна на вкус, Ливи. Скажи да, — шепчет мне в рот, покусывая губу. — Пожалуйста, скажи да.

Хочу воздержаться от ответа, чтобы насладиться этим уникальным поцелуем, но с каждой секундой, что он мучает мой рот, я увязаю все глубже.

— Я не могу, — выдыхаю, отворачивая в сторону лицо и разрывая контакт. — Я захочу большего. — Знаю, что захочу, каким бы сумасшествием это не показалось. Я никогда не искала такой связи, но если бы искала, это было бы именно таким — мучительно прекрасным, всепоглощающим... чем-то особенным, не поддающимся моему контролю, чем-то, что пошатнуло бы мои прежние выводы о близости. Я случайно нашла это, когда меньше всего ждала, но это случилось, и я не могу увязнуть еще глубже, зная, что не будет надежды, ничего, кроме разбивающего мне сердце ожидания с исходом двадцати четырех часов.

Он выпустил разочарованный рык и оттолкнулся от стены:

— Дерьмо, — выплевывает он, отходя и глядя в потолок. — Не стоило приводить тебя сюда.

Я собираю свое затуманенное сознание и выпрямляюсь, всё время опираясь о стену, чтобы удержаться на ногах.

— Нет, не стоило, — соглашаюсь, гордясь тем, как спокойно это прозвучало. — Мне лучше уйти. — Поднимаю с пола сумку и ухожу, не оглядываясь.

Оказавшись в безопасности лестничной клетки, прижимаюсь к стене, дыхание затруднено, меня всю трясет. Я поступаю разумно. Нужно напоминать себе об этом. Ничего хорошего из этого не вышло бы, за исключением воспоминаний о потрясающем дне и ночи, которые я никогда не смогу вновь пережить. Это стало бы пыткой, и я отказываюсь дразнить себя — почувствовать вкус чего-то потрясающего, ведь так и будет — чтобы у меня просто отобрали это. Никогда. Я отказываюсь становиться своей матерью. Убедив себя в правильности своего решения и успокоившись, я спускаюсь по лестнице и иду к метро. Впервые за много лет хочу выпить.

Глава 5

Всю неделю я была сама не своя. Это заметили и отметили все близкие люди, еще больше ухудшая мое унылое состояние своими расспросами — все, кроме Грегори. Уверена, это бабушка ему доложила, потому что она резко превратилась из любопытной и назойливой в заботливую и доброжелательную. А ещё она пекла мне лимонный пирог каждый божий день.

Я убираю последний столик, рассеяно размахивая тряпкой из стороны в сторону, когда дверь быстро открывается, и я оказываюсь лицом к лицу с Мистером Большие Глаза.

Он неуклюже улыбается, тихо закрывая за собой дверь:

— Я слишком поздно с заказом на вынос? — спрашивает он.

— Не совсем, — я хватаю свой поднос и ставлю его на стойку перед тем, как загрузить фильтр. — Капучино?

— Пожалуйста, — говорит он вежливо, подходя ближе.

Я занимаю руки, не обращая внимания на Сильвию, когда она проходит с мусором, но останавливается, увидев моего покупателя.

— Симпатичный, — просто замечает она, продолжая свой путь. Она права, он симпатичный, но я слишком усердно работаю, стараясь выкинуть из головы другого

мужчину, чтобы оценить этого. Мистер Большие Глаза как раз тот тип парней, которым стоит уделять больше внимания, — если я вообще собираюсь обращать внимание на мужчин — не угрюмый, мрачный и таинственный, не тот, что хочет только двадцать четыре часа и ничего больше.

Включаю паровую трубку и начинаю подогреть молоко, покручивая кувшин и издавая тем самым шумный свист, в такт потоку собственных мыслей. Наливаю напиток и закрываю крышку, после чего оборачиваюсь и вручаю парню свой идеальный кофе.

— Два восемьдесят, пожалуйста, — я протягиваю руку.

Трехфунтовая монета оказывается в моей ладони, в то время как свободной рукой я пробиваю заказ через кассу.

— Я Люк, — не спеша произносит он. — Могу я узнать твое имя?

— Ливи, — говорю я, беззаботно бросив монету в кассовый аппарат.

— И ты с кем-то встречаешься? — спрашивает он осторожно, получив от меня нахмуренный взгляд.

— Я уже тебе это говорила, — отвечаю и впервые позволяю его очаровательным глазам отбросить мою внутреннюю защитную стену и образ Миллера. Его бесцветные волосы свисают небрежно, немного примятые с правой стороны, взгляд карих глаз теплый и приветливый. — Так почему ты спра..., — я замолкаю на середине предложения, перевожу взгляд на Сильвию, которая только что вернулась в бистро, без двух мусорных мешков. Смотрю на неё укоризненным взглядом, чертовски хорошо понимая, что это она сообщила о том, что я абсолютно свободна.

Она не оборачивается, чтобы заценить мой злобный взгляд, вместо этого уходя обратно на кухню, туда, где она в безопасности. Мистер Большие Глаза или Люк, как теперь известно, нервно ерзает на месте, нарочно не обращая внимания на мою провинившуюся подругу, когда та исчезает из поля зрения.

— У моей подруги болтливый рот, — я протягиваю ему сдачу. — Наслаждайся своим кофе.

— Почему ты отшиваешь меня?

— Потому что не свободна, — я повторяюсь, потому что это, по-прежнему, правда, даже если теперь по совершенно другим причинам. Возможно, я и ответила отказом на предложение Миллера, только забыть его от этого не проще. Поднимаю руку и накрываю пальцами губы: всё ещё чувствую на них его мягкие, полные губы, посасывающие, дразнящие, покусывающие. Вдыхаю. — Время закрываться.

Люк протягивает визитку, слегка постукивая ею по столу, прежде чем отпустить.

— С удовольствием встречусь с тобой как-нибудь, так что, если решишь, что свободна, будет приятно услышать это от тебя, — я бросаю на него взгляд, и он подмигивает, наглая улыбка расплзается по его лицу.

Я едва улыбаюсь ему в ответ и смотрю, как он покидает бистро, радостно насвистывая на ходу.

— Всё нормально? — доносится с кухни озабоченный голос Сильвии, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть её темноволосую головёшку, выглядывающую из распашных дверей.

— Ты сказала ему, предательница! — начинаю орать, развязывая фартук.

— Могло прокатить, — она всё ещё не заходит в зал бистро, предпочитая оставаться за дверьми. — Да ладно тебе, Ливи. Повремени с его отставкой. — Её внимание всецело

направлено на Люка с тех пор, как я согласилась с её просьбой позвонить в тот вечер, когда Миллер подобрал меня на дороге. Я не посвящала её в детали, но мое последующее унылое состояние рассказало все, что нужно было знать, без каких-либо подробностей шокирующего предложения.

— Сильвия, меня это не интересует, — тщето возражаю, снимая фартук и вешая его на крючок.

— Ты так не говорила про грубого мудака на шикарном AMG, — она знает, что не должна была упоминать его, но она права. — Просто говорю и всё.

Я качаю головой, абсолютно раздраженная, и прохожу мимо неё на кухню за курткой и рюкзаком. Все эти эмоции — злость, раздражение, тяжесть на сердце и неуверенность — это всё результат одного...

Мужчины.

— Увидимся утром, — говорю я, позволяя Сильвии самой закрыть кафе.

Моя спокойная прогулка до автобусной остановки прерывается, когда я слышу зовущего меня Грегори. Вздыхаю, еще сильнее злясь, медленно оборачиваюсь и даже не пытаюсь натянуть на уставшее лицо неискреннюю улыбку.

Он в своей рабочей одежде, выглядит неряшливо, с кусочками травы в спутавшихся волосах. Как только он подходит, то сразу кладет руку мне на плечо и подталкивает к себе.

— Идешь домой?

— Да. Что ты здесь делаешь?

— Приехал, чтобы тебя подвезти, — его голос звучит искренне, но мне известно другое.

— Подвезти домой или выудить информацию? — замечаю сухо, получая от него легкий толчок под ребра.

— Как себя чувствуешь?

Хорошенько задумываюсь над подходящим словом, чтобы попытаться предотвратить дальнейшие расспросы. Он знает достаточно и всё уже доложил Нан. Я не расскажу ему о предложении двадцати четырех часов или о том, что сейчас нахожусь на распутье. Я отказала и чувствую себя паршиво, так что, возможно, мне стоило бы рискнуть и в любом случае чувствовать себя паршиво. В конце концов, у меня бы было о чем вспоминать, чувствуя себя дешевкой — что-то, чтобы переживать это в голове снова и снова.

— Хорошо, — в конечном итоге, отвечаю я, позволяя Грегори вести себя к его грузовику.

— Если ему говорили, что он эмоционально ограничен, Ливи, это не может быть хорошим знаком. Ты приняла правильное решение не встречаться с ним больше.

— Знаю, — соглашаюсь я. — Тогда почему я не могу перестать о нем думать?

— Потому что мы всегда западаем на неправильных парней, — он наклоняется, целуя мой лоб. — Тех, кто наиграется с нами и оставит на сердце шрамы. Я переживал такое, покончил с этим и рад сообщить, что ты остановилась прежде, чем зайти слишком далеко. Я тобой горжусь. Ты заслуживаешь лучшего.

Я улыбаюсь, вспоминая, сколько раз я держала Грегори за руку, когда он становился жертвой чар какого-нибудь парня, только вот Миллер не очаровательный — ни капельки. Сложно сказать о нем такое, за исключением его потрясающей внешности, но это чувство... Боже, это чувство. И то, что только что сказал Грегори, абсолютно правильно. Мама не было в моей жизни из-за принятых ею плачевных решений, когда дело касалось мужчин. Уже это должно было заставить меня бежать от *него* в противоположном направлении, но

вместо этого меня тянет к нему. Его мягкие губы по-прежнему ощущаются на моих, кожа по-прежнему согрета его прикосновениями, и я лежу в постели каждую ночь с мыслями о том поцелуе. Ничто никогда больше не сравнится с этим чувством.

Мы заходим в дом, и я веду Грегори на кухню в задней части дома. Я слышу болтовню Нан и Джорджа и стук деревянной ложки, ударяющейся о стенку огромной металлической кастрюли — кастрюли для тушения. Сегодня будет тушеное мясо и клецки. Я морщусь, обдумывая, как избежать местных посиделок. Терпеть не могу тушеное мясо бабушки, зато его обожает Джордж, и Джордж остается здесь на ужин, так что, кажется, мне придется это есть.

— Грегори! — Нан кидается на моего друга-гея и целует его своими зефирными губами. — Ты должен остаться на ужин. — Она указывает на стул прежде, чем подойти ко мне и поцеловать, после чего усаживает меня на стул рядом с местом для Грегори. — Мне так нравится, когда мы все здесь, — заявляет она счастливо. — Кому тушеного мяса?

Все, включая меня, поднимают вверх руки, хотя я не хочу.

— Садись, Грегори, — командует Нан.

Грегори благоразумно подчиняется, глядя на меня и Джорджа, поджав губы, когда видит, как мы оба смеемся над его осторожными движениями.

— Скажите ей нет, — шепчет он.

— Извини, что? — Нан разворачивается, и мы все вытягиваем лица и спины, как прилежные детишки.

— Ничего, — заявляем мы одновременно, каждый получая по несколько мгновений цепкого взгляда от моей дорогой бабули.

— Хмм, — она ставит на стол кастрюлю. — Накладывайте.

Джордж и правда лезет ложкой в кастрюлю, в то время как я беру кусок хлеба, отламывая крошечные кусочки и медленно пережевывая, пока все оживленно болтают.

Образ Миллера появляется перед глазами, заставляя меня зажмуриться. Я ощущаю его, почти затаила дыхание. Чувствую его обжигающие прикосновения, заставляющие меня ерзать на стуле. Я мысленно сражаюсь с собой, пытаюсь прогнать из головы его образ, воспоминания о нем и звук его спокойного голоса.

Проигрываю по каждому пункту. Запасть на этого мужчину — чистая катастрофа. Всё говорило о том, что всё так и будет. Я чувствую себя слабой и уязвимой, и я ненавижу это. Так же, как мне не нравится мысль никогда больше его не видеть.

— Ливи, ты едва притронулась к своему ужину, — Нан вырывает меня из раздумий, постучав ложкой по кромке моей миски.

— Я не голодна, — отодвигаю миску и встаю. — Извините, я пойду прилягу. — Выходя из кухни, чувствую на себе три пары сосредоточенных глаз, только меня это не заботит. Да, Ливи «мне никогда не нужен будет мужчина» Тейлор влюбилась, и влюбилась до глупого сильно. И что хуже всего, что она влюбилась в кого-то, с кем не может и, наверное, никогда не будет близка.

Поднимаю свое изнуренное тело по лестнице и забираюсь в постель, не заботясь о том, чтобы раздеться или снять макияж. Ещё даже не темно, поэтому я прячусь под толстое стеганое одеяло. Хочу тишины и темноты, чтобы можно было помучить себя ещё немного.

Пятница тянется мучительно медленно. Я избегала Нан, решив пропустить завтрак и

разобраться со всем во время тревожного звонка, которому, знала, подвергнусь по пути на работу. Она не была счастлива, но не могла затолкать в меня хлопья, находясь в миле от меня. Теперь Дэл, Пол и Сильвия безуспешно стараются вызвать у меня искреннюю улыбку, а Люк опять пришел за кофе, только для того, чтобы узнать не изменила ли я мнение о своем статусе несвободной девушки. Он настойчив, и я ценю это, он милый и еще довольно забавный, но я всё ещё не заинтересована.

Я думала кое о чём весь день, и собираюсь позвать свою подругу, но потом сдерживаюсь, понимая, какая последует реакция. Едва ли я могу винить её. Но у Сильвии есть его номер, и я хочу его. Мы закрываем быстро, я почти упускаю возможность.

— Сильвия? — говорю медленно, нервно скручивая тряпку. Эта глупая попытка выглядеть милой выдает всё, о чем хочу попросить.

— Ливи, — она меня передразнивает, подозрительно поглядывая.

— У тебя всё ещё есть номер Миллера?

— Нет! — она гневно мотает головой, бросаясь в сторону кухни. — Я его выбросила.

Я иду следом, не желая сдаваться.

— Но ты звонила ему со своего номера, — напоминаю ей, врезаюсь в её спину, когда она замирает.

— Я его удалила, — говорит она неубедительно. Она заставит меня умолять или вырвать её и украсть телефон.

— Пожалуйста, Сильвия. Я с ума схожу, — стискиваю руки напротив изможденного лица, делая вид, что молюсь.

— Нет, — она хватается за мои руки и опускает их по сторонам. — Я слышала твой голос, когда ты ушла от него, и видела твоё лицо на следующий день. Ливи, такой милой девушке, как ты, не стоит связываться с таким, как он.

— Не могу перестать о нём думать, — мои зубы стиснуты так, как будто меня бесит сам факт моей капитуляции. Я злюсь. Злюсь на то, что выгляжу такой отчаявшейся, но еще больше злюсь на то, что таковой и являюсь.

Сильвия отодвигает меня и заходит обратно в зал быстро, её черный хвостик качается из стороны в сторону.

— Нет, нет, нет, Ливи. Всему есть свои причины, и если бы тебе суждено было быть с... Я снова врезаюсь в её спину, когда она, замолчав, замирает на месте.

— Прекрати так резко останавливаться! — ругаюсь я, чувствуя, как меня накрывает нарастающее раздражение. — Какого... — теперь уже замолкаю я, поглядывая из-за Сильвии. Миллер стоит у входа быстро, весь такой спокойный в сером костюме-тройке, темные волосы в беспорядке, синие глаза, кристально чистые, впиваются в меня.

Он подходит ближе, не обращая внимания на мою коллегу-подругу, удерживая на мне свой взгляд.

— Ты закончила рабочий день?

— Нет! — выплевывает Сильвия, делая шаг назад и отодвигая тем самым меня. — Нет, она не закончила.

— Сильвия! — приложив определенные усилия, проталкиваюсь вперед, и теперь уже я толкаю её назад на кухню. — Я знаю, что делаю, — говорю тихим шепотом. Это не совсем правда. Я без понятия, что делаю.

Она хватается за мою руку и наклоняется ко мне.

— Как может кто-то за столь короткий промежуток времени превратиться из такой

благоразумной в отвратительно безрассудную девицу? — спрашивает Сильвия, заглядывая мне за плечо. — Ты попадешь в беду, Ливи.

— Просто оставь меня.

Вижу, что она бесится, но, в конце концов, уступает, бросив перед этим в сторону Миллера предостерегающий взгляд.

— Ты спятила, — шипит она, разворачиваясь на пятках своих байкерских ботинок и удаляясь, оставляя нас наедине.

Сделав глубокий вдох, поворачиваюсь и встречаюсь лицом к лицу с человеком, занимающим все мои мысли каждую секунду, начиная с понедельника.

— Хочешь кофе? — спрашиваю, указывая на гигантскую машину позади себя.

— Нет, — отвечает он тихо, приближаясь ко мне, пока не останавливается в одном единственном шаге от меня. — Прогуляйся со мной.

Прогуляться?

— Зачем?

Он переводит взгляд в сторону кухни, чувствуя явный дискомфорт.

— Возьми свою сумку и куртку.

Делаю так, как он сказал, особо не задумываясь. Не обращаю внимания на потрясенное лицо Сильвии, когда захожу на кухню, хватаю сумку и куртку.

— Я ухожу, — говорю поспешно, оставляя её разбираться с Дэлом и Полом. Слышу, как она называет меня глупой, ещё слышу, как Пол говорит, что я взрослая. Они оба правы.

Накидываю рюкзак на плечо и подхожу к Миллеру, закрывая глаза, когда он кладет ладонь мне на шею, провожая из бистро. Он ведет меня через дорогу, в маленький дворик, где сажает меня на скамейку и сам садится рядом, повернувшись ко мне.

— Ты думала обо мне? — спрашивает он.

— Постоянно, — признаю я. Не увиливаю. Я думаю и хочу, чтобы он знал об этом.

— Так ты проведешь со мной ночь?

— По-прежнему только двадцать четыре часа? — проясняю я, и он кивает. Сердце падает, только это не остановит меня от согласия. Кажется, я уже не смогу чувствовать себя хуже, чем сейчас.

Его рука лежит на моем колене, сжимая его.

— Двадцать четыре часа, никаких привязанностей, никаких обязательств или чувств, только наслаждение, — отпустив мое колено, он рукой берет меня за подбородок и притягивает мое лицо ближе к себе. — А наслаждение будет, Ливи. Я обещаю.

Ни секунды не сомневаюсь.

— Почему ты хочешь этого? — спрашиваю. Знаю, что женщины, прямо скажем, не такие поверхностные, как мужчины, но он просит меня не обращать внимание на что-то, на что я просто не могу. Я чувствую не просто физическое влечение — по крайней мере, я так думаю. Я запуталась. Не понимаю даже, что чувствую.

Впервые с тех пор, как я его встретила, он улыбается. Это настоящая улыбка — красивая улыбка... И я западаю еще чуточку больше.

— Потому что я просто должен поцеловать тебя снова, — наклонившись вперед, он осторожно касается моих губ своими. — Это ново для меня. Мне нужно попробовать еще больше тебя.

Ново? Ново для него? Что, типа это отличается от его роскошных, увешанных украшениями женщин?

— И поэтому от того, что мы можем натворить вместе, нельзя отказываться, Ливи.

— Лучший перепах в моей жизни? — спрашиваю ему в губы, чувствуя, что он опять улыбается.

— И гораздо больше, — он отстраняется, и я чувствую себя обделённой. Возможно, к этому ощущению стоит привыкнуть. — Где ты живешь?

— Я живу со своей пожилой бабушкой, — не знаю уж, почему уточняю, может, чтобы оправдать свои жилищные условия. — Камден.

Удивленно глядя, он поводит идеальной бровью.

— Скажи бабушке, что вернешься завтра ночью. Какой адрес?

— Что я скажу? — спрашиваю, вдруг запаниковав. Я никогда не отсутствовала целую ночь, и сейчас не найдется правдоподобной причины.

— Думаю, ты что-нибудь придумаешь, — он встает, протягивая мне руку, и я беру её, позволяя ему поднять меня на ноги.

— Нет, ты не понимаешь, — удрать будет невозможно. — Я не ночую вне дома. Она никогда не поверит, если я попытаюсь наговорить ей что-то, кроме правды, а я не могу сказать ей о тебе. — Её хватит удар. А может и нет. Может, она начнет танцевать на кухне, хлопая в ладоши и благодаря Всевышнего. Зная Нан, скорее возможен второй вариант.

— Ты никогда не уходила? — он хмурится.

— Нет, — я избегала беспечности всю свою жизнь.

— И ты никогда не ночевала вне дома? Даже с подругами?

Я никогда не стеснялась своего образа жизни... до настоящего момента. Вдруг чувствую себя маленькой, наивной и неопытной, и это омерзительно. Мне нужно вернуть свою давно потерянную дерзость. Он обещает мне сногшибательный секс, а что получит в ответ? Ведь я, совершенно точно, не секс-гигант, который сломает его кровать. К такому мужчине, как он, женщины выстраиваются в очередь, облаченные в шелк или кружева, на шпильках и готовые отдаться безрассудному желанию.

Качаю головой, глядя себе под ноги:

— Напомни еще раз, почему ты хочешь это сделать.

— Если ты говоришь со мной, разве не будет вежливо смотреть на меня? — он поднимает мой подбородок. — Ты не кажешься неуверенной в себе.

— Обычно нет.

— Что изменилось?

— Ты.

Одно единственное слово заставляет его неуютно поежиться, и я тут же жалею о сказанном.

— Я?

Я снова опускаю голову:

— Не хотела тебя смущать.

— Ты меня не смутила, — возражает он тихо. — Но теперь я задаюсь вопросом, хорошая ли это идея.

Я поднимаю голову, запаниковав, что он может забрать свое предложение.

— Нет. Я хочу сделать это, — не знаю, что говорю, но он не останавливает мое бормотание. — Я хочу эти двадцать четыре часа с тобой. — Я прижимаюсь к его груди и заглядываю вверх в его глаза — те самые, в которых я собираюсь потеряться совсем скоро, если уже не потерялась. — Мне это нужно.

— Зачем тебе это нужно, Ливи?

— Я должна показать себе, что очень долгое время поступала неправильно, — я осмеливаюсь поцеловать его и, вставая на носочки, касаюсь его губ в надежде напомнить ему, на что это было похоже в последний раз, в надежде, что он тоже почувствует разряд тока. Прежде чем успеваю даже подумать о том, чтобы коснуться его языком, я оказываюсь прижата к его груди, в его объятиях, наши рты сражаются, тела плавятся, мое сердце тонет еще глубже. Его губы на мне и твердое тело, такое близкое к моему, чувствуются так... правильно.

— Ты уверена? — он выпускает меня из объятий, придерживая за локоть, и наклоняется, удостоверившись, что завладел моим взглядом и вниманием. — Я ясно дал понять, как все произойдет, Ливи. Если ты можешь справиться с этим, тогда следующие двадцать четыре часа только наши — мое и твое тело, вытворяющие что-то невероятное.

Я утвердительно киваю, даже если совсем не уверена. Вижу сомнение на его великолепном лице и заставляю себя выдавить улыбку, беспокоясь, что он может передумать. Я, может, и не знаю что делаю, но еще больше не знаю, что буду делать, если он уйдет от меня прямо сейчас.

— Хорошо, — говорит он, обхватывая мой затылок и подталкивая к себе. — Я отвезу тебя домой. — Он ведет меня из дворика, ладонь твердо лежит на моем затылке, пока он ведет меня вперед. Смотрю на него, просто чтобы удостовериться, что он здесь — удостовериться, что я не сплю.

Он здесь и смотрит на меня, прожигая, возможно, оценивая мои чувства. Должна ли спросить его, что он увидел на моем лице? Знаю только то, что он мой на следующие двадцать четыре часа, а я его. Я только надеюсь, что не почувствую еще большего печали, когда мое время выйдет. Игнорирую голос в голове, постоянно кричащий остановиться прямо сейчас. Я знаю, как все будет, и это похоже на хаос.

Но я просто не могу отказать ему. Или себе.

Глава 6

— Я подожду тебя здесь, — он останавливается у моего дома и, достав из внутреннего кармана пиджака телефон, машет им в мою сторону. — Мне нужно сделать несколько звонков.

Он собирается ждать? Ждать около моего дома? Нет, нет, он не может. Проклятье, Нан, наверное, уже увидела его. Я смотрю на широкое окно фасада нашего дома, ожидая увидеть движение занавесок.

— Я могу доехать к тебе на такси, — делаю попытку, мысленно перечисляя список вещей, которые нужно будет сделать дома — принять душ, побриться...везде, а еще увлажняющий крем, духи, макияж, выдать самую большую ложь, на которую вообще когда-либо буду способна.

— Нет, — он отклоняет мое предложение, даже не взглянув на меня. — Я подожду. Иди, разберись со своими делами.

Я вздрагиваю, покидая машину, и иду по дорожке, ведущей к дому, медленно,

настороженно, как будто Нан может услышать меня, если буду двигаться быстрее. Тихо вставляю ключ. Тихо поворачиваю. Тихо открываю дверь. Поднимаю ногу, готовясь войти, и стискиваю зубы, когда входная дверь скрипит.

Черт.

Нан стоит в трех шагах от меня, скрестив руки, и постукивает ногой по узорчатому ковру.

— Кто этот мужчина? — спрашивает она, подняв седые брови. — И почему ты ведешь себя, как вор-домушник, ммм?

— Он мой начальник, — поспешно выплевываю слова, и это становится самой быстрой ложью из всех, что я когда-либо говорила. — Я сегодня работаю. Он привез меня домой переодеться.

Отчетливо вижу тень разочарования, мелькнувшую на ее немолодом лице.

— Оо, ну что ж... — Она разворачивается, сразу же теряя интерес к мужчине снаружи. — Тогда я не буду возиться с ужином.

— Хорошо, — перепрыгиваю сразу через две ступеньки и врываюсь в ванную, включая душ и раздеваясь с молниеносной скоростью. После чего встаю под него, прежде чем вода становится горячей. — Вот черт! — Я отскакиваю в сторону, кожа покрывается мурашками, тело бесконтрольно дрожит. — Блин! Блин! Блин! Нагревайся! — Подставляю руки под струю воды, лихорадочно поторапливая горячую воду. — Ну, давай же, давай!

Спустя очень долгое время она наконец становится теплой, достаточно для того, чтобы терпеть, и я встаю под воду, невероятно быстро справляясь с мытьем головы, намыливанием себя везде, бреясь...везде. К тому времени как я, завернувшись в полотенце, пересекаю коридор без приключений и попадаю в комнату, еле дышу. При обычных обстоятельствах за десять минут я передеваюсь, быстро наношу на лицо пудру и, не выпрямляя, сушу волосы. Но сейчас мне не все равно, я хочу выглядеть мило. А у меня нет долбаного времени, чтобы это сделать.

— Нижнее белье, — бросаюсь к комоду и, роюсь в верхнем ящике, постоянно гримасничаю при виде хлопковых трусиков и лифчиков. Должно же у меня что-то быть — пожалуйста, хоть что-нибудь, кроме хлопка!

После пятиминутного рассматривания каждой вещицы в ящике с нижним бельем, выясняю, что я, фактически, хлопковая девочка, без всяких кружев или шелка. Я ведь знала это, просто надеялась, что, возможно, какой-нибудь сексуальный комплект волшебным образом появится в ящике комода, спасая меня от унижения. Я ошибалась, но поскольку мне нужно сделать еще кое-что, то я надеваю простые хлопковые трусики и подходящий к ним банальный лифчик, перед тем как высушить волосы, слегка припудрить лицо и подругмянить щеки.

И вот я стою и смотрю на свой рюкзак, задаваясь вопросом, что мне нужно взять с собой. У меня нет чулок или туфель на шпильках, или чего-то хоть отдаленно сексуального. О чем я думала? О чем он думал? Сажусь на край кровати и закрываю руками лицо, тяжелые волосы спадают на колени. Мне лучше остаться здесь и надеяться, что ему надоест ждать и он уедет, потому как эта идея теперь не кажется такой уж удачной. Фактически, это самая глупая из всех моих затей, и я, счастливая от такого вывода, прячусь под покрывало и зарываюсь лицом в подушку.

Он богат, он великолепен, он совершенен, если только чуть-чуть высокомерен, и он хочет меня на двадцать четыре часа? Ему надо проверить голову. Эти мысли мучают меня, пока я прячусь от мира под одеялом, и я не прихожу к идеально правильному заключению. У него, должно быть, есть толпы поклонниц, ежедневно падающих к его ногам — черт, я уже видела одну из них — и они, должно быть, увешаны драгоценностями, дизайнерскими сумочками и туфлями, которые стоят дороже, чем моя месячная зарплата. Может, он хочет попробовать что-то другое, такую, как я — обычную официантку, которая разносит кофе и повсюду разбрасывает подносы с дорогим шампанским. Глубже зарываюсь в подушку и бормочу:

— Глупая, глупая, глупая девчонка.

— Нет, не глупая.

Я вытягиваюсь, как струна, и вижу его, сидящего в кресле в углу моей комнаты, ноги скрещены, рука на подлокотнике, подбородок упирается в ладонь.

— Какого черта? — Я вскакиваю и бегу к двери спальни, распахивая ее, чтобы проверить, нет ли там старых ушей, прижавшихся к дереву. Ничего, только от этого не легче. Нан, должно быть, впустила его. — Как ты здесь оказался? — Я захлопываю дверь и вздрагиваю, когда по дому разносится шум.

А он нет, даже не шевелится. Он идеально собран, ни капли не впечатленный моим раздраженным состоянием.

— Твоей бабушке следует относиться к безопасности чуть более серьезно, — он медленно проводит указательным пальцем по щетинистому подбородку, взглядом неторопливо прогуливается по моему телу.

Только сейчас осознаю, что стою в нижнем белье, инстинктивно скрещиваю на груди руки, тщетно пытаюсь скрыться от его блуждающих глаз. Я в еще большем ужасе, когда он прикусывает губу, в его глазах вспыхивают искры, когда он смотрит в мои глаза.

— Лучше бы тебе перестать скромничать, Ливи, — он встает и небрежно подходит ко мне, пряча руки в карманах серых брюк. Его грудь сталкивается с моей, глаза смотрят вниз на меня, он не касается меня руками, но совершенно точно касается всем остальным. —

Хотя, с другой стороны, мне очень даже нравится твоя застенчивость.

Меня трясет — физически трясет, и никакие ободряющие слова это не остановят. Хочу казаться уверенной, безразличной и безрассудной, но не знаю, с чего начать. Может, скромное нижнее белье — подходящий вариант.

Он наклоняется, задерживая лицо на уровне моих опущенных глаз, и заправляет мои спадающие волосы за плечи, убирая их с лица. Поднимая глаза, совсем немного, тут же встречаю его взгляд.

— Мои двадцать четыре часа не начнутся до тех пор, пока ты не окажешься в моей постели.

Чувствую, как мои брови окончательно нахмурились:

— Ты действительно собираешься вести отсчет? — Спрашиваю, и мне интересно, включит ли он секундомер.

— Ну, — одна его рука отпускает мои волосы, и он смотрит вниз на дорогие часы. — Сейчас шесть тридцать. К тому времени, как мы в час пик доберемся до окраины города, будет примерно семь тридцать. Завтра вечером около семи тридцати я должен быть на благотворительном вечере, так что я все идеально просчитал.

Да, он идеально все просчитал. Когда часы пробьют семь тридцать, меня выбросят на улицу? Я превращусь в тыкву? Я уже чувствую себя брошенной, а мы ведь даже еще не начали. Как же я тогда буду себя чувствовать завтра в семь тридцать? Как дешевка, вот как — брошенная, ничего не стоящая, подавленная и отвергнутая. Я открываю свой рот, собираясь попросить остановить эту жестокую сделку, но слышу шарканье престарелых ног, поднимающихся по лестнице.

— Вот блин, бабуля идет! — Руки ложатся на прикрытую костюмом грудь и толкают Миллера назад, в сторону встроенного шкафа. Я в панике, но все-таки могу оценить твердую грудь под своими ладонями. Это заставляет мой шаг сбиться, а сердце безумно подпрыгнуть. Смотрю на него.

— Хорошо себя чувствуешь? — Спрашивает он, руками проводя по моей спине и обвивая талию. Я задерживаю дыхание, а потом снова слышу шарканье. Это вырывает меня из сладострастного ощущения.

— Ты должен спрятаться.

Он недовольно фыркает, убирая с моей талии руки и отрывая от своей груди.

— Никуда я не буду прятаться.

— Миллер, пожалуйста, её удар хватит, если она застучает тебя здесь. — Чувствую себя

такой глупой, заставляя его это делать, но не могу позволить бабушке увидеть его здесь. Знаю, у нее случится приступ, и знаю, это будет шок, но не обычный шок. Нет, Нан замрет на пару секунд, а потом устроит убийственную вечеринку. Я нервно, устало вздыхаю, забывая все свое смущение вместе с сожалением об отсутствии одежды на мне, и гляжу на него умоляюще. — Она будет волноваться, — восклицаю я. Она каждый день молит всевышнего о моем счастье.

Я теряю время. Слышу скрип половицы, когда Нан приближается к моей комнате.

— Пожалуйста! — Сугулю обнаженные плечи, принимая поражение. Я едва могу так поступить, устроить пожилой бабушке такой стресс. Жестоко было бы дать ей надежду абсолютно безосновательно. — Я больше ни о чем не попрошу, только, пожалуйста, не позволяй ей тебя увидеть.

Он сжимает губы в тонкую линию и слегка опускает голову, непослушная прядь его темных волос падает на лоб; не сказав ни слова, он оставляет меня и проходит по комнате, но не задерживается у шкафа, а заходит за длинные шторы. Мне его не видно, поэтому я не возражаю.

— Оливия Тейлор!

Я оборачиваюсь и вижу Нан в дверях, она осматривает мою комнату так, как будто знает, что я что-то скрываю.

— Что случилось? — спрашиваю, мысленно ругая себя за ничтожный выбор слов. «Что случилось?» Я бы никогда так не спрашивала, на ее подозрительном лице написана та же самая мысль.

Она щурится, заставляя меня чувствовать себя еще более незащищенной.

— Тот мужчина...

— Какой мужчина? — Мне надо заткнуться и позволить ей сказать, не прерывая и вызывая лишнего подозрения.

— Тот мужчина в машине снаружи, — продолжает она, опуская ладонь на дверную ручку. — Твой начальник.

Я, должно быть, заметно расслабляюсь, потому что она окидывает взглядом своих синих глаз мое полуобнаженное тело, и непонимание сквозит в выражении ее лица. Она думает, что он все еще снаружи, и это просто превосходно.

— Что с ним? — Достаяю из комода зауженные джинсы и сажусь, натягивая на ноги и застегивая молнию, прежде чем схватить со спинки стула у туалетного столика безразмерную футболку белого цвета.

— Он исчез.

Я замираю, натянув на голову футболку лишь наполовину, одну руку продев в рукав, волосы прилипли к шее.

— Куда? — спрашиваю, ничего больше в голову не приходит.

— Не знаю, но в одну секунду он там, я знаю, потому что вижу его макушку в приоткрытое окно, а потом отворачиваюсь, чтобы сказать Джорджу, что у него один из этих нереальных мерседесов, потом снова смотрю туда...пуфф, он исчез. Но та роскошная машина все еще там, — она начинает постукивать ногой, — и припаркована в неподобающем месте, должна заметить.

Чувство вины сковывает меня. Она прямо как долбаная мисс Марпл.

— Может, он вышел в магазин, — говорю я, выпутываясь из футболки и натягивая на свое тело. Быстро обуваю ярко-розовые конверсы. Боже, мне уже нужно убираться с ним

отсюда, а с этой железной леди ничего не получится.

— Магазин? — Смеется она. — Ближайший в миле отсюда. Он бы поехал.

Изо всех сил стараюсь сдержаться от раздраженного визга, спасаясь фразой:

— Какая разница, куда он делся? — Спрашиваю, после чего решаю на самую большую ложь в своей жизни. — Ах да, я останусь у Сильвии сегодня. Это подруга с работы.

Вжимаю голову в плечи, ожидая шокированный вдох, но его нет, поэтому я оборачиваюсь проверить, по-прежнему ли Нан в моей комнате. Да, она здесь, и она улыбается.

— Правда? — Спрашивает она, глаза светятся от счастья, когда она опускает взгляд на мою повседневную одежду. — Ты не одета для работы.

— Я переоденусь там, — мой голос высокий и визгливый, и я занимаю себя, собирая туалетные принадлежности и укладывая все, что может понадобиться в течение двадцать четырех часов с Миллером Хартом, а их не очень много, я полагаю. — Событие, на котором я работаю сегодня, не закончится раньше полуночи, а Сильвия живет неподалеку, и я, с таким же успехом, могу остаться там, — я идиотка и попросту трачу слова. Только сейчас, когда, застегнув свою сумку, вешаю ее на плечо, я вспоминаю, что он в моей комнате. Что он мог подумать? Я не стану винить его, если он сразу же уйдет отсюда. Такое представление бабули никоим образом не говорит о ее неодобрении мужчины в моей жизни. Ей просто не нравится тот факт, что она о нем не знает, вот и все. И не узнает, во всяком случае, не напрямую. Между нами повисла тишина, как знак обоюдного понимания этого факта. Грегори рассказал ей, что я кем-то увлечена, и она не может вынести того факта, что я ее не посвятила. Едва ли я бы стала скрывать, если бы встречалась с обычным парнем, при обычных обстоятельствах, но Миллер? И наше соглашение на двадцать четыре часа? Нет, это против всего, что я знаю, и мне за это стыдно. Когда Нан уговаривала меня начать грешить «по молодости», не думаю, что она имела в виду грешить так же, как моя мама.

Она смотрит на меня, смотрит задумчивым взглядом синих глаз.

— Я рада, — говорит она ласково. — Ты не можешь вечно убегать от истории своей мамы.

Я морщусь немного, но, не желая говорить на эту тему, особенно с Миллером за шторами, я просто киваю ей, молча соглашаясь. Она кивает в ответ и медленно уходит из комнаты, как всегда холодно и небрежно, но я знаю, она побежала обратно к окну, проверить, не вернулся ли тот мужчина в свою роскошную машину. Дверь спальни со стуком закрывается, и Миллер выходит из-за штор. Я никогда не была настолько смущена, а заинтересованный взгляд на его лице только усиливает это чувство, даже, несмотря на то, что я рада видеть это выражение лица, пришедшее на смену абсолютной серьезности, той, к которой я привыкла.

— А у тебя любопытная бабушка, да? — Он и правда впечатлен ее показательным допросом, хотя я вижу тень любопытства на его идеальном лице.

Выпрямляясь, пожимаю плечами, просто для того, чтобы сделать что-то, только не поощрять его веселье и любопытство, и чувствую себя маленькой.

— Она легко увлекается, — замечаю кратко, приковывая взгляд к полу. Хочу провалиться сквозь землю прямо сейчас.

В следующую секунду Миллер уже прижимается ко мне:

— Чувствую себя подростком.

— Тогда ты много времени проводил за шторами? — Делаю шаг назад, чтобы выделить

для себя немного пространства, но моя попытка оказывается абсолютно тщетной.

Он подходит ближе:

— Готова, Оливия Тейлор?

Такое чувство, что он имел в виду не только отъезд. Готова? И для чего?

— Да, — говорю, как никогда решительно, не совсем понимая, откуда взялось такой полный уверенности тон. Я смотрю на него, не желая первой отводить глаза. Не знаю, куда иду и что будет, когда там окажусь, но знаю, что хочу пойти... с ним.

Его красивые губы дарят мне почти невидимую улыбку, говоря, что он знает о моей притворной уверенности, но я смотрю на него стойко. Он наклоняется, оказываясь лицом к лицу со мной, потом медленно моргает, медленно приоткрывает губы, медленно опускает взгляд на мой рот, чем заставляет ускориться биение моего сердца, осторожным касанием опалая обнаженную кожу руки. Ничего сверхъестественного, но ощущения за гранью. Не похожи ни на одни из тех, что я испытывала... пока не встретила его.

Он наклоняет голову, останавливаясь так близко, что я не могу этого выносить и закрываю глаза. Я смущена и обрадована одновременно, ощущая, как его язык ласкает мою нижнюю губу.

— Если я начну, не смогу остановиться, — шепчет он, отстраняясь. — Ты нужна мне в моей постели. — Он кладет руку мне на затылок, слегка сжимая ладонь, принуждая тем самым отвернуться от него и идти вперед.

— Моя бабуля, — в таком возбужденном состоянии мне едва удастся произносить слова. — Она не может тебя увидеть. — Идем по лестничной площадке и вниз по лестнице; я осторожно, он быстро.

— Буду ждать в машине, — он выпускает меня из своей хватки и идет к входной двери, открывает ее и закрывает, не заботясь о моей подглядывающей бабуле.

— Нан! — Кричу я в панике, понимая, что она будет прижиматься к оконному стеклу в его поисках. — Нан! — Мне нужно отвлечь ее, прежде чем Миллер выйдет из тени дома. — Нан!

— Чтоб тебя, девочка! — Она появляется в дверном проеме с Джорджем на пару, беспокойно глядя на застывшую меня. — В чем дело?

С пустой головой и непроницаемым лицом, подхожу и целую ее в щеку:

— Ничего. Увидимся завтра, — я не хожу вокруг да около. Оставляю бабушку хмуриться, а Джорджа бубнить что-то о женских странностях и сбегая по дорожке к блестящему черному Мерседесу, забираясь и садясь на свое место.

— Езжай, — говорю нетерпеливо.

Но он не едет. Машина остается неподвижной на обочине, а он на своем сиденье, не выказывая никакой спешки убраться от моего дома, как я попросила. Его высокая облаченная в костюм фигура расслаблена, одна рука небрежно лежит на руле, когда он смотрит на меня, абсолютно серьезно, пристальный взгляд синих глаз ничего не выражает. О чем он думает? Ярываю зрительный контакт, но только лишь для того, чтобы убедиться в том, что уже знаю. Смотрю на фасадное окно своего дома и, наблюдая, как дергаются занавески, сильнее вжимаюсь в кресло.

— В чем дело, Ливи? — спрашивает Миллер, потянувшись, чтобы положить руку мне на бедро. — Скажи мне.

— Тебе не следовало входить, — говорю тихо. — Возможно, тебе это покажется забавным, но ты только что сделал все еще сложнее.

— Ливи, вежливо смотреть на того, с кем говоришь, — он берет меня за подбородок и приподнимает, заставляя посмотреть ему в лицо. — Я приношу свои извинения.

— Дело уже сделано.

— Ничто в следующие двадцать четыре часа не будет сложным, Ливи, — его рука ласково скользит по моей щеке, заставляя ластиться о себя. — Знаю, что моя ночь с тобой будет самой простой вещью из всех, что я когда-либо делал.

Вполне возможно, это будет простым, только я не вижу простого послевкусия. Нет, я предвижу гору боли со своей стороны и легкость с его. Рядом с ним я не я. Благоразумная девушка, когда-то мной созданная, исчезала от череды необдуманных поступков. Нан у окна, рука Миллера медленно поглаживает мою щеку, а я даже не могу найти в себе силы, чтобы остановить его.

— Окна тонированы, — шепчет он, не спеша придвигаясь и накрывая своими губами мои.

Может, так оно и есть; в любом случае, он не мой начальник, и моя милая бабуля прекрасно об этом знает. Но я справлюсь с допросом, когда вернусь домой завтра. Вдруг это перестает меня заботить. Моя благоразумная сторона опять исчезла.

— Ты готова? — Он снова спрашивает, но на этот раз я просто киваю ему. Я совсем не готова остаться с разбитым сердцем.

Дорога к дому Миллера проходит в тишине. Единственный звук, витающий в воздухе между нами, это Гэри Джулс, поющий о сумасшествии мира. Я не так много знаю о Миллере, но понимаю, что он из хорошо обеспеченной семьи. У него превосходная речь, одежда наивысшего качества и живет он в Белгравии³. Он паркуется у входа в здание, выходит из машины и без промедления обходит ее, открывает с моей стороны дверцу и помогает мне вылезти.

— Помойте ее, — распоряжается он, доставая ключи от машины из общей связки и отдавая их служащему в зеленой униформе.

— Сэр, — служащий приподнимает в знак приветствия шляпу, после чего садится в машину Миллера, тут же нажимая кнопку, передвигающую сиденье ближе к рулю.

— Идем, — он забирает у меня сумку и, положив руку чуть ниже моего затылка, ведет через гигантского размера стеклянные раздвижные двери в отделанный зеркалами холл.

Везде, куда бы я ни посмотрела, мы: я, ведомая, маленькая и робкая, и он, ведущий меня вперед, высокий и сильный.

Мы проходим ряды лифтов с зеркальными дверьми и подходим к лестничной клетке.

— Лифты сломаны? — спрашиваю, когда он проводит меня через двери к лестнице.

— Нет.

— Тогда почему...

— Потому что я не ленивый, — он перебивает меня, не оставляя шансов на новые вопросы, и продолжает сжимать мою шею, ведя нас наверх.

Он, может, и не ленивый, но точно сумасшедший. Четыре лестничных пролета, и мои икроножные мышцы опять горят. Отчаянно стараюсь не отставать. Я преодолеваю еще один пролет и уже собираюсь просить сделать передышку, когда он оборачивается и берет меня на руки, очевидно ощущая мою неспособность дышать. Мои руки на его шее чувствуются правильно, так же комфортно, как и прежде, а он продолжает подниматься со мной на руках так, как будто это самая естественная вещь на свете.

Наши лица близко, он пахнет так по-мужски и продолжает упорно смотреть вперед, пока мы не оказываемся перед его глянцевою черной дверью.

Миллер опускает меня на ноги, отдает сумку и продолжает держать руку на моей шее, свободной рукой открывая входную дверь, но как только передо мной открывается обстановка его квартиры, я вдруг хочу убежать. Вижу картины, стену, к которой он меня прижимал, и диван, на котором я сидела. Картинки слишком яркие, так же, как и мое чувство беспомощности. Если я переступлю этот порог, то отдам себя на милость Миллера Харта, и не думаю, что моя давно потерянная дерзость защитит меня...даже, если смогу ее найти.

— Не думаю, что я..., - я начинаю пятиться от двери, неуверенность вдруг накрывает меня, нотки благоразумия просачиваются в спутанное сознание. Только раскаленная решимость в его ясных глазах, так же, как и усилившаяся хватка на шее, дает мне понять, что я никуда не пойду.

— Ливи, я не стану набрасываться на тебя, как только ты зайдешь внутрь, — его рука скользит вниз по плечу, теперь он меня не удерживает. — Успокойся.

Я стараюсь, но ни сердце, ни дрожь не хотят сдаваться.

— Мне жаль.

— Не надо, — он отходит от меня, давая доступ к входу в квартиру. — Я бы хотел, чтобы ты зашла в мой дом, но только, если хочешь провести со мной ночь. — Он произносит слова медленно, заставляя посмотреть ему в глаза. — И я хочу, чтобы ты развернулась и ушла, если не уверена, потому что я не смогу этого сделать, пока не буду знать, что ты на сто процентов со мной. — Выражение его лица бесстрастно, но я вижу тень мольбы за безразличным взглядом синих глаз.

— Я просто не понимаю, почему ты хочешь меня, — признаюсь, чувствуя себя уязвимой и ранимой.

Я знаю, как выгляжу; помню каждый раз, когда на меня кто-то смотрел или комментировал мои уникальные глаза, но еще я знаю: мало что могу предложить мужчине, за исключением того, на что приятно смотреть. Красота мамы была ее слабыми местом, и я не хочу, чтобы стала моим. Я рискую потерять самоуважение, так же, как и она. Я сама стала такой, так что не о чем говорить. Кого может заинтересовать девушка, у которой за внешностью нет ни тайн, ни увлечений? Я совершенно отчетливо понимаю мужчин, которые хотят только хорошенькую игрушку в своей постели, вот поэтому я и лишила себя возможности быть любимой. Не желанной, а именно любимой. Я никогда не хотела быть моей мамой, и вот теперь я здесь, неумело балансирую на грани унижения, близкой к комфорту.

Знаю, он тщательно обдумывает то, как ответить на мой вопрос, потому что понимает, что ответ повлияет на мое решение остаться или уйти. Хочу, чтобы он просчитал свои следующие слова.

— Я уже говорил тебе, Ливи, — он жестом указывает на квартиру. — Ты пленила меня.

Не знаю, был ли этот ответ правильным, но я медленно вхожу в квартиру и определенно точно слышу тихий вдох облегчения за своей спиной. Обхожу круглый стол в коридоре, ставлю сумку на его мраморную поверхность, а потом останавливаюсь, не зная, присесть на диван или пойти в кухню. В воздухе между нами витает чувство неловкости, и, несмотря на его слова в машине, все сложно.

Он проходит передо мной, снимает пиджак, ловко вешая его на спинку стула, после

чего направляется к шкафчику со спиртным.

— Выпьешь? — спрашивает он, наливая в стакан темную жидкость.

— Нет, — качаю головой, даже несмотря на то, что он меня не видит.

— Воды?

— Нет, спасибо.

— Сядь, Ливи, — распоряжается он, оборачиваясь и жестом показывая на диван.

Следую за его направляющей рукой, опуская свое сопротивляющееся тело на широкий кожаный диван кремового цвета, в то время, как он стоит, прислонившись к шкафчику, и медленно отпивает из стакана. Не важно, что он делает этими губами, говорит или просто пьет что-то, это всегда сбивает с толку. Они движутся так медленно, просчитано... почти соблазняют.

Отчаянно сосредотачиваюсь на том, чтобы унять грохот сердца, но проигрываю, когда Миллер направляется ко мне и садится на кофейный столик прямо передо мной, поставив локти на свои колени, алкоголь замирает у его губ, глаза источают столько разных обещаний.

— Я должен кое-что спросить у тебя, — тихо говорит.

— Что? — поспешно, взволнованно выплевываю слово.

Стакан медленно поднимается, но его глаза по-прежнему прикованы ко мне.

— Ты девственница? — спрашивает он, прежде чем коснуться губами стакана.

— Нет! — Я ужасаюсь, обидевшись на то, что он принял мое сопротивление за признак *этого*. Но, по правде говоря, я хотела бы быть ею.

— Почему ты так обиделась на мой вопрос?

— Мне двадцать четыре года, — неуютно передергиваюсь, отводя глаза от его испытующего взгляда. Чувствую, как горит мое лицо, и очень хочу схватить одну из его шикарных подушек и прикрыться ей.

— Когда у тебя в последний раз был секс, Ливи?

Это меня убивает. Какое имеет значение, когда я в последний раз с кем-то спала? Побег стал бы лучшим для меня вариантом, но мои планы изменились.

— Ливи, — он снова привлекает мое внимание, ставя стакан на стол, и звон стекла, соприкоснувшегося со стеклянным столиком, заставляет меня слегка подпрыгнуть. — Не могла бы ты, пожалуйста, смотреть на меня, когда я с тобой разговариваю. — Его настырность раздражает меня, и только поэтому я делаю так, как мне сказано, и смотрю на него.

— Моя история никак с тобой не связана, — говорю я тихо, борясь с искушением взять его напиток и выпить залпом.

— Я просто тебя спросил, — его удивление на мой взрыв очевидно. — Обычно, считается вежливым отвечать на заданный вопрос.

— Нет, я оставляю за собой право выбирать, отвечать ли мне на заданные вопросы, и мне твой вопрос важным не кажется.

— Мой вопрос очень важен, Ливи, так же, как и твой ответ.

— И чем же?

Он смотрит вниз на стакан, несколько секунд покручивает его по поверхности стола, а потом медленно возвращает взгляд синих глаз ко мне. Они рассекают меня.

— От этого зависит трахну ли я тебя жестко сразу или сначала подготовлю.

Я теряю весь воздух в легких, распахнув глаза от такого вызывающего поведения, но не

то чтобы он впечатлен моим шоком или реакцией на его грубые слова. Он просто берет свой стакан и делает еще один медленный глоток темной жидкости, продолжая неотрывно смотреть на меня.

— Не люблю повторяться, но сделаю исключение, — заявляет он. — Когда ты в последний раз занималась сексом?

Под его пристальным взглядом мой язык во рту запутался. Не хочу говорить ему. Не хочу, чтобы он думал, что я еще большее ничтожество, чем он уже думает.

— Приму твой отказ отвечать за явный признак того, что это было достаточно давно, — он наклоняет голову, и тот локон снова падает ему на лоб, заставляя меня отвлечься от своего унижения. — Так?

— Семь лет, — шепчу я. — Счастлив?

— Да, — его ответ быстрый и искренний, так же, как и его глаза, открыто выражающие потрясение. — Понятия не имею, как это возможно, но это чрезвычайно меня радует. — Он хватает мой подбородок своими пальцами. — И я разговариваю с тобой, Ливи, так что смотри на меня. — Я следую его указаниям до тех пор, пока между нами не устанавливается зрительный контакт. — Думаю, это значит, что я буду с тобой обходителен.

В этот раз я не выдыхаю, только кровь тут же закипает, заставляя пульс подскочить выше крыши, заменяя смятение желанием. Хочу его больше, чем стоило бы.

Встречая его пьянящий взгляд своими ведомыми глазами, посылаю мышцам рук приказ подняться и почувствовать его, но, прежде чем успеваю заставить их, телефон в сумке начинает звонить.

— Тебе стоит ответить, — Миллер отодвигается назад, давая мне пространство покинуть интимность его близости. — Дай ей знать, что все еще жива. — В его лице нет веселья, но я слышу его в голосе.

Я быстро встаю, желая заверить свою любопытную бабушку, что все хорошо. Не смотрю на экран перед тем, как ответить, хотя следовало бы.

— Привет! — Я начинаю слишком жизнерадостно, учитывая сложившиеся обстоятельства.

— Ливи, — голос на другом конце линии заставляя меня убрать трубку от уха и посмотреть на экран, даже учитывая то, что я знаю, кто это, черт возьми, может быть.

Вздыхаю, представив Нан, лихорадочно набирающей номер Грегори, чтобы сообщить о произошедших сегодня событиях.

— Привет.

— Тот мужчина. Кто он?

— Мой босс, — зажмуриваю глаза, надеясь, что он купится, но слышу недоверчивую ухмылку, которая незамедлительно дает мне понять — с попыткой его одурачить я провалилась. — Ну да, как же, Ливи! Кто он?

Бормочу ерунду, лихорадочно выискивая в голове какую-нибудь ложь, чтобы ему скормить.

— Просто....он....не важно! — Воскликаю я, начиная вышагивать по комнате. Грегори не обрадуется, не после наших разговоров о Миллере Харте.

— Это кофе-ненавистник, так? — У него обвиняющий голос, что усиляет мое раздражение.

— Возможно, — резко отвечаю. — Возможно, нет. — Зачем я это добавила, остается загадкой. Конечно, это кофе-ненавистник. Кому еще быть?

Я настолько занята попытками обмануть своего друга, что не замечаю, как за моей спиной появляется кофе-ненавистник, не замечаю до тех пор, пока его подбородок не оказывается у меня на плече, а его дыхание не щекочет ухо. Делаю вдох и, разворачиваясь, глупо это или нет, но сбрасываю звонок Грегори.

Миллер, задумавшись, хмурит брови:

— Это был мужчина.

— Подслушивать невежливо, — я нажимаю на кнопку отмены, когда телефон снова начинает звонить.

— Может и так, — он поднимает стакан с жидкостью, отрывая от стекла один палец и указывая им на меня. — Но, как я уже сказал, это был мужчина. Кто он?

— Это не твое дело, — говорю я, волнуясь и отводя взгляд от его обвиняющих синих глаз.

— Если я беру тебя в свою постель, это мое дело, Ливи, — замечает он. — Смотри, пожалуйста, на меня, когда я с тобой разговариваю.

Нет. Продолжаю глядеть в пол, мысленно задаваясь вопросом, почему просто не сказала ему, кто это был. Это не тот, о ком он думает, так какая разница? Мне нечего скрывать, но его требование будит во мне какое-то ребяческое бунтарство. Или же это мое благоразумие. Мне не нужно это выяснять, потому что мне начинает нравиться играть с этим мужчиной, что, несомненно, хорошо получается.

— Ливи, — он ловит мой взгляд, властно ведя бровью. — Если есть препятствие, я с радостью его устраню.

— Он друг.

— Что он хотел?

— Узнать где я.

— Зачем?

— Да потому что моя бабушка, должно быть, сказала ему, что ты был в доме, и он, сложив два и два, пришел к ответу, Миллер, — мое унижение растет с каждой секундой.

— Он знает обо мне? — спрашивает, его темные брови не выражают ни грамма раздражения.

— Да, он о тебе знает, — это становится глупостью. — Можно воспользоваться твоей ванной? — спрашиваю, желая сбежать и взять себя в руки.

— Можно, — он отрывает стеклянный стакан от своего тела и указывает им в сторону коридора, уходящего из гостиной. — Третья дверь справа.

Не трачу время, впитывая его вопросительный взгляд. Следую в направлении, указанном его стаканом и выключаю телефон, когда он снова начинает звонить. Я вхожу в третью дверь справа и прижимаюсь спиной к стене. Но раздражение обрывается, когда я охватываю взглядом колоссальное пространство перед собой. Это не ванная. Это спальня.

Глава 7

Я выпрямляюсь, осматриваю пространство и замечаю неприличную кровать, обтянутую кожей, огромную люстру, свисающую с потолка, и высокие, от пола до потолка, окна с самым изумительным видом на город. Я не должна так удивляться. Я знала, что у него роскошный дом, но здесь что-то еще. Я вижу две двери по периметру комнаты и, решив, что одна из них должна вести в ванную, иду по ворсистому кремовому ковру и открываю первую

дверь на своем пути, отчаянно стараясь не смотреть на кровать. Это не ванная, а гардеробная, если такое большое пространство вообще можно назвать гардеробом. В квадратной комнате высокие, до потолка, шкафы из темно-красного дерева и полки, огибающие три стены с отдельно стоящим комодом и диванчиком рядом с ним. Фасад комода представляет собой десятки маленьких ювелирных коробочек, все открыты и демонстрируют ряды запонок, наручных часов и булавок для галстука. Такое чувство, что если дотронусь до одной из коробочек, он узнает об этом. Я быстро закрываю дверь и спешу к следующей и оказываюсь в самой до безобразия гигантской, королевской ванной из всех, что я когда-либо видела. Вдыхаю, осматриваясь. Огромная ванна с декоративными ножками гордо стоит у окна, с замысловатыми кранами и ступеньками, ведущими к ней, а стенки душа оформлены мозаикой из кремово-золотого кафеля. Пытаюсь все это осмыслить. Не могу. Это слишком. Это не дом, а экспонат на выставку. Помыв руки, аккуратно вытираю их и расправляю полотенце, не желая оставлять в этом месте никаких следов.

Выхожу из его спальни и застываю, столкнувшись лицом к лицу с Миллером. Он опять хмурится.

— Шпионишь? — спрашивает он.

— Нет! Я искала ванную.

— Это не ванная, это моя спальня.

Бросаю взгляд на коридор, отсчитывая две двери перед той, что находится за моей спиной.

— Ты сказал «третья дверь справа».

— Да, и это следующая дверь, — он указывает на следующую, а я стою, абсолютно смутившись.

— Нет, — я оборачиваюсь и считаю в обратном направлении. — Один, два, три. — Показываю на дверь позади себя. — Третья дверь справа.

— Первая дверь — это шкаф.

Чувствую, как раздражение опять нарастает.

— Это все же дверь, — замечаю я. — И я не шпионила.

— Ладно, — он пожимает своими идеальными плечами и медленно хлопает своими идеальными глазами, а потом, весь такой совершенный, направляется по коридору. — Прощу сюда, — зовет он через плечо.

Злость вспыхнула. Кого он из себя возомнил? Мои конверсы начинают уныло плестись по коридору, догоняя его, но, когда я оказываюсь посреди холла, его там нет. Я смотрю на многочисленные двери, ведущие бог знает куда, но нигде его не вижу. Все эти незнакомые чувства сводят меня с ума.

Раздражение, смущение...желание, вожделение, страсть.

Я топаю по коридору, хватаю со стола свою сумку и направляюсь к входной двери.

— Куда ты идешь? — его спокойный голос щекочет мою кожу, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть его с вновь наполненным стаканом.

— Я уйду. Это была глупая затея.

Он идет вперед, немного удивленный:

— Ты по глупости ошиблась дверью, и это причина уходить?

— Нет, *ты* вызываешь у меня желание уйти, — кидаю в ответ. — Дверь не имеет к этому никакого отношения.

— Я заставляю тебя чувствовать себя неудобно? — спрашивает он. Улавливаю в его

голосе нотки озабоченности.

— Да, заставляешь, — соглашаюсь. Он заставляет меня чувствовать себя некомфортно столькими способами, что возникает вопрос: что я здесь вообще делаю.

Он подходит ко мне и, взяв меня за руку, осторожно тянет до тех пор, пока я не позволяю ему увести себя обратно в гостиную.

— Садись, — командует он, подталкивая меня к дивану. Забирает мою сумку и телефон, аккуратно ставя их на стол, после чего садится передо мной на корточки. Он опять так пожирает меня глазами. — Прости, что заставил тебя чувствовать себя неудобно.

— Ладно, — шепчу, мой взгляд опускается на его приоткрытые губы.

— Сейчас тебе буде не так некомфортно.

Я киваю, потому что слишком поглощена медленными движениями его губ, но мое видение обрывается, когда он встает и ставит свой стакан на стол, чуть стукнув им, после чего берет свой пиджак и уходит из комнаты. Смотрю ему в спину, хмурясь, слышу, как открывается и закрывается дверь. Что он делает? Озадаченным взглядом сканирую комнату, недолго восхищаясь произведениями искусства и думая, что его квартира слишком совершенна и идеальна, чтобы в ней вообще жить, а потом я снова возвращаюсь к вопросам. Чуть позже слышу, как открывается и закрывается дверь, и я почти давлюсь собственным языком, когда Миллер входит в комнату, одетый в свободные спортивные шорты черного цвета — ничего больше, только шорты. Да, его облаченное в костюм совершенство немного пугает, но, проклятье, это тоже не помогает. Сейчас я чувствую себя еще более несовершенной, а также похотливой. В моих мечтах мои губы уже обжигаются о его гладкие плечи, руки исследуют его твердую грудь и живот, обвиваются вокруг его подтянутой талии.

Он снова оказывается передо мной, садится на столик и берет свой стакан.

— Лучше? — спрашивает он.

Уверена, если бы смогла оторвать свой зачарованный взгляд от его торса, встретила бы с превосходством в его глазах, но я не могу осуждать его за это. Он, вне всяких сомнений, поражает.

— Нет, — пробегаюсь глазами вверх по его телу, пока не вижу, как он отпивает из стакана своими губами. Не спеша. — Как это должно помочь мне чувствовать себя комфортно? — спрашиваю я.

— Я в повседневной одежде.

— Нет, ты полуобнаженный, — украдкой бросаю еще один взгляд, пожирая его глазами.

— Я всё еще заставляю тебя чувствовать себя неудобно?

— Да.

Он вздыхает и снова покидает гостиную, только идет он не в сторону спальни. В сторону кухни. Пару секунд слушаю, как открываются и закрываются двери, после чего он опять оказывается передо мной, сидя на столике с подносом в руках. Ставит его рядом с собой, и я замечаю, что тот полон камешков и льда.

— Что это? — спрашиваю, придвигаясь ближе, чтобы посмотреть. Он прокручивает поднос и берет один камушек, наклоняется вперед и протягивает его мне.

— Давай посмотрим, сможем ли мы раскрепостить тебя, Ливи.

— Как? Что это? — киваю в сторону камушка в его руке и только сейчас замечаю, что со стороны он вогнут, внутри перламутровой раковины блестит что-то желеобразное.

— Устрицы. Открывай, — он придвигается ближе, и я отклоняюсь назад, на лице, наверное, легкое отвращение.

— Нет, спасибо, — говорю вежливо. Я не так много знаю об устрицах, но понимаю, что они неприлично дорогие, а еще они, вроде бы, афродизиак. В любом случае, я не собираюсь выяснять, потому что выглядят они гадко.

— Ты пробовала их раньше? — спрашивает он.

— Нет.

— Тогда должна, — он придвигается ближе, не оставляя мне больше места для отступления. — Открывай.

— Пробуй первый, — предлагаю, пытаясь выиграть время.

Он качает головой, начиная выходить из себя:

— Как пожелаешь.

— Желаю.

Он смотрит на меня, поднося ко рту устрицу, запрокидывает голову, но не отводит от меня взгляда. Его шея вытягивается и так и просит поцелуев, его горло напрягается. Он глотает мучительно медленно, и между моих ног появляется незнакомая тяжесть, заставляя меня дрожать. Блин, он слишком сексуален. Я горю.

Он выбрасывает раковину, хватая край моей футболки и рывком тянет меня к своему рту, тем самым застигнув врасплох, только я ничего не могу и не хочу делать, чтобы остановить его. Его голодное посягательство встречено такой же решимостью с моей стороны. Нахожу его плечи и впервые наслаждаюсь его обнаженной кожей под своими ладонями. Даже лучше, чем я себе представляла. Его язык страстно пробивается в мой рот, и я не могу сдержаться, принимаю его, пробуя солоноватый вкус устрицы до тех пор, пока Миллер не разрывает поцелуй. Он убирает с плеч мои руки, с шумом вдыхает, а я выдыхаю.

— Это не устрицы так влияют, — произносит он, вытирая рот тыльной стороной ладони, тянет меня к себе, наши носы соприкасаются. — Это ты так влияешь, сидишь здесь передо мной и обжигаешь своими прелестными глазками.

Хочу сказать, что у него самого такой же взгляд, но быстро останавливаю себя, полагая, что, возможно, он смотрит так на всех женщин. А может, он просто так смотрит и все. Не знаю, что сказать, так что молчу, вместо этого продолжая судорожно дышать, пока он удерживает меня на месте.

— Я только что сделал тебе комплимент.

— Спасибо, — бормочу я.

— Пожалуйста. Готова позволить мне насладиться тобой, Оливия Тейлор?

Я киваю, и он не торопясь придвигается. Его глаза постоянно перемещаются с моего рта на мои глаза, пока его губы ласково не касаются моих, на этот раз он расслаблен и нежен. Он посасывает мои губы и поднимается, увлекая меня за собой, снова сжимает мой затылок и начинает идти вперед, заставляя меня пятиться назад. Я позволяю ему вести себя до тех пор, пока мы не оказываемся в его спальне, и в ноги в районе коленей не упирается его кровать, и всё это время он не отрывается от моего рта. Он офигенно целуется, всепоглощающе, и это не похоже ни на что из того, что я когда-либо испытывала. Если это только начало предстоящего, хочу, чтобы следующие двадцать четыре часа длились вечно. Меня разрывает от желания, так же, как и его. Благоразумие опять испарилось.

Его рука оставляет мой затылок, и он, хватаясь за край моей футболки, тянет ее вверх, разрывая поцелуй, чтобы снять ее через голову, так что я силюсь отпустить его плечи и поднять руки. Мои длительные переживания из-за отсутствия сексуального нижнего белья давно забыты. Я, кажется, не могу сосредоточиться ни на чем, кроме *него*, его страсти и

силы. Ощущения близости поглощает все остальное, не оставляя никаких тревог и сомнений. Или, что еще более важно, что, в этом затуманенном ощущении его внимания исчез мой ген благоразумия.

— Так лучше? — спрашивает, опалая меня дыханием, он возбужденно упирается мне в живот.

— Да, — выдыхаю, зажмуривая глаза и пытаюсь осмыслить происходящее.

— Не лишай меня своих глаз, Ливи, — его руки накрывают мои щеки. — Открой их.

Открываю. В поле зрения тут же оказывается взгляд искрящихся синих глаз.

Наклоняясь, сладко меня целует.

— Мне нужно напоминать себе, что я должен взять тебя не спеша.

— Я в порядке, — заверяю его, потянувшись и положив ладони на его обнаженный торс. Он ведет себя как джентльмен, и я благодарна, но не уверена, что хочу медленного секса. Желание, разрывающее меня изнутри, становится сложно контролировать.

Он отстраняется и улыбается, а я западаю еще больше.

— Я собираюсь предаваться этому с тобой медленно, — он тянется вниз и начинает расстегивать молнию на моих джинсах. — Действительно медленно.

— Почему? — спрашиваю, глупо это или нет.

— Потому что такое удовольствие следует растягивать, а не набрасываться на него. Скинь свою обувь.

Делаю так, как мне сказано, и смотрю, как он встает на колени и стягивает с меня грубую ткань, отбрасывает джинсы в сторону, после чего запускает пальцы под резинку моих трусиков. Он медленно стягивает их, заставляя меня поднять каждую ногу по очереди так, чтобы он мог избавиться от белого хлопка. Потянувшись вперед, целует меня осторожно, только верхнюю часть бедер, и я заметно напрягаюсь, но не из-за нервов. Не чувствую ни капли волнения. Он так нежен со мной, но ноющая боль внизу живота увеличивается с каждой секундой.

Он поднимается на ноги и проводит руками вдоль спины, находя застезку лифчика, его рот останавливается у самого уха.

— Ты на противозачаточных?

Отрицательно качаю головой, надеясь, что это не его остановит. Мой менструальный цикл регулярен и легко протекает, и у меня совсем не активная половая жизнь.

— Хорошо, — шепчет он, снимая с меня лифчик. — Сними мои шорты.

Я колеблюсь от его просьбы, желание увидеть его обнаженным пробуждает во мне чувство нервозности, и это глупо, учитывая тот факт, что я сама полностью обнажена.

Его руки вдруг оказываются на моих и направляют к ремню на его шортах.

— Останься со мной, Ливи, — его слова приводят меня в действие, и я медленно, осторожно стягиваю шорты с его мускулистых бедер, не решаясь посмотреть вниз. Я удерживаю взгляд на его великолепном лице, находя это более успокаивающим. Тем не менее, не могу избежать этого, когда он, освобождаясь от шорт, едва касается моего живота. Я тихо выдыхаю, непроизвольно отступая от него, но он движется вместе со мной, обнимая за талию и хватая за ягодицы. — Тише, — шепчет он. — Расслабься, Ливи.

— Прости, — роняю голову, чувствуя глупой и злясь на саму себя. Снова закрадываются сомнения, и он, должно быть, чувствует их тоже. Он поднимает меня к своей груди и несет к кровати, осторожно опускает на нее и, взяв что-то в верхнем ящике прикроватного столика, нависает надо мной, расставив ноги по обе стороны от моей талии, его твердый горячий

член оказывается в поле моего зрения. Я заикливаюсь на мыслях еще сильнее, когда он, встав на колени, сжимает себя рукой. Я быстро перевожу взгляд на его лицо, видя, как он смотрит вниз, губы приоткрыты, и на лоб спадает тот самый локон. Эта картина доставляет удовольствие, но наблюдать за тем, как он медленно разрывает упаковку презерватива зубами и с легкостью раскатывает его по своему члену, за гранью удовольствия, и я задумываюсь, что же нам предстоит впереди.

— Все хорошо? — спрашивает он, поставив руки по обе стороны от моей головы и коленом раздвигая мои бедра.

— Да, — киваю, когда говорю, не совсем уверенная, что делать со своими руками, которые безвольно лежат по сторонам, но затем я чувствую его у своего входа, и руки рефлекторно поднимаются к его груди.

Он смотрит на меня, и мои глаза отказываются покинуть его лицо, даже когда я отчаянно хочу их зажмурить и затаить дыхание.

— Готова?

Я опять киваю, и он входит в меня осторожно, медленно раздвигая меня и проскальзывая внутрь, шумно выдыхая. Боль прожигает меня, заставляя тихо захныкать и впиться короткими ногтями в его плечи. Знаю, что чувство дискомфорта написано на моем лице, но я никак не могу это остановить. Больно.

— Господи, — выдыхает он, — Боже, Ливи, ты такая тугая. — Напряженное выражение на его лице говорит мне, что ему тоже нелегко. — Я делаю тебе больно?

— Нет! — я вскрикиваю.

— Ливи, скажи мне, чтобы я мог это исправить. Я не хочу делать тебе больно, — он опирается на свои руки, оставаясь неподвижным, ожидая моего ответа.

— Больно, совсем немножко, — признаю я, начиная лихорадочно дышать.

— Понимаю, — он осторожно отступает, но не выходит до конца. — Раны на моих плечах тому доказательство.

— Мне жаль, — я тут же освобождаю его от своей ужасной хватки, и он снова толкается вперед, только наполовину в этот раз.

— Не надо. Продолжай кусаться и царапаться, когда я буду тебя трахать, — он улыбается, и мои глаза распахиваются. — Ну же, Ливи. — Он медленно выходит и входит снова. — Не будь робкой. Мы сейчас разделяем самый интимный акт.

Чувствую, как приподнимаются мои бедра, желая получить его глубже в себя, когда боль немного утихла.

— Ты меня дразнишь, — он опускается на локти и добирается губами до моего рта, выходя немного и снова толкаясь уже немного сильнее, кружа своими бедрами. — Скажи, какие ощущения?

— Хорошо! — выдыхаю, приглашая его усилить движения, снова подмахнув бедрами.

— Согласен, — он накрывает мои губы своими и дразнит мой рот легкими касаниями языка. Это уже слишком. Пытаюсь пленить его губы, но он отстраняется. — Не спеши, — шепчет он, идеально двигаясь назад и вперед, глядя вниз на меня и лениво моргая, подчеркивая тем самым свое ласковое проникновение. Это и правда интимно, он меня укрощает, как и обещал. Тишина вокруг нас нарушается только нашими соприкасающимися телами и тихими, беспорядочными вдохами. Прямо сейчас я задаюсь вопросом, почему пряталась от этого. Не похоже ни на что из того, что я помню. Именно таким должен быть

секс — два человека, разделяющие наслаждение, никто не спешит к финишу, забыв учесть желания второго. Именно такими я помню все свои предыдущие свидания. Все это бесконечно далеко. Происходящее сейчас особенно. Это то, чего я хочу. Знаю, что не должна так думать, особенно после того, как согласилась на двадцать четыре часа и ничего больше, но если в воспоминаниях останется только это — его взгляд, ощущение его, пока он наслаждается мной, — тогда, думаю, я смогу справиться с последствиями.

Чувствую, как внутренние мышцы, о существовании которых никогда не подозревала, сжимаются вокруг него, обостряя ощущения от каждого его изумительного движения, толкающего меня навстречу... чему-то. Не знаю чему, но знаю, что это будет хорошо.

Он наклоняется и целует мой нос, опускаясь к губам:

— Ты напряжена внутри. Скоро кончишь?

— Не знаю.

— Не знаешь? — задыхается он. — Ты никогда не кончала?

Качаю головой под его губами, не чувствуя ни грамма стыда. Я слишком поглощена невероятной тяжестью внизу живота, нарастающей с каждым осторожным толчком его бедер. Я никогда не кончала во время секса с мужчиной. Каждая встреча вызывала у меня отвращение, заставляя задаваться вопросом, что такого находила в этом моя мама, чему не могла сопротивляться. Я не могла понять, что за удовольствие это может доставить — никогда не думала, что это может быть вот так. Чувствую, что вся моя рациональность улетучилась.

— Вот черт! — его лицо отстраняется от моего, бедра врезаются в меня чуть более бесконтрольно. — У тебя никогда не было оргазма?

— Нет! — я впиваюсь в его плечи, отчаянно трясая головой. Боль уже совсем ушла. О Господи, она ушла, и на ее место пришло что-то еще... — Миллер!

— Охм, ты сладкая штучка, — его движения снова под контролем, но стали решительнее — четче и последовательнее. — Ливи, ты только что сделала меня очень счастливым мужчиной.

Ногти опять впиваются. Не могу это контролировать. Горячие искры разрывают мое лоно:

— Аах!

Он опускает ко мне лицо и ласково целует. Однако я не ласковая. Я голодна, и лихорадочные движения моего рта тому доказательство.

— Притормози, — голосом полным отчаяния шепчет он, пытаюсь руководить мной, намеренно медленно целую.

Я с ума схожу: глаза закатываются, руки сжимают кудри его темных волос. Но я не притормаживаю. Не могу. Ощущаю необходимость по мере того, как давление растет и растет с каждым восхитительным толчком его бедер.

— Сейчас, — он отрывается от моего рта и, опираясь на руки, решительно врывается в меня. Я не могу добраться до его губ, чтобы поцеловать, и его волос, чтобы сжать их пальцами. — Какие ощущения, Ливи? Скажи мне. — Челюсть напряжена, взгляд вдруг стал предельно серьезным.

— Хорошо!

— Насколько? — он доставляет мне наслаждение всё больше и больше и больше.

— Слишком хорошо!

— Готова кончить?

— Не знаю! — это оно и есть? Чувствую, что выхожу из-под контроля, практически схожу с ума.

— Милая девочка, ты не видела жизни, — его темп нарастает, так же, как и давление внизу. Руки вцепляются в его плечи и подталкивают, голова начинает метаться из стороны в сторону.

— Боже! — вскрикиваю я. — Твою мать!

— Это оно, Ливи, — все становится неистовым: наше дыхание, крики, пот, напряжение и связь между нами. Но он по-прежнему поддерживает этот четкий, простой ритм. — Отпусти себя.

Я представления не имею, что происходит. Комната начинает вращаться, между ног будто что-то взрывается, и я кричу. Не могу остановить это. Запрокидываю руки за голову, а Миллер опускается на меня, в своей кульминации рыча мне в ухо, задыхаясь и впитывая мою влажную кожу. Пульсация, его внутри меня и моя вокруг него, такая комфортная, как и его обрывистое дыхание у моего уха.

— Спасибо, — выдыхаю, даже не чувствуя себя глупой за выказывание своей благодарности. Он единственный, кто постоянно напоминает мне о моих манерах. То, что он сейчас для меня сделал, заслуживает благодарности. Проклятье! Это было за гранью моих самых высоких ожиданий.

— Нет, тебе спасибо, — выдыхает он, покусывая мое ухо. — Наслаждение было стопроцентно моим.

— Поверь, не только твоим, — настаиваю, улыбаясь, когда чувствую его улыбку у своего уха. Мне отчаянно нужно увидеть ее, поэтому я поворачиваю к нему лицо, находя самый потрясающий вид — широкая мальчишеская улыбка, заставляющая глаза сиять, как сумасшедшие. Появилась ямочка, которой я прежде не замечала. Тот, кого я вижу сейчас, в миллион раз отличается от кофе-ненавистника, закрытого, совершенного, всемогущего мужчины, который абсолютно пленил меня. — Ты такой симпатичный, когда улыбаешься.

Улыбка тут же исчезает с его лица, сменяясь строгой хмуростью:

— Симпатичный?

Это, возможно, не самый лучший выбор слова для такого мужественного лица, но он правда был симпатичным. Не сейчас, потому что он больше уже не улыбается, но изгиб его губ, открывший ту ямочку, и блеск в синих глазах показали мне абсолютно другого мужчину, мужчину, который появляется так нечасто.

— Ты редко улыбаешься, — говорю, немножко осмелев. — Стоит сделать над собой усилие. Ты выглядишь не таким пугающим, когда улыбаешься.

— Так, я превратился из симпатичного в пугающего? — он опирается на руки, приблизив ко мне свое лицо, нос к носу, лоб ко лбу.

Я киваю, заставляя его кивнуть тоже:

— Ты немножко пугаешь.

— Или, может, ты слишком милая.

— Нет, ты слишком пугающий, — утверждаю, чувствуя его пульсацию внутри себя. Вся нервозность ушла, оставив спокойствие и безмятежность. Приятное чувство, и сделал это он.

— Мы придем к соглашению не соглашаться, — он снова пугает, но спокойствие все еще здесь. Теперь многого стоит выдернуть меня из этого расслабленного состояния.

Выскользнув из меня, он смотрит вниз между моих ног и стягивает презерватив:

— Вот мы тебя и опробовали, Ливи.

Морщусь от полного у него отсутствия такта:

— Благодарю.

— Пожалуйста, — он сползает вниз по кровати и устраивается между моих ног, смотря на меня сверху вниз. — Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, — отвечаю нерешительно. — А что?

— Просто проверяю, нужен ли тебе перерыв. Скажи только слово, и я остановлюсь, хорошо? — он прижимается губами к верхней части моих бедер, провоцируя отступившие было ощущения оживиться. Я начинаю дрожать. Мне нужно больше времени на восстановление.

— Хорошо, — шепчу я, отбрасывая голову на подушки и разглядывая высокий потолок. Не думаю, что когда-нибудь скажу ему остановиться. — Блин! — я дергаюсь, когда что-то горячее и влажное касается изнывающего клитора. Голова взлетает, мышцы живота напрягаются, и руки, впиваясь в простыни, сжимаются в кулаки. Моя вспышка игнорируется, и он садится, взяв мою ногу, сгибает и поднимает ее так, чтобы мог поцеловать мою ступню. Хочу откинуть голову назад, ругаться и кричать, но не могу пошевелиться из-за этих чертовых синих глаз, смотрящих на меня. Я едва справляюсь с ощущением его языка, бегущего вверх по щиколотке к голени. — Так приятно, — признаюсь, когда он дюйм за дюймом продвигается вверх, пока не оказывается у моего живота и начинает скользить губами вокруг пупка, потом спускаясь по другой стороне.

— Хочешь, чтобы я продолжал?

— Да, — хриплю я, ноги дрожат, мышцы напряжены.

— Тогда я продолжу, — он щипает внутреннюю сторону моего бедра. — Скоро мой рот окажется здесь, — произносит он тихо, проталкивая в меня палец, совсем немного. — Тебе понравится?

Я киваю, и он кружит пальцем, вызывая у меня протяжный, низкий стон.

— О Боже, — выдыхаю, лежа на кровати, подтягиваю к себе край простыни и позволяя ему укрыть свое лицо.

Миллер почти смеется, убирая простынь с моего лица, но мои глаза остаются плотно закрытыми, даже когда чувствую, как он ползет вверх по кровати, накрывая меня собой наполовину, его палец по-прежнему во мне.

— Открой.

Решительно качаю головой, мозг фокусируется на ощущениях его пальца внутри меня. Он не двигается, но я продолжаю пульсировать вокруг него, а потом чувствую губы в уголке своего рта и поворачиваюсь к источнику тепла, открываясь ему, шире развожу ноги в приглашающем жесте. Я мурлычу. Звук низкий и надломленный, явный признак моего наслаждения, но я хочу, чтобы он знал. Хочу, чтобы он слышал, как я себя чувствую.

— Люблю этот звук, — шепчет он, вытаскивая палец и медленно вводя второй. Я хнычу. — Вот опять.

— Мне хорошо, — тихо произношу ему в губы. — Действительно хорошо.

— Мы сошлись только в этом, — его губы оставляют мой рот и начинают путешествовать вниз между скромных груди и по животу, пальцы продолжают толкаться в меня и выходить, размеренно и осторожно. — Было бы преступлением отказаться от этого, Ливи.

— Знаю! — живот скручивается и превращается в тугий узел, движения тела становятся беспорядочными.

— Подумать только, я мог это упустить, — вдруг пальцы исчезают, и он двигается быстро.

— Оох, — верхняя часть тела взмывает вверх, когда он раздвигает мои складки и легким касанием языка касается моего клитора. — Охххх, — я падаю обратно на постель, закрывая лицо ладонями, ноги лихорадочно двигаются.

Он утыкается глубже в меня, жар его рта полностью захватывает меня, его рот нежно посасывает. Сейчас я распознаю сигналы. Узнаю тяжесть внизу живота, отчетливую пульсацию в клиторе и потребность напрячься везде. Я снова собираюсь кончить.

— Миллер! — стону, цепляясь руками за волосы и сжимая их.

Он отпускает меня из плена своего рта и хитро прокладывает языком дорожку прямо к центру моей плоти.

— Нравится?

— Да!

Он вдруг оказывается на коленях и подсовывает под меня руки, хватая за задницу, одним резким движением нижняя часть моего тела оказывается оторванной от кровати.

— Закинь ноги мне на плечи, — требует он, помогая мне поднять их до тех пор, пока они не оказываются обернутыми вокруг его тела. Он держит меня с легкостью и тянет к себе, чтобы прижаться губами к моим нежным тканям. — На вкус ты невероятная, — его рот начинает мучительный танец с моими чувствительными местечками, врываясь в мою плоть и посасывая клитор. — Совершенная, Ливи.

Не могу признать это. Меня бросили в чувственную крайность, тело отчаянно пытается справиться с приступами удовольствия. Это незнакомая территория. За гранью моего воображения. Как будто переживаю астральное путешествие.

Лодыжки прижаты к его спине, подталкивая его ближе, его руки путешествуют по моему телу, нежно поглаживая и массируя. Открываю глаза и смотрю на него, стоящего на коленях, прижимающего меня к себе, взгляд синих глаз прикован ко мне. Это взгляд отправляет меня с обрыва. Спина выгибается, в кулаках сжимаю простыни по обе стороны от себя. Хочу кричать.

— Отпусти себя, Ливи. — шепчет он в мою плоть. И я отпускаю.

Я прекращаю подавлять давление в легких, и оно вырывается наружу громкими выкриками его имени, бедра напрягаются у его лица, голова запрокидывается.

— О Господи, Боже, Боже! — задыхаюсь, пытаюсь ясно думать. Это нехорошо. Ничто не может протолкнуться через шоковую стену, когда тело становится слабым, а голова пустой. Я потеряла контроль над всем. Над головой. Над телом. Над сердцем. Он забирает каждую часть меня. Я в его милости. И мне это нравится.

Я опускаюсь на кровать и ничего не могу поделать, когда он ложится рядом, за моей спиной, прижимая к своей твердой груди.

— Что насчет тебя?

— Сначала дам тебе восстановиться. Я смогу выдержать достаточно долго. Давай просто пообнимаемся.

— Оо, — шепчу, задаваясь вопросом, сколько продлится это «достаточно долго». — Ты хочешь пообниматься? — Никогда бы на свете не подумала, что простые объятия будут включены в мои двадцать четыре часа.

— Обниматься это мое с тобой, Оливия Тейлор. Я просто хочу держать тебя. Закрывай глаза и наслаждайся тишиной, — он аккуратно убирает копну моих волос медового оттенка,

чтобы иметь доступ к моей спине, после чего начинает неспешно и чарующе осыпать мою кожу поцелуями. От этого мои глаза тяжелеют, меня охватывает удовольствие от полученного внимания, от его тепла, окутывающего каждый дюйм моей спины, когда он дарит мне свое.

Я наконец понимаю, в каком одиночестве я жила.

Глава 8

Я просыпаюсь в кромешной темноте, обнаженная и абсолютно сбита с толку. В течение нескольких секунд пытаюсь сориентироваться и, когда получается, я улыбаюсь. Чувствую спокойствие. Умиротворение. Я расслаблена и перенасыщена эмоциями, но, когда поворачиваюсь на бок, его рядом нет.

Я сажусь и пробегаю глазами по комнате. Может, стоит найти его? Или лучше остаться здесь и дожидаться его возвращения? Что мне делать? Я успеваю сходить в ванную комнату и удостовериться, что оставила там все, как было, когда дверь открывается и появляется Миллер. На нем снова черные шорты, совершенство его полуобнаженного тела бросается в мои сонные глаза так, что мне приходится моргать просто для того, чтобы удостовериться в реальности происходящего. Он смотрит на меня, стоящую перед ним и нервничающую, закутавшуюся в простынь и, вероятно, с птичьим гнездом на голове.

— Ты в порядке? — спрашивает он, подходя ко мне. Его волосы выглядят восхитительно, темные пряди спутаны в полном беспорядке, тот самый локон идеально спадает на лоб.

— Да, — сильнее кутаюсь в простынь, думая, что, возможно, стоило бы одеться.

— Я ждал тебя, — он берет простынь и тянет из моей хватки до тех пор, пока оба края не оказываются в его руках. Он раскрывает ее, подставляя мое обнаженное тело взгляду сверкающих синих глаз. Его губы не улыбаются, в отличие от его глаз. Он шагает вперед и оборачивает края простыни вокруг своих плеч так, что мы оба оказываемся в хлопковом плену. — Как ты себя чувствуешь?

Я улыбаюсь:

— Хорошо, — даже намного больше, чем хорошо, только ему об этом не скажу. Я знаю, зачем я здесь, и это знание больно задевает совесть и мои моральные принципы каждый раз, когда я думаю об этом. Так что просто избавлюсь от подобных мыслей.

— Просто хорошо?

Пожимаю плечами. Чего он хочет? Эссе в тысячу слов о моем нынешнем состоянии головы и тела? Я, наверное, смогла бы написать десять тысяч слов.

— Действительно хорошо.

Его руки обвиваются вокруг моей задницы и сжимают ее:

— Есть хочешь?

— Только не устрицы, — с содроганием выпаливаю я.

Он освобождается из плена простыни и кутает в нее меня с невероятной заботой.

— Нет, не устрицы, — соглашается он, слегка покусывая мои губы. — Накормлю тебя чем-то еще. — Его рука находит мой затылок и разворачивает меня, выводя из кухни.

— Мне надо одеться, — говорю, не пытаюсь его остановить, но желая, чтобы он узнал, что мне не слишком комфортно в одной только в простыне на голое тело.

— Нет, мы поедим, потом примем ванну.

— Вместе?

— Да, вместе, — он не обратил должного внимания на мой обеспокоенный тон. Я могу принять душ или ванну сама. Не хочу, чтобы он боготворил меня до такой степени.

Он приводит меня на кухню и сажает на стул за огромным обеденным столом, и я благодарна хлопковым богам за простынь, защищающую меня от холодного сиденья под попой.

— Который час? — спрашиваю, мысленно надеясь, что не провела за сном большую часть отведенных нам двадцати четырех часов.

— Одиннадцать часов, — он открывает зеркальные дверцы широкого двойного холодильника и начинает переставлять в сторону одни продукты и выставлять на столешницу рядом с собой другие. — Я выделил тебе два часа на сон, потом собирался разбудить. — Он ставит в сторону бутылку шампанского и поворачивается ко мне. — Ты проснулась как раз вовремя.

Я улыбаюсь, кутаясь в простынь, и думаю, насколько приятнее было бы проснуться от взгляда этих глаз на себе.

— Ты не возражаешь, если я оденусь? — спрашиваю я.

Он склоняет голову набок, немного щуя глаза:

— Тебе некомфортно в своем теле?

— Ага, — уверенно отвечаю, хотя никогда прежде не задавалась этим вопросом. Знаю, что я немного худая, Нан напоминает мне об этом каждый день, но правда, комфортно ли мне? То, как я прижимаю к себе простынь, говорит само за себя.

— Хорошо, — он поворачивается обратно к холодильнику. — Значит, решено, — появляется миска, доверху наполненная большой сочной клубникой, а потом он открывает шкафик, в котором ровными рядами один за другим выстроены бокалы для шампанского. Миллер берет два и ставит передо мной, затем миску с клубникой — вся помыта и очищена, — после этого он в другом ящике берет охлаждающее ведерко и наполняет его льдом из автомата в холодильнике. Ведерко стоит передо мной, шампанское опущено в лед, а *М.* у плиты надевает прихватку. Я с восхищением смотрю на то, с какой легкостью он перемещается по кухне, каждое движение четкое и просчитанное, и каждое совершается с особой тщательностью. Все, чего *он* касается, не остается на одном месте надолго. *М.* двигает все или переставляет до тех пор, пока не оказывается счастлив и берется за что-то другое.

Прямо сейчас он идет ко мне с металлическим подносом в руках, на котором дымится прозрачная миска.

— Не передашь мне, пожалуйста, вон ту подставку?

Я смотрю в указанном им направлении и встаю так быстро, как позволяет простынь, беру подставку для металлического подноса и ставлю ее рядом с миской клубники, шампанским и бокалами.

— Вот, — говорю я, садясь обратно на свое место, и наблюдаю за тем, как он передвигает подставку на пару миллиметров вправо и, уже потом, ставит на нее поднос. Тяну шею и заглядываю в миску, где обнаруживаю расплавленный шоколад. — Выглядит изумительно.

Теперь он рядом со мной, двигает соседний стул и садится на него:

— На вкус тоже изумительно.

— Можно макнуть? — спрашиваю, готовясь погрузить туда палец.

— Свой пальчик?

— Да, — смотрю на него и нахожу темные вздернутые осуждающе брови.

— Слишком горячо, — он берет бутылку шампанского и начинает открывать его. — В любом случае, именно для этого у нас есть клубника.

Его нахмуренное лицо и резкие слова заставляют меня почувствовать себя ребенком.

— Значит, я могу макнуть клубнику, но не палец? — вижу, как он смотрит на меня краем глаза, продолжая возиться с пробкой.

— Полагаю, что так, — он отмахивается от моего сарказма и наливает шампанское, только после того, как собирает мусор в крошечную горстку на краю тарелки.

Передает мне бокал, и я начинаю качать головой:

— Нет, спасибо.

Он едва сдерживает вздох:

— Ливи, это Дом Периньон Винтаж 2003 года. Нельзя говорить *нет* этому. Возьми, — он толкает бокал вперед, я назад.

— Я не хочу, но спасибо.

Шокированный взгляд превращается в задумчивый:

— Ты не хочешь пить конкретно это или *вообще* что-либо?

— Вода бы подошла, пожалуйста, — я на этом не останавливаюсь, — я ценю то, что ты устроил с клубникой и шампанским, но я бы лучше выпила воды, если ты не возражаешь.

Совершенно ясно, что он шокирован моим отказом от этого дорогого напитка, но не настаивает, и я благодарна:

— Как пожелаешь.

— Спасибо, — я улыбаюсь, когда он оставляет меня, чтобы заменить шампанское водой.

— Скажи, что любишь клубнику, — просит он, доставая бутылку «Эвиан» и снова присоединяясь ко мне.

— Я обожаю клубнику.

— Какое облегчение, — Миллер откручивает крышку и наливает воду в другой бокал. — Окажи любезность, — говорит он, поймав мой нахмуренный взгляд. Я принимаю бокал и смотрю, как *М.* тщательно выбирает клубнику, макает ее в миску и осторожно покручивает, покрывая сочную ягоду шоколадом. — Открывай, — свободной рукой он хватается за край сиденья моего стула и подвигает меня ближе так, что я уютно пристраиваюсь между его ног. Его голый торс немного отвлекает.

Я открываю рот на автомате, в основном, потому что глазею на его такую близкую красоту, и он, удерживая мой взгляд, подносит к моему рту ягоду до тех пор, пока я не чувствую, как она щекочет мои губы. Обхватываю ее губами и впиваюсь зубами, откусывая краешек сочного плода.

— Ммм, — я счастливо мурлычу и тянусь, чтобы поймать с подбородка капельку клубничного сока, но мою руку останавливают, прежде чем я успеваю вытереть рот.

— Дай я, — шепчет Миллер, его губы фокусируются на моем подбородке и медленно слизывают капельку сока, прежде чем он кидает оставшийся кусочек ягоды к себе в рот. Прямо сейчас я начинаю медленнее пережевывать, ловя восхитительные движения его рта. Он глотает. — Вкусно?

У меня полный рот, так что я просто киваю — я помню о навязывании манер Миллером — и поднимаю палец, прося секунду, чтобы быстро дожевать. Я облизываю губы и снова

тянусь к миске.

— Ты должен угостить меня еще одной.

Его глаза искрятся, когда он выбирает клубнику, макает ее и опять прокручивает.

— Было бы еще вкуснее с шампанским, — размышляет он, переводя на меня свой взгляд.

Я игнорирую его и ставлю свою воду на стол.

— Что это за шоколад?

— Эм, — он подносит клубнику к моему рту, но на этот раз проводит шоколадом по моей нижней губе, и я тут же вытягиваю язык, чтобы облизнуть губы. — Нет, — он качает головой, обвивает рукой мою шею и тянет к себе. — Я сам, — шепчет мне в лицо, двигаясь навстречу.

Не отталкиваю его. Позволяю убрать беспорядок, который он сделал, и пользуюсь возможностью положить ладони ему на бедра, по обе стороны от своих коленей. Провожу руками вдоль темных волосков на его ногах, наслаждаясь ощущениями, пока он заканчивает с моим ртом, целуя уголок губ, центр, затем другой уголок.

— Что это за шоколад? — повторяю тихо, стараясь забыть всю сладость еды, и вместо этого пробую на вкус Миллера.

— «Green and Black's», — *М.* предлагает мне клубнику, и я беру ее, удерживая между зубами. — В нем должно быть как минимум восемьдесят процентов какао. — Клубника, которую я держу, мешает мне спросить почему, так что я хмурюсь, заставляя его продолжать. — Горькость шоколада и сладость клубники делают вкус таким особенным. Добавь шампанское и получишь идеальную комбинацию. И клубника просто *обязана* быть британской. — Он наклоняется и откусывает зажатую у меня в зубах клубнику, сок брызгает между нами.

Плевать на сок на подбородке и на то, что рот полный:

— Почему?

Он заканчивает жевать и глотает:

— Они самые сладкие из всех, что можно купить. — *М.* подбирается руками мне под бедра и поднимает, тянет меня вперед так, что я оказываюсь верхом на нем. Он мучительно долго вытирает мой рот. От этого моя кожа горит и дыхание постоянно обрывается, когда я пытаюсь сдержать порыв наброситься на него. Простынь отброшена, полностью открывая ему мою наготу. — Время принимать ванну.

— Тебе не нужно купать меня, — замечаю я, задаваясь вопросом, как далеко он собирается пойти в своем преклонении передо мной. Чувствую себя невероятно особенной, но могу и сама принять ванну.

Он берет мои руки и кладет себе на плечи, собирает медовые локоны, обрамляющие мое лицо.

— Мне совершенно точно необходимо *искупать* тебя, Ливи.

— Почему?

Он встает, держа меня под ягодицы, и несет к зеркальным дверцам холодильника. Ставит меня на ноги и разворачивает так, чтобы я оказалась лицом к зеркалам. Смотрю в отражение. Чувствую себя неудобно, особенно когда перевожу взгляд на Миллера позади меня, его взгляд путешествует по моему телу. Мои глаза опускаются к полу, но быстро взмывают вверх, когда я чувствую, как его торс прижимается ко мне, его твердый член прижимается к моему копчику — горячий и влажный. Его шорты исчезли.

— Чувствуешь себя лучше? — спрашивает Миллер, удерживая мой взгляд в зеркале, и тянется, чтобы нежно обхватить мою грудь.

Киваю, хотя на самом деле хочу сказать нет. Он пугает меня по всем фронтам, но все это очень затягивает.

Нежно сжимает мою грудь.

— Такая аппетитная, — шепчет он, не спеша двигая губами. — Идеально округлая. — Слегка сжимает мои соски, целуя в ушко. — И невероятно вкусная.

Закрываю глаза и прижимаюсь к нему спиной, но мое блаженное состояние прерывается, когда он легко толкает меня, прижимая к холодной поверхности холодильника, моя небольшая грудь прижата к зеркалу, я поворачиваю лицо так, чтобы щекой касаться холодной поверхности.

— Не двигайся, — он исчезает, но возвращается через несколько секунд, коленом толкается между моих ног и разводит их в стороны, после чего берет мои руки, обе одновременно, и поднимает их над моей головой, кладя на зеркальную поверхность. Я распята на поверхности холодильника, прижата к стеклу и могу видеть *его* только своим боковым зрением. У него в руках миска с шоколадом, и, прежде чем я могу даже перестать думать о его следующем действии, он опрокидывает все содержимое мне на плечи, теплый шоколад заставляет меня дернуться от неожиданности, ощущения шоколада, стекающего вниз по моей спине, ягодицам и ногам, заставляет меня молить о помощи. Понадобится время, чтобы слизать все это с меня, и я раньше уже чувствовала на себе его язык. Я никогда не смогу пройти через это, не закричав или не обернувшись, чтобы наброситься на Миллера. Я начинаю дрожать.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Слышу, как он ставит миску на столешницу позади меня, а еще я отчетливо слышу звон стекла на мраморе, что говорит о наведении порядка. Он только что вылил на меня расплавленный шоколад, а теперь беспокоится о местоположении миски?

Оторвав лицо от зеркала, смотрю на его отражение и вижу, как он идет ко мне. Его член стоит и свободно подпрыгивает при каждом шаге Миллера, в руке пакетик из фольги. Я сглатываю и прислоняюсь лбом к стеклу, морально готовясь к сладкой пытке, которую вот-вот испытаю.

— Видишь? Теперь мне, действительно, нужно помыть тебя, — его теплые ладони оказываются на внешней стороне моих бедер и скользят вверх по бокам, талии, ребрам — пока его руки не останавливаются на моих плечах, массируя, его большие руки растирают шоколад. Моя голова запрокидывается, стон срывается с губ, низ живота сжимается в предвкушении.

Продолжая свои прикосновения вниз по моему позвоночнику, Миллер пальцами накрывает ягодицы, затем кромку бедер, вниз, вниз, вниз до тех пор, пока он не опускается на колени позади меня. Я сейчас взорвусь. Слышаюсь, но полна вопросов, спокойна и схожу с ума... полна жизни и таю в его руках.

— Ливи, я не уверен, что двадцати четырех часов достаточно, — шепчет он, вырисовывая круги по моей щиколотке. Закрываю глаза и стараюсь отвлечься от слов, которые хочу сказать. Это не поможет. Он возбужден, вот и все — минутная слабость.

Кончик этого чертова пальца обжигает голень, пока не замирает на задней стороне коленной чашечки. Ноги подкашиваются.

— Миллер, — выдыхаю, скользя ладонями по зеркальной поверхности.

— Ммм, — мурлычет он, заменив палец своим языком, хитро проводя дорожку вдоль моего бедра к ягодице. Впивается в нее зубами, сжимая плоть и всасывая...сильно.

— Пожалуйста, — умоляю я. Делаю то, что, клялась, никогда себе не позволять. — Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста.

— Пожалуйста, что? — он на моей спине теперь, продвигаясь вдоль позвоночника, лижет, посасывает и кусает во время своего путешествия. — Скажи мне, чего ты хочешь.

— Тебя, — я задыхаюсь. — Я хочу тебя. — Смущения как не бывало, но сладкая тяжесть снова растет, жар несется по венам, не оставляя места стыду.

— Как и я хочу тебя.

— Можешь взять меня, — поворачиваю голову, когда он накрывает мой затылок и усиливает хватку, нахожу ясный взгляд, синее тропических вод.

— Не могу понять, как что-то настолько красивое может быть таким чистым, — он осматривает мое лицо, удивляясь румянцу, оставленному жаром его взгляда. — Спасибо тебе. — Целует меня безумно нежно, его руки хозяйничают везде, пока не опускаются вниз по моим, в шоколаде, и не накрывает ладонями мои стиснутые кулаки.

Я знаю ответ на его вопрос, но он не спрашивает прямо, так что я избегаю лишних слов. Это не то, о чем идет речь. Для него это удовлетворение своей похоти. Для меня это способ решить проблему, которую сама себе нашла — я должна продолжать говорить себе это.

— Повернись, чтобы я мог тебя видеть, — говорит мне в губы, помогая развернуться. Когда моя покрытая шоколадом спина оказывается прижатой к холодильнику, он делает шаг назад и осматривает меня с ног до головы. Я не смущаюсь, потому что слишком занята, рассматривая гору покрытого шоколадом совершенства — широкие плечи, упругая талия и сильные бедра...толстый, длинный пенис, стоящий в паху. У меня слюнки текут, глаза прикованы к одной этой области, несмотря на обильное количество других твердых совершенных частей тела, которыми мог бы насытиться мой взгляд. Хочу попробовать Миллера на вкус.

Мои глаза врезаются в его, когда он подходит ко мне, и видят как обычно бесстрастное, ничего не выражающее лицо:

— Где витают мысли в этой голове? — спрашивает он, потянувшись вниз и с силой сжимая свой член, что притягивает вниз мой взгляд и выбивает из легких весь воздух. Кашляю, выдыхая.

Теперь я нервничаю, и отсутствие ответа ясно об этом свидетельствует. Глупо, но я не хочу его разочаровывать. Уверена, огромное количество сладких губ обхватывали его, но держу пари, все они знали, что делали.

— Я...могу...это, — заикаюсь и хожу вокруг да около, так что, он берет инициативу в свои руки, зарываясь лицом в изгиб моей шеи. — Тебе нужно стать еще более раскрепощенной. Я думал, мы кое-чего достигли.

— Так и есть.

Он отпускает меня, слабую и едва стоящую на ногах, и разрывает упаковку презерватива, быстро его раскатывая. Мне это не нравится. Как будто это преступление, скрывать такую красоту.

— Я правда хочу, чтобы мы могли бы делать это без каких-либо преград между нами, — шепчет Миллер, глядя на меня. — Но я был бы не таким уж джентльменом, если бы ты забеременела, так ведь?

Нет, не был бы, но разве очень по-джентльменски брать меня на день, как секс

игрушку? Или говорить мне, что я получу лучший перепах в своей жизни? Слова идут вразрез с этим обещанием. Не было ничего даже близкого к перепаху с тех пор, как я пришла сюда. Он ведет себя как джентльмен снова и снова: заботливый, внимательный, отзывчивый любовник.

Я падаю далеко — слишком далеко. И его джентльменские принципы не помогают.

— Ливи? — его мягкий выдох заставляет мои глаза открыться. Я даже не осознавала, что закрыла их. — Ты в порядке? — Он придвигается ближе и опускает лицо на один уровень с моим, глядя меня по щеке.

— Да, — я слегка трясую головой, нацепив слабую улыбку.

— Я остановлюсь. Мы не должны... — он замолкает и на пару секунд погружается в раздумья. — Я пойму, если с тебя достаточно.

— Нет! — восклицаю, немного запаниковав. Я прогоняю нежеланные сомнения. У меня возникают вспышки сомнений, несмотря на страстное желание к этому мужчине. Но он слишком соблазнительный, запретный плод. Я пережила его поклонение предо мной, и, даже зная, что после плохо будет только мне, я хочу большего. — Не хочу, чтобы ты это допускал. — Я только что сказала это вслух?

Волна смятения на его лице с темной щетиной смешана с толикой облегчения и подсказывает мне, что мои мысли были вслух.

— Ты хочешь продолжить?

— Да, — заверяю я, более спокойно, более контролируемо, даже если не чувствую этого. Я все еще закипаю от жара и желания, виной тому этот красивый, обходительный мужчины предо мной. Я нахожу остатки уверенности, хотя мои сомнения раздражают меня, поднимаю измазанные в шоколаде руки и кладу на его гладкую грудь. — Я снова тебя хочу. — Делаю глубокий вдох и прижимаю губы к местечку между своих ладоней. — Хочу, чтоб ты заставил меня чувствовать себя живой.

Именно то, что он делает.

— Спасибо, Боже, — восклицает Миллер, хватая меня под ягодицы и поднимает к своим бокам туда, где ноги, кажется, автоматически обвиваются вокруг его упругой талии. — Я бы принял это, но был бы не слишком счастлив по этому поводу. — Он осторожно толкает меня к холодильнику, пропуская руку между нашими телами. — Кажется, я не смогу тобой насытиться, Оливия Тейлор.

Моя спина напрягается, руки находят заднюю часть его шеи, когда чувствую, как головка его впечатляющего достоинства упирается в мой вход.

— Можешь брать столько, сколько захочешь, — шепчу я тихо.

— И буду, пока ты здесь, — слова убивают меня, но только очень ненадолго, в голове становится пусто, когда он входит в меня с шипением. — Иисусе, ты уже готова. — Он зарывается лицом в мои волосы, собираясь с духом, и я привыкаю к нему внутри себя. Он прав. Каждая мышца сжимается вокруг него. Боли нет абсолютно, только парализующее удовольствие, которое нарастает, когда Миллер подается назад и снова медленно входит, все так же зарываясь лицом в изгиб моей шеи. — Чертовски хорошие ощущения.

Я затаила дыхание. Не могу говорить. Мое тело, кажется, автоматически на него реагирует, создавая чувства, ощущения и мысли, которым я не могу препятствовать.

— Пожалуйста, просто трахай меня, — молю, надеясь, что отсутствие проявления чувств и интимности смогут решить назревающую в голове проблему. — Ты уже взял меня аккуратно.

— Наслаждение, а не спешка, — он возвращает ко мне свое лицо, и я замечаю каплю шоколада на его подбородке. — Я уже объяснял это тебе. — Его слова подкрепляются медленными, повторяющимися, тщательными толчками его бедер, снова, снова и снова. — Хорошо, да?

Киваю.

— Согласен, — его хватка на бедрах становится сильнее, он накрывает мой рот своим. — Я буду растягивать удовольствие так долго, насколько возможно.

Я принимаю его поцелуй, падая в уверенную сладость его языка. Это просто. Нет сопротивления. Следовать за ним — самая простая вещь, которую я когда-либо делала. Наши рты двигаются так, как будто мы пробовали этот поцелуй уже тысячу раз, как будто это самая естественная в мире вещь. Он чувствуется так правильно для меня, несмотря на то, что наши миры такие разные: Миллер, всемогущий, самоуверенный брутальный бизнесмен, и я, скучная, неуверенная в себе миленькая официантка. Притяжение противоположностей никогда не было таким полноценным. Направление моих мыслей обосновано и должно беспокоить меня, но не сейчас, не тогда, когда он заставляет меня чувствовать себя вот так. Кровь закипает, я парализована удовольствием и чувствую себя живой больше, чем когда бы то ни было.

Он терпеливый, совершенный. Движение его бедер убивает меня. Мои руки бесконтрольно касаются его везде, где могут достать, ноги болят и затекли, но мне все равно.

— Миллер, — говорю ему в рот. — Уже скоро.

Он прикусывает мою губу и посасывает, отправляя меня за грань.

— Я чувствую.

— Ммм, — набрасываюсь на его рот неистово, руки зарываются в его волосы и оттягивают. Мне нужно ослабить железную хватку на его бедрах, но с бешено отстукивающей пульсацией между ног не могу больше ни на чем сосредоточиться. Движения тела спонтанны. Без всяких наставлений. Все случается, но я об этом не расскажу. — Прошу, пожалуйста, пожалуйста, — молю я. — Быстрее. — Потребность его, отправляющего меня вниз с обрыва, довела меня до еще более бесстыдной мольбы — это и отчаянная потребность превратить это больше чем в нежное занятие любовью. Он удерживает меня между раем и адом. Но нужно отпустить.

— Нет, Ливи, — он успокаивает меня мягко, но решительно. — Я еще не готов.

— Нет! — это пытка. Настоящая пытка.

— Да, — отвечает он, толкаясь в меня в уже установленном ритме. — Это слишком хорошо. Тебе не нужно контролировать.

Мое раздражение становится явным, и я нагло стискиваю кулаки в его волосах и отрываю его от своих губ. Я задыхаюсь, так же, как и он, но это не сбивает движение его бедер. Его волосы влажные, губы приоткрыты, привычно непослушная прядь спадает на лоб. Хочу, чтобы он впечатал меня в холодильник. Хочу, чтобы он ругался и проклинал меня за мою испорченность. Хочу, чтобы он трахал меня.

— Ливи, это не закончится в ближайшее время, так что прекрати.

Я вздыхаю от этих слов и молча заставляю его подкрепить их силой, но он этого не делает, черт его побери, и сохраняет свой контроль. Снова оттягиваю его волосы, пытаюсь вытянуть из него хоть сколько-нибудь жесткости, но он только улыбается своей красивой открытой улыбкой... так что я тяну еще немного.

— Ты жестокая, — произносит он, по-прежнему не давая мне то, чего хочу, продолжая нежно в меня погружаться.

Я запрокидываю голову и стону от недовольства, уверенно продолжая стискивать в кулаках его волосы.

— Ливи, ты можешь обращаться со мной так плохо, как только захочешь. Мы будем делать это по-моему.

— Я больше не выдержу, — стону я.

— Хочешь, чтобы я остановился?

— Нет!

— Тебе больно?

— Нет!

— Так я просто свожу тебя с ума?

Я роняю голову, принимая его осторожные толчки, по-прежнему закипая, и теперь испытываю нетерпение. Нахожу его глаза, где нет ни капли уже знакомого высокомерия.

— Да, — шиплю я.

— Очень плохо, что я кайфую от этого?

— Да, — теперь уже мои зубы стиснуты.

Его тускнеющая улыбка переходит в хитрую усмешку, а глаза искрятся:

— Я не стану просить прощенья, но, к счастью для тебя, сейчас я готов.

С этими словами он поднимает меня, получая еще больший контроль, и отстраняется, прежде чем толкнуться в меня, удерживая себя глубоко и протяжно простонав, содрогаясь во мне.

Это дает необходимый эффект.

Я бьюсь в конвульсиях в его руках, тело становится слабым, мозг отключается и руки, наконец, разжимаются, отпуская его волосы. Я не пытаюсь, но моя внутренняя стена распадается под ним с каждой его пульсацией, растягивая волны удовольствия, проходящие через меня.

В то время как я достаточно счастлива быть зажатой между ним и холодильником, слабая и беспомощная, Миллер решает, что он не так счастлив держать меня тут. Он опускается на пол, я оказываюсь распластанной на его груди, а потом он переворачивается так, что я под ним. Он смотрит, как я пытаюсь совладать с прерывистым дыханием, накрывает ртом мой сосок и всасывает его сильно, прикусывая и рукой поглаживая кожу вокруг.

— Рада, что отдалась на мою милость? — спрашивает Миллер, и, судя по голосу, он уверен в моем ответе.

— Да, — выдыхаю, сгибая ногу, и ищу силы, чтобы поднять руку и погладить заднюю часть его головы.

— Конечно, рада, — он прокладывает дорожку поцелуев вверх по моему телу, пока не останавливается у моих губ, ласково покусывая. — Время принимать душ.

— Оставь меня здесь, — фыркаю я, распластывая руки по сторонам. — У меня нет сил.

— Ну, я сделаю всю тяжелую работу. Я ведь говорил, что буду преклоняться тебе.

— Еще ты говорил, что будешь меня трахать, — напоминаю ему.

Он отпускает мою губу и отстраняется, старательно размышляя:

— Еще я говорил, что сначала объезжу тебя.

К своему удивлению, я даже не краснею:

— Думаю, мы с уверенностью можем сказать, что ты можешь вычеркнуть этот пункт из своего списка, так что теперь можешь меня трахнуть, — какого черта со мной творится?

Очевидно, Миллер задался тем же вопросом, потому что его темные брови шокированно взлетают вверх, только он ничего не говорит. Возможно, я лишила его дара речи. Он хмурится немного, когда скатывается с меня, стягивает презерватив и вытирает ступни, после чего быстро поднимает меня и уже традиционно обхватывает мой затылок. Потом ведет в свою спальню.

— Поверь, ты не захочешь, чтобы я тебя трахнул.

— Почему?

— То, что мы сейчас разделили, было намного приятнее.

Он прав, и хотя знаю, что это моя глупость, не хочу добавлять Миллера в список своих бессмысленных встреч.

— Твоя кухня разгромлена, — я указываю на залитый шоколадом пол и холодильник, но он не смотрит в указанном направлении, вместо этого толкая меня вперед.

— Не могу смотреть, — его взгляд становится темным, и он качает головой. — Я не усну.

Не могу сдержать улыбку, хотя и знаю, что ее не оценят. Он маньяк чистоты. У него странные привычки переставлять вещи, но побывав здесь и увидев идеально аккуратный гардероб, думаю, он, может быть, даже немного свихнулся на порядке.

Только когда мы пересекаем вход в его спальню, я собираюсь с силами и прохожу по комнате. Я немного шокирована, но справедливость сказанного останавливает меня от комментариев. Он такой сильный и безупречно сложенный, истинный мужской шедевр, и ощущается он так же хорошо, как и выглядит. Стоя у двери в ванную, я оборачиваюсь назад на его спальню и быстро прихожу к неутешительному заключению. Мои ступни испачканы в шоколаде. Его нет. Он не хотел пачкать свой ковер. Он копошится в ванной, с щепетильностью относясь к тому, куда кладет вещи — полотенца, туалетные принадлежности — и он даже не смотрит на меня, проходя мимо и возвращаясь в спальню, оставляя меня чувствовать себя маленькой и нелепой. Я хмурюсь сама на себя и обнимаю руками свое обнаженное тело, молча осматривая необъятных размеров ванную до тех пор, пока он, наконец, не возвращается. Включает душ и пробует воду. У него нет никаких проблем со своей наготой, да и это не должно удивлять. Нет ничего на свете, что могло бы его смутить.

— После тебя, — он протягивает руку, приглашая меня проходить в огромную душевую кабину.

Я сомневаюсь, но, тем не менее, нахожу в себе силы сфокусироваться и двигаться вперед, голой и испачканной в шоколаде. По пути бросаю взгляд на бесстрастное лицо. Он абсолютно собран и холоден, полная противоположность тому, кем был всего пять минут назад.

— Спасибо, — бормочу я, вставая под горячую воду, и сразу же смотрю вниз, наблюдая, как у ног собирается вода шоколадного цвета. Пару секунд стою одна, не поднимаю взгляда до тех пор, пока в поле зрения не появляются его ноги. Даже они совершенны. Взглядом начинаю медленно подниматься вверх по его телу, изучая каждый идеальный, крепкий дюйм тела, пока он выдавливает гель для душа на ладонь. Эти ладони в любую секунду могут оказаться на мне, хотя, судя по взгляду на его лице, жаркой сцены в душе не будет. Он слишком сосредоточен на пене в своих руках.

Не сказав ни слова, он приседает передо мной на корточки и начинает втирать гель в мои бедра, не спеша смывая шоколад. Я просто молча наблюдаю, только от тишины становится неуютно:

— Чем ты зарабатываешь на жизнь? — спрашиваю, пытаюсь разрушить неловкую тишину.

Он замирает, но быстро возвращается к своим действиям:

— Не думаю, что нам стоит разговаривать на личные темы, учитывая наше соглашение, Ливи, — он не смотрит на меня, предпочитая продолжать уделять все свое внимание моему мытью. Жалею, что не промолчала, потому что эти слова совсем не уменьшили мое и без того нелегкое положение; я просто чувствую себя еще более неловко. Я пытаюсь о нем больше узнать, но он прав. Жить мне от этого легче не станет, просто сделает ситуацию более комфортной, какой она и должна быть.

Он продолжает водить великолепными руками по моей коже, не говоря ни слова и даже не глядя на меня. После нашей интимной близости, теперь все сложно и неприятно. Как будто мы чужие. Ну, так и есть, только мужчина, стоящий передо мной на коленях, единственный на всем белом свете человек, с кем я поделила себя. Не свое прошлое или проблемы, а свое здравомыслящее тело и свою уязвимость. Он заставил меня поставить под сомнение мое отношение к жизни и к мужчинам. Он соблазнил меня ложным чувством безопасности, а теперь ведет себя так, как будто это работа, не удовольствие.

Я растеряна, хотя и не должна быть. Знала ведь, что это сделка, только его нежность и тот факт, что он абсолютно меня не трахал, возможно, дали мне ложную надежду на что-то большее, и это мерзко. Он, действительно, чужой и от этого непредсказуемый, угрюмый и пугающий.

Поток моих мыслей прерывается, когда его руки касаются моих плеч, то, как твердость его больших пальцев впивается в мою плоть, восхитительно. И сейчас он смотрит на меня, лицо по-прежнему бесстрастно, его волосы насквозь промокли и под тяжестью воды кажутся длиннее. Наклонив лицо, он целует меня осторожно, но сладко, прежде чем вернуться к мытью моего тела.

Что это было?

Нежность, как выражение симпатии? Заботливый жест? Природный инстинкт? Или просто дружеский поцелуй? Жар от слияния наших ртов говорит о другом, но только не его лицо. Мне нужно уйти. Не уверена, как, по моему мнению, должна была закончиться эта ночь, но мне следовало подумать лучше, и тогда, уверена, я бы отвергла его предложение. Это не должна быть я, мои чувства быстро переходят от страха к обиде.

Только я собралась озвучить свое намерение разорвать наше соглашение, как он начинает говорить:

— Скажи, как так вышло, что ты не была с мужчиной семь лет, — говорит он, убирая с моего лица мокрые пряди волос.

Я вздыхаю, опустив лицо, но он быстро возвращает его к себе:

— Я... — не знаю что говорить, — это просто...

— Продолжай, — мягко подталкивает меня к ответу.

Нахожу простой способ избежать вопроса, повторив его предыдущее заявление:

— Учитывая наше соглашение, я думала, мы не станем разговаривать на личные темы.

Его недовольство совпадает с моим. Он выглядит смущенным.

— Так же, как и я, — он хватает мою шею поверх мокрых волос и выводит меня из

душа. — Прости меня.

Я все еще хмурюсь, когда он вытирает меня полотенцем, снова берет за шею и ведет из ванной комнаты к своей огромной кровати с кожаной обивкой. На ней повсюду изысканно разложены декоративные подушки из мятого бархата насыщенного красного и золотого цветов. Я не замечала их раньше, но знаю, что они не могли быть такими аккуратными, когда я встала, так что кровать перестилали. Не хочу опять мешать его педантичности, но Миллер, оставив меня, начинает брать подушки и аккуратно раскладывать их в изголовье кровати, после чего отбрасывает одеяло и кивает мне забираться.

Я подхожу настороженно и медленно забираюсь на огромную кровать, чувствуя себя принцессой на горошине. Уютно устроившись, смотрю, как он забирается рядом со мной и, прежде чем опустить голову, взбивает подушку, обнимает меня за талию, осторожно прижимая к себе. Инстинктивно ныряю в тепло его груди, понимая, что это неправильно. Знаю, что неправильно, особенно когда он берет мою руку и целует костяшки пальцев, потом кладет мою ладонь на свою грудь и накрывает своей рукой, начиная тихо поглаживать.

Тихо. Я слышу, как работает мой мозг, прокручивая нескончаемые полные надежды мысли. И думаю, что слышу его мысли тоже, только теперь есть невидимое напряжение, и это невидимое напряжение между нами гораздо сильнее того, что происходило ранее. Его сердце бьется прямо под моим ухом, и незнакомый плен моей руки в его приносит комфорт, но я никогда не смогу уснуть, даже если тело истощено и в голове пустота.

Миллер вдруг шевелится, и я отодвигаюсь от его груди и ловко устраиваюсь с краю.

— Оставайся здесь, — шепчет он, целуя в лоб, после чего слезает с кровати и надевает шорты. Он выходит из комнаты, и я, облокотившись на локти, смотрю, как дверь за ним тихо закрывается. Сейчас, должно быть, раннее утро. Что он делает? Отсутствие неуютной тишины должно заставить меня почувствовать себя лучше. Но нет. Я голая, с ноющими мышцами внизу, заботливо уложена в чужую кровать, но ничего не могу поделать, кроме как лечь обратно и смотреть в потолок в компании непрошенных мыслей. Миллер заставляет меня чувствовать себя удивительной и живой, а в следующую секунду нелепой обузой.

Не уверена, как долго здесь лежу, но когда слышу несколько ударов и определенно мягкие ругательства, не могу больше оставаться. Я сползаю с кровати, прихватив с собой простынь, и прохожу по спальне, осторожно ступая в коридор и направляясь к источнику шума. Грохот и ругательства становятся все громче и громче, пока я не оказываюсь в дверях кухни и не вижу Миллера, вытирающего зеркальные дверцы холодильника.

Что действительно должно шокировать меня — это рука Миллера, лихорадочно оттирающая тряпкой поверхность холодильника, но у меня перехватывает дыхание от мышц его спины, невероятно сильных, моя рука цепляется о дверной косяк в попытке удержать равновесие. Он не может быть настоящим. Он галлюцинация, сон или мираж. Я бы была в этом уверена, если бы не была так... оттрахана.

— Гребаный бардак! — шипит он, опуская руку в ведро с мыльной водой и вытаскивая тряпку. — О чем я думал? Блин! — Он ударяет тряпкой о дверцу холодильника, продолжая ругаться и лихорадочно тереть.

— Все хорошо? — спрашиваю тихо, улыбаясь про себя, как сумасшедшая. Миллер любит все такое идеальное же, как он.

Он оборачивается, удивленный, но хмурый:

— Почему ты не в постели? — тряпка со злостью брошена в ведро. — Ты должна

отдыхать.

Прижимаю к себе простынь плотнее, как будто использую ее в качестве защитной завесы. Он в ярости, но в ярости на меня или на измазанное зеркало холодильника? Я начинаю пятиться, немного испугавшись.

— Блин! — он на месте сгорает от стыда, качая головой и взъерошивая свои темные волосы раздраженным взмахом руки. — Прости меня. — Он поднимает глаза, в которых видно настоящее сожаление. — Я не должен был так с тобой говорить. Моя ошибка.

— Да, твоя, — соглашаюсь я. — Я здесь не для того, чтобы ты на меня срывался.

— Это просто... — он смотрит на холодильник и зажимает глаза, как будто ему больно при виде беспорядка. Потом вздыхает и идет ко мне, протягивая руки вперед, молчаливо прося разрешения до меня дотронуться. Глупо это или нет, я киваю, и он заметно расслабляется. Не теряя времени, хватает меня и тянет к себе, зарываясь носом в мои влажные волосы. Тот уют, что он мне дарит, нельзя не заметить. Когда он сказал, что не сможет уснуть, он действительно имел в виду это. Он не взглянул на бардак, когда я упомянула, но ясно, что это крутилось в его голове, изводило его.

— Прости, — повторяет он, целуя мои волосы.

— Тебе не нравится грязь, — я не спрашиваю, потому что это и так ясно. Не даю ему шанса обидеть меня своим обманом.

— Я домовитый, — признается он, разворачивая меня и подталкивая обратно к спальне.

Все вокруг напоминает мне о роскошной обстановке.

— У тебя нет уборщицы? — спрашиваю, полагая, что бизнесмен, живущий в подобном месте, одевающийся так, как Миллер, и водящий дорогой автомобиль, по крайней мере, должен иметь домработницу.

— Нет, — я разворачиваю простынь и забираюсь в постель, пока он говорит. — Мне нравится делать все самому.

— Тебе нравится убираться? — восклицаю в шоке. Он вообще реальный человек?

Уголки его губ приподнимаются в улыбке, заставляя меня чувствовать себя намного лучше после событий, слов и чувств, которые пришли после нашей близости.

— Я бы не сказал, что нравится, — он ложится рядом, притягивая меня к себе и переплетая наши ноги. — Думаю, ты могла бы звать меня богом домашнего порядка.

Теперь я тоже улыбаюсь, в то время, как моя рука имеет свободный доступ к его голому торсу.

— Никогда бы не подумала, — произношу мечтательно.

— Ты должна постараться перестать так много думать. Люди переоценивают вещи, придавая им значение большее, чем есть на самом деле, — он говорит мягко, почти безразлично, но, я знаю, в этих словах гораздо больше значения.

— Например, что?

— Ничего конкретного, — он целует меня в макушку. — Сказал в общем смысле.

Он говорил совсем не в общем, но я больше ничего не спрашиваю. Эти его новые мысли успокоили возникшее ранее беспокойство, так что я позволяю его рукам, обнимать меня. Спустя короткое время мои глаза закрываются, и последнее, что я слышу, голос Миллера, который шепчет мне что-то гипнотизирующее и ласковое.

В панике открываю глаза и резко сажусь на кровати. Кромешная темнота. Откинув с лица непослушные волосы, пару секунд прихожу в себя, и все возвращается...или мне это

приснилось?

Провожу рукой по кровати, чувствуя только мягкую постель и пустые подушки. Эта кровать огромна, но я бы не пропустила на ней целого мужчину.

— Миллер? — робко шепчу, а потом чувствую, что на теле нет одежды. Я всегда сплю в трусиках. Это не сон, и я не знаю, радоваться мне или волноваться. Я сползаю с кровати и иду, опираясь о стену. — Дерьмо! — ругаюсь, голенью ударившись обо что-то твердое. Игнорирую боль и крадусь дальше, натываясь на что-то головой. Столкновение разрывает тишину, а я неуклюже отмахиваюсь. — Дважды дерьмо! — у меня не получается удержать то, что меня ударило, и я позволяю этому упасть, вздрогнув, когда оно разбивается, после чего потираю лоб. — Чтоб тебя!

Я жду, что появится Миллер, где бы он ни скрывался, чтобы проверить, откуда такой шум, но, простояв в тишине целую вечность, надеясь, что сейчас он щелкнет выключателем и благословит меня светом, я по-прежнему ничего не вижу. Продолжаю ощупывать в темноте стену, пока не нахожу выключатель. Я включаю его, моргая от резко бьющего в глаза света. Конечно, я одна, а еще я не одета. Вижу комод, о который ударилась ногой и напольную лампу, в которую врезалась головой. Теперь та привалилась к комоду, разбившись на миллион осколков. Я спешу обратно к постели и хватаю одеяло, кутаясь в него по дороге к двери. Может, он опять чистит холодильник, но придя в кухню, не вижу Миллера. Фактически, я вообще не вижу Миллера. Нигде. Я дважды обхожу его квартиру, открывая и закрывая двери, или все, что открываются. Только одна закрыта. Я поворачиваю дверную ручку, но она не поддается, так что я осторожно стучусь и жду. Ничего. Возвращаюсь в его спальню, сильно хмурясь. Куда он исчез?

Сидя на его половине постели, я задаюсь вопросом, что делать, и впервые за все это время вся сила собственной глупости обрушивается на меня. Я в чужой квартире, обнаженная посреди ночи, после сумасшедшего, безэмоционального, разрушающего секса с незнакомцем. Разумная, здравомыслящая Ливи только что приняла четкое, заслуживающее похвалы, решение. Я в себе разочарована.

Я осматриваюсь в поисках одежды, но нигде ее не вижу.

— Твою мать! — ругаюсь на себя. Какого черта он с ней сделал? Логика приходит слишком быстро, и я оказываюсь перед комодом, отодвигаю лампу и открываю ящик, где нахожу стопки чистой мужской одежды. Меня это не останавливает. Открываю следующий, потом следующий и следующий, пока не оказываюсь на коленях у нижнего ящика и не смотрю на свою одежду, аккуратно сложенную, с конверсами, ловко оставленными рядом. Смеюсь над собой, вытаскивая свою одежду и быстро одеваюсь.

Когда поворачиваюсь к двери, замечаю листок бумаги на кровати. Не хочу верить в то, что он оставил мне записку на подушке, и, возможно, мне стоит уйти, не прочитав ее, но я чертовски любопытна. Миллер делает меня любопытной, и это плохо, потому что всем известно: любопытным Варварам отрывают нос. Ненавижу себя, но спешу обратно и хватаю ее, разозлившись, даже успев прочитать.

Ливи,

мне пришлось отлучиться. Я ненадолго, так что, пожалуйста, не уходи.

Если я тебе понадоблюсь, звони. Я забил свой номер в твой телефон.

Миллер

Х

Глупо, но я вздыхаю при виде поцелуя после его имени. Потом начинаю сильно злиться. Ему пришлось *отлучиться*? Кто отлучается посреди ночи? Ищу свой телефон, чтобы узнать точное время. Нахожу свою сумку и телефон на кофейном столике, включаю его и не обращаю внимание на дюжину пропущенных звонков от Грегори и три сообщения, информирующих о том, что у меня проблемы. Экран подсказывает мне, что сейчас три часа утра. Три?

Снова сжимаю телефон, размышляя, что могло понадобиться ему в такое время? Что-то могло случиться с членом его семьи. Он мог быть в больнице или забирать пьяную сестру из ночного клуба. У него есть сестра? Самые разные причины вертятся в голове, но когда телефон в моей руке начинает звонить и я вижу *его* имя, высветившееся на экране, прекращаю лишние размышления.

— Привет?

— Ты проснулась.

— Ну, да, и тебя здесь нет, — сажусь на софу. — Все хорошо?

— Да, нормально, — он говорит тихо. Может, он действительно в больнице. — Я скоро вернусь, так что просто расслабься в постели, хорошо?

Расслабиться в постели?

— Я как раз уходила.

— Что? — он больше уже не шепчет.

— Тебя здесь нет, так что нет резона оставаться, — это похоже на предательство.

— Большой резон! — спорит он, и я слышу стук захлопнувшейся двери на заднем плане. — Просто оставайся на месте. — Голос звучит сердито.

— Миллер, ты в порядке? — спрашиваю. — Что-то случилось?

— Нет, ничего.

— Тогда что заставило тебя сорваться посреди ночи?

— Просто дела, Ливи. Возвращайся в постель.

Слово «дела» вызывает во мне необоснованную обиду.

— Ты с той девушкой?

— Что заставляет тебя так говорить?

Его вопрос превращает обиду в подозрение.

— Потому что ты сказал «дела», — от этого затмевающего мозг преклонения я совсем забыла о темноволосой красоте.

— Нет, пожалуйста. Просто возвращайся в постель.

С силой прислоняюсь к спинке софы:

— Я не буду спать. Это не было частью сделки, Миллер. Я не хочу быть одна в чужой квартире, — абсурдность слов заставляет меня мысленно кусать локти. Потому что я становлюсь счастливее в чужой квартире с незнакомым мужчиной, который заставляет меня терять все благоразумие.

— Сделка была на одну ночь, Оливия. Двадцать четыре часа, и мне не льстит мысль потерять несколько из них. Если тебя не будет в постели, когда вернусь, я...

Сажусь прямо:

— Ты что? — спрашиваю, чувствуя его паникующее, нервное дыхание на том конце линии.

— Я..

— Да?

— Я..

— Ты что? — я переспрашиваю нетерпеливо, вставая и забирая свою сумку. Он мне угрожает?

— Я найду тебя и притащу обратно, — бросает он.

На самом деле, я смеюсь:

— Ты себя хоть слышишь?

— Да, — его тон спокоен. — Это незаконно — нарушать условия сделки.

— Мы не пожимали руки в знак соглашения.

— Нет, мы просто трахались в знак соглашения.

Я выдыхаю, сержусь и выплевываю одновременно:

— Я думала, ты джентльмен.

— Откуда такая мысль?

Я захопываю рот, раздумывая над вопросом. Наша первая встреча никак не предполагала, что он джентльмен так же, как и последующие, только его забота и манеры с тех пор, как мы оказались здесь. Не было никакого траха, ни в одном смысле этого слова.

Меня накрывает отвратительная реальность. Я правда очень глупая. Он соблазнил меня, и сделал это блистательно.

— Понятия не имею. Но я, явно, ошиблась. Спасибо за бесчисленные оргазмы, — слышу, как он выкрикивает мое имя, когда убираю телефон от уха и отсоединяюсь. Я шокирована собственной наглостью, но Миллер пробуждает мою внутреннюю храбрость. Слишком опасная территория, но необходимо защищаться, когда имеешь дело с этим сбивающим с толку мужчиной. Повесив на плечо рюкзак, я иду к входной двери, сбрасываю входящий звонок и отключаю телефон.

Глава 9

Я не спала ни секунды, несмотря на мягкость моей постели. Прокравшись в дом, как профессиональный вор-домушник, я на носочках поднимаюсь по лестнице, не наступив ни на одну скрипящую половицу и оставаясь не замеченной, пока я не попадаю в комнату и не оказываюсь в безопасности. Потом я лежу без сна ставшиеся предрассветные часы, безучастно и чисто механически глядя в потолок.

Сейчас поют птички, и я слышу, как Нан возится на кухне, а у меня нет желания встречать этот день. Голова забита картинками, мыслями и раздумьями, хотя мой мозг ничего этого не хочет. Но неважно, насколько сильно я стараюсь, все равно не могу выкинуть *его* из спутанных мыслей.

Потянувшись к прикроватному столику, я снимаю телефон с зарядки и смеюсь включить его. Еще пять пропущенных звонков от Грегори, один от Миллера и голосовое сообщение. Не хочу слышать, что говорят оба мужчины, но это не останавливает меня от дальнейших самоистязаний и прослушивания этого чертового сообщения. Оно от моего обеспокоенного друга, не от Миллера.

«Оливия Тейлор, нас с тобой ждет очень серьезный разговор, когда я до тебя доберусь. О чем ты думаешь, милая? Черт возьми! Я думал, из нас двоих ты самая ответственная. Тебе лучше мне перезвонить, или я нанесу визит Нан и расскажу ей о твоих поступках! Он мог быть насильником, убийцей с топором! Твою мать, ты глупая женщина! Я очень зол на тебя!»

Голос невероятно злой, чуть ли не истеричный. И я знаю, что он не станет докладывать Нан, потому что понимает так же, как и я, что она обрадуется, а не расстроится. Пустые угрозы, вот и все его сообщение. Отчасти справедливое, но перешедшее границу и абсолютно лишённое понимания.

В какой-то степени.

Немножко.

Капельку.

Он на сто процентов прав, а ведь не знает и половины всего. Я не идиотка. Звоню Грегори, прежде чем он сойдет с ума, и он отвечает тут же, его голос звучит так, как будто он уже страдает от эмоционального срыва.

— Ливи?

— Я жива, — падаю обратно на свою подушку. — Сделай глубокий вдох, Грегори.

— Не издевайся! Я всю ночь пытался выяснить, где он живет.

— Ты слишком остро реагируешь.

— Я так не думаю!

— Так ты не нашел его? — спрашиваю, повыше натягивая одеяло и уютно сворачиваясь под ним.

— Ну, я знаю не так много, чтобы похвастаться успехом, разве нет? Я гуглил «Миллер», но вряд ли он толкает дурь.

Смеюсь сама себе:

— Я не знаю, чем он зарабатывает на жизнь.

— Что ж, это не важно, поскольку больше ты с ним не увидишься. Как сходила? Ты его измотала? Где ты? Лишилась гребаного ума?

Я уже больше не смеюсь:

— Не твое дело, не твое дело, я дома и да, я, блин, лишилась ума.

— Не мое дело? — кричит он громко, пронзительно. — Я годами надрывал задницу, пытаясь вытащить тебя из скорлупы, в которую ты спряталась. Я бесконечно знакомил тебя с приличными парнями, все они сходили по тебе с ума, но ты моментально отметала даже идею сходить с ними на простой коктейль или, тем более, на обед. Позволить мужчине угостить тебя вином или ужином не значит сделать из себя твою мать.

— Замолчи! — злюсь я, упоминание моей матери будит во мне ненависть, открыто звучащую в голосе.

— Прости, но, как насчет того, что этот членосос превратил тебя в безответственную, беспечную идиотку?

— Ты единственный членосос, которого я знаю, — возражаю тихо, потому что не знаю, что еще сказать. Я, действительно, была беспечной, такой же, как моя мать. — И он не преступник или убийца. Он джентльмен. — «Иногда» добавляю про себя.

— Что произошло? Скажи мне.

— Он боготворил меня, — признаюсь я. Он скажет, что я глупая, ведь так и есть, как выяснилось. Теперь уже все сделано. Назад не вернуть.

— Боготворил? — Грегори почти шепчет, я так и представляю, как он замер, чем бы ни занимался на другом конце линии.

— Да, лучше у меня никогда не будет, — так и есть. Ничто с этим не сравнится. Ни у кого не будет такого мастерства, внимательности и страсти. Я окончательно сломана.

— О, Господи, — Грегори по-прежнему шепчет. — Это хорошо?

— Божественно, Грегори. Я чувствую себя обманутой. Он ведь обещал двадцать четыре часа, я получила только восемь. До ужаса сильно хочу ре...

— Воу! Повтори. Перемотай, нахрен, назад! — он орет, заставляя меня подпрыгнуть на кровати. — Дай задний ход! Что там о двадцати четырех часах? Двадцать четыре часа на что?

— Боготворить меня, — я поворачиваюсь на бок, перекладывая телефон к другому уху. — Он предложил мне столько времени, это все, что мог дать, — не верю, что выкладываю все Грегори. Это должно быть сокровенным, особенно учитывая, что говорим мы обо мне.

— Я даже не знаю, что сказать, — представляю шок на его лице, когда закрываю глаза. — Мне нужно увидеть тебя. Я выезжаю.

— Нет, нет! — я резко сажусь. — Нан не знает, что я здесь. Я прокралась обратно.

Грегори смеется:

— Милая, я ненавижу говорить тебе плохие новости, только твоя бабауля совершенно точно знает, где ты.

— Как?

— Это она позвонила мне, чтобы сказать, что ты дома, — слышу нотку самоуверенности в его голосе.

Смотрю в потолок, собираясь с силами. Блин, я должна была догадаться.

— Тогда зачем ты клепал мне мозг вопросами, где я?

— Потому что хотел посмотреть, завела ли моя родная душенька привычку врать так же бесстыдно, как и молчать. Рад был убедиться, что за тобой только последнее. Уже еду, — он разъединяется, и как только я бросаю телефон на кровать, слышу знакомый скрип половиц, так что быстро забираюсь под одеяло, затаив дыхание.

Двери открываются, но я остаюсь неподвижной, как статуя, ничего не видя, глаза зажмурены и дыхание задержано — не то чтобы я жду, что это ее остановит. Готова поспорить, она умирает от желания все разузнать, любопытная старушка.

В комнате абсолютно тихо, но я знаю, что она здесь, а потом я чувствую на ступне легкое щекочущее прикосновение, и нога дергается одновременно с неконтролируемым приступом смеха.

— Нан! — кричу, откидывая одеяло, и вижу ее грузную фигуру у изножья кровати, руки скрещены и хитрая улыбка на старом лице. — Не смотри на меня так, — предупреждаю я.

— Твой начальник меня *обдурил!*

— Да.

Она усмехается и садится на краю кровати, заставляя меня придти в повышенную боевую готовность.

— Почему ты мне солгала? — спрашивает она.

— Я не врала, — мой тихий ответ и глаза, упорно ее избегающие, — явный признак моей вины.

— Ливи, сделай своей бабушке поблажку, — Она шлепает меня в наказание. — Я,

может, и пожилая леди, но мои глаза и уши вполне хорошо работают.

Бросаю на нее осторожный взгляд и вижу прежнюю улыбку. Я сделаю ее день очень счастливым, если сознаюсь в том, что она и так уже знает.

— Так и есть, ровно как и твоя любопытная голова.

— Я не любопытная! — бабуля возражает. — Я просто...заботливая бабушка.

Я фыркаю и выдергиваю одеяло из-под ее пятой точки, заворачиваюсь в него и сбегая в ванную.

— Тебе не о чем беспокоиться.

— А я думаю, есть о чем, когда моя милая внучка живет, как затворница, а потом вдруг отсутствует до рассвета.

Я раздражаюсь, чувствуя, как она по пятам за мной следует, и ускоряю шаг. Мои стандартные извинения сейчас не прокатят, поэтому держу язык за зубами и быстро закрываю за собой дверь ванной, лишь мельком увидев взметнувшиеся вверх серые брови и тонкие искривленные губы.

— Он твой парень? — кричит через дверь.

Я включаю душ и сбрасываю одеяло:

— Нет.

— Был твоим парнем?

— Нет.

— Ты с ним любезничаешь?

— Что?

— Свидание. Это значит свидание, дорогая.

— Нет!

— Значит, просто секс.

— Нан! — кричу, прожигая дверь скептическим взглядом.

— Просто спросила.

— Так не спрашивай! — я ступаю в ванну, под душ, благодарная за горячую воду, но не за воспоминания о том, как в последний раз принимала душ. Он забрался в каждый уголок сознания, за исключением маленькой частички, которая ищет подходящие ответы на необоснованные вопросы Нан. Я выдавливаю на ладонь немного шампуня и начинаю мыть голову, в надежде, что смогу физически выскоблить из головы воспоминания, как я делаю обычно.

— Ты влюблена в него?

Застываю под водой, пальцы тщетно пытаются попасть в беспорядочную массу намыленных волос.

— Не глупи, — я пытаюсь казаться шокированной, но все, что получается, это тихий, задумчивый выдох. Я не уверена, какие испытываю чувства, потому что сейчас они повсюду. А так быть не должно, особенно, когда я знаю о другой женщине. И все же, я не влюблена в него. Я просто им заинтригована, вот и все. Он меня очаровывает.

Я жду ответа Нан, а в голове прокручиваются варианты ее следующих слов. Проходит много времени, но я, в конце концов, слышу скрип половиц вдалеке. Она ушла и никак не отреагировала на мою неубедительную реплику в ответ на ее последний вопрос, что очень необычно.

Грегори отвлекает меня от допроса Нан. Он балует меня уже несколько часов, катая на

кабриолете, на автобусе — обзорной экскурсии по городу — и слушает мои воспоминания о том, почему я так сильно люблю Лондон, но когда он приводит меня к открытому кафе на Оксфорд Стрит, время откладывания серьезного разговора закончилось.

— Кофе или воду? — спрашивает он, стреляя в меня глазами, когда подходит официант.

— Воду, — говорю я, игнорируя официанта, и начинаю нервно мять салфетку, аккуратно складывая ее слишком много раз, до тех пор, пока ее уже нельзя сложить.

Мой друг смотрит на официанта в то время, как тот смотрит на меня, оба с глазами по пять копеек и улыбаются.

— Воду и эспрессо, пожалуйста, милостивый сударь.

Я улыбаюсь Грегори, становясь третьей в затянувшейся цепочке улыбок, пока официант не записывает наш заказ и не уходит, проигнорировав леди за соседним столом, которая машет ему, прося внимания. Сегодня облачно, но душно, и мои узкие джинсы липнут к ногам.

— Итак, — говорит Грегори, забирая у меня салфетку, так что теперь я начинаю нервно крутить кольцо. — Он обещал двадцать четыре часа, а ты получила только восемь, — друг переходит сразу к делу, не ходя вокруг да около.

Я надуваю губы и ненавижу себя за это.

— Я так и сказала, разве нет? — вздыхаю, несколько часов отвлечения любимыми видами Лондона прекрасно справились со своей задачей и на время смыли образы из моей головы. Только в том то и проблема — на время.

— Что вас прервало?

— Ему нужно было отлучиться.

— Куда?

— Не знаю, — я отказываюсь смотреть на Грегори, как будто отсутствие зрительного контакта упростит правдивый разговор. Должно быть, это работает, потому что я продолжаю, стремясь услышать его мысли. — Я проснулась в три часа утра, и его не было. Оставил на подушке записку, в которой говорилось, что он вернется, а потом позвонил, но сказал только, что это дела. Я немножко разозлилась, также как и он.

— На что он разозлился?

— Я сказала, что ухожу, а нарушать сделку грубо, — я рискую посмотреть на Грегори и вижу его вытаращенные карие глаза. — На самом деле, мы не скрепляли ее рукопожатием, — я замолкаю, не добавив при этом, что, по мнению Миллера, мы закрепили ее, трахнувшись.

— Звучит так, будто он кусок дерьма, — Грегори насмешливо восклицает. — Высокомерный кусок дерьма.

— Нет, — быстро возражаю. — Ну, по большинству своему, может и так, но не когда я была в его руках. Он на самом деле меня боготворил. Говорил, что собирается трахнуть меня, но он...

— *Что?* — орет Грегори, наклоняясь вперед. — Он правда сказал тебе такое?

Вжимаюсь в свой стул, думая, что эту часть стоило оставить при себе. Не хочу, чтобы мой друг ненавидел Миллера, даже если сама его немного ненавижу.

— Да, но он не выполнил это. Ничего, кроме уважения и... — замолкаю, остановив себя от произношения этого глупого слова в таких обстоятельствах.

— Что?

Качаю головой:

— Он был джентльменом.

Наши напитки приносят, и я тут же наливаю воду в свой стакан и делаю большой глоток, пожираемая глазами улыбающегося официанта, в то время как его самого похотливо рассматривает Грегори.

— Благодарю, — мой друг ласково улыбается официанту, выказывая свой интерес, несмотря на очевидные сексуальные предпочтения официанта.

— Пожалуйста. Наслаждайтесь, — говорит он глядя на меня, после чего, наконец, подходит к женщине, которая снова машет, требуя к себе внимания.

Улыбка Грегори превращается в оскал, когда его взгляд снова останавливается на мне.

— Ливи, ты уже говорила, что видела его с женщиной. Я так же, как и ты, понимаю, что она, вероятно, вовсе не партнер по бизнесу. Он ведет себя далеко не как джентльмен.

— Я знаю, — бормочу грустно, это напоминание лезвием ножа врезается в мое обреченное сердце. Та женщина красива, элегантна и, вне всяких сомнений, из такой же богатой семьи, как и Миллер. Это его мир: роскошные женщины, элитные отели, пафосные мероприятия, эксклюзивная одежда, изысканная еда и напитки. Я же подаю эту изысканную еду и напитки тем роскошным людям. Нужно забыть о нем. Нужно напоминать себе, какой нервной становлюсь из-за него. Должна напоминать себе, что это был просто ничего не значащий секс. — Я никогда больше его не увижу. — Вздыхаю. Для меня это не был простой, ничего не значащий секс.

— Я рад, — Грегори улыбается и делает глоток своего эспresso. — Ты заслуживаешь полный пакет, а не только семяизвержение от парня, когда он к нему готов. — Он тянется ко мне и пожимает в успокаивающем жесте руку. — Думаю, ты знаешь, что он тебе не подходит.

Улыбаюсь, понимая, что мой лучший друг говорит абсолютно разумные вещи:

— Знаю.

Грегори кивает мне и подмигивает, откидываясь на спинку своего стула как раз в тот момент, когда телефон в моей сумке начинает трезвонить. Хватаю рюкзак со стула рядом и начинаю в нем рыться.

— Это, должно быть, Нан, — я стону. — Она сводит меня с ума.

Грегори смеется, вынуждая тем самым и меня тоже улыбнуться, но вскоре, когда вижу, что звонит вовсе не Нан, улыбка застывает. Выпучив глаза, таращусь на Грегори.

Теперь и он перестает смеяться:

— Это он?

Киваю, снова глядя на экран, большой палец застывает над кнопкой соединения с Миллером:

— Я не отвечала на его звонки.

— Будь благоразумной, малышка.

Будь благоразумной. Будь благоразумной. Будь благоразумной. Делаю глубокий вдох и отвечаю:

— Привет.

— Оливия?

— Миллер, — говорю холодно и спокойно, несмотря на бешеный стук сердца. Медленное, витиеватое произношение моего имени будоражит яркие картинки неспешных движений его губ.

— Мы должны продолжить с того, на чем остановились. Сегодня вечером я занят, но

завтрашний оставлю свободным, — он говорит формально и коротко, заставляя мое сердце биться еще чуточку быстрее, но скорее от раздражения, чем от желания. Я что, деловая сделка?

— Нет, спасибо.

— Это был не вопрос, Ливи. Я говорю, что ты проведешь завтрашний день со мной.

— Очень любезно с твоей стороны, но боюсь, у меня планы, — голос колеблется, тогда как я хотела казаться уверенной. Осознаю, что Грегори внимательно смотрит и слушает, и я рада, потому что уверена, если бы он не отслеживал здесь этот разговор, я бы согласилась. Слышать *его* спокойный голос, даже если в нем нет и намек на дружелюбность, возвращает все те пылающие чувства.

— Отмени их.

— Я не могу.

— Для меня ты можешь.

— Нет, не могу, — разъединяюсь, прежде чем поддаюсь, и быстро отключаю телефон. — Готово, — объявляю я, бросая телефон в рюкзак.

— Хорошая девочка. Ты знаешь, что в этом есть смысл, — Грегори улыбается мне через стол. — Допивай, и я провожу тебя домой.

Мы прощаемся на углу, Грегори отправляется готовиться к ночной вечеринке, я в свою спальню прятаться от любопытной бабушки. Как только я тихонечко вставляю ключ в замочную скважину, дверь открывается и две пары пожилых глаз смотрят на меня с интересом: Нан, пытающаяся прочесть меня, и Джордж, выглядывающий из-за ее плеча с тихой улыбкой на лице. Я могу только представлять, что происходило в этом доме с тех пор, как я ушла этим утром, и пришел Джордж. Он все сделает для Нан, включая выслушивание ее заунывных рассказов о том, какая у нее скучная и замкнутая внучка. Только в этот раз я не скучная. И то, что Джордж посвящен в эти новости, написано на его пухлом лице.

— Твой телефон выключен, — осуждающе взрывается Нан. — Почему?

Опускаю руки, чересчур громко вздохнув, после чего прохожу мимо них и направляюсь на кухню.

— Батарея сдохла.

Ее смешок свидетельствует о том, что она догадалась про ложь:

— Твой начальник заезжал.

Я в ужасе разворачиваюсь и вижу поджатые губы и Джорджа, по-прежнему улыбающегося из-за ее плеча.

— Мой начальник? — спрашиваю осторожно, чертово сердце рвется из груди.

— Да, твой *настоящий* начальник, — она наблюдает за моей реакцией и не видит то, чего так ждала. Я пытаюсь изо всех сил сдержаться, но все равно неистово заливаюсь краской, и тело абсолютно слабеет. — Милый среднестатистический мужчина.

— Чего он хотел? — выдыхаю, собираясь с мыслями.

— Он пытается тебе дозвониться, — она наполняет чайник и указывает Джорджу садиться, что он и делает без промедления, продолжая мне улыбаться. — Что-то насчет благотворительного вечера сегодня.

— Он хочет, чтобы я работала? — спрашиваю в надежде, доставая телефон и сразу же его включая.

— Да, — она продолжает свои «чайные» приготовления, повернувшись ко мне

спиной. — Я заметила, что это, возможно, слишком после твоей долгой смены вчера вечером.

Сердито смотрю ей в спину и понимаю, что улыбка Джорджа только что стала еще шире.

— Прекрати, Нан, — говорю, стуча по кнопками своего телефона. Она не оборачивается и не отвечает. Она придерживается своей точки зрения, так же, как и я.

Прижав телефон к уху, поднимаюсь по лестнице, чтобы спрятаться в убежище своей комнаты. Дэлу нужно, чтобы я обслуживала сегодняшний вечер, и я охотно соглашаюсь, прежде чем он скажет, где мне нужно быть и когда.

Вхожу в отель через служебный вход, и меня тут же приветствует Сильвия. Как я и думала, она подкрадывается ко мне, как волчица.

— Рассказывай мне все!

Прохожу мимо нее, направляясь на кухню:

— Нечего рассказывать, — отмахиваюсь, не желая признавать её правоту. Забираю у улыбающегося Дэла фартук и начинаю его надевать. — Спасибо.

Он также протягивает один Сильвии, которая выхватывает фартук, но не благодарит босса.

— Так ты сказала, куда ему следует идти?

— Да, — говорю очень убедительно, потому что это отчасти правда. Я, по сути, сказала, куда ему идти. Начинаю заполнять бокалами свой круглый серебряный поднос. — Так что можешь заканчивать со своим ворчаньем, потому что меня пилить не за что.

— Оо, — говорит она спокойно, начиная мне помогать. — Ну, я рада. Он высокомерный ублюдок.

Я не спорю и не соглашаюсь с этим, предпочитая просто сменить тему. Я, кажется, перегружаю свое смешанное сознание, не давая ему пищи.

— Ходила куда-то прошлой ночью?

— Да, и до сих пор чувствую себя, как дерьмо, — замечает она, разливая шампанское. — Весь день мой организм просто требовал какой-нибудь вредной пищи, и я проглотила что-то близкое к двум литрам калорийной колы.

— Это плохо?

— Жутко. Я больше не пью....до следующей недели.

Смеюсь:

— От чего тебе стало плохо....

— Не смей! Этот запах переворачивает мой желудок, — подруга зажимает нос, продолжая наполнять бокалы. Только сейчас я могу хорошенько ее рассмотреть, и замечаю, что ее обычно блестящий, черный хвост выглядит немного тусклым, так же, как и ее обычно румяные щеки. — Знаю. Я выгляжу отвратно.

Я возвращаюсь к подносу:

— На самом деле, так и есть, — соглашаюсь.

— А чувствую себя еще хуже, чем выгляжу.

Появляется Дэл, как обычно, с радостным выражением лица.

— Девочки, сегодня у нас члены парламента и несколько дипломатов. Знаю, что говорить вам не нужно, но помните о своих манерах, — говоря это, смотрит на Сильвию и хмурится. — Ты, и правда, фигово выглядишь.

— Да, да. Я знаю. Не волнуйся. Я не буду на них дышать, — подкалывает Сильвия, выдыхая на свою ладошку и принюхиваясь. Я гримасничаю при виде того, как морщится ее лицо, прежде чем она роется в кармане и бросает в рот мятную жвачку.

— Не разговаривай, пока это не станет необходимо, — Дэл качает головой и оставляет нас с Сильвией заканчивать с шампанским и выкладыванием канапе из пластикового контейнера на подносы.

— Все готово? — спрашивает Сильвия, опуская на плечо свой поднос.

— Показывай дорогу.

— Великолепно. Давай накормим и напоим этих воображал, — брюзжит Сильвия, при этом сладко улыбаясь Дэлу, когда он бросает ей предупреждающий взгляд. — Ты предпочитаешь снобов?

Дэл тычет в нее пальцем, пытаюсь сдержать безрассудную улыбку:

— Нет, я бы предпочел иметь достаточное количество персонала, чтобы мне не пришлось пускать *тебя* в высший свет. Соберись.

— Есть, сэр! — она вполне серьезно салютует боссу и марширует, а я, смеясь, следом за ней.

Продвигаюсь я, тем не менее, не слишком далеко. И смех мгновенно обрывается.

С безразличным выражением лица *он* смотрит на меня, в то время как я, застыв на месте, трясусь, пульс бешено стучит. Но он кажется абсолютно собранным, и единственное, что выдает его мысли, это то, насколько пристально он меня изучает.

— Нет, — шепчу сама себе, пытаюсь удержать трясущийся поднос, и отступаю, пятаюсь обратно на кухню. Он с той женщиной, и она облачена в шелк кремового цвета и украшена бриллиантами, ее рука приклеилась к его заднице, улыбающееся ему лицо мечтательно сияет. Бизнес? Мне становится плохо — плохо от ревности, от боли и восхищения тем, насколько прекрасно он выглядит в темно-сером костюме тройке. Его безупречность предвосхищает реальность по всем фронтам.

— Ливи? — обеспокоенный голос Дэла просачивается в мои уши, а его руки осторожно ложатся на мои плечи. — Ты в порядке, милая?

— Извини? — отрываю взгляд от болезненной картины в другом конце зала, и беспомощно оборачиваюсь к своему начальнику, мое выражение лица добавляет беспокойства его голосу.

— Господи, Ливи, ты белая, как приведение, — он забирает у меня поднос и трогает мой лоб. — И ты холодная.

Мне нужно уйти. Не могу работать всю ночь в тесной близости с Миллером, особенно с *ней*, прилипшей к нему, и точно не после прошлой ночи. Переминаюсь с ноги на ногу, взгляд мечется из угла в угол, сердце совсем не собирается затихать.

— Думаю, мне следует уйти, — жалко пишу.

— Да, иди домой, — Дэл проводит меня через кухню и протягивает мой рюкзак. — Заберись в постель и отлеживайся.

Неубедительно киваю, как раз когда на кухню заходит запаренная Сильвия с подносом, полным пустых бокалов, ее распахнутые глаза смотрят отчаянно и беспокойно, особенно, когда она замечает мое жалкое, нервное состояние. Она открывает рот в попытке заговорить, но я качаю головой, не желая, чтобы она меня выдала. Что подумает Дэл, если выяснится, что я в таком состоянии из-за мужчины?

— Тебе придется поработать немного больше, Сильвия. Я отправляю Ливи домой. Она

неважно себя чувствует, — Дэл разворачивает меня и подталкивает мое трясущееся тело к выходу.

Заглядываю через плечо, посылая Сильвии извиняющуюся улыбку, благодарная, когда она сбрасывает тягость моей вины взмахом руки.

— Надеюсь, тебе станет лучше, — кричит она.

Меня отправляют через черный вход отеля, где разгружают доставку и персонал выходит покурить. На улице темно, воздух тяжелый, как и мое сердце. Отойдя от хаоса переполненного переулка, опускаюсь на корточки и прижимаюсь головой к коленям, пытаюсь успокоиться, прежде чем идти домой. Забыть встречи с Миллером Хартом и все чувства, что испытывала во время этих встреч, возможно, было бы легче, если бы мне больше никогда не пришлось его видеть, только это становится невозможным, если он оказывается за каждым углом, куда бы я ни повернула.

Вернуться навязанному собой же одиночеству кажется лучшим для меня выходом, но во мне проснулось желание, я попробовала что-то новое и притягательное, и я хочу больше. И все же, важный вопрос — вопрос, который я должна задать и серьезно над ним поразмыслить, — хочу ли я большего только с Миллером? Или, если смогу найти эти возбуждающие, раздражающие, живые ощущения с кем-то еще, с женщиной, который хочет меня больше, чем на одну ночь, с женщиной, который сможет удержать во мне эти ощущения, не сломав, а потом быстро и жестоко заменив их чувством собственной неполноценности и потерянности?

Я не стану переживать.

Заставляю непослушное тело подняться, поднимаю взгляд и лицом к лицу сталкиваюсь с Миллером Хартом. Он стоит всего в нескольких шагах от меня, спрятав руки в карманы брюк. Его все также безразличное выражение лица ни о чем мне не говорит, но это не умаляет его невозможной красоты. Есть много вещей, которые я хочу сказать ему, но они только подстегнут разговор, который даст Миллеру еще больше влияния надо мной. Единственная разумная вещь, которую я должна делать — это избегать его присутствия. Планируя именно так и поступить, я ухожу от него.

— Ливи! — кричит он, его шаги преследуют меня. — Ливи, это просто бизнес.

— Не надо передо мной оправдываться, — тихо произношу. Язык жестов и мимики был совсем не деловым. — Пожалуйста, не ходи за мной.

— Я с тобой разговариваю, Ливи, — предупреждает он.

— А я не хочу слушать, — нервы делают мой голос неуверенным, тогда как на самом деле я хочу добавить в него храбрости, только силы ушли на то, чтобы пойти прочь.

— Ливи, ты должна мне шестнадцать часов.

Его наглость заставляет меня замедлить шаг, но не остановиться.

— Я ничего тебе не должна.

— Позволю себе не согласиться, — его силуэт вырастает передо мной, преграждая путь, так что я быстро обхожу его, не позволяя взгляду оторваться от намеченной цели: главная дорога впереди. — Ливи, — теперь он цепляется за меня, но я отмахиваюсь от него, молча и решительно. — Где твои гребаные манеры?

— С тобой они меня не волнуют.

— А стоило бы, — он хватает меня, на этот раз сильнее, и заставляет остановиться. — Ты согласилась на двадцать четыре часа.

Я отказываюсь смотреть на него, также как и говорить. Есть много вещей, которые я бы

хотела сказать, но показать свои эмоции — явно и вслух — будет грубой ошибкой, поэтому я остаюсь тихой и молчаливой, пока он смотрит вниз на мою не реагирующую фигуру. Я его бешу. Усилившаяся хватка на моих предплечьях подтверждает это так же, как и вздымающаяся грудная клетка под костюмом. Я спряталась в раковину и не планирую вылезать. Здесь я в безопасности — в безопасности от него.

Он останавливает лицо на уровне моих глаз, и я опускаю взгляд еще ниже, в землю, чтобы избежать зрительного с ним контакта. Посмотреть в его кристально-чистые синие глаза ровно что вызвать крушение поезда.

— Ливи, когда я с тобой разговариваю, хотелось бы, чтобы ты смотрела на меня.

Не смотрю. Игнорирую его просьбу и концентрируюсь на том, чтобы оставаться невосприимчивой, надеясь, что ему это надоест, он решит, что я не стою его внимания, и оставит меня одну. Мне нужно, чтобы он оставил меня одну. Там внутри красивая женщина, явно готовая, так зачем он тратит здесь со мной время?

— Ливи, — шепчет он.

Мои глаза закрыты, в голове всплывают картинки его губ, произносящих мое имя тихо...не спеша.

— Пожалуйста, посмотри на меня, — мягко призывает.

Моя голова начинает качаться в своей личной темноте, пока я борюсь за сохранение своей стойкости — спасательного щита от Миллера Харта.

— Позволь мне увидеть тебя, Оливия Тейлор, — он наклоняется ниже, зарываясь лицом в мою шею. — Дай мне мое с тобой время.

Хочу остановить его. Не хочу его останавливать. Хочу снова почувствовать себя живой, но не хочу снова чувствовать себя безжизненной. Хочу его больше, чем должна хотеть.

— Мне даже близко недостаточно. Я хочу больше, — его губы находят мою щеку, и я чувствую его ладонь на своем затылке, пальцы путаются в моих волосах, и он удерживает меня на месте. — Я хочу оказаться в тебе, Ливи, — Его губы находят мои, и это чувство мысленно отбрасывает меня прямо в прошлую ночь. Щит разбивается, и я сдерживаю стон, готовый сорваться с губ, зажмуриваю глаза, чтобы остановить поток бегущих по щекам слез. — Открой ротик, — шепчет он.

Челюсть расслабляется от его ласковой просьбы, отдавая ему полный контроль над моими чувствами, и его язык скользит медленно и осторожно по моим губам, очерчивая сладкие изгибы рта, его тело теснее прижимается к моему. Нет ни одной частички меня, которая бы его не касалась.

Становлюсь слабой, поднимаю голову, давая ему лучший доступ, руки сами собой поднимаются, чувствуя его руки, пока не оказываются на его плечах. Он делает неспешный, мучительный шаг, и я следую за ним, лаская его язык своим и отбрасывая посторонние мысли.

— Видишь, как это просто? — говорит он, медленно отстраняясь и покусывая мои губы.

Я киваю, соглашаясь, потому что, на самом деле, так и есть, только сейчас его губы оставили меня, и разум вот-вот испарится:

— Кто та женщина? — спрашиваю, отступая назад. — Это и есть та договоренность, о которой ты говорил? Свидание?

— Это бизнес, Ливи. Только бизнес.

Делаю еще один шаг назад:

— И этот бизнес включает в себя ее руку, прилипшую к твоей заднице? — я не имею

права на такой обвинительный тон. Он играет по собственным правилам.

Он наклоняет на бок голову, на лице появляется тень недовольства:

— Иногда мне приходится принимать немного фамильярности в условиях бизнеса.

— Какого бизнеса?

— Мы уже говорили об этом. Не думаю, что это хорошая идея — переходить на личное.

— У нас был секс. Более личного после такого уже не найти, — возражаю я.

— Я говорю об эмоциональном, не физическом, Ливи.

Его слова подтверждают мои мысли. Чертовы женщины со своей пронизательностью и чертовы мужчины со своей беспечностью. Просто секс. Я должна об этом помнить. Эти ощущения вызваны похотью, ничем больше.

— Я не такой человек, Миллер. Я такой ерундой не занимаюсь, — не уверена, кого я здесь пытаюсь убедить.

Он делает шаг вперед и проводит рукой по задней части моей шеи, его любимый жест.

— Может, это именно то, что я нахожу таким привлекательным.

— Или, может быть, ты нашел забавное развлечение.

— Если дело в этом, — он оставляет нежный поцелуй на моей щеке, — тогда, думаю, мы оба можем смело сказать, что я тебя покорил.

Он абсолютно прав. Он покорил меня и он единственный, кто смог.

— Мне надо идти, — я ухожу как раз тогда, когда телефон начинает звонить в его кармане. Он берет его и смотрит на экран, потом на меня. Вижу, что разрывается между двумя делами. — Тебе стоит ответить на звонок, — я киваю на его телефон, надеясь, что он сбросит вызов и выполнит свое обещание затащить меня обратно в свою постель. Если я сейчас убегу, это конец. Я безвозвратно отвернусь от него и найду силы устоять перед ним. Но если он остановит меня, пойдет со мной, тогда я проведу следующие шестнадцать часов, позволяя ему боготворить себя снова. Хочу сделать и то, и другое, но его решение сделает все за меня. Чей-то еще выбор определяет мою судьбу. И, глядя в его лицо, могу сказать, он тоже это понимает.

Сердце сжимается, когда он отвечает на звонок, несмотря на то, что я сама знаю — это лучшее для меня решение.

— Уже иду, — говорит он тихо, после чего сбрасывает вызов и смотрит, как я увеличиваю расстояние между нами. Едва заметно улыбаюсь, прежде чем повернуться спиной к Миллеру Харту, и начать планировать, как навсегда выкинуть его из головы.

Глава 10

Меня приветствует утро понедельника, только лучше мне не становится. Целый день вчера себя жалела, решив остаться в постели, а Нан то и дело заглядывала ко мне, пытаясь что-нибудь разнюхать. Я никогда не притворялась больной, а теперь вот притворяюсь. Бабуля ужасно подозрительная, но в кои-то веки свои мысли оставляет при себе. Это в новинку, но приятно. Телефон звонил дважды: два моих единственных в мире друга звонили проверить, как я, но я пресекаю любые долгие разговоры. Можно было бы сказать, что друзья тоже подозревают — особенно Сильвия, ставшая свидетелем моего эмоционального срыва. Я не слишком хорошая актриса. На самом деле, никудышная, и особенно злюсь на себя, когда слышу свой неубедительный голос, говорящий им о том, что я чувствую слабость из-за тошноты и меня знобит. Решив, что мне нужен еще один день, дабы собраться с силами, звоню Дэлу сказать, что лучше мне не стало.

— Ливи? — настороженный голос Нан раздается из-за двери. — Я приготовила завтрак.

Ты опоздаешь на работу.

— Я не пойду, — кричу, стараясь сделать голос хриплым.

Дверь открывается, и она осторожно заходит в комнату, бегло оценивая мое укрытое одеялом тело.

— Ты все еще плохо себя чувствуешь? — спрашивает она.

— Ужасно, — бормочу.

Она напевает задумчиво, поднимая брошенные джинсы и аккуратно их складывая.

— Я собираюсь по магазинам. Хочешь пойти?

— Нет.

— Да ладно, Ливи, брось, — вздыхает она. — Можешь помочь мне выбрать ананас на пирог-перевертыш для Джорджа.

— Тебе надо помогать выбрать ананас?

Она всем видом показывает свое раздражение и сбрасывает одеяло, выставляя мое полуобнаженное тело на суд своего пытливого взгляда и холодного утреннего воздуха моей спальни.

— Оливия Тейлор, ты вылезешь из этой постели и поможешь мне выбрать ананас на пирог-перевертыш для Джорджа. Вставай!

— Я болею, — пытаюсь отвоевать свое укрытие и проигрываю. Она выглядит решительной, так что я, конечно, в отвратительном положении.

— Я не идиотка, — она тычет в меня указательным пальцем. — Тебе нужно взять себя в руки, сейчас же! Нет ничего менее привлекательного, чем жалеющая себя женщина, особенно из-за мужчины. Пошли его! Поднимай свою тушку, встряхнись, да поживей, девочка! — Она хватает мое застывшее тело и просто стаскивает меня с постели. — Неси эту тощую задницу в душ. Ты идешь по магазинам. — Она топает прочь из комнаты, хлопая за собой дверь и оставляя меня с вытаращенными глазами.

— Это было немного грубо, — говорю в пустоту, слыша бабушкин топот по лестнице. Она никогда в жизни так со мной не разговаривала. Но я никогда и не давала ей повода. Это я всегда вилась вокруг нее, но, совершенно точно, никогда не была такой грубой в своих ободряющих речах. Просто уморительно иронично. Только она всегда меня пилила, чтобы я хоть немного ожила. Я так и сделала, и смотрите, куда это меня привело. Все еще ошарашенная и не желающая покидать безопасность своей постели, с опаской прохожу по комнате принимать душ.

— Мы идем в Харродс⁴, чтобы купить ананасы? — спрашиваю я, придерживая Нан под локоть, когда мы переходим улицу, направляясь к огромному зданию с зеленым навесом.

Нан поднимает руку навстречу грузовику, мчащемуся на нас, останавливая его, несмотря на то, что он соблюдает все правила. Я машу ему в знак благодарности, пока Нан продолжает переходить дорогу, таща за собой продуктовую тележку.

— Может, я еще куплю густых сливок.

Догоняю ее и открываю дверь.

— Чтобы вести это в пригород, да? — намекая, изгибаю брови — жест, на который она совершенно никак не реагирует, продолжая вместо этого идти к продуктовому отделу.

— Ананас.

— Который мы могли бы купить в местном Теско Экспресс⁵, - возражаю, подначивая ее.

— Это будет не то же самое. Кроме того, те, что отсюда, идеальной формы и у них кожа блестит.

Я стараюсь поспевать за ней, все расступаются при виде старушки, решительно шагающей по торговому центру и тянущей за собой продуктовую тележку.

— Ты же обрежешь кожу!

— Не важно. Мы уже здесь! — она застывает на входе в продуктовый отдел, и я вижу, как ее плечи опускаются и поднимаются в довольном вздохе. — Мясной прилавок! — опять уходит. — Возьми корзину, Ливи.

Наклоняюсь, раздраженная, и беру продуктовую корзину, затем иду и присоединяюсь к ней у стеклянного прилавка с мясом.

— Я думала, ты хочешь ананас.

— Хочу. Я просто разглядываю.

— Разглядываешь мясо?

— Моя ты девочка. Это не просто мясо.

Следую за ее восхищенным взглядом на идеальные на вид куски свинины, говядины и баранины.

— Тогда что это?

— Ну, — хмурит брови, — это изысканное мясо.

— Что, типа благородное мясо? — изо всех сил стараюсь не улыбаться, показывая на кусок мяса. — Или эта корова справляла нужду в туалете, вместо поля?

Нан вздыхает и смотрит на меня разъяренным взглядом:

— Ты не можешь так выражаться в Харродс! — ее взгляд мечется по залу, проверяя, не обращают ли на нас излишнего внимания. Пожилая женщина рядом с Нан недовольно смотрит на меня. — Да что в тебя вселилось? — она снимает свою бесформенную шляпу и ударяет меня, сопровождая все это угрожающим взглядом.

Я по-прежнему сдерживаю улыбку:

— Где ананасы?

— Вон там, — она показывает, и я следую по направлению за ее пальцем к другому стеклянному прилавку в форме куба, который демонстрирует самый лучший фрукт из всех, что я когда-либо видела. Здесь только привычные всем фрукты — яблоки, груши и тому подобное, но это самые красивые яблоки и груши, которые я видела — такие красивые, что я приближаю к прилавку лицо, чтобы убедиться, что они настоящие. Яркие цвета и безупречная кожа. Они без преувеличения слишком хороши, чтобы их есть.

— О, ты только посмотри на этот ананас! — восклицает Нан, и я смотрю. Ее восхищение оправданно. Это сногшибательный ананас. — Ох, Ливи.

— Нан, он слишком красивый, чтобы его разделять и добавлять в пирог, — я присоединяюсь к ней. — И он стоит пятнадцать фунтов стерлингов! — ладонью ударяю себя по губам, а Нан ударяет меня по плечу.

— Ты замолчишь? — шипит она. — Надо было оставить тебя дома.

— Прости, но пятнадцать фунтов стерлингов, Нан? Конечно ты его не купишь.

— Да, куплю, — она выпрямляет плечи и машет рукой, подзывая к себе продавца, взмах ее руки мог бы посоревноваться с королевским. — Я бы хотела ананас, — говорит бабушка ему, пафосно и точно.

— Да, мадам.

Пялюсь на нее, не веря своим глазам.

— Это пребывание в продуктовом царстве Харродс сделало тебя такой бестактной?

Она смотрит на меня искоса:

— О чем ты говоришь?

Я начинаю смеяться:

— Вот. Этот голос. Да брось, Нан!

Она осторожно ко мне наклоняется:

— Я не бестактна!

Улыбаюсь:

— Именно бестактна. Очень и очень, и от этого кажешься королевой, у которой проблемы с дыханием.

Нан передают через прилавок ее прелестный ананас, и она берет его, аккуратно кладет в корзину в моих руках.

— Будь ласковой, — шепчу я, посмеиваясь себе под нос.

— Не такая уж ты взрослая, чтоб перебросить тебя через колено, — угрожает Нан, что вызывает у меня еще больший смех.

— Хочешь сделать это прямо здесь? — делаю серьезное лицо. — Можешь отшлепать меня, пока плохо себя ведешь, а я подержу твой замечательный ананас, — фыркая, сдерживая смех.

— Замолчи! — кричит она. — И будь осторожна с моим ананасом!

Я вот-вот лопну от смеха при виде того, как лицо Нан разглаживается от оскала, прежде чем она поворачивается к джентльмену, обслуживающему ее.

— Не могли бы вы напомнить мне, где можно найти густые сливки?

Начинаю впадать в истерику прямо в продуктовом отделе Харродс при виде взмахов руки Нан и при звуке ее фальшиво пафосного голоса. Напомнить ей? Да она ни разу в жизни не покупала густые сливки в Харродс!

— Конечно, мадам, — он направляет нас в дальнюю часть ряда, где стоят холодильники с молочными изысками. Нан распрямляет спину, улыбается и вежливо кивает каждому встреченному на нашем пути, пока я хихикаю, трясясь от смеха и держась за уже заболевший от слишком сильного смеха живот.

Я по-прежнему хихикаю при виде того, как она читает этикетки на задней стороне каждого стаканчика со сливками на полке, мурлыча себе под нос. Не стоит ей так беспокоиться о составе, лучше бы обратила больше внимания на цены. Решаю, что нужно успокоиться до того, как моя Нан набросится на меня, и начинаю делать глубокие вдохи в ожидании того, когда она выберет, только никак не могу расслабиться, не сдерживаюсь и смотрю вниз на идеальный блестящий ананас, напоминающий, почему я практически по полу каталась от смеха.

Подпрыгиваю, почувствовав горячее дыхание у уха, и оборачиваюсь, продолжая смеяться, пока не вижу чье именно это дыхание.

— Ты невероятно красива, когда смеешься, — тихо говорит он.

Я тут же прекращаю смеяться и пячусь назад, но не могу сдвинуться с места, просто налетев на Нан, от чего она еще больше раздражается и разворачивается ко мне.

— Ну что? — взрывается она, прежде чем замечает мою кампанию. — О мой...

— Здравствуйте, — Миллер сокращает расстояние, останавливаясь слишком близко, и

протягивает руку. — Вы, должно быть, знаменитая бабуля Ливи.

Замираю на месте. Она же определенно точно проглотит наживку.

— Да, — она по-прежнему говорит так, как будто у нее набит рот. — А вы начальник Ливи? — спрашивает она, ловко вкладывая ладонь в руку Миллера и посылая мне вопросительный взгляд.

— Думаю, вам известно, что я не начальник Оливии, миссис....

— Тейлор! — она практически визжит, довольная тем, что он подтвердил ее подозрения.

— Я Миллер Харт. Очень приятно, миссис Тейлор, — он целует тыльную сторону ее ладони — на самом деле целует ей долбанную руку!

Нан хихикает, как школьница, и теперь мое замершее в шоке сердце начинает глухо стучать в груди. Он восхитителен в сером костюме-тройке, белой рубашке и галстуке серебристого цвета... посреди Харродс.

— Делаешь покупки? — силясь, выдыхаю.

Он рассматривает меня, отпустив морщинистую руку Нан, и поднимает два пакета с костюмами:

— Просто покупал кое-какие новые костюмы, когда обаятельный смех привлек мое внимание.

Не обращаю внимания на комплимент:

— Потому что у тебя недостаточно костюмов? — спрашиваю, вспомнив бесконечные ряды соответствующих пиджаков, брюк и жилеток, занимающих три стены его гардеробной. Ни разу не видела его в одном и том же дважды.

— Никогда не бывает достаточно костюмов, Ливи.

— Согласна! — взволнованно восклицает Нан. — Так занятно видеть хорошо одетого молодого человека. Эти молодняки с джинсами, прилипшими к заднице, и нижним бельем, выставленным напоказ всему честному народу... Я просто не понимаю этого.

Легкое изумление Миллера очевидно.

— Согласен, — он кивает задумчиво, переводя взгляд на меня в то время, как я размышляю, насколько глупо это звучит — отнести его к категории молодых парней. Он молод, но его образ гораздо наглее, опытнее — мужской. Он ведет себя старше своего возраста, даже выглядя так невероятно великолепно в свои двадцать девять. — Этот ананас выглядит аппетитно, — кивает на корзину в моих руках.

— Прямо с языка сорвали! — довольно замечает Нан, снова с ним соглашаясь. — Стоит каждого пенса.

— Так и есть, — отвечает Миллер. — Еда здесь безупречная. Вы должны попробовать черную икру. — Он тянется к ближайшей полке и берет баночку, показывая ее Нан. — Она особенная.

А я просто пялюсь на то, как Нан рассматривает баночку, став необыкновенно покладистой, и болтает с *ним* в продуктивном отделе Харродс. Хочется свернуться в комочек и спрятаться.

— Так как вы с моей очаровательной внучкой познакомились?

— Очаровательная — ключевое слово, согласитесь? — спрашивает Миллер, поставив баночку на место и покрутив ее, чтобы этикетка встала так, как была прежде. Он не останавливается на этом. Касается рукой каждой баночки, выравнивая все по одной линии.

— Она куколка, — Нан незаметно толкает меня локтем, пока Миллер заканчивает

приводить полку в порядок.

— Да, она такая, — он смотрит на меня, и я чувствую, как лицо вспыхивает под его внимательным взглядом. — Она готовит самый лучший кофе в Лондоне.

— Правда? — выплевываю я. Лживый ублюдок. Давит своим очарованием.

— Да. И я был очень разочарован, когда вырвался сегодня утром и обнаружил, что ты заболела.

Краснею еще сильнее:

— Мне уже лучше.

— Я рад. Твоя коллега не так дружелюбна, как ты, — в его словах скрытый смысл. Он играет в игры, и это чертовски раздражает. Дружелюбная или доступная? Если бы здесь не было Нан, я бы задала такой важный вопрос, но она здесь, и мне нужно увести ее и себя из этого до боли сложного положения.

Беру ее под локоть:

— Нам пора идти, Нан.

— Пора?

— Да, — пытаюсь тащить ее вперед, но она приросла к месту, — приятно было тебя увидеть. — Натянута улыбаюсь Миллеру и ташу ее сильнее. — Идем, Нан.

— Хочешь присоединиться ко мне сегодня за обедом? — спрашивает Миллер с нотой настойчивости в голосе, которую, возможно, слышу только я.

Перестаю пытаться сдвинуть неподвижную бабулю и испепеляю Миллера вопросительным взглядом. Он пытается получить свое оставшееся время и использует бабушку в своих целях, коварный придурок.

— Нет, спасибо, — я чувствую, как Нан сверлит меня шокированным взглядом.

— Ливи, ты должна принять приглашение этого джентльмена на обед, — скептически заявляет Нан. — Очень любезно с его стороны.

— Я не часто это делаю, — тихо вмешивается Миллер, как будто я должна быть благодарна. Это только усиливает мое раздражение, так что я пытаюсь напомнить себе, почему поклялась никогда больше с ним не видеться. Тяжело, когда упрямая голова посылает мне поток картинок переплетения наших обнаженных тел и воспроизводит теплые слова, которыми обменивались.

— Видишь! — кричит мне в ухо Нан, отчего я вздрагиваю. Бестактность в голосе исчезла, и ее место заняло безумство. Губы растягиваются в глупую улыбку на ее лице, когда она поворачивается к Миллеру. — Она с удовольствием пойдет.

— Нет, не пойду, но спасибо, — стараюсь увести свою раздражающую бабушку от будоражащей сердце расплаты, но застывшая старая лиса отказывается шевелиться. — Идем, — прошу я.

— Буду рад, если ты передумаешь, — от ласкового шепота Миллера прекращаю попытки сдвинуть упирающуюся бабушку и слышу ее мечтательный вздох, пока она рассматривает до раздражения красивого мужчину, который покорила меня. Но потом ее мечтательный взгляд становится немного смущенным, и я следую за ее глазами, чтобы понять, что заставило ее измениться в лице. Рука с хорошим маникюром лежит на плече Миллера, бледно-розовый шелковый галстук свисает с этой руки, ложась на его грудь.

— Вот этот подойдет идеально, — знакомый бархатный голос. Мне не нужно смотреть на это великолепное лицо, чтобы понять, кому принадлежит эта рука, так что вместо этого, перевожу взгляд с шелкового галстука на Миллера. Челюсть стиснута, высокий силуэт

неподвижен. — Как думаешь? — спрашивает она.

— Нормальный, — тихо отвечает Миллер, продолжая смотреть на меня.

Нан молчит, я молчу, и Миллер немногословен, но потом женщина выходит из-за него и расправляет галстук, тишина разбивается.

— Что *вы* думаете? — спрашивает бабулю, которая кивает, даже не взглянув на галстук, продолжая вместо этого рассматривать эту появившуюся из ниоткуда прекрасную женщину. — А вы? — она спрашивает меня, играя с инкрустированным бриллиантами ожерельем, всегда обрамляющим ее прелестную шею. Вижу угрожающий взгляд из-под опущенных ресниц с идеальным макияжем. Она метит свою территорию. И не является деловым партнером.

— Симпатичный, — шепчу я, опуская корзину, и решаю больше не уговаривать бабушку уйти. Мне нельзя оставаться с бабулей и оставаться под прицелом пренебрежительного взгляда этой идеальной женщины. За какой бы угол я не повернула, он там. Это безнадежно.

Оцепенев, я лавирую между различными отделами, пока не вырываюсь из заключения огромного торгового центра и не вдыхаю жадными глотками свежий воздух, прислонившись спиной к наружной стене. Я зла, огорчена и раздражена. Я похожа на спутанную массу самых разных эмоций и сбивающих с толку мыслей. Мое сердце и голова никогда еще не спорили и не сражались так отчаянно.

До настоящего момента.

Гайд Парк отвлекает меня. Я сижу на траве с сэндвичем и банкой колы и уже несколько часов смотрю на то, как вращается мир вокруг. Думаю о том, насколько счастливы люди, спешащие мимо меня, которым выпало ходить через такое место. Потом я насчитываю, по крайней мере, двадцать различных пород собак меньше, чем за двадцать минут, и думаю о том, как же им повезло иметь для прогулок такое место. Дети визжат, мамы болтают и смеются, бегуны пробегают мимо с надменными лицами. Чувствую себя лучше, как будто что-то знакомое и желанное успешно заменило что-то незнакомое и нежеланное.

Нежеланное, нежеланное...абсолютно нежеланное.

Я вздыхаю и поднимаюсь с земли, закидывая на плечо рюкзак и выбрасывая мусор по пути.

После чего иду домой уже знакомой дорогой.

К тому времени, как я вваливаюсь домой, Нан безумствует. Правда безумствует. Чувствую себя виноватой, даже несмотря на то, что должна скорее злиться на нее.

— Силы небесные! — она набрасывается на меня прямо в коридоре, не дав даже шанса снять пальто. — Ливи, я так волновалась! Сейчас семь часов!

Я принимаю ее объятия, чувство вины становится сильнее.

— Мне двадцать четыре года, — вздыхаю я.

— Не исчезай от меня, Оливия. Мое сердце этого не выдержит.

Теперь вина меня парализует:

— Я устроила перекус в парке.

— Но ты просто ушла! — она отдвигается и держит меня на расстоянии. — Это было невероятно грубо, Ливи! — Вижу по ее неожиданному раздражению, что предыдущая паника исчезла.

— Я не хотела с ним обедать.

— Почему нет? Он кажется таким джентльменом.

Сдерживаю недовольный смех. Она бы так не думала, если бы знала все тонкости.

— Он был с другой женщиной.

— Она деловой партнер! — взрывается она, практически одержимо разъяря непонимание. — Милая женщина.

Не могу поверить, что она на это купилась. Такая милая. Деловые партнёры не выбирают вместе шелковые галстуки.

— Мы можем просто оставить это? — кидаю свою сумку и прохожу мимо нее, направляясь на кухню и улавливая аромат чего-то вкусного, когда вхожу. — Что ты готовишь? — спрашиваю, увидев за столом Джорджа. — Привет, Джордж, — сажусь рядом с ним.

— Не выключай свой мобильный, Ливи, — он тихо брюзжит. — Я терпел часы, когда Жозефина набирала тебя снова и снова, попутно готовя ужин.

— Что это? — спрашиваю снова.

— Биф Веллингтон⁶, — щебечет Нан, останавливаясь позади меня. — С запеченным картофелем и отварной молодой морковкой.

Бросаю на Джорджа непонимающий взгляд, но он только пожимает плечами и поднимает свою газету:

— Биф Веллингтон? — спрашиваю я.

— Совершенно верно, — она не уделяет моему вопросительному тону должного внимания. Что случилось с тушеным мясом и клецками или жаркое из цыпленка? — Подумала, что попытаюсь приготовить что-то новое. Надеюсь, ты голодна?

— Немного, — признаю я. — Это вино? — спрашиваю, заметив две бутылки красного и две бутылки белого на столешнице.

— Ох! — порхает по кухне и хватает две бутылки белого вина, быстро убирая их в холодильник и открывая красное. — Эти должны подышать.

Ерзая на стуле, бросаю взгляд на Джорджа в надежде получить хоть что-то от него, но он, несомненно, делает так, как ему велено: сидит тихо и молчит. Знает, что я смотрю на него. Его глаза бегают слишком быстро для читающего, по правде. Ударяюсь с ним коленями, но остаюсь без внимания: он предпочитает отодвинуть ноги, чтобы избежать еще одного намеренного касания.

— Нан... — звонок в дверь прерывает меня, и я поворачиваю голову в сторону коридора.

— Ой, это, наверное, Грегори, — она открывает духовку и протыкает длинной металлической вилкой серединку огромного пирога. — Откроешь, пожалуйста, Ливи?

— Ты пригласила Грегори? — спрашиваю, отодвигаясь от стола.

— Да! Взгляни на всю эту еду, — отщипывает кусочек от мяса и облизывает губы, проверив температуру на дисплее. — Почти готово, — заявляет она.

Оставлю Нан и Джорджа и иду по коридору, чтобы впустить Грегори, надеюсь, что Нан опять с ним не сплетничала.

— Я пропускаю особый повод? — спрашиваю, открывая входную дверь.

Моя улыбка моментально исчезает.

Глава 11

— Какого черта ты здесь делаешь? — во мне опасно вспыхивает дурацкое раздражение.

— Твоя бабушка меня пригласила, — в руках Миллера цветы и пакет с логотипом Харродс. — Ты собираешься впустить меня в дом?

— Нет, не собираюсь, — я выхожу на крыльцо и закрываю за собой дверь, чтобы Нан не могла подслушать наш разговор. — Что ты творишь?

Он абсолютно спокоен в ответ на мое далеко не спокойное поведение.

— Веду себя вежливо и принимаю приглашение на обед, — в его голосе нет веселья. — У меня хорошие манеры.

— Нет, — подхожу к нему ближе, шок и недовольство граничат со злостью. Чертовски коварная бабушка. — Выводишь меня из себя, вот что ты творишь. Это должно прекратиться. Я не хочу проводить с тобой двадцать четыре часа.

— Хочешь больше?

Взрываюсь:

— Нет! — *Насколько больше?*

— Оо... — он звучит неуверенно, и я впервые вижу его таким. Это заставляет меня распрямить плечи и вопросительно прищурить глаза.

— А ты? — шепчу вопрос, сопровождаемый гулким ударом сердца, мозг начинает лихорадочно работать.

За долю секунды его неуверенность превращается в раздражение, заставляя меня задуматься, направлено ли оно на меня или он разочарован в себе. Надеюсь, последнее:

— Мы договаривались не переходить на личное.

— Нет, это ты огласил эту часть сделки.

Его взгляд взметнулся в шок:

— Я знаю.

— И она все еще в силе? — спрашиваю, сильно стараясь звучать уверенной в себе, тогда как внутри распадаюсь, ожидая его ответа.

— Все еще в силе, — его голос звучит решительно, но не соответствует выражению лица Миллера. И тем не менее, этого недостаточно для укрепления моих надежд.

— Тогда здесь мы прощаемся, — разворачиваюсь на конверсах и толкаю в дверь свое разбитое тело, предсказуемо сталкиваясь с Нан. — Это продавец, — говорю, не позволяя ей пройти мимо меня. Мой план никогда бы не сработал, и я это понимаю. Она пригласила его и знала, кто это уже в ту секунду, как прозвонил дверной звонок.

Сопrotивляюсь немного, и меня отодвигают с пути, открывая входную дверь, Миллер не спеша уходит прочь.

— Миллер! — кричит она. — Вы куда?

Он разворачивается и смотрит на меня. И я безумно сильно стараюсь изобразить угрожающий взгляд, но этого не происходит. Мы просто глядим друг на друга долгое время, после чего он едва заметно кивает Нан.

— Это, действительно, очень любезно с вашей стороны, миссис Тейлор, но я...

— Ооо нет! — Нан не дает ему шанса принести свои извинения. Она шагает по тропинке, и ни капли не испугавшись его высокой, сильной фигуры, берет его под локоть и ведет в дом. — Я приготовила потрясающий обед, и вы останетесь его попробовать. — Миллер оказывается в узком коридоре, где для нас троих маловато места. — Ливи заберет вашу куртку, — Нан оставляет нас и уходит на кухню, где тут же дает кое-какие инструкции Джорджу.

— Я уйду, если хочешь. Не хочу заставлять тебя чувствовать себя некомфортно, — он не

двигается, чтобы положить пакеты или снять куртку. — Твоя бабушка замечательная женщина.

— Да, — отвечаю тихо. — И ты всегда заставляешь меня чувствовать себя некомфортно.

— Поедем ко мне домой, и я надену какие-нибудь шорты.

Мои глаза распахиваются при мысли о Миллере с обнаженным торсом и босыми ногами.

— От этого комфортно мне тоже не становилось, — заключаю я. Ему это известно.

— Да, только потом одежды стало еще меньше, — тот самый локон волос падает на свое место, как бы подтверждая слова Миллера, делая их более соблазнительными.

Переминаюсь с ноги на ногу:

— Этого больше не повторится.

— Не говори то, чего на самом деле не имеешь в виду, Ливи, — заключает он мягко.

Соприкасаюсь глазами с его взглядом, и он подходит, цветы в его руке прижимаются к моему чайному платю.

— Ты используешь мою собственную бабушку против меня, — выдыхаю я.

— Ты не оставляешь мне выбора, — он наклоняется и накрывает своими губами мои, посылая приятное тепло в низ живота, такое похожее на тепло его рта.

— Ты играешь нечестно.

— Я никогда не говорил, что играю по правилам, Ливи. И в любом случае, все мои правила полетели к чертям, едва я к тебе прикоснулся.

— Какие правила?

— Не помню, — он осторожно овладевает моим ртом, сильнее прижимая цветы к моей груди, целлофан, в который они завернуты, громко шуршит. Но я слишком занята, чтобы побеспокоиться о том, привлечет ли шум внимание моей любопытной бабули. Ощущения яркие, кровь кипит, и я вспоминаю невероятные чувства, которые Миллер Харт во мне пробудил. — Почувствуй меня, — стонет мне в рот.

Не подумав, опускаю руку между нашими телами, огибая цветы и пакет с логотипом Харродс, и провожу костяшками пальцев по его длинному твердому стволу. Его глубокий стон придает мне храбрости, я поворачиваю ладонь, чтобы почувствовать, обвести и сжать выпуклость его брюк.

— Это твоих рук дело, — рычит он. — И до тех пор, пока ты делаешь это со мной, ты же и будешь это исправлять.

— Подобного бы не случилось, если б ты меня не увидел, — выдыхаю, кусая его губу, не забываясь о его наглom заявлении.

— Ливи, мне только стоит подумать о тебе, и я возбуждаюсь. Мне больно видеть тебя. Сегодня ты едешь со мной домой, и я не принимаю отказа, — его губы сильнее вжимаются в мои.

— Та женщина опять была с тобой.

— Сколько раз мы должны проходить через это?

— Ты часто ходишь по магазинам с женщинами-деловыми партнерами? — спрашиваю вокруг его неумолимых губ.

Он отстраняется, тяжело дыша, волосы в беспорядке. Эти синие глаза убьют меня.

— Почему ты не можешь поверить мне?

— Ты слишком скрытный, — шепчу я. — Не хочу, чтобы это играло против меня.

Он тянется и целует мой лоб нежно, любяще. Его слова не соответствуют его действиям.

Это так путает меня.

— Это не против тебя, если ты это принимаешь, сладкая.

Было бы невообразимо глупо доверять этому мужчине. Это не женщина внутри меня решает, совесть, кажется, довольно счастлива, чтоб не обращать на нее внимание. Это моя судьба. Мое сердце. Я влюбляюсь слишком сильно и слишком быстро.

Он отходит назад и смотрит на свой пах, прежде чем привести себя в порядок.

— Мне придется встретиться лицом к лицу с милой пожилой леди *с этим в штанах*, и это полностью твоя вина, — он поднимает ко мне свои почти мальчишеские глаза, опять сбивая меня с толку. Это еще одно выражение лица Миллера Харта, которое мне не знакомо. — Готова? — спрашивает он, проводя ладонью по моей шее и разворачивая меня в сторону кухни.

Нет, не думаю, что я *готова*, но в любом случае говорю да, ведь понимаю, что ждет меня на кухне. И не ошибаюсь. Нан самоуверенно улыбается, а глаза Джорджа чуть не вылезают из орбит при виде Миллера, следующего за мной. Рукой указываю на многострадального друга бабули.

— Миллер, это Джордж, друг бабушки.

— Очень приятно, — Миллер ставит цветы и пакет, вместо того, чтобы отстать от меня, и принимает ладонь Джорджа в сильном мужском рукопожатии. — На вас весьма привлекательная рубашка, Джордж, — Миллер в искреннем жесте кивает на полосатый торс Джорджа.

— Ты знаешь, я тоже так думаю, — соглашается Джордж, приглаживая одежду.

Не знаю, почему не заметила этого прежде. Джордж в своей лучшей выходной рубашке, которую обычно надевает для игры в лото или похода в церковь. Нан и правда старая коварная сводница. Пробегаюсь по ней глазами и замечаю что она надела струящееся платье в цветочек, которое обычно выгуливает по особым случаям. Гляжу на свои ноги: я далека от практичной одежды в чайном платье и ярко — розовых конверсах, и, неожиданно почувствовав себя неудобно, начинаю говорить:

— Я только схожу в ванную, — я никуда не пойду до тех пор, пока Миллер не отпустит меня из своих рук, только он, кажется, не спешит с этим.

Вместо этого он берет букет, кипу желтых роз, и протягивает Нан, вслед за ними пакет из Харродс.

— Всего несколько вещей в знак благодарности за ваше гостеприимство.

— Оо, — Нан зарывается носом в цветы, а потом заглядывает в пакет. — Вот это да, черная икра! Джордж посмотри! — Она кладет на стол розы и подходит к Джорджу с крошечной баночкой. — Семьдесят фунтов за эту маленькую вещицу, — она шепчет, но разбираю слова, потому что мы стоим в нескольких шагах от них и прекрасно все слышим. Я в ужасе. Бестактность осталась далеко позади, также как и ее приличия.

— Семьдесят фунтов стерлингов? — давится Джордж. — За рыбы яйца? Да чтоб мне!

Я сжимаюсь под рукой Миллера, а потом чувствую, как он сквозь волосы начинает массировать мой затылок.

— Пойду в ванную, — повторяю я, ускользая из его хватки.

— Миллер, не стоило, — Нан достает бутылку Дом Периньон и, открыв рот, ставит ее перед Джорджем.

— Мне только в радость, — отвечает Миллер.

— Ливи, — Нан снова привлекает мое внимание к столу. — Ты предложила взять у

Миллера пиджак?

Повернув к нему взгляд своих уставших глаз, улыбаюсь, до тошноты сладко.

— Могу я взять ваш пиджак, сэр? — воздерживаюсь от реверанса и замечаю блеск удивления в его глазах.

— Можешь, — он скидывает свой пиджак и протягивает его мне, пока я восхищаюсь его рубашкой и обтянутым жилеткой торсом. Он знает, что я пялюсь на него, представляю его обнаженный торс. Он наклоняется, касается ртом моего уха. — Не смотри на меня так, Ливи, — предупреждает он. — Я и так едва сдерживаюсь.

— Не могу удержаться, — я честна в своей тихой реплике и, уходя из кухни, обмахиваю лицо, прежде чем аккуратно повесить его пиджак на вешалку поверх своего. Распрямляю его и поднимаюсь по лестнице, вваливаюсь в спальню и мечусь по комнате, как ополоумевшая женщина, раздеваясь, брызгаясь спреем, переодеваясь и освежая макияж. Заглянув в зеркало, думаю о том, насколько я далека от делового партнера Миллера. Но это я. Если это подходит к моим конверсам, то выглядит отлично, а мое белое платье-рубашка, усыпанное красными розами, идеально подходит к моим вишнево-красным конверсам. Есть другая женщина, и что действительно беспокоит, так это моя способность игнорировать очевидность ситуации. Я хочу его. Он не только раскрыл мою чувствительность, он еще и прогнал мое благоразумие.

Мысленно дав себе отрезвляющую пощечину, откидываю массу своих светлых волос за плечи и сбегая вниз по лестнице, вдруг забеспокоившись, что Нан с Джорджем могли наговорить Миллеру.

Их нет на кухне. Я отступаю, заглядывая в гостиную, но она тоже пуста. Слышу болтовню в столовой — столовой, которой пользуемся только в особых случаях. Последний раз, когда мы ели в столовой, был в мой двадцать первый день рождения, больше трех лет назад. Вот о насколько особенном случае я говорю. Открываю окрашенную под дерево дверь и, заходя, вижу огромный стол из красного дерева, занимающий большую часть комнаты, он красиво накрыт, на нем стоит полный набор посуды Роял Доултон⁷, включая хрустальные бокалы для вина и серебряные столовые приборы.

И она посадила врага моего сердца во главу стола, где никто прежде не имел удовольствия сидеть. Это было место моего дедушки за столом, и даже Джордж не достаивался такой чести.

— Вот и она, — Миллер встает и отодвигает пустой стул по левую от себя руку. — Присаживайся.

Я прохожу медленно и задумчиво, игнорируя сияющее лицо Нан, и занимаю свое место.

— Спасибо, — говорю, когда он пододвигает мой стул к столу, прежде чем устроиться рядом со мной.

— Ты переделалась, — замечает он, передвигая свою тарелку на пару миллиметров вправо.

— То немного помялось.

— Выглядишь прекрасно, — он улыбается, и я практически теряю сознание, эти симпатичные ямочки — редкое явление.

— Благодарю, — выдыхаю я.

— Не за что, — он не отводит от меня глаз, и хотя я тоже смотрю только на него, знаю, что Нан с Джорджем за нами наблюдают.

— Вина? — спрашивает Нан, прерывая наш момент и отвлекая от меня взгляд Миллера.

Я тут же обижаюсь.

— Позвольте, пожалуйста, мне, — Миллер поднимается, и мой взгляд поднимается с ним, глаза, кажется, движутся целую вечность, пока он не выпрямляется во весь рост. Он не тянется через стол, чтобы взять вино. Нет, он выходит из — за стола и обходит, вытаскивая бутылку из ведерка со льдом, и встает с левой стороны от бабушки, чтобы наполнить бокал.

— Спасибо вам большое, — Нан бросает на Джорджа взволнованный взгляд, после чего обращает свои темно-синие глаза на меня. Она всё же поступила по-своему, и теперь слишком воодушевлена, как я и думала, и это сильно давит на меня в те короткие мгновения, когда я отвлекаюсь от Миллера. Вот и сейчас Нан сияет, смотря на меня, такая обрадованная присутствием нашего гостя и его безупречными манерами.

Миллер проходит вокруг стола, наполняя также бокал Джорджа, после чего направляется ко мне. Он не спрашивает, хочу ли я немного вина, он просто подходит ко мне и наливает, несмотря на то, что он чертовски хорошо знает: я вежливо отказывалась от любого ранее предложенного алкоголя. Я не стала бы утверждать, что он невежественен в этом вопросе. Он слишком умен — ведет себя слишком, слишком умно.

— Ладно, — Джордж встает, как раз, когда Миллер садится. — Теперь я окажу внимание, — он берет нож для разделки мяса и начинает аккуратно разрезать шедевр Нан. — Жозефина, это выглядит изумительно.

— Это чистая правда, — соглашается Миллер, делая глоток вина и ставя бокал на место, пальцы разъединяются и замирают у основания бокала, хрустальная ножка возвышается между его средним и указательным пальцами. Я пристально изучаю его замершую руку, сильно сосредоточившись в ожидании движения.

Вот оно. Едва заметное, но Миллер передвигает бокал вправо совсем чуть-чуть. Это возможно, едва ли видно кому-то, кроме внимательно ждущей меня, и я улыбаюсь, поднимая взгляд, обнаружив, что он наблюдает за тем, как я его изучаю.

Он наклоняет голову, глаза прищурены, но в них непроизвольно появляется блеск.

— Что? — шепчет одними губами, привлекая к ним мое внимание. Мерзавец облизывает их, вынуждая меня схватить бокал и сделать глоток — все что угодно, лишь бы отвлечься. Только проглотив, понимаю, что я сделала; непривычный вкус заставляет меня вздрогнуть. Бокал ударяется о стол слишком резко, и я знаю, что Миллер только что посмотрел на меня с любопытством.

Кусочек Биф Веллингтон опускается на мою тарелку.

— Возьми картошки с морковкой, Ливи, — говорит бабуля, передавая свою тарелку Джорджу, чтобы тот положил ей пару рассыпчатых пирожных. — Давай откормим тебя.

Кладу на свою тарелку пару ложек картофеля с морковкой, после чего накладываю Миллеру.

— Не надо меня откармливать.

— Ты могла бы прибавить пару фунтов, — заявляет Миллер, возвращая к себе мое скептическое выражение лица, в то время как Джордж доедает свой кусок Веллингтона. — Просто наблюдение.

— Спасибо вам, Миллер, — самодовольно мурлычет Нан, поднимая бокал в знак подтверждения их солидарности. — Она всегда была костлявой.

— Я стройная, а не костлявая, — возражаю я, воздействуя на Миллера предупреждающим взглядом, и получаю в ответ намек на улыбку. Испытывая детскую жажду мести, незаметно протягиваю руку и, как ни в чем не бывало, начинаю тянуть за ножку его

бокал, подвигая к себе его содержимое. — Вкусно? — киваю на его тарелку, полную мяса.

— Превосходно, — утверждает он, кладя свой нож точно перпендикулярно кромке стола, а потом накрывает мою руку своей, медленно убирая ее и возвращая свой бокал. Снова берет в руки нож и продолжает поглощать обед. — Самый лучший Веллингтон из всех, что я когда — либо пробовал, миссис Тейлор.

— Ерунда! — Нан краснеет — это редкость, но враг моего сердца еще и заставляет сердце моей бабушки трепетать. — Было очень просто.

— А мне так не показалось, — ворчит Джордж. — Ты же вертелась, как белка в колесе, весь день, Жозефина.

— Ничего я не вертелась!

Я начинаю ковыряться в своей морковке, медленно пережевывая и вслушиваясь в перебранку Нан и Джорджа, оставив при этом одну руку свободной, чтобы опять отодвинуть бокал Миллера. Он смотрит на меня краем глаза, а потом кладет свой нож и переставляет свой бокал туда, где он должен быть. Сдерживаю улыбку. Он даже ест педантично, разрезая еду на идеально ровные кусочки и погружая все зубцы вилки в каждый кусочек под одинаковым углом, прежде чем направить вилку в рот. А еще он медленно пережевывает. Он все делает своей манере, и это очаровывает. Моя рука снова крадется по столу. Меня интригует эта навязчивая потребность вот так поступать, только на этот раз я не достаю до бокала. Моя рука поймана посреди стола и зажата между нами, все выглядит так, как будто это любящее касание моей руки. Его ладонь сжимает сильно, хотя этого никто не смог бы заметить, не оказавшись на моем месте. А я оказалась. И это очень резкое пожатие — предупреждающее. Меня отругали.

— Чем вы зарабатываете на жизнь, Миллер? — спрашивает Нан, восхищая меня. Да, чем Миллер Харт зарабатывает на жизнь? Сомневаюсь, что он скажет моей милой бабушке, мол, не хотел бы разговаривать на личные темы, сидя во главе ее обеденного стола.

— Не стану вас этим грузить, миссис Тейлор. Это очень скучно.

Я ошиблась. Он не отмахнулся от нее напрямую, но он преуспел в обходном пути.

— Я бы хотела знать, — вмешиваюсь, чувствуя храбрость, даже когда он усиливает хватку на моей руке в качестве еще одного предупреждения.

Он молча кивает, затем также молча поднимает свой взгляд.

— Я не люблю смешивать бизнес и личные отношения, Ливи. Тебе это известно.

— Очень разумно, — бормочет Джордж, глядя в свою еду, вилок указывая на Миллера. — Я прожил всю жизнь с этим утверждением.

Моя смелость сломлена взглядом Миллера и, что хуже всего, теми словами.

Я в большей степени деловая сделка — сделка, соглашение или договоренность. Называйте, как хотите, смысл не меняется. Таким образом, технически, слова Миллера — это полная фигня.

Напрягаю руку в его хватке, и он поддается, в привычном жесте вздергивая брови.

— Ты должна поесть, — напоминает он. — Это действительно вкусно.

Убрав руку, я следую его приказу и продолжаю есть, только мне совсем не комфортно. Миллеру не следовало принимать приглашение моей бабушки. Это слишком личное. Он лезет в мое личное пространство, нарушает мою безопасность. Он единственный стремится придерживаться чисто физических аспектов отношений, и все же он здесь, вторгается в мой мир, пусть даже и маленький мирок, но он, тем не менее, мой. И это не вопрос физических отношений.

Как только я подумала об этом, его нога коснулась моего колена, вырвав меня из любопытных мыслей и возвращая обратно к столу. Смотрю на него, пытаюсь жевать, и вижу, что он смотрит на Нан, внимательно слушая ее недовольное брюзжание. Не знаю, о чем именно она брюзжит, потому что в голове крутятся слова Миллера.

«И до тех пор, пока ты делаешь это со мной, ты же и будешь это исправлять».

«Все мои правила полетели к чертям, едва я к тебе прикоснулся».

Какие правила и как долго из-за меня это будет с ним происходить? Я хочу волновать его. Хочу заставлять его тело реагировать на меня так, как мое реагирует на его. Как только я оставлю эти дурацкие попытки избежать его воздействия на меня, все будет очень просто — слишком просто... пугающе просто.

— Было чертовски отменно, Жозефина, — заявляет Джордж, звон столовых приборов о его тарелку разрывает отдаленный шум голосов. Меня вернули в настоящее, в котором Миллер по-прежнему здесь, и Нан теперь скалится на своего друга за его бестактность. — Прости, — говорит Джордж робко.

— Если вы меня извините, — столовые приборы Миллера осторожно опускаются на его пустую тарелку, после чего он прикладывает ко рту украшенную вышивкой салфетку. — Не возражаете, если я воспользуюсь вашей ванной?

— Конечно! — показывает ему Нан. — Дверь с краю от лестницы.

— Спасибо, — он встает и опускает салфетку, кладя ее на край своей тарелки, после чего задвигает стул и покидает комнату.

Взгляд Нан провожает Миллера, когда он выходит.

— Вы видели эту задницу? — шепчет она, как только он исчезает из виду.

— Нан! — я шепчу в ужасе.

— Упругая, идеальной формы. Ливи, ты позволишь этому мужчине сводить тебя на ужин.

— Веди себя прилично! — смотрю вниз на свою тарелку, замечая свой едва тронутый кусок мяса. Я просто не в состоянии есть. Такое чувство, как будто я в транс. — Я уберу со стола, — говорю, берясь за тарелку Миллера.

— Я помогу, — Джордж делает попытку встать, но я кладу руку ему на плечо и давлю немного, призывая его оставаться на месте.

— Все нормально, Джордж. Я сама.

Он не спорит, вместо этого доливает вино в бокалы.

— Принеси ананасовый пирог-перевертыш! — кричит мне в спину Нан.

С руками, полными грязных тарелок, иду на кухню, стремясь избежать затянувшегося присутствия Миллера, хоть его больше и нет в комнате. Я не отказалась, когда он предложил поехать к нему домой, а должна была. Что я скажу Нан? Нет смысла отрицать тот факт, что он причина моих недавних перепадов настроения. Мысли никогда не были в таком беспорядке. Я ничего не контролирую, в этом нет смысла, а я не привыкла ни к одному из этих чувств. Но самой большой тайной для меня остается мужчина, который все разрушил. Непостижимый красивый мужчина, который кричит о душевной боли на всех уровнях.

Физические отношения.

Ни чувств.

Ни эмоций.

Только одна ночь.

Двадцать четыре часа, из которых я все еще должна ему шестнадцать. Это в два раза

больше того, что я уже испытала — двойные ощущения и желания...двойная боль, когда все закончится.

— Я почти слышу, как ты думаешь.

Подпрыгиваю и оборачиваюсь, по-прежнему с грудой тарелок в руках:

— Ты меня напугал, — выдыхаю, кладя на столешницу столовые приборы.

— Прости, — говорит он искренне, останавливаясь за мной. Я не хочу, но отодвигаюсь. — Ты опять слишком много обдумываешь?

— Я называю это осторожностью.

— Осторожностью? — спрашивает он, становясь теперь передо мной. — Я бы это так не назвал.

Поднимаю взгляд к его лицу, но отчаянно стараюсь избегать этих глаз.

— Нет?

— Нет, — он аккуратно берет меня за подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза. — Я называю это глупостью.

Наши взгляды соединяются, так же, как и наши рты, но он просто накрывает мои губы своими. Нет ничего глупого в том, чтобы избегать Миллера Харта.

— Я не могу прочесть тебя, — говорю тихо, но мои слова не заставляют его беспокойно отстраниться.

— Я не хочу, чтобы меня читали, Ливи. Я просто хочу утонуть в удовольствии, которое ты мне подаришь.

Я таю от его близости, несмотря на тот факт, что его слова только подтвердили мое знание. Я тоже хочу утонуть в удовольствии, которое он мне подарит, но совсем не жажду чувств, которые придут после. Не смогу с ними справиться.

— Ты делаешь все действительно сложным.

Его рука ложится мне на талию и ползет вверх до тех пор, пока не оказывается на моей шее:

— Нет, я делаю все очень простым. Слишком долгое обдумывание все усложняет, а ты как раз думаешь, — он целует мою щеку и зарывается в шею. — Позволь мне забрать тебя в постель.

— Тогда я пересеку свои границы.

— Какие границы? — он прокладывает дорожку из поцелуев вдоль моей шеи и делает это, потому что знает — я колеблюсь. Он умный мужчина. Он овладевает моими ощущениями и, что еще хуже, моими мыслями.

— Я обещала себе не быть в милости мужчины.

В движении его губ определенно происходит небольшая заминка. Я это не выдумала. Он отстраняется от моей шеи и смотрит на меня задумчиво. Проходит много времени, достаточного для того, чтобы в мыслях всплыли все многочисленные прикосновения, которые он мне подарил. Поцелуи, которые мы разделили, страсть, которую создали вместе. Я как будто вижу все то же самое в его глазах, и это наводит на мысль: переживает ли он тоже все это снова. Наконец, он тянется и проводит костяшками пальцев по моей щеке.

— Если здесь кто-то и находится в чьей-то милости, Ливи, так это я, — его взгляд останавливается на моих губах, и Миллер не спеша приближается. А я ничего не делаю, чтобы его остановить.

Я не вижу мужчину в моей милости. Я вижу мужчину, который захотел чего-то и, кажется, готов на все ради этого.

— Нам стоит вернуться за стол, — пытаюсь отстраниться от него, отворачивая лицо.

— Не раньше, чем ты скажешь, что поедешь со мной, — он удивляет меня, оторвав от пола и усадив на столешницу. Оставив руки на моих бедрах, он наклоняется и смотрит на меня, ожидая согласия. — Скажи это.

— Я не хочу.

— Нет, хочешь, — его нос касается моего. — Ты никогда в жизни не хотела чего-то так сильно.

Он прав, только это не приобретает больше благоразумия:

— Ты очень самоуверенный.

Миллер качает головой, ласково улыбаясь, и тянется, проводя подушечкой большого пальца по моей нижней губе.

— Ты, может, и пытаешься убедить нас обоих словами, но кое-что еще говорит мне о другом, — он опускает палец в рот и посасывает его, после чего проводит влажную дорожку вдоль моего горла, по груди и животу, прежде чем его рука исчезает под моим платьем и не оказывается между моих ног. Стискиваю челюсть и выпрямляю спину, внизу живота начинает пульсировать от желания его прикосновений там. Тело предает меня по всем фронтам, и Миллеру это известно. — Думаю, я найду тепло. — На дюйм приближается к лону, и моя голова падает вперед, касаясь его лба. — Думаю, почувствую влагу. — Его палец скользит между моих складок и размазывает влагу. — Думаю, если войду в тебя сейчас, твои мышцы жадно сожмут меня и никогда не отпустят.

— Сделай это, — слова бездумно срываются с губ, руки поднимаются и впиваются в его предплечья. — Пожалуйста, сделай это.

— Я сделаю, все что захочешь, но только в своей постели, — он жестко целует меня в губы и убирает свою руку, одергивая подол платья. — У меня хорошие манеры. Я не выкажу такое неуважение к твоей бабушке, взяв тебя прямо здесь. Сможешь контролировать себя, пока мы едим ананасовый пирог?

— Смогу ли я себя контролировать? — спрашиваю запыхавшимся шепотом, смотря вниз на его стояк. Мне даже не нужно было смотреть. Он большой и упирается в мою ногу.

— Я борюсь, поверь мне, — он поправляет свою одежду и снимает меня со столешницы, после чего аккуратно перекидывает мои волосы за плечи. — Давай посмотрим, насколько быстро я смогу съесть ананасовый пирог. Тебе для ночевки нужно собрать сумку?

Нет, на самом деле, не нужно. Хочу, чтоб он забыл о своих манерах. Зря пытаюсь привести в порядок свое подавленное состояние, но весь жар внутри живота приливает к лицу при мысли о лицах Нан и Джорджа.

— Возьму кое-какие вещи после десерта.

— Как пожелаешь, — он кладет ладонь мне на шею и ведет из кухни, тепло его руки усиляет мое желание. Я так его хочу. Хочу этого загадочного мужчину, который то прекрасно себя сдерживает, то теряет все свои манеры. Мошенник, вот кто он.

Актер.

Самолюбивый мужчина в костюме джентльмена.

Что делает его самым злейшим врагом для моего сердца

— Вот и они! — заявляет Нан, вскочив с места. — Где же ананасовый пирог-перевертыш?

— Оо! — я собираюсь развернуться, но быстро понимаю, что с рукой Миллера, по-прежнему крепко сжимающей мою шею, я никуда не пойду.

— Не важно, — Нан машет рукой, указывая на мой пустой стул. — Садись, я сама принесу.

Миллер фактически усаживает меня на стул, прежде чем придвинуть к столу, как будто у него есть необъяснимое влечение владеть *мною* вот так, так же как и все, к чему он прикасается.

— Удобно?

— Да, спасибо.

— На здоровье, — он занимает место рядом со мной и переставляет все уже расставленные перед ним приборы, прежде чем взять недавно наполненный бокал вина и сделать маленький глоток.

— Ох, ананасовый пирог-перевертыш! — Джордж потирает руки и облизывается. — Мой любимый! Миллер, ты, может, умрешь от удовольствия.

— Знаешь, Джордж, мы ведь купили ананас в Харродс, — мне не стоило говорить ему это. Нан убьет меня, но она здесь не единственная сводница. — Она заплатила за него пятнадцать фунтов стерлингов, и это до того, как пригласила Миллера на обед.

Он ахает, но потом на его лице появляется задумчивая улыбка. Я чувствую внутреннюю симпатию.

— Она знает, как угодить мужчине. Удивительная женщина, твоя бабушка, Ливи. Удивительная женщина.

— Она такая, — я тихо соглашаюсь. Дьявольски надоедливая, но удивительная женщина.

— Ананасовый пирог-перевертыш! — кричит Нан, горделиво входя с серебряным подносом в руках. Она ставит его на середину стола, и все вытягивают шеи, восхищаясь шедевром. — Это моя лучшая работа. Не хотели бы вы попробовать мой ананасовый пирог-перевертыш, Миллер? — спрашивает она.

— С удовольствием, миссис Тейлор.

— Он такой вкусный, что ты проглотишь его за секунду, — небрежно замечаю, подняв свою ложку и глядя на Миллера. Он забирает блюдо, протянутое Нан, и ставит его, после чего передвигает на пару миллиметров вправо.

— Даже не сомневаюсь, — он не смотрит на меня и не начинает есть. Он вежливо ждет, пока Нан передает порции остальным и, заняв свое место, берет в руки ложку. В любом случае, хорошие манеры не позволят ему выполнить свое намерение быстро проглотить пирог. Он просто не может себе такого позволить.

Миллер поднимает ложку и погружает ее в пирог, отламывая кусочек. Затем со свойственной ему аккуратностью подцепляет этот кусочек ложкой и кладет в рот. Мой взгляд путешествует, следуя за его ложкой от блюда до его рта, собственная же ложка замирает передо мной. Весь его вид как магнит для глаз, и я сдаюсь в попытке сопротивляться. Кажется, мои глаза желают его так же сильно, как и мое тело.

— Все хорошо? — спрашивает Миллер, заметив, как я на него таращусь, пока он отламывает еще один кусочек. Не то чтобы факт быть застуканной пугает меня.

— Да, нормально. Просто думала о том, что никогда не видела настолько медленного поедания пирога моей бабушки, — я шокирована своим вызывающим наблюдением, а Миллер начинает кашлять, прикрывая рот рукой — явный признак того, что он тоже шокирован. Я рада. У меня такое чувство, что мне просто необходимо соответствовать его самообладанию, если собираюсь провести с ним следующие шестнадцать часов. Так что

мне, возможно, стоит начинать прямо сейчас.

— Вы в порядке? — по ушам ударяет озабоченный голос Нан. Уверена, что ее старое лицо тоже выражает озабоченность, но я не стану проверять: вид потерянного Миллера слишком новый для меня, чтобы пропустить хоть секунду.

Он заканчивает жевать, кладет свою ложку и вытирает рот:

— Прошу прощения, — он поднимает свой бокал и смотрит на меня поверх, приближая его к своим губам. — Красивыми вещами нужно наслаждаться, Ливи, а не бросаться на них. — Он делает глоток, и я чувствую, как под столом его нога касается моей. Шокирую себя еще больше, посылая ему загадочную улыбку и оставаясь спокойной.

— Это и правда восхитительно, Нан, — я изображаю Миллера и, набрав полный рот, жую медленно, не спеша глотаю, а затем медленно облизываюсь. И я знаю, что мои невозмутимые кривляния произвели желанный эффект, потому что кожу опалил взгляд его синих глаз. — Тебе понравилось, Джордж?

— Всегда нравилось! — он откидывается на спинку своего стула и потирает живот, испуская довольный вдох. — Мне стоит расстегнуть пуговицу.

— Джордж! — шипит Нан, тянется и ударяет его по руке. — Мы же за обеденным столом!

— И обычно тебя это не беспокоит, — ворчит он.

— Да, но у нас ведь гость.

— Это ваш дом, миссис Тейлор, — вмешивается Миллер. — И я удостоился чести быть приглашенным. Это был самый вкусный Биф Веллингтон, который мне доводилось пробовать.

— Оо, — Нан снисходительно машет рукой через стол. — Вы слишком добры, Миллер.

Подхалим он, вот кто.

— Лучше чем мой кофе? — я играю словами, но просто не могу ничего с собой поделаться.

— Твой кофе не похож ни на что из того, что мне доводилось пробовать раньше, — отвечает он мягко, вздернув брови, глядя на меня. — Надеюсь, ты приготовишь для меня один завтра к полудню, когда я зайду.

Качаю головой, радостно улыбаясь и наслаждаясь нашей личной перепалкой.

— Американо, четыре порции, два кусочка сахара и наполовину заполненный.

— Жду с нетерпением, — Миллер дарит мне едва заметную улыбку, ту, которой я рада и которую видела всего пару раз с тех пор, как мы познакомились. — Миссис Тейлор, вы не будете возражать, если я приглашу Оливию выпить у меня дома?

Поражаюсь его самоуверенности, и почему он не спросил меня? В любом случае, моя бабушка не откажет. Нет, она скорее будет отчаянно пытаться отыскать в моем ящике с нижним бельем шелковый пеньюар, чтобы запихнуть в необходимую для ночевки сумку. Зря потратит время.

— Я бы с удовольствием, — отвечаю, предупреждая решение, которое могли бы принять за меня. Я взрослая девушка. Я сама принимаю решения. Я хозяйка своей судьбы.

— Как благородно с вашей стороны спросить, — волнение Нан очевидно, но в голосе проскальзывает нотка храбрости. Она строит надежды на основании той малости, что знает о мужчине, сидящем за ее столом. Полная картина ситуации свела бы ее в могилу раньше времени. — Мы здесь все уберем, а вы двое идите и веселитесь!

Мой стул отодвигают вместе со мной из-за стола, прежде чем я успеваю положить

ложку и подняться на ноги, и без промедления ведут к тому краю стола, где сидят Нан и Джорджем.

— Спасибо вам, миссис Тейлор.

— Не за что! — она встает и позволяет Миллеру поцеловать ее в обе щеки, глядя на меня выпученными глазами. — Замечательный был вечер.

— Согласен, — говорит он, протягивая свободную руку Джорджу. — Приятно было познакомиться, Джордж.

— Да, — Джордж встает на ноги, занимая место позади Нан и пользуясь возможностью, пока она в таком хорошем расположении духа, рукой обнимает за талию. — Приятный вечер. — Берет протянутую руку Миллера.

Я молчаливо молю их поскорее заканчивать с этим вежливым обменом. Обед превратился в затянувшийся обмен загадочными, наводящими на мысли замечаниями и коварными прикосновениями. Сдерживаемое во мне желание ново, и это довольно сильно нервирует, но непреодолимая потребность освободить его блокирует всё разумное, что есть во мне, а во мне много благоразумия. Я умная девушка...за исключением тех случаев, когда рядом Миллер.

Чувствую успокаивающее поглаживание его пальцев на своей шее, от которых вся моя разумность испаряется. Я не стану пытаться отыскать ее, потому что она давно исчезла, оставив меня ранимой и отчаявшейся.

Целую Нан и Джорджа и позволяю Миллеру увести меня из столовой. Он не отпускает меня, снимая с вешалки пиджак, а потом и мою джинсовку.

— Хочешь взять какие-нибудь вещи?

— Нет, — отвечаю быстро, не желая больше тянуть время.

Он не спорит, осторожно открывая входную дверь и подталкивая меня наружу. Миллер открывает дверцу своей машины и усаживает меня на сиденье, быстро захлопывая дверь и обходя машину спереди. Заведя двигатель, он спокойно отъезжает от обочины, а я смотрю на свой дом и вижу, как дергаются шторы. Могу только представить, о чем сейчас разговаривают Нан с Джорджем; эта мысль обрывается, когда из динамиков доносится композиция «Наслаждайся тишиной» в исполнении *Dereche Mode*, от которой я хмурюсь, вспомнив эти же слова, когда их он говорил.

— Ты была невероятно дерзкой во время обеда, Ливи.

Поворачиваюсь к нему лицом. Дерзкой?

— Это ты зажимал меня на кухне, — напоминаю ему.

— Я просто составлял планы на вечер.

— Я план?

— Нет, ты неизбежный результат, — он продолжает смотреть на дорогу с безразличным выражением лица. Он хоть понимает, что говорит?

— Так говоришь, как будто я десерт, — моя челюсть стиснута так же, как и мои кулаки. Желание от этих слов рассеивается в мгновение ока. Я, может, и нарушала все свои правила в последние несколько недель, но я никогда не была и не буду десертом. — Я бы хотела, чтобы ты отвез меня домой.

Он резко берет влево, от чего я хватаюсь за дверцу, и мы неожиданно съезжаем в переулок, проезжая мимо многочисленных магазинчиков по обеим сторонам. Здесь темно, жутко и безлюдно.

— Ты *мой* неизбежный результат, Ливи. Ничей больше, — резко затормозив, он

отстегивает сначала свой ремень безопасности, затем мой, и быстро перетаскивает меня к себе на колени.

— Что ты творишь? — спрашиваю, шокированная, переулочек заставляет меня содрогаться, продолжая захватывать слух так же, как Миллер захватывает всеми моими чувствами.

Глаза.

Нос.

Прикосновения.

А вскоре и вкус.

Его сиденье теперь отодвинуто назад, давая мужчине больше пространства для того, чтобы поднять до талии подол моего платья.

— Я делаю то, о чем ты меня умоляла на протяжении обеда.

— Я не умоляла, — голос переходит в резкий шепот. Я не признаюсь.

— Ливи, ты, несомненно, умоляла. Приподнимись, — командует он, сжимая мои бедра и поддерживая.

Я не позволяю себе сопротивляться, упираясь коленям и поднимаясь:

— Я думала, ты подождешь, пока я не окажусь в твоей постели.

— Я бы так и сделал, если бы ты меня не дразнила и не мучила весь последний час. Это все, что я могу сейчас взять, — из ниоткуда появляется презерватив, Миллер берет его в зубы, после чего наклоняется и стаскивает брюки. — Понимаю, насколько это дешево, но я не могу больше ждать. — Освобождает из брюк свой член, твердый и готовый, быстро разрывает зубами пакетик и раскатывает презерватив.

Не могу справиться с дыханием. Руками упираюсь в спинку сиденья по обе стороны от его головы, и я невероятно восхищена, наблюдая за тем, как он натягивает презерватив на себя. Жар собирается внизу живота, спускаясь к промежности, и я мысленно подстегиваю Миллера, желая, чтобы он поторопился. Я теряю контроль, и мое нетерпение очевидно еще больше, когда я смотрю на мужчину передо мной и нахожу затуманенный взгляд синих глаз и влажные приоткрытые губы.

Отодвинув в сторону мои хлопковые трусики, он направляет себя к моему входу, касаясь внутренней стороны бедер, от чего я делаю резкий вдох.

— Опускайся медленно, — шепчет он, перемещая одну руку мне на бок.

Стараясь бороться с искушением, я медленно, дюйм за дюймом, опускаюсь, позволяя воздуху вырываться из легких через рот, запрокинув голову, впиваясь пальцами в кожаное сиденье за его головой.

— Миллер!

— Боже милостивый! — рычит он, его бедра дрожат. — Никогда в жизни не чувствовал ничего подобного. Оставайся на месте.

Полностью опускаюсь на него. Чувствую головку его члена глубоко внутри и дрожу как лист. Бесконтрольно дрожу. Мое тело ожило, отчаянно желая двигаться и разжечь еще большее удовольствие.

— Двигайся, — моя голова падает, находя откинутую на спинку сиденья голову Миллера, его глаза опущены и смотрят на наши бедра. Его волосы в беспорядке, влажная масса прядей, так и зовет меня дотронуться. Что я и делаю. Погружаю пальцы в его локоны и играю с ними, поглаживая и потягивая. — Прошу, двигайся.

— Я сделаю все, что захочешь, Ливи, — он сжимает мои бедра и входит глубоко,

вырывая из меня низкий, соблазнительный стон. — Боже, этот твой чертовский звук.

— Не могу сдержаться.

— Я и не хочу, чтобы ты сдерживалась, — говорит он, уверенно двигаясь, заставляя меня стонать еще сильнее. — Я мог бы слушать такую тебя до конца своих дней.

Я лихорадочный комок желания. Он даже любовью занимается размеренно, каждый выход, покачивание бедрами или рывок вперед — идеально выполненное движение, совершенно заводит меня. Мне никогда не будет достаточно.

— Миллер, — я задыхаюсь, делая короткие, неконтролируемые вдохи через рот.

— Скажи мне, чего ты хочешь, — он приподнимает меня и снова медленно опускает, глаза зажмурены. — Скажи, как ты меня хочешь, Ливи.

Мне все равно. Каждый раз, когда бы он ни боготворил меня, — идеально идеальный. Он не может ошибиться.

— Хочу все, — выдыхаю я, подразумевая гораздо больше, чем просто движения. Хочу чувствовать это всю жизнь, и я не уверена, что другой мужчина сможет сделать для меня такое. — Поцелуй меня, — умоляю, и он проводит рукой по моей спине и притягивает к себе, двигая бедрами, уверенно врезается. Я теряю рассудок. Руками перебираю его волосы, коленями прижимаясь к его талии.

Он поднимает взгляд, его рука находит заветное место на задней стороне шеи, и я тянусь к нему медленно, осторожно, без спешки и нетерпения. Не знаю, как он это делает.

— Ты выбиваешь меня из колеи, Оливия Тейлор, — шепчет он, ласково заявляя права на мои губы. — Ты заставляешь меня ставить под вопрос все, что мне казалось точным.

Хочу согласиться, потому что чувствую то же самое, но мой рот слишком занят, наслаждаясь вниманием его мягких, трепетных губ. Хотя я замечаю для себя, что его слова могут быть хорошим знаком. Возможно, он не захочет отпускать меня после истечения нашего времени. *Надеюсь*, что не захочет, потому что я снова сдалась ему, несмотря на здравый смысл. Но отказать Миллеру Харту, кажется, не входит в список подвластных мне вещей...или я просто не стану этого делать.

— Чувствуешь это, Ливи? — спрашивает он в перерывах между чувственными, ласковыми движениями своего языка. — Разве это не что-то особенное?

— Да, — я кусаю его губу и снова погружаю свой язык ему в рот, со стоном толкаюсь в него, чувствуя тупую боль в промежности, искры приближающегося оргазма. Это заставляет меня углубить наш поцелуй, как отчаянный жест, который поможет закрепить мою сокрушительную решимость следовать его неторопливым движениям.

— Успокойся, — стонет он. — Полегче.

Я пытаюсь, но он начинает наливать внутри меня, разбухая и пульсируя, подстегивая меня. Качаю головой ему, шепча ему в губы:

— Мне слишком хорошо.

— Эй, — он разрывает наш поцелуй и останавливает движение внутри меня, принуждая меня сбавить обороты. — Смакуй это ощущение.

Закрываю глаза и откидываю голову назад, пытаюсь собраться с силами следовать его наставлениям. Восхищаюсь его способностью к самоконтролю. Каждая его клеточка отчаянно стремится слиться со мной — затуманенный взгляд, содрогающееся тело, пульсирующий член, лицо, влажное от пота. И все же у него так просто получается растягивать мучительное удовольствие, которое дарит нам обоим.

— Дерьмо, хотел бы я, чтобы ты сейчас была в моей постели, — рычит он. — Не прячь

от меня свое прекрасное личико, Ливи. Покажи мне.

Мое тело начинает содрогаться волнами оргазма, который я не смогла бы сдержать, даже если бы захотела. Поднимаю руку и прижимая ее к окну, но она просто скользит по запотевшему стеклу, никак не помогая мне удержаться.

— Ливи! — он хватается меня за волосы и оттягивает их назад, поднимая мою голову. Все смешалось, но его движения по-прежнему неспешны и точны. — Когда я прошу тебя смотреть на меня, ты на меня смотришь! — Его бедра поднимаются, я хватаю ртом воздух, слух заглушается бешеным шумом крови в голове, немного искажая звуки музыки вокруг нас. — Уже близко.

— Пожалуйста, быстрее, — умоляю я. — Пусть это случится.

— Уже, — его хватка усиливается, и он опять направляет меня к своему рту, целуя в макушку, когда я хватаюсь за рукава его рубашки. Мой мир рушится, каждое нервное окончание пульсирует жестко, и я стону, низко и довольно ему в рот, в то время как Миллер пульсирует внутри меня.

— Еще шестнадцать часов для меня недостаточно, — тихо признаюсь я, напряженные физические ощущения только усиливают мое эмоциональное состояние. — Не надо так со мной поступать, — мои измученные губы скользят по его скуле до тех пор, пока не прилипают к шее, голова тяжелеет, тело расслабляется.

— А ты когда-нибудь думала о том, что делаешь со мной? — спрашивает он тихо. — Кажется, ты себе выдумала, что для меня все это очень легко.

Продолжаю прятать лицо в изгибе его шеи, находя более простым излить свои мысли, не глядя на него.

— Я отдаю себя тебе. Делаю то, о чем ты меня просишь, — мой голос, низкий и слабый, звучит как смесь истощения и неуверенности.

— Ливи, я не стану утверждать, будто знаю, что происходит, — он вырывает меня из моего укрытия и накрывает ладонями горячие щеки. У него серьезное выражение лица, несомненно, с толикой замешательства. — Но это происходит, и мы оба не в силах это остановить.

— Ты уйдешь от меня? — чувствую себя глупой, задавая подобный вопрос мужчине, которого знаю так мало, но что-то толкает нас друг к другу, и дело не только в его настойчивости. Есть что-то невидимое, сильное и непреклонное.

Он делает продолжительный, глубокий вдох и прижимает меня к своей груди, предлагая мне себя. Его сильные, просто обнимающие меня руки дарят мне самое безопасное в мире чувство.

— Я собираюсь забрать тебя домой и боготворить.

Это не отказ, но и не согласие. Это что-то особенное, я уверена. Мне было невероятно легко избегать подобных чувств так долго, но я не в силах остановить себя от влюбленности в Миллера Харта, и даже если я совсем его не понимаю, хочу стремиться к этому. Хочу открыть себя. Но больше всего, хочу открыть его — все его стороны. Те крупички, которыми он меня кормил, по большинству своему, раздражали меня и злили, но ведь есть что-то гораздо большее, чем просто зрительный контакт с этим время от времени джентльменом.

И я хочу познать все это.

Отстранившись от его груди, поднимаюсь с его колен, освобождая его наполовину опавший член так же, как и себя. Эта пустота отбирает ощущение цельности. Опускаюсь на пассажирское сиденье и смотрю в окно на темный, полный мусора переулочек. Когда Миллер

приводит себя в порядок рядом со мной, музыка замолкает. Крошечная часть сознания просит меня уйти сейчас, до того, как у него появится возможность просто вот так поступить со мной, но мне легко ее игнорировать. Я никуда не уйду, пока есть силы. Есть только одна вещь, к которой я так же стремилась: я избегала подобных ситуаций. А теперь я отчаянно стремлюсь остаться здесь, и не важно, какую цену придется заплатить моему глупому сердцу.

Глава 12

У меня хватило сил подняться на семнадцатый этаж в этот раз, а дальше Миллер несет меня на руках остаток пути. Неудивительно, что он выглядит, как мифический бог.

— Выпьешь чего-нибудь? — он снова становится резким и формальным, только его манеры все так же превосходны. Открывает для меня дверь, и я проскальзываю внутрь, тут же замечая букет свежих цветов на круглом столе.

— Нет, спасибо, — медленно огибаю стол и переступаю порог гостиной, любясь картинами, украшающими стены.

— Воды?

— Нет.

— Прошу, присаживайся, — указывает на диван. — Я только повешу это, — говорит он, поднимая наши куртки.

— Ладно, — все как-то неестественно, наши откровения стали причиной недопонимания, которое мне бы хотелось убрать. Затем вокруг меня начинает звучать музыка, и я оглядываюсь в поисках источника звука, вникая в спокойный ритм музыки и ласковый мужской голос. Узнаю его. Это композиция «Позволь ей уйти» в исполнении Passenger. Мысли начинают крутиться с бешеной скоростью.

Миллер возвращается без жилетки и галстука, ворот рубашки расстегнут. Он наливает в стакан какую — то жидкость темного цвета, и в этот раз я замечаю этикетку. Это скотч. Он снова садится на кофейный столик передо мной и не спеша делает глоток, смотрит на стакан хмурым взглядом, позволяя каплям алкоголя обжечь горло, и ставит стакан на столик.

Как я и думала, он передвигает его, после чего складывает руки вместе, глядя на меня задумчиво. Я тут же настораживаюсь от этого взгляда.

— Почему ты не пьешь, Ливи?

Не зря я беспокоилась. Он продолжает твердить, что не хочет переходить на личное, и все же без проблем задает мне такие вопросы или врывается в мое личное пространство, а именно в мой дом и за мой обеденный стол. Хотя я и не говорю об этом, ведь чего я действительно хочу, так это, чтобы мы перешли *действительно* на личное. Не хочу просто так делить с ним свое тело.

— Я себе не доверяю.

Его брови удивленно взлетают:

— Не доверяешь себе?

Чувствую себя неловко, блуждая взглядом по комнате, несмотря на желание поделиться этим. Просто нужно собраться с духом, чтобы отыскать слова, которые я так долго отказывалась произносить.

— Ливи, сколько раз нам нужно к этому возвращаться? Когда я говорю с тобой, ты смотришь на меня. Когда я задаю вопрос, ты отвечаешь, — он осторожно касается моей

скулы и вынуждает посмотреть на него. — Почему ты себе не доверяешь?

— Я становлюсь другим человеком под воздействием алкоголя.

— Не уверен, что мне нравится, как это звучит, — ему не нужно говорить мне это. Его глаза все за него сказали.

Чувствую, как заливаюсь краской, обжигая, наверное, кончики его пальцев.

— Мы не очень сочетаемся.

— Поясни, — говорит Миллер резко, поджимая губы.

— Неважно, — пытаюсь освободить лицо из его хватки, больше уже не желая делиться личным, его реакция на мои новости стала причиной такой перемены. Здесь больше нет ничего постыдного.

— Это был вопрос, Ливи.

— Нет, это был приказ, — бросаю я, защищаясь, силясь вырваться из его хватки. — Тот, на который я выбираю *не* давать пояснений.

— Ты скрытная.

— А ты навязчивый.

Он отшатывается немного, но быстро приходит в себя.

— Я навязчивый в этом вопросе и я собираюсь предположить, что раньше ты занималась сексом только будучи нетрезвой.

Еще больше краснею:

— Твои инстинкты не обманывают, — бормочу я, — это все или ты бы хотел выяснить пошагово кто, что, когда и где?

— Дерзить необязательно.

— С тобой, Миллер, обязательно.

Он шурит свои ярко синие глаза, глядя на меня, но не отчитывает за плохие манеры.

— Хочу знать пошагово.

— Нет, не хочешь.

— Твоя мама, — эти слова заставляют меня моментально застыть, и, судя по его взгляду, он это заметил. — Когда мне пришлось прятаться в твоей комнате, твоя бабушка упомянула историю твоей мамы.

— Это не имеет значения.

— Нет, имеет.

— Она была проституткой, — слова на автомате вылетают изо рта, удивляя меня, и я рискую взглянуть на Миллера, чтобы оценить его реакцию.

Он собирается заговорить, но только тяжело вдыхает и выдыхает. Я, как и думала, шокировала его, но хотелось бы, чтобы он, в конце концов, сказал что-нибудь....что угодно. Но он не говорит, так что это делаю я.

— Она бросила меня. Оставила на дедушку с бабушкой в поисках жизни, полной секса, алкоголя и дорогих подарков.

Он рассматривает меня близко. Отчаянно хочу знать, о чем он думает. Точно не о хорошем.

— Расскажи, что с ней случилось.

— Я уже рассказала.

Он снова передвигает стакан и возвращает ко мне свой взгляд.

— Ты мне только рассказала, что она брала деньги взамен за....развлечения.

— И это все, что нужно знать.

— Так и где она сейчас?

— Мертва, наверное, — из меня вырывается злобное шипение. — Мне правда все равно.

— Мертва? — выдыхает он, показывая больше эмоций. Теперь я вытягиваю из него реакции по всем фронтам.

— Наверное, — пожимаю плечами. — Она гонялась за иллюзиями. Каждый, кто попадался на ее удочку, не соответствовал ее требованиям, даже я.

Выражение его лица смягчается, окрашенное симпатией.

— Почему ты решила, что она мертва?

Я делаю глубокий вдох, собираясь с силами объяснить то, что до этого никому не хотела рассказывать.

— Она слишком много раз попадала в руки не тех мужчин, и у меня есть банковский счет, который *пополнялся* годами, и к которому не прикасались с тех пор, как она исчезла. Мне было всего шесть, но я помню, как бабушка и дедушка постоянно спорили о ней, — в голове настойчиво всплывают картинки страдающего деда и плачущей бабули. — Она постоянно пропадала на пару дней, но однажды не вернулась. Спустя три дня дедушка позвонил в полицию. Они начали расследование, опросили всех до единственного ее клиента и немислимое количество предыдущих, но, учитывая ее образ жизни, закрыли дело. Я была маленькой девочкой и ничего не понимала, но в семнадцать я нашла ее дневник. Он рассказал мне все — в подробных деталях.

— Я... — Миллер явно не знает, что сказать, так что я продолжаю. Чувствую какое — то облегчение, избавляясь от этого груза, даже если это значит, что Миллер уйдет от меня.

— Ни в чем не хочу быть похожей на свою мать. Не хочу напиваться и заниматься сексом без чувств. Это унижительно и бессмысленно, — осознаю сказанное, едва слова срываются с губ, но я не давала Миллеру повода думать, что с моей стороны нет чувств. — Она предпочла этот образ жизни своей семье, — я поражаюсь тому, что мой голос остается ровным и сильным, даже слыша все это вслух впервые в своей жизни, отчего мне становится больно.

Миллер надувает щеки, тяжело выдыхая, и берет в руки пустой стакан, хмурясь на него.

— Шокирован? — спрашиваю, а сама думаю, что могла бы сделать с одними из тех шорт.

Он смотрит на меня так, как будто я сумасшедшая, потом встает и направляется к шкафу со спиртным, наливает еще виски в свой стакан, на этот раз заполнив его наполовину, а не как обычно, на два пальца. А потом он удивляет меня, наливая во второй стакан, прежде чем снова занять место напротив меня. Протягивает мне новый стакан:

— Выпей.

Я немного потрясена при виде стакана, маячащего перед носом:

— Я сказала тебе...

— Оливия, ты можешь выпить, не пьянея до беспамятства.

Осторожно протянув руку, беру стакан:

— Спасибо.

— Пожалуйста, — практически рычит Миллер перед тем, как выпить. — Твой отец?

Я пресекаю взрыв ироничного смеха, вместо этого пожимаю в ответ плечами, отчего он выдыхает в стакан у рта.

— Ты не знаешь?

Качаю головой.

— Ненавижу твою мать.

— Что? — спрашиваю в шоке. Может, я просто неправильно услышала.

— Я ее ненавижу, — повторяет он ядовитым голосом.

— Так же, как и я.

— Хорошо. Тогда мы оба ненавидим твою мать. Рад, что мы это выяснили.

Не зная, что говорить дальше, я сижу молча и наблюдаю, как Миллер погружается и выплывает из раздумий, тяжело дыша, как будто намеревается что — то сказать, но тщательно обдумывает слова. Нечего тут говорить. Отвратная ситуация, и нет слов, способных это сгладить. Это моя история. Я не могу изменить того, кем была моя мать, чем она занималась, и не могу изменить того, что позволила этому так повлиять на мою жизнь.

Он, в конечном итоге, говорит, только совсем не то, чего я ждала:

— Так значит, я единственный, с кем ты спала на трезвую голову?

Я киваю и отодвигаюсь к спинке дивана, увеличивая между нами расстояние, но не могу отвести от него глаза.

— И тебе это понравилось?

Глупый вопрос:

— Меня это пугает.

— Я тебя пугаю?

— То, что я чувствую рядом с тобой, меня пугает. Я не узнаю себя рядом с тобой, — шепчу, не спеша раскрывая перед ним все свои карты.

Он осторожно ставит стакан на стол и опускается передо мной на колени.

— Я заставляю тебя чувствовать себя живой, — Миллер скользит руками по моей спине и тянет вперед до тех пор, пока наши лица не оказываются близко, дыхание смешивается в маленьком пространстве между нашими ртами. — Я не нежный и не ласковый мужчина, Оливия, — говорит он, как будто пытаюсь поделиться со мной частичкой себя. — Женщины хотят меня только для одного, потому что я не даю им повода ожидать чего-то большего.

Миллион слов вертится на языке, отчаянно складываясь в предложения в попытке вырваться изо рта, но я не хочу спешить:

— Ничего большего, кроме лучшего траха в их жизни, — тихо замечаю.

— Совершенно верно, — он отодвигает мой стакан и берет мои руки, закидывая их себе на плечи.

— Ты обещал мне это, — напоминаю ему.

Его веки медленно опускаются.

— Не думаю, что смогу выполнить это обещание.

— О чем ты говоришь? — спрашиваю я, чтобы он подтвердил, что я не выдумываю вещи или что он наговорил мне это из сочувствия. Плечи опускаются в усталом выдохе, но он продолжает смотреть вниз и все также молчит. — Если тебе задали вопрос, то вежливо было бы ответить, — бормочу я, отчего его голова удивленно поднимается. Я не увиливаю. Пусть скажет, что происходит.

— Я говорю, что хочу боготворить тебя, — он наклоняет голову и тянется, поймав мои губы, поднимается вместе со мной. Он единственный, кто сейчас осторожничает, но я не хочу его поторапливать. Я могу подождать, а между делом он будет меня боготворить.

Я удивлена, когда он опускает нас на диван и перемещается, пока не оказывается на спине и не опускает меня между разведенных бедер, усаживая меня на нем. Наша одежда все еще на месте, и он не делает попыток от нее избавиться, видимо довольствуясь одними

умопомрачительными поцелуями. Его щетина царапает кожу, повторяя ловкие движения губ, но сквозь абсолютное счастье я едва замечаю щекочущее чувство. С Миллером все случается самым естественным образом. Он ведет, и я следую за ним. Мне не нужно думать, я просто следую, именно поэтому сейчас я расстегиваю его рубашку, лишь бы почувствовать жар его кожи под ладонями. Простонав в его рот, я чувствую первые искры его тепла, которые вторят моим, когда руки блуждают по его торсу, который вздымается и опускает в такт дыханию.

— Снова этот сладкий звук, — Миллер говорит шепотом, собирая мои светлые волосы, рассыпавшиеся по всей его голове. — Он вызывает зависимость. Ты вызываешь зависимость.

Его наслаждение подстегивает меня, я ртом исследую каждую клеточку его лица, пока не оказываюсь у его шеи, пропадая от этого дурманящего мужского аромата.

— Ты так хорошо пахнешь, — провожу дорожку поцелуев вниз по его груди, просто целую, не задумываясь и не следуя никаким инструкциям. Его соски затвердели, и мой язык хозяйничает, кружа и посасывая, от чего он дрожит и стонет подо мной. Звуки его наслаждения только ободряют меня, а его длинный ствол упирается в мой живот, напоминая мне, где хочу быть. Хочу попробовать его вкус. Хочу почувствовать его у себя во рту.

— Вот дерьмо, Ливи. Куда ты? — он приподнимает свою голову и смотрит вниз на меня, а потом закрывает лицо руками. — Ты не должна этого делать.

— Я хочу, — ладонью провожу по его ширинке, цепляю замок и тяну его вниз, глядя, как он за мной наблюдает.

— Нет, прошу, все хорошо, Ливи.

— Я. Этого. Хочу.

Его взгляд сосредоточен на мне, руки заметно напряглись, цепляясь за голову, и он падает обратно на подушки:

— Не торопись.

Улыбаюсь себе под нос, чувствуя себя уверенной, обожая его уязвимое место и то, как правильно все это ощущается. Он не сбежал после моей постыдной истории. Расстегиваю пуговицу и стаскиваю его брюки, садясь на колени. Он остается в симпатичных черных боксерах, которые топорщатся в нужных местах. Они выглядят слишком хорошо, чтобы их снимать, но меня подстегивает то, что находится за ними. Я бросаю его брюки на пол, пальчиками поддеваю резинку его боксеров и, медленно спуская их по мускулистым бедрам, поднимаю взгляд к его лицу, а потом мои глаза приклеиваются к его толстому уже вставшему члену, касающемуся низа живота. Невольно высовываю язык и провожу им по нижней губе, восхищаясь Миллером во всей его нереальной мужественности. Не чувствую страха от его пульсирующего стояка. Я чувствую восторг.

Бросив боксеры, туда же, где уже валяются брюки, ползу вниз и устраиваюсь поудобнее, кладу руки на его бедра, носом почти касаюсь нижней части его пениса. Смотрю вниз, наблюдая за тем, как он подрагивает, и открываю рот, жадно вдыхая его запах. Его бедра не спеша приподнимаются, толкаясь ко мне, заставляя сделать полный, уверенный вдох.

— Ливи, Боже мой! Я чувствую жар твоего дыхания, — он приподнимает голову и пронзает меня голодным взглядом. — Ты в порядке?

— Прости, я... — снова гляжу вниз.

— Все нормально, — он с легкостью соглашается. Чувствую себя глупо от этих слов, высовываю язык и впервые пробую вкус Миллера Харта. Следую инстинктам и облизываю его ствол снизу вверх, поднимаясь при этом на колени. Никогда в жизни не пробовала

ничего подобного.

— Бляяять, — его голова падает на подушки, ладони закрывают лицо, что кажется мне хорошим знаком, так что я беру его в руку и потягиваю, заметив каплю белой жидкости на кончике члена. Слизываю ее, *действительно* наслаждаясь вкусом.

Едва заметно выдыхаю в попытке сохранить свою смелость. Он такой толстый и длинный. Никогда не смогу вобрать его целиком. Прежнее чувство самообладания ускользает, но я отчаянно не хочу выглядеть полной идиоткой. Мысленно ругаю себя, ненавидя свою неуверенность, и беру его в рот, вбирая, пока он не ударяется о стенку горла.

— Блять! — он подбрасывает бедра, сильнее толкаясь в меня, от чего я давлюсь и поспешно отстраняюсь. — Прости, — выпаливает Миллер, сдавленно рыча. — Дерьмо. Ливи. Прости меня.

Злясь на себя, но не колеблясь, я снова беру его в рот, в этот раз только наполовину, после чего отстраняюсь и снова опускаюсь. Его гладкость поражает. Классные ощущения — его жар, твердость под гладкой кожей.

Двигаюсь в удобном ритме, стоны наслаждения подбадривают меня, и рука блуждает свободно, чувствуя его грудную клетку, бедра, живот.

— Ливи, остановись сейчас же, — мышцы его живота напрягаются, когда он принимает сидячее положение, его колени также поднимаются и падают, оставляя меня на коленях между его широко разведенных ног, с головой у его паха. — Остановись. — Его руки запутались в моих волосах, терпеливо направляя меня вверх и вниз. Он просит меня остановиться, но в то же время, кажется, поощряет мои действия. — Господи, — выдыхает он, и я чувствую, как одна его рука оставляет мои волосы и молния платья медленно ползет вниз по спине. — Раздевайся, — говорит он, потягивая подол платья.

Я чувствуя себя немного обманутой, делаю так, как мне сказали, и, выпуская его из рта, поднимаю задницу с пяток и вытягиваю руки над головой. Мое платье стянуто вверх, пока я смотрю на Миллера, восхищаясь беспорядком волос, свободно торчащих в сексуально-взвихренном состоянии. Он исчезает из виду всего на секунду, стягивая мое платье через голову, прежде чем кое-как бросить его на пол, тянется мне за спину, чтобы расстегнуть лифчик. Медленно стягивает с плеч бретельки и бросает его, после чего берет меня за бедра и опускается, прижимаясь губами к моему животу. Потянувшись вниз, я принимаюсь стягивать с его плеч рубашку, желая поскорее увидеть его обнаженным и почувствовать целиком. Он помогает мне, отрывая от меня одну руку и позволяя освободить себя от оставшейся одежды, но продолжает губами исследовать мой живот, лениво покусывая кожу на пути к бедру.

— Твоя кожа совершенна, Ливи, — его голос грубый и низкий. — *Ты* совершенна.

Руками нахожу его волосы и смотрю вниз, как он медленно блуждает ртом вокруг пупка. Делает это, как всегда, без спешки, нежно и точно, заставляя меня мурлыкать и мечтательно закрывать глаза. Ничто в нашей близости не говорит о простом сексе — ни одна деталь. Я, возможно, и плохо разбираюсь в интимных отношениях, но знаю, что это больше, чем просто секс. *Должно быть* больше, чем секс.

Я вполне счастлива опуститься перед ним на колени и позволить ему давать себе волю так долго, как только захочет. Его руки повсюду, сжимают мои ягодицы, осторожно поднимаются по спине и переходят к внутренней стороне бедер. Чувствую, как его большие пальцы забираются под мои трусики и подцепляют их, спуская вниз, пока они не оказываются у моих коленей, не имея возможности спуститься дальше. Опустив голову и

открыв глаза, обнаруживаю, что он смотрит на меня. Его глаза кричат желанием, пока Миллер лениво моргает, как будто его темные ресницы слишком тяжелы и это попытка снова их открыть.

— Что, если я запру дверь, и мы останемся здесь навсегда? — предлагает он шепотом, побуждая меня приподнять одну ногу и позволить ему спустить трусики. — Забудь о мире по ту сторону двери и останься здесь со мной.

Я снова опускаюсь на колени, попой садясь на пятки.

— Навсегда — это намного дольше, чем одна ночь.

Его губы подрагивают, и он протягивает руку, подушечкой большого пальца потирая мой сосок. Я гляжу вниз и задумываюсь об отсутствии у меня достаточно большой груди, не то чтобы Миллера это беспокоило.

— Значит так и будет, — бормочет он, продолжая сосредоточенно наблюдать за своим большим пальцем, кружащим вокруг набухшего соска. — Это была глупая сделка.

Сердце пропускает слишком много ударов, душа взлетает на невозможную высоту.

— Мы не скрепляли договор, — напоминаю ему. — И мы, совершенно точно, не трахались в знак его подтверждения.

Голова кружится, когда он улыбается в мою грудь, а потом поднимает ко мне взгляд синих глаз.

— Согласен, — он касается меня и тянет вниз, пока мы не оказываемся нос к носу. Я не в силах предотвратить маленькую, но широкую улыбку, как результат этих его слов и взгляда. — Не думаю, что уже достаточно тебя опробовал.

— Согласна, — улыбка становится шире. Мы оба знаем, что я опробована более, чем достаточно. Это не выражается напрямую, обоюдное знание и согласие. Он хочет меня больше, так же сильно, как я хочу его. Мы оба потрясены этим влечением. — Опробуешь меня еще сильнее прямо сейчас? — спрашиваю невинно, поднимая и вытягивая ноги, устраиваясь на его коленях.

Он помогает мне и направляет мои ноги, устраивая их за своей спиной, прежде чем взять меня за задницу и толкнуть к себе сильнее.

— Думаю, я просто обязан сделать это, — он кусает мои губы. — А я всегда выполняю свои обязанности, Оливия Тейлор.

— Хорошо, — я выдыхаю, хозяйничая на его губах и скрещая пальцы за его шей.

— Ммм, — вздыхает он, свешивая с дивана ноги и вставая, прижимая меня к себе, как будто я вещь не больше перышка. Он идет в свою спальню, и, когда мы заходим, он опускает меня на кровать и встает на колени с краю, подползает к изголовью, поворачивается и прислоняется к нему спиной, усаживая меня сверху.

Он тянется и открывает верхний ящик прикроватной тумбочки, доставая презерватив и протягивая его мне.

— Надень его на меня.

Ненавижу себя за то, что застываю в его руках. Понятия не имею, как их надевать.

— Все нормально, ты сам можешь сделать это, — я пытаюсь не выглядеть обеспокоенной или, еще хуже, напуганной.

— Но я хочу, чтобы это сделала ты, — он толкает меня вниз по своим коленям, открывая доступ к твердому стояку, и, сжав, ставит его вертикально, прежде чем протянуть мне пакетик из фольги. — Возьми.

Я смотрю на него, и Миллер кивает подбадривающее, так что я осторожно протягиваю

руку и беру пакетик.

— Открывай, — командует он. — Поднеси его к головке и осторожно раскатывай вниз.

Моя нерешительность очевидна, когда я разрываю пакетик и вытаскиваю презерватив, вертя его в пальцах. Молча оставив при себе все грубые словечки, делаю глубокий вдох и следую инструкциям, поднеся ободок к головке члена.

— Придерживай у основания, — выдыхает Миллер, ложась обратно и внимательно наблюдая.

Взяв его большим и указательным пальцами, другой рукой раскатываю презерватив по всей его длине. И снова злюсь на себя за то, что умалчиваю.

— Все просто, — он улыбается моему озабоченному выражению лица и снова притягивает к себе, так близко, что может приподнять колени за моей спиной. Он побуждает меня приподняться и прижимает член к влагалищу, мы оба тяжело и часто дышим по мере того, как я медленно опускаюсь. Меня бросает в полный экстаз, в ту же секунду задерживаю дыхание и цепляюсь в его плечи.

Я хнычу, когда он движется внутри меня. Я сверху, и понимаю, что движения будет происходить только тогда, когда я их спровоцирую, но пока не могу пошевелиться. Я заполнена, но в этот момент он вытягивает ноги и заходит в меня глубже.

— О Боже, — я выдыхаю, вытягивая и напрягая руки, прижимая к груди подбородок.

— Ты контролируешь, Ливи, — выдыхает он, — если больно, сбавь обороты.

— Мне не больно, — я кручу бедрами в ответ. — Вот дерьмо! — меня атакуют обжигающие всплески удовольствия, трение задевает самые чувствительные точки во мне. Это чувство побуждает меня снова двигаться. — Так хорошо, — мои руки расслабляются и тянутся к лицу Миллера, ладони накрывают его щеки в то время, как я снова и снова виляю бедрами.

Наклоняюсь, наши лбы встречаются, страсть в глазах обоих сталкивается.

— Это, должно быть, сон, — шепчет он. — Другого объяснения нет. Ущипни меня.

Я не щипаю его. Вместо этого, поднимаюсь и опускаюсь с уверенным темпом, придавая ему чертовски сильное доказательство того, что я реальна. Решимость помогает мне. Давление его, заполняющего меня, сводит с ума, отправляя меня в места, полные наслаждения, о существовании которых я никогда не подозревала. Он делает это со мной, и, судя по повторяющимся стонам, которые срываются с его губ, я тоже имею на него эффект. Отстраняюсь, продолжая ритмично двигаться на нем, чтобы видеть его лицо во всей красе. Его волосы повсюду, непослушная прядь на лбу взмокла, мягкие кудряшки на затылке завились. Мне нравится.

Он смотрит на меня, губы слегка приоткрыты, и капелька пота стекает по виску.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Миллер, поглаживая руками мои бедра. — Скажи мне, о чем думаешь?

— Думаю, что ты получил уже тринадцать часов, — говоря это, опускаюсь на него идеально, невероятно уверенно. Я лукавлю, но ведь уже давно потеряла все свои принципы.

Миллер прищуривает глаза в недовольной гримасе, а потом мерзавец толкается вверх, демонстрируя всю свою дерзость.

— Ты провела здесь час, максимум. У меня есть еще пятнадцать часов.

— Обед длился два часа, — я стою, голова становится тяжелой, но я упорно продолжаю двигаться. Сладкое тепло распространяется по всем клеточкам кожи, говоря, что я на верном пути.

— Обед не считается, — он перемещает руку к моим волосам, перебирая их пальцами и находя затылок под копной непослушных, влажных прядей. — Я не мог прикасаться к тебе во время обеда.

— Ты выдумываешь правила прямо сейчас, — выпаливаю я. — Миллер!

— Ты кончаешь, Ливи?

— Да! Пожалуйста, не говори, что ты еще не готов, — умоляю, ногами прижимаясь к его бокам.

— Блять! Для тебя я всегда готов, — он садится и прячет голову в изгибе моей шеи, обхватывая кожу ртом, целуя и покусывая. — Сдавайся.

И я сдаюсь. Каждая мышца сокращается, и я кричу, запрокинув голову, свободно качая ею в стороны, сжимаю его, голова опустела от смешанных мыслей.

— Господи! — вскрикивает Миллер, удивляя меня даже сквозь притупленное, блаженное состояние. — Ливи, ты пульсируешь вокруг меня, — он тянет к себе мое сдавшееся тело. Я бесполезна, если не считать неустанных мышц, сжимающих Миллера внутри меня.

Он кончает с громким стоном и импульсивным толчком бедер. Я просто плыву в его руках, откидываясь на него.

— Ты творишь со мной что-то невероятное, Оливия Тейлор. Очень-очень невероятное. Дай мне заглянуть в твое личико, — Миллер помогает мне приподнять затуманенную голову, я не в силах сидеть прямо долгое время, грудью падаю вперед, заставляя его прислониться к изголовью кровати. Он не возражает. Позволяет мне лицом зарыться в изгиб его шеи и восстанавливать дыхание. — Ты в порядке? — спрашивает он с ноткой удивления в голосе.

Я не могу говорить, поэтому киваю, руками вожу по его бицепсам, в то время как его руки блуждают по всей моей спине. Единственный звук — это тяжелое дыхание, в основном, мое. Но нам комфортно. Все кажется таким правильным.

— Пить хочешь?

Качаю головой и зарываюсь в его шею еще глубже, намереваясь оставаться там, где сейчас, я признательна за его внимание.

— Ты потеряла голос?

Я киваю, но потом чувствую, как он содрогается подо мной. Он смеется, и я отчаянно хочу увидеть это, так что резко оживаю, поднимаясь с его груди и быстро находя глазами его лицо. Оно серьезное, и глаза широко распахнуты в шоке.

— Что случилось? — спрашивает Миллер, сосредоточенно изучая мое лицо.

Набираю полные легкие воздуха, чтобы произнести:

— Ты надо мной смеялся.

— Я не смеялся *над* тобой, — он защищается, явно думая, что я обиделась, только это не так. Я в восторге, только раздражена, что пропустила это.

— Я не это имею в виду. Я никогда не видела и не слышала, как ты смеешься.

Он выглядит так, как будто ему вдруг стало некомфортно.

— Может, потому что есть не так много вещей, которые могу рассмешить.

Я хмурю брови. Кажется, что Миллер Харт смеется не очень-то часто. Он и улыбается едва ли.

— Ты слишком серьезный, — говорю я, что звучит скорее как обвинение, а не простое наблюдение, хотя это оно и есть.

— Жизнь серьезная штука.

— Разве ты не смеешься в пабах со своими друзьями? — я спрашиваю, пытаюсь представить Миллера с кружкой пива в темном, отделанном деревом пабе. Не получается.

— Я не часто бываю в пабах, — он выглядит почти оскорбленным моим вопросом.

— Что насчет друзей? — настаиваю я, находя достаточно трудным представить Миллера, который бы смеялся и шутил с кем — то, в пабе или где-нибудь еще.

— Кажется, мы переходим на личности, — он вконец пресекает тему, от чего я задыхаюсь. После всего, чем я с ним поделилась?

— Ты настоял, чтобы я поделилась чем-то очень личным. И я тебе рассказала. Когда кто-то задает вопрос, вежливо отвечать.

— Нет, мое право....

Я обрываю его, драматично закатывая глаза, а рука коварно застывает у его подмышки. Он смотрит на меня подозрительно, взгляд следует за моей рукой, пока я не начинаю его щекотать.

Он даже не дергается, только самодовольно вздернув брови.

— Не боюсь, — выражение его лица серьезное, но самоуверенное, что только усиливает мои намерения, я веду пальцами по его ключице к щетинистому подбородку и щечку под ним, но опять ничего. Он пожимает плечами. — Я не боюсь щекотки.

— Каждый боится в каких-то местах.

— Только не я.

Щурю глаза и царапаю пальчиками дорожку по его животу, чуть-чуть усиливая в мускулистой части его живота. Он остается безучастным и не впечатленным моей тактикой. Я вздыхаю.

— Ноги? — он не спеша качает головой, заставляя меня вздохнуть сильнее. — Хочу, чтобы ты яснее выражался. — Я слезаю с него и ложусь рядом, подкладывая под голову согнутый локоть, когда Миллер повторяет мою позу.

— Думаю, я ясно выражаюсь, — он тянет руку, берет мой светлый локон и начинает крутить его между пальцами. — Люблю твои волосы, — шепчет Миллер, наблюдая за неспешной игрой своих пальцев.

— Они объемные и непослушные.

— Они идеальны. Никогда их не обрезай, — его рука замирает на моем затылке и тянет ближе, пока наши лица не оказываются в паре дюймов друг от друга. Мой взгляд мечется, не зная, сосредоточиться на этих глазах или на губах.

Выбираю губы.

— Люблю твой рот, — признаюсь я и наклоняюсь ближе, накрывая его губы своими. Храбрость растет, моя способность выразить себя становится проще рядом с этим скупым на эмоции мужчиной.

— Мой рот любит твоё тело, — шепчет он, теснее прижимая меня к себе.

— Мое тело любит твои руки, — подвожу итог, отдаваясь во власть расслабленным движениям его языка.

— Мои руки любят касаться тебя.

Я мурлычу, когда его руки скользят к моему животу, бокам и останавливаются на бедрах. Нежность его ладоней противоречит его мужественности. Чистые, мягкие и без мозолей, что показывает отсутствие физического труда. Он всегда в костюмах, всегда возмутительно элегантен, его манеры безупречны — даже с его скверным высокомерием.

Все, что касается Миллера, озадачивает, но невероятно увлекает, а невидимое притяжение, которое постоянно толкает меня к нему, путает и раздражает, но ему невозможно противостоять. И в эти минуты, когда он перевозносит меня, чувствуя и овладевая мной так нежно, я прихожу к выводу, что Миллер Харт *выражает свои чувства*. Выражает прямо сейчас. Делает это вот так. Возможно, он не смеется и не улыбается часто, и у него не меняется выражение лица, когда мы обсуждаем его мысли, но все его тело ясно говорит о его эмоциональном состоянии. И я не думаю, что ошибаюсь, когда говорю, что чувства тут есть, а не просто физическое влечение.

Начинаю немного злиться, когда он разрывает наш поцелуй и отстраняется, молча изучая меня, после чего разворачивает и прижимает к своей груди.

— Поспи немного, сладкая, — шепчет он, зарываясь носом в копну непослушных светлых волос.

Засыпать в руках обнимающего меня мужчины совсем не то, к чему я привыкла, но от его мягкого дыхания на ушко и тихой мурлычущей мелодии я слишком легко расслабляюсь. Я улыбаюсь себе под нос, когда он отодвигается и вылезает из постели.

Пойдет наводить порядок.

Глава 13

Он стоит в дверном проеме спальни, одетый в брюки от костюма и рубашку, и завязывает галстук, в то время как я обнаженная в защитном жесте обнимаю себя руками. Я бы прикрылась одеялом, но половина постели, на которой он спал, уже заправлена, и я не хочу ее портить. Волосы мокрые, но он не побрит, и хотя выглядит он превосходно, мне больно от того, что он уже не со мной в постели.

— Позавтракаешь со мной? — спрашивает он, срывая галстук и принимаясь завязывать заново.

— Конечно, — я отвечаю тихо, ненавидя себя за разделяющую нас неловкость. Я была удивлена, когда меня разбудил солнечный свет. Пока я засыпала прошлой ночью, думала, что мне оставили пару часов на отдых, после Миллер разбудит меня, чтобы продолжить мной наслаждаться... или точнее, я *надеялась*, что он меня разбудит. Я расстроена, и пытаюсь не показывать это.

Не знаю, зачем осматриваю комнату в поисках одежды, ведь понимаю, что ее не будет в поле зрения.

— Где моя одежда?

— Прими душ. Я приготовлю завтрак, — он исчезает в гардеробной и появляется спустя мгновение, застегивая жилетку. — Мне нужно уходить через тридцать минут. Твоя одежда в нижнем ящике.

Я тревожно вздрагиваю, задаваясь вопросом, что изменилось. Он еще более закрытый, чем когда бы то ни было прежде. Что ли провел всю ночь размышляя над моими словами?

— Ладно, — я соглашаюсь, не в силах придумать другие слова. Он даже не смотрит на меня. Чувствую себя дешевой и никчемной — вот чего я старалась избежать годами.

Не сказав больше ни слова, он берет из гардеробной пиджак и оставляет меня в своей спальне, уязвленную и непонимающую. Отчаянно хочу избежать неловкости и не хочу одновременно. Я хочу остаться и сделать его более сговорчивым, заставить снова на меня посмотреть, не как на внебрачную дочь уличной проститутки, только, кажется, у меня особо

нет выбора. Ему нужно уходить через тридцать минут, а мне хотелось бы принять душ прежде, чем присоединюсь к нему за завтраком, так что времени совсем мало.

Соскакивая с кровати голышом, бросаюсь в ванную принимать душ. Использую его гель для душа, старательно втирая жидкость, как будто пытаюсь так быть ближе. Нехотя смыв гель, вылезаю из душа и беру с полки одно из свежих, идеально сложенных полотенец, вытираюсь в рекордно короткие сроки, прежде чем набросить на себя одежду.

Бесцельно брожу по его квартире и нахожу Миллера перед зеркалом в холле, опять сражающегося с галстуком.

— Твой галстук в порядке.

— Нет, он мятый, — бурчит, срывая его с шеи. — К черту!

Смотрю, как он осторожно проходит мимо меня на кухню. Иду следом, немного озадаченная, и вроде бы не должна удивляться, увидев его перед гладильной доской, но я поражена. Он аккуратно разглаживает галстук, после чего с предельной осторожностью проводит утюгом по синему шелку, вытаскивает шнур из розетки и оборачивает галстук вокруг шеи. Убирает доску и утюг, потом поворачивается к зеркалу и снова начинает тщательно завязывать галстук, и все это делает так, как будто меня здесь даже нет.

— Лучше, — заключает он, опуская воротник и оборачиваясь ко мне.

— Галстук слабо завязан.

Он хмурится и поворачивается обратно к зеркалу, немного сдвинув его.

— Идеально.

— Да, идеально, Миллер, — бормочу, проходя на кухню.

Восхищаюсь выбором хлеба, консервов и фруктов. Но я не голодна. Желудок скрутило от беспокойства, и его формальность не облегчает мой мандраж.

— Чего бы ты хотела? — спрашивает он, занимая свое место.

— Я возьму только кусочек дыни, спасибо.

Он кивает и берет тарелку, выкладывая дыню и протягивая мне вилку.

— Кофе?

— Нет, спасибо, — беру вилку, тарелку, кладя их на стол так аккуратно, как только могу.

— Апельсиновый сок? Свежевыжатый.

— Да, спасибо.

Миллер наливает мне апельсиновый сок и достает кофе из стекловаренного горшочка.

— Забыл поблагодарить тебя за разбитую лампу, — шепчет он, медленно поднимая кружку, и, глядя на меня, делает глоток.

Чувствую, как лицо заливается краской под его обвиняющим взглядом, желудок скручивается еще сильнее:

— Прошу прощения, — я ерзаю на стуле, опустив взгляд к тарелке. — Было темно, я не заметила.

— Ты прощена.

Взгляд с едва заметным смешком взлетает к его лицу.

— Ну, спасибо. Ты же прощен за то, что *оставил* меня в темноте.

— Ты должна была оставаться в постели, — возражает Миллер, удобно прислоняясь к спинке стула. — Ты навела уму непостижимый беспорядок.

— Прости. В следующий раз, когда ты бросишь меня посреди ночи, у меня в руке будут очки ночного видения.

Его брови удивленно взлетают, но я знаю, что это не от моего сарказма.

— Брошу?

Я съеживаюсь, отводя глаза в сторону. Надо думать, прежде чем что-то говорить, особенно в присутствии Миллера Харта.

— Случайно вырвалось.

— Надеюсь на это. Я оставил тебя спящей. Я не бросал тебя, — он продолжает поглощать свой французский тост, оставив эти слова нежеланно повиснуть в неловкой атмосфере между нами — в любом случае, нежеланные мной. — Доедай, и я отвезу тебя домой.

— Почему ты на это надеешься? — спрашиваю я, чувствуя закипающую внутри злость. — Так я не опорочила тебя, как мою жалкую мамочку?

— Жалкую?

— Да, бесхребетную. Эгоистичную.

Миллер моргает в шоке, дернувшись на стуле.

— Мы заключили сделку на двадцать четыре часа, — его взгляд обжигает через стол.

Я стискиваю зубы, наклоняясь вперед. Со стопроцентной ясностью вижу, что своим обвинением разозлила этого обычно спокойного мужчину. Что не ясно, так это злится ли он на меня, или на себя.

— Что было вчера? В машине и прошлой ночью. Сделка? Ты жалок!

Взгляд Миллера темнеет, и вспышка злости искажает его лицо.

— Не выводи меня, милая. Мое терпение не то, с чем тебе стоит играть. У нас было соглашение, и я позаботился, чтобы оно было выполнено.

Влюбленное сердце больно разбивается, когда я вспоминаю совсем другого мужчину из прошлой ночи. Понимающий мужчина. Любящий. Мужчина же, сидящий сейчас напротив, смущает меня. Никогда не видела, чтобы Миллер Харт терял терпение. Видела, как он волновался, и слышала, как ругался — в основном, когда что-то не соответствовало идеальному Миллеру, — но взгляд, который вижу в его глазах прямо сейчас, говорит мне, что я еще ничего не видела. И вкупе с его серьезными угрозами я понимаю, что не захочу.

Я резко встаю, мое тело, кажется, срабатывает быстрее мозга, и ухожу, прочь из его квартиры и вниз по лестнице к холлу. Портье кивает, когда я прохожу мимо, и, оказавшись на свежем утреннем воздухе, жадно вдыхаю. От запахов и звуков Лондона лучше не становится.

— Я с тобой разговаривал, — недовольный голос Миллера ударяет сзади, только это не заставляет меня вспомнить о манерах и обернуться в ответ на его присутствие. — Ливи, я сказал, что с тобой разговаривал.

— И что ты сказал? — спрашиваю я.

Он появляется в поле моего зрения и встает передо мной, внимательно меня рассматривая.

— Я не люблю повторяться.

— А я не люблю твои перепады настроения.

— У меня нет перепадов настроения.

— Нет, есть. Я не знаю, что у нас с тобой. В одну минуту ты ласковый и внимательный, в следующую — холодный и резкий.

Миллер тщательно обдумывает мои слова, и мы добрых несколько минут смотрим друг на друга, после чего он, наконец, произносит в своей типичной манере:

— Мы слишком близко подходили к личному.

Я делаю глубокий вдох и задерживаю воздух, отчаянно пытаюсь сдержаться и не закричать на него. Я знала, что мы придем к этому, с тех пор, как открыла глаза сегодня утром. Но все равно адски больно.

— С твоим деловым партнером то же самое, или дело только во мне и в моей омерзительной истории?

Он не отвечает, предпочитая, вместо этого, молча смотреть на меня.

— Мне не следовало позволять этому зайти так далеко, — тихо шепчу.

— Может и не следовало, — соглашается Миллер без колебаний. Это ранит слишком глубоко, и я заставляю себя уйти, прежде чем потеряю контроль над нарастающими эмоциями. Не буду из-за него плакать. Я надеваю наушники, наугад нажимаю плейлист на своем iPod и тихо смеюсь сама над собой, когда уши заполняет «Неоконченное сострадание» в исполнении Massive Attack — моя компания по дороге домой.

— Выглядишь ничуть не лучше, — говорит Дэл, бегло осматривая меня озабоченным взглядом. — Может, пойдешь домой.

— Нет, — выдавливаю из себя ободряющую улыбку, а внутри все сжимается. Нан дома, так что мне нужно отвлечься, а не подвергаться допросу.

Она радостно улыбалась, когда я вернулась домой этим утром, пока не увидела мое лицо. Потом посыпались вопросы, но я быстро сбежала в свою спальню, оставив ее вышагивать под моей дверью, выкрикивая непонятные вопросы, на каждый из которых я отказалась отвечать. Я не должна злиться на Нан, стоит оставить это для Миллера, но если бы она не совала всюду свой старый нос и не пригласила бы его на обед, тогда прошлой ночи не было бы, и я не была бы теперь в таком состоянии.

— Мне намного лучше, честно, — я покидаю кухню и избегаю Сильвию за кассой, подруга все утро пытается ко мне приклеиться. К счастью для меня, мы заняты, и я могу скрыться от допроса на время и занять себя мытьем столов и разносом кофе.

Во время перерыва принимаю предложенный Полом сэндвич с тунцом и майонезом, но предпочитаю съесть его на ходу, так как мой таймаут приманит ко мне Сильвию, а она начнет давить, требуя ответов. Это нечестно, но у меня голова болит от постоянных мыслей о нем, и разговор точно вызовет слезы. Я отказываюсь плакать из-за мужчины, особенно мужчины, который может быть таким холодным.

— Нравится? — улыбаясь, спрашивает Пол и бросает мокрые листья салата в дуршлаг.

— Ммм, — дожевываю и глотаю, после чего вытираю рот от остатков майонеза. — Вкусно, — честно говорю, осматривая вторую половину, которую еще предстоит съесть. — Какой-то другой вкус.

— Да, но даже не спрашивай, все равно никогда не расскажу.

— Секретный рецепт семьи?

— В точку. Дэл ни за что меня не уволит, пока мой хрустящий сэндвич с тунцом является хитом продаж, а я тот молокосос, который умеет его готовить, — он подмигивает и начинает разбрасывать салат по заранее приготовленным кусочкам зернового хлеба, которые уже были смазаны секретным способом Пола. — Так. Эти для четвертого столика.

— Конечно, — толкаюсь спиной в распашные двери кухни, прохожу мимо Сильвии и направляюсь к четвертому столику. — Два хрустящих заправленных сэндвича с тунцом, — говорю, ставя на стол тарелки. — Приятного аппетита.

Оба бизнесмена выражают свою благодарность, сказав спасибо, так что я оставляю их и встречаю на кухне Сильвию, как только прохожу обратно в распашные двери. Она расставила руки в боки. Нехороший знак.

— Выглядишь не лучше, но ты не больна, — язвит подруга, немного двигаясь, чтобы дать мне пройти. — Что происходит?

— Ничего, — голос звучит оборонительно, и я тут же ругаю себя за это. — Все хорошо.

— Он ушел вслед за тобой.

— Что? — плечи напрягаются. Я очень хорошо знаю, о чем говорит Сильвия, но это не та тема для разговора, которую бы мне хотелось поднимать. Все это еще кровоточит и болит, а разговор о нем только усилит боль.

— После того, как ты практически грохнулась в обморок, и Дэл отправил тебя домой, он пошел за тобой. Я собиралась выяснить, как ты, но с ног сбивалась. Что произошло?

Я по-прежнему не смотрю на нее, предпочитая убивать время, загружая посудомоечную машину. Я могла бы уйти, но для этого нужно пройти мимо Сильвии, и я даже не надеюсь, что она позволит уйти.

— Ничего не случилось. Я ушла.

— Ну, я предположила что-то подобное, когда он вернулся темнее тучи и появился в бистро вчера.

Он был зол? Странно, но мне приятно.

— Ну, тогда ты все знаешь, — замечаю я мимоходом, хватая поднос, но спешу обратно в зал бистро. Она еще не закончила и стоит на моем пути.

— Он снова был с той женщиной.

— Знаю.

— Она висела на нем.

Такое чувство, как будто ком в горле.

— Знаю.

— Но он явно был расстроен.

Развернувшись, я, в конце концов, смотрю на нее, замечая то самое выражение лица, которое ожидала: прищуренные глаза и ярко-розовый блеск на губах.

— Зачем ты мне это говоришь? — спрашиваю я.

Она пожимает плечами, короткий черный хвостик щекочет плечи.

— Он прохвост.

— Я это знаю, — бормочу. — Почему ты думаешь, я ушла? Я ведь не глупая, — мне стоит врезать себе за такой неприлично лживый комментарий. Я очень глупая.

— Ты хандрить, — ее вопросительный взгляд прожигает во мне дыры, и вполне справедливо.

— Я не хандрю, Сильвия, — я даже звучу слабо. — Не возражаешь, если я вернусь к работе?

Она вздыхает, уходя с моего пути.

— Ты слишком милая, Ливи. Такой мужчина съест тебя живьем.

Закрываю глаза и делаю глубокий вдох, проходя мимо нее. Ей не нужно знать о вчерашнем уютном семейном обеде, и я всем сердцем желаю, чтобы рассказывать было не о чем.

Неделя не стала лучше. Нан дважды возвращалась в Харродс с оправданием, мол

Джордж так нахваливал ананасовый пирог, что она просто обязана сделать его снова... дважды. Ее тайные надежды столкнуться с Миллером вряд ли оправдаются, так что, если он и ходил в Харродс купить еще пару костюмов, это никак не связано с импульсивным желанием Нан потратить тридцать фунтов стерлингов за два ананаса. Я избегала Грегори любой ценой после того, как получила от него немногословное сообщение с предупреждением о том, что Нан болтушка, и что он думает, будто я глупая. Мне все это известно.

Я пропускаю завтрак и выскакиваю из дома, стремясь избежать Нан, и даже желая загрузить свою пятницу и сделать ее унылой. Собираюсь потеряться в величии Лондона в эти выходные, и я не могу ждать. Именно то, что мне нужно.

Иду вниз по улице, мое длинное черное трикотажное платье путается в щиколотках, лицо согревает утреннее солнце. Как и всегда, мои волосы делают то, что им заблагорассудится, и сегодня они курчавее, чем обычно, поскольку я спала с мокрой головой.

— Ливи!

Без каких-либо указаний, ноги начинают ускорять шаг, только я не уйду очень далеко. Он в ярости.

— Малышка, тебе лучше остановиться прямо сейчас, или у тебя будут проблемы!

Я застываю на месте, понимая, что у меня уже проблемы, и жду, когда он сможет меня поймать.

— Доброе утро! — мое чересчур радостное приветствие не помогает, и когда он оказывается передо мной, его приятное лицо искажено недовольством, и я, не в силах сдержаться, скалюсь в ответ. — Что? — восклицаю, заставив его в шоке отпрыгнуть. Чувствую раздражение на своего друга, на что не имею никаких прав. Сегодня пятница, но он в рваных джинсах и облегающей футболке, и на нем бейсболка. Где его рабочая одежда?

— Не *чтокай* мне! — кричит он в ответ. — Что случилось с «держаться подальше»?

— Я пыталась! — визжу я. — Чертовски старалась, но мы нарвались на него в Харродс, и Нан пригласила его на чертов обед!

Грегори отпрыгивает еще немного, шокированный моей необычной вспышкой, но его резкое, сердитое выражение лица смягчается.

— И все же, ты не должна была уходить с ним, — замечает он мягко. — И уж точно, не стило оставаться у него.

— Ну, я осталась, и теперь дьявольски сильно сожалею.

— Ох, Ливи, — он приближается и обнимает меня. — Надо отвечать на мои звонки.

— Чтоб ты мог просто отругать меня? — шепчу в его футболку. — Я и так уже знаю, что идиотка. Мне не нужно подтверждений.

— Меня почти убил восторг Нан, — говорит он, вздыхая. — Дерьмо, Ливи, она была готова идти покупать шляпу.

Я смеюсь, потому что если не сделаю этого, то заплачу.

— Пожалуйста, не надо. Я не смогу вынести больше, Грегори. Он просто сидел с ней за обеденным столом час или два. Она порхала вокруг него, а теперь вот она сбита с толку и спрашивает, почему это я с ним не вижу.

— Членосос.

— Говорю тебе еще раз, ты единственный членосос, которого я знаю, — я чувствую, как он хихикает, но когда он отстраняет меня от своей груди, лицо серьезное.

— Почему ты ушла с ним? — спрашивает он.

— Не могу отказать ему, когда он рядом, — угрюмо вздыхаю. — Это просто случается.

— Но ты не видела его всю неделю?

— Нет.

Его светлые брови взлетают.

— Почему нет?

Черт подери, я хочу сказать, что ушла по собственной инициативе, но Грегори раскусит меня в считанные секунды.

— Все было замечательно, а потом все стало ужасно. Он был ласковым, а потом повел себя, как задница, — собираюсь с силами. — Я рассказала ему о маме.

Вижу удивление на лице Грегори, только оно, определенно, смешано с крупницей боли. Он в курсе, что я абсолютно никогда о ней не разговариваю, даже с ним, хотя знаю, что он хотел бы. Он собирается с духом и старается, чтобы боль на его лице превратилась в презрение.

— Членосос, — выплевывает он. — Полный кретин. Ты должна быть сильнее, малышка. О таких милашек, как ты, всегда будут вытирать ноги мужики, как он.

Делаю глубокий вдох и прикусываю язык, чтобы не выдать настоящую реакцию на это заявление. Но не получается.

— Ну и хрен с тобой, — бормочу, от чего он в шоке застывает. Прохожу мимо него и топаю по улице.

— Смотри! Этого я и ждал. Злючка!

— Пошел нафиг! — кричу я, поражаясь собственной вульгарности.

— Давай, давай продолжай, грязная сучка!

Я выдыхаю и, развернувшись, вижу улыбку Грегори вовсе тридцать два зуба.

— Задрот.

— Корова.

— Дрочила.

Улыбается еще шире.

— Козел.

— Голубой, — отвечаю резко.

— Шлюшка.

Я отскакиваю, в ужасе.

— Я не шлюха!

Он тут же бледнеет, осознав свою ошибку.

— Дерьмо, Ливи, мне так жаль.

— Да брось! — отмахиваюсь, кровь кипит от его бестактного, небрежного замечания. — И не ходи за мной, Грегори!

— Хммм, я не это имел в виду. Прости, — он хватает меня, не давая уйти. — Дурацкое слово вырвалось. — Он идет со мной, повисшей в его руках, и я дотягиваюсь и тяну его за волосы. — Мудак.

Улыбаясь, он наклоняется и целует меня в щеку.

— В прошлое воскресенье у меня было свидание.

— Ее одно? — закатываю глаза и крепче цепляюсь в его плечи. — Кто на этот раз счастливчик?

— Вообще-то, это было наше четвертое свидание. Его зовут Бен, — задумчивый,

мечтательный взгляд украшает лицо Грегори, заставив меня обратить больше внимания. Прошло уже несколько лет после его последнего такого вот взгляда.

— И... — я подначиваю, задаваясь вопросом, как он умудрился молча сходить на четыре свидания с одним и тем же парнем. Хотя, не могу его винить. Не после своего провала в раскрытии тайн.

— Он симпатичный. Я бы хотел вас познакомить.

— Правда?

— Да, правда. Он организует мероприятия, фрилансер. Я все рассказал ему про тебя, и он хочет познакомиться.

— Оу? — запрокидываю голову, и он одаривает меня сияющей улыбкой. — Охх, — выдыхаю я.

— Да, оххх.

— Бенжамин?

— Нееет, — щурит свои игривые глазки и продолжает идти со мной, болтающейся в его руках. — Просто Бен.

— Бенжамин и Грегори, — задумчиво мурлычу. — Классно звучит.

— Бен и Грег звучи лучше. Почему ты настаиваешь на Грегори? Даже Нан так делает. Как будто я голубой, — бормочет он.

— Ты и есть голубой! — смеюсь и чувствую, к своему ужасу, как его зубы впиваются в шею. — Прекрати!

— Да ладно, — Грегори ставит меня на ноги и берет за руки. — Давай доставим на работу твою милую задницу.

— Разве ты не работаешь сегодня?

— Неа. Закончил свой последний проект пораньше, и у меня стрижка.

— Правда? — улыбаюсь ему. — Целый день без работы ради стрижки?

— Заткнись. Я же сказал тебе. Пораньше закончил свой проект.

Я улыбаюсь, пока задаюсь вопросом, почему избегала компании Грегори целую неделю. Чувствую себя в миллион раз лучше.

Глава 14

Никто на работе, на самом деле, не спрашивает в порядке ли я, потому что очевидно, что так и есть. Или они просто лишились дара речи при виде моего веселого настроения? Я перебарщиваю? Да плевать. Грегори поднял мой дух. Надо было увидаться с ним еще в начале недели.

— Обслуживаем! — кричит Дэл, заставляя меня развернуться с подносом в руках, ждущим заказа. — Чему ты все время улыбаешься? — смеется он, выкладывая на мой поднос сэндвичи Туна Кранч.

Сильвия сваливает груды пустой посуды и присоединяется к нам, останавливаясь у плиты:

— Не спрашивай, Пол. Просто смиришься.

— Пятница, — пожимаю плечами, разворачиваюсь и с улыбкой покидаю кухню. Подходя к столику, вижу широкую приветливую улыбку Мистера Выпученные Глаза — Люка. Хорошее настроение не позволяет мне ничего, кроме вежливости, так что я улыбаюсь в ответ:

— Туна Кранч?

— Это мой, — распевает он, когда я ставлю блюдо на стол. — Выглядишь особенно привлекательно сегодня.

Закатываю глаза, но по-прежнему улыбаюсь:

— Благодарю. Могу я предложить тебе еще напитки?

— Нет, все нормально, — он откидывается на спинку стула, теплые карие глаза смотрят на меня дружелюбно. — Я все еще свободен.

— Правда? — я начинаю краснеть и, чтобы скрыть это, принимаюсь убирать следующий столик.

— Можно пригласить тебя?

Неистово тру столик, рука движется так же быстро, как и мои мысли.

— Да, — слово срывается с губ, а я не осознаю это, пока не слышу собственными ушами.

— Правда? — он, похоже, в шоке, как и я.

Стол уже чистый, но меня это не останавливает от соскабливания лака с деревянной поверхности. Я на самом деле только что согласилась на свидание?

— Конечно, — подтверждаю я, еще больше себя шокируя.

— Здорово!

Пытаюсь унять румянец на щеках, прежде чем оборачиваюсь лицом к своему... свиданию. Теперь он действительно улыбается, царапая на салфетке свой номер. Это вызывает нежеланные воспоминания, которые я тут же заталкиваю глубоко в сознание. Я могу пойти на свидание с Люком. На самом деле, мне *необходимо* пойти с ним на свидание.

— Когда ты думаешь пойти?

— Сегодня? — он смотрит на меня с надеждой, протягивая салфетку.

Беру ее, мысленно отбрасывая все сомнения. Я не могу продолжать в том же духе, особенно после встреч с Миллером Хартом. Я должна забыть о нем, о маме и начать жить... благоразумно.

— Сегодня, — подтверждаю я. — Время, место?

— В восемь возле универмага Селфриджис? Там есть маленький бар вниз по переулку. Тебе понравится.

— Превосходно. Жду с нетерпением, — забираю поднос и оставляю улыбающегося Люка, который наконец-то начал есть свой Туна Кранч.

— Эй, ты же не заставишь меня ждать, да? — кричит он, и слова заглушаются из-за набитого рта. Этот маленький глупый поступок только напоминает мне о манерах и...

— Я буду там, — уверяю его с улыбкой, его набитый сэндвичем рот только подстегивает меня. Может, он не такой первоклассный, как Миллер Харт, но он все еще милый, а его беззаботное отношение и отсутствие манер только дают мне больше поводов для встречи.

Когда я проталкиваюсь в распашные двери кухни, розовые губы Сильвии складываются в улыбку:

— Я так тобой горжусь! — распевает она, глядя мне в лицо.

— Ой, прекрати!

— Нет, правда, горжусь. Он симпатичный и нормальный, — она начинает помогать мне разгружать поднос, и из-за ее широкой улыбки я и сама улыбаюсь. — Воспринимай это, как новое начало.

Я хмурюсь, задаваясь вопросом, стоит ли мне так поступать. Я знаю Сильвию не так уж давно, а кажется, что годы:

— Я просто иду на свидание, Сильвия.

— О, я знаю. Но еще я знаю, что Оливия Тейлор не ходит на свидания. А это как раз то, что тебе нужно.

— Что мне действительно нужно, так это чтобы ты прекратила разводить такую шумиху, — смеюсь я. Под *нужно* она подразумевает, что мне *нужно* забыть кое-кого, но я медленно прихожу к выводу, что, фактически, уже забыла кое-кого. У этого кое-кого нет имени. Этот кое-кто даже не существует. Кто-то давно забыт.

— Ладно, ладно, — Сильвия поднимет руки, все еще улыбаясь, и по-прежнему довольная. — Что ты наденешь?

Я чувствую, как бледнею, размышляя над вопросом Сильвии.

— Боже, что *мне* надеть? — мой шкаф полон конверсов всех цветов, там горы и горы джинсов и бесконечное множество чайных платьев, но все это легкое и девчачье, а не обтягивающее и сексуальное.

— Не паникуй, — она берет меня за плечи и смотрит серьезным взглядом. — Пойдем по магазинам после работы. У нас будет только час, но, думаю, я смогу что-нибудь придумать.

Я гляжу вниз на обтягивающие черные джинсы Сильвии, ее укороченные шипованные ботинки и задаюсь вопросом, *стоит ли* идти с ней по магазинам. А потом меня озаряет.

— Нет, не беспокойся! — освобождаюсь от ее рук и наклоняюсь в поисках телефона за рюкзаком. — Грегори не работает сегодня. Он пойдет. — Я даже не подумала, что могу этим обидеть Сильвию, пока не слышу ее вздох облегчения.

— Черт, спасибо за это! — она хлопает по столешнице. — Я бы выдержала хождение по Топшоп⁸ ради тебя, Ливи, но это был бы настоящий ад. — Хмурится. — Грегори? То есть парень?

— Да, мой лучший друг. В том, что касается моды, у него потрясающее чутье.

Она смотрит подозрительно:

— Он ведь гей, да?

— Только на семьдесят процентов, — я выбегаю на улицу через запасной выход на кухне и дозваниваюсь Грегори, вышагивая туда-сюда.

— Малышка!

— У меня сегодня свидание! — выплевываю я. — И мне нечего надеть. Ты должен мне помочь!

— С ним? — фырчит он. — Я ничего не стану делать, разве что свяжу тебя. Ты не пойдешь с этим музилой!

— Нет-нет-нет! Это мистер Выпученные Глаза!

— Кто?

— Люк. Парень, который подкатывал несколько недель. Я подумала, почему бы и нет, — пожимаю плечами и практически слышу, как на другом конце линии возрастает его волнение, даже прежде чем Грегори начинает говорить. В конце концов, он заговаривает, подтверждая мои подозрения:

— О Боже! — вопит он. — О Боже, Боже, Боже! Во сколько ты заканчиваешь работать?

— В пять. И я встречаюсь с Люком в восемь.

— Купить прикид и подготовить тебя за три часа? — выдыхает он. — Чтоб тебя! Это

будет сложно, но выполнимо. Встречу тебя после работы в пять.

— Хорошо, — я разъединяюсь и иду обратно на кухню, пока Дэл не заметил мое отсутствие. Придется побегать, но я полностью доверяю Грегори. У него безупречный вкус.

Как только Дэл уходит до конца рабочего дня, я на бегу хватаю рюкзак и джинсовку, целую Сильвию в щеку и машу Полу, оставляя их смеющимися на кухне.

— Удачи! — кричит Сильвия.

— Спасибо! — я выбегаю на свежий воздух и вижу Грегори, ожидающего меня на другой стороне улицы.

Он лихорадочно машет руками, подгоняя меня.

— У нас три часа, чтобы тебя одеть, накрасить и отправить на свидание. Это моя миссия, и я принимаю вызов. — Он улыбается, обнимает меня и быстро ведет по Оксфорд стрит.

— Ты выглядишь радостной.

— Так и есть, — соглашаюсь. Удивительно, но я уже предвкушаю свидание. — Милая стрижка.

— Спасибо, — друг с улыбкой проводит рукой по голове, отчего я и сама начинаю улыбаться.

— Разве это не грустно, что я никогда не была на свидании?

— Да уж, это трагично.

Толкаю его в бок:

— У тебя было достаточно за нас двоих.

— Да, и это тоже трагично. Но скоро я, возможно, буду принадлежать одному человеку.

— А разве еще нет? — я спрашиваю, надеюсь, что Грегори не пропал окончательно. Он до жути красивый и обычно именно он контролирует отношения, но Грегори слишком милый и очень дорого заплатился за это в прошлом. Он игрок, когда один, но предан, когда состоит в отношениях.

— Тебе стоит быть открытой для предложений, Ливи, — он говорит решительно, но снова с этим взглядом, и он кричит *влюбился*.

Я совершенно измотана к тому времени, как мы добираемся до дома. Я потратила практически каждый пенни, заработанный с тех пор, как устроилась к Дэлу, у меня на выбор три наряда — всё мини и, если честно, не мое — и две пары обуви, за исключением конверсов. Все зря. Я, может быть, надену сегодня одну пару туфель, а что касается платьев... ну, не знаю, о чем я думала.

Стою в полотенце перед шкафом и пробегаюсь глазами по каждой из покупок.

— Лучше то, которое черное, — Грегори, вздыхая, проводит рукой по короткому обтягивающему платью. — Да, оно и те шпильки в тон.

Чувствую себя немного очумевшей, глядя на платье, а потом вниз на туфли. Прошло много, очень много времени с тех пор, как я обувала туфли на каблуке.

— Мне страшно, — тихо бормочу я.

— Ерунда! — фыркает друг, отмахиваясь от моего беспокойства, и идет к кровати, чтобы взять комплект фантастического нижнего белья, которое он заставил меня купить. Мы провели, в конечном счете, двадцать минут в La Senza, споря о шелковых комплектах, один из которых сейчас внимательно осматривает Грегори. И тем не менее, он прав. Я не

смогу надеть белое хлопковое белье под такие платья. — Ты знаешь, может я и гей на восемьдесят процентов, но есть что-то в женщинах и их нижнем белье. — Он тычет в меня комплектом. — Так что надевай.

Держу рот на замке, опасаясь споров, и натягиваю трусики, при этом ловко удерживая полотенце на месте. Лифчик не так прост, и я заканчиваю тем, что отворачиваюсь от Грегори, который ни капли не смущается перспективы увидеть меня во всей красе.

Он начинает смеяться при виде того, как я сражаюсь с лифчиком, а я ворчу себе под нос, не разделяя его веселья, и привожу в порядок свою далеко не выдающуюся грудь, заключенную в чашечки. Смотрю вниз, удивляясь видом чего-то похожего на ложбинку.

— Смотри, — говорит Грегори, хватаясь за полотенце и сдергивая его. — Лифчики пушап — лучшее изобретение человечества.

— Грегори! — я скрещиваю на груди руки, чувствуя робость и незащищенность, когда он перемещается, вставая прямо передо мной.

Его зрачки немного расширяются, когда он переводит взгляд к моим маленькой груди:

— Черт побери, Ливи!

— Прекрати! — впустую пытаюсь отвоевать полотенце, но он не уступает. — Отдай мне!

— Выглядишь горячо! — его челюсть отвисает, глаза распахиваются.

— Предполагалось, что ты гей!

— Я все еще ценю женские формы, а у тебя они есть, малышка, — Грегори бросает полотенце на кровать. — Если ты не можешь стоять в нижнем белье передо мной, тогда как ты сможешь...

— Я иду на свидание, ничего больше, — избегаю оценивающего взгляда Грегори и хватаю свой фен. — Ты перестанешь пялиться?

— Прости, — он, кажется, встряхивается, возвращаясь к жизни, после чего подключает какую-то шпуковину для волос, думаю, утюжок. — Что будешь пить?

Вопрос застигает меня врасплох. Я не смотрела так далеко наперед. Принять приглашение, готовиться к свиданию, настраивать *себя* на свидание — этого хватило, чтобы голова пошла кругом. Что я буду пить и о чем буду разговаривать на свидании — это не приходило мне в голову.

— Воду! — перекрикиваю шум фена.

Он отшатывается, разочарованно рассматривая мое лицо:

— Ты не можешь пойти на свидание и пить воду!

Я скажусь на него через всю комнату, хотя это не особо его волнует:

— Мне не нужен алкоголь.

Он театрально опускает плечи, ровно, как и свою задницу, на мою постель:

— Ливи, закажи бокал вина.

— Слушай, того факта, что я собираюсь куда-то с женщиной, уже достаточно, так что не дави на меня с выпивкой, — я трясую головой, размахивая светлыми прядями. — Нельзя с места в карьер, Грегори, — добавляю я, размышляя о том, что не должна терять голову, а алкоголь мне в этом не помощник. И мне не нужен алкоголь, чтобы потерять голову в компании с Миллером Ха...

Запрокидываю голову в надежде физически выкинуть мысли из головы. Работает, но это никак не связано с запрокинутой головой, только с плящимся на меня Грегори:

— Прости! — выпаливает он, тут же отвлекаясь на распаковку тужель.

Я бросаю фен, с сомнением разглядывая выпрямитель на ковре, разогревающийся на подставке. Выглядит опасно.

— Думаю, волосы стоит оставить так.

— О нет, — гримасничает он. — Всегда хотел увидеть твои волосы прямыми и гладкими.

— Он же меня не узнает, — жалуясь я. — Ты засовываешь меня в это платье и туфли, а теперь еще хочешь выпрямить мои волосы, — начинаю втирать лосьон E45 в кожу лица. — Он просил *меня* о свидании, а не безупречную куклу, которую ты пытаешься создать.

— Ты не станешь безупречной куклой, — возражает друг. — Это будешь ты, просто усовершенствованная. Думаю, тебе стоит передать мне принятие всех решений. — Он встает и берет платье, снимая его с вешалки.

— Откуда ты знаешь, что хочет мужчина от женщины?

— Я встречался с женщинами.

— Более двух лет тому назад, — замечаю я, припоминая каждый такой случай, и все они случались после его очередного расставания с парнем.

Грегори равнодушно пожимает плечами и поднимает платье вверх:

— С чего это мы перешли на меня? — спрашивает он. — Заткнись уже и натягивай на свое тощее маленькое тельце это превосходное платье. — Он нахально играет бровями, и я неохотно плетусь к нему, позволяя надеть на меня платье через голову и дальше вниз. — Вот, — он отходит на шаг и осматривает меня с ног до головы, пока я всовываю ноги в туфли на очень высоком каблуке.

Смотрю на себя вниз и вижу, как платье выделяет каждый изгиб, которого у меня нет, и ноги на до глупости высоких шпильках. Я чувствую себя неустойчиво:

— Я не уверена, — говорю, ощущая себя слишком разодетой. Когда Грегори не реагирует на мои сомнения, поднимаю взгляд и вижу ошарашенное выражение лица. — Я выгляжу глупо?

Он подбирает и захлопывает отвисшую челюсть и, кажется, мысленно себя ударяет:

— Ээ...нет...я, — он начинает смеяться. — Твою ты мать, у меня стоит.

Я раздражаюсь, тут же заливаясь румянцем.

— Грегори!

— Прости! — он начинает поправлять свои штаны, заставляя меня развернуться, избегая зрелища, от чего тут же пошатываюсь на каблуках. Слышу вдох Грегори. — Ливи!

— Дерьмо! — я подворачиваю лодыжку, теряя туфлю, так что скачу обратно, как ополоумевший кенгуру. — Дерьмо, это больно!

— Боже! — Грегори позади меня явно лопается от смеха, мерзавец. — Ты в порядке?

— Нет! — кричу, сбрасывая вторую туфлю. — Я их не надену!

— Ой, не будь такой. Я буду держать себя в руках.

— Ты чертов гей, — кричу, поднимая туфли и размахивая ими над головой. — Я не смогу ходить в этом.

— Ты же едва попробовала!

— Надень их сам и скажи, как это просто, — бросаю в него туфлю, и он, смеясь, ловит.

— Ливи, я ведь буду выглядеть, как голубой.

— Тогда, будь голубым!

Грегори теряет контроль и валится на мою кровать в беспомощном приступе смеха:

— Ты заставляешь меня плакать!

— Ублюдок! — выплевываю я, стягивая платье. — Где мои конверсы?

— Ты не можешь! — он приподнимается, сразу замечая, что платье отброшено вместе с туфлями. — О нет. Ты выглядела потрясающе! — взгляд гуляет по моей полуобнаженной фигуре.

— Да, и я не могла ходить, — бормочу, забираясь в шкаф. Это раздражение — уже хороший аргумент в пользу своей скучной жизни. В последнее время, я раз за разом оказывалась в незнакомых ситуациях, и по большей части чувствовала злость, отчаяние и беспомощность. Так какого дьявола я это с собой вытворяю?

Со злостью напяливаю кремовое многослойное платье и одергиваю его, быстро соображая, что нижнее белье на мне черное и его видно через дурацкую ткань. Поэтому я начинаю снимать заново, говоря Грегори закрыть лицо подушкой, чтобы я могла быстро и спокойно переодеться. К тому времени, как я закончила, на мне снова белое хлопковое нижнее белье, кремовое платье на месте, сверху моя джинсовка, на ногах красуются яркие конверсы. Так намного лучше.

— Готово, — заявляю я, быстро нанося на скулы немного румян и розовый блеск на губы.

— Зря по магазинам ходили, — бормочет Грегори, сползая с моей постели. — Ты прекрасно выглядела.

— А сейчас разве нет?

— Ну, да, ты всегда прекрасно выглядишь, но ты была не такой обычной в черной комбинации. Это бы повысило твою самооценку — придало бы уверенности.

— Я счастлива такая, какая есть, — утверждаю, параллельно задаваясь вопросом, правда ли это. Я уже больше не знаю. Голова была сама не своей в последние недели. Она думала о вещах, над которыми я никогда не задумывалась, и заставляла делать мое тело вещи, о которых, уж точно, никогда не думала.

— Я просто хочу, чтобы ты немножко больше самовыражалась, как тогда, — улыбается Грегори, распусая мои волосы.

— Хочешь, чтобы я выглядела полоумной? — спрашиваю, потому что именно так себя и чувствую. Капризной. Раздражительной. Под давлением.

— Нет, я хочу увидеть немножко дерзости. Знаю, она здесь есть.

— Дерзость опасна, — я отмахиваюсь от него, перекладывая свои вещи из рюкзака во вместительную сумку через плечо. — Идем, пока я не передумала, — я бормочу, не обращая внимания на его недовольное ворчание, когда выхожу в коридор.

Благодарю всех богов конверсов, спускаясь по лестнице на твердых ногах, но вскоре застываю с улыбкой, видя вышагивающую по нижней ступеньке Нан. Джордж ходит за ней по пятам и каждый раз, когда она разворачивается, во избежание столкновения вжимается в стену коридора.

— Вот и она! — говорит Джордж с явным облегчением от того, что скоро его хитрая задница будет свободна. — И разве она не прекрасна?

Я замираю на нижней ступеньке, позволяя Нан бегло оценить меня, после чего она заглядывает мне через плечо, останавливая взгляд точно на Грегори.

— Ты сказал шпильки, — говорит она, не веря своим глазам. — Ты сказал прелестное черное платье и подходящие шпильки.

— Я пытался, — раздраженно шепчет он позади меня, и я разворачиваюсь, прожигая его обвиняющим взглядом. Мой обвинительный взгляд сталкивается с точно таким же

взглядом у него.

— Ты пытаешься избежать интервенции в стиле своей бабули.

Я разочарованно вздыхаю и спускаюсь с последней ступеньки, проходя мимо бабушки и стремясь сбежать от всей этой чертовой шумихи.

— Пока.

— Веселись! — кричит Нан. — Этот действительно лучше Миллера? — слышу ее тихий вопрос.

— Намного! — уверенно заверяет ее Грегори. Это только заставляет меня ускорить шаг. Откуда он, черт подери, знает? Не видел ни одного из них.

— Видишь, — смеется Джордж. — Теперь, где мой ананасовый пирог-перевертыш?

Иду вперед, благодарная своей обуви, и думаю о предстоящем свидании, потому что это дает возможность — какая неблагодарная мысль — сбежать из дома и от Нан, но Боже, дай мне сил! Тихая жизнь была простой, за исключением дурацкого ворчания о моем отшельничестве. Теперь же это постоянный поток вопросов и вынос мозга. Очень трудно.

— Ливи! — Грегори настигает меня уже в конце дороги. — Ты выглядишь невероятно мило.

— Можешь не стараться заставить меня чувствовать себя лучше. Я в порядке, не благодаря тебе.

— Ты сегодня ворчливая.

— Не благодаря тебе. — Издаю девчачий визг, когда он отрывает меня от тропинки. — Ты уйдешь уже?

— Дерзишь, — просто говорит он. — Ты могла бы сказать это, не становясь сучкой, знаешь.

— Заслужил. Поставь меня.

Он ставит меня на ноги и приводит в порядок.

— Мне в другую сторону. Так что, люблю тебя и покидаю, — Грегори наклоняется и целует меня в щеку. — Веди себя хорошо.

— На самом деле, глупо говорить мне такое, — я толкаю его в плечо, пытаюсь вернуть нашу нормальность.

— Ну, да, было бы раньше, только вот в моей лучшей подруге проснулся ген глупости в последние недели, — он толкает в ответ мое плечо.

Он прав, так и есть, но еще я снова потеряла этот ген, и ему не о чем беспокоиться, да и мне тоже.

— Я иду на дружеское свидание, вот и все.

— И маленький поцелуй не причинил бы боли, но не шали, пока я с ним не встречу. Надо его проверить, — Грегори берет меня за плечи и разворачивает в другую сторону. — Не торопись.

— Я позвоню, — говорю, удаляясь от него.

— Разве что, если не будешь слишком занята, — кричит он, от чего я закатываю глаза, только он все равно уже не видит.

К Селфриджис я подхожу без десяти восемь. Жизнь на Оксфорд стрит даже в этот час бьет ключом, поэтому я прислоняюсь к витрине и наблюдаю за суматохой вокруг, изо всех сил стараясь выглядеть непринужденно и расслабленно. Знаю, что ничего не выходит.

После пяти минут ожидания решаю, буду выглядеть более расслабленной, зависнув в

телефоне, так что я роюсь в сумочке и начинаю печатать Грегори сообщение, просто, чтобы убить время.

Сколько я уже жду?

Нажимаю отправить, и телефон практически сразу начинает звонить, на экране высвечивается имя Грегори.

— Привет, — отвечаю, радуясь тому, что он позвонил, потому что во время болтовни по телефону я должна буду казаться еще более расслабленной.

— Его до сих пор нет?

— Нет, но еще даже не восемь.

— Да не важно, — возмущается он. — Дерьмо, надо было заставить тебя опоздать. Это же первое правило свиданий!

— Какое? — спрашиваю, меняя положение и опираясь теперь на плечо, а не на спину.

— Женщина должна опаздывать. Все это знают. — Он не кажется счастливым.

Улыбаюсь толпе незнакомцев, спешащих мимо.

— А что происходит, когда на свидание идут два мужчины? Кто тогда должен опаздывать?

— Очень смешно, малышка. Очень смешно.

— Абсолютно разумный вопрос.

— Прекрати переводить разговор на меня. Он уже там?

Я озираюсь, бросая на всех беглый взгляд, но не нахожу Люка.

— Неа. Сколько мне следует ждать?

— Я уже его ненавижу, — бурчит Грегори. — Два прокола за две недели. Плохи дела!

Смеюсь себе под нос, мысленно соглашаясь со своим циничным другом, только этого я ему никогда не скажу.

— Ну, спасибо, — переворачиваясь, снова прижимаюсь спиной к стеклянной стене и вздыхаю. — Ты так и не ответил на мой вопрос. Сколько мне следует... — Во рту мгновенно пересыхает, когда вижу проезжающую машину, взглядом следуя за ней по Оксфорд стрит. В Лондоне, должно быть, тысячи черных мерседесов, так почему этот меня так притягивает? Тонированные окна? Лицензия AMG на крыле?

— Ливи? — голос Грегори спускает меня с небес на землю. — Ливи, ты там?

— Да, — говорю я, наблюдая за тем, как мерседес замедляется, а потом, нарушая абсолютно все правила, разворачивается, пересекая три полосы, после чего едет в обратную сторону ко мне.

— Он там? — спрашивает Грегори.

— Да! — пишу я. — Я должна идти.

— Лучше поздно, чем никогда, — ворчит он. — Веселись.

— Конечно, — мне с трудом удастся произнести слова сквозь ком в горле, я быстро отсоединяюсь и поворачиваюсь в другую сторону, будто я его не заметила. Мне стоит уйти? Что если Люк появится, а меня нет? На Оксфорд стрит парковка запрещена, так что *он* не остановится. Если это вообще он. Может, и нет. Дерьмо, кто же еще. Я отталкиваюсь от витрины и быстро собираюсь с мыслями, но прежде чем мозг сообщает о принятом решении, ноги сами уносят меня от источника моих мучений. Иду уверенно, делая глубокие вдохи, усердно концентрируюсь на каждом пройденном шаге.

Я закрываю глаза, когда вижу, как машина медленно проезжает мимо меня, и открываю их только когда налетаю на нетерпеливого бизнесмена, который начинает отчитывать меня

за то, что не смотрю, куда иду. У меня нет сил даже чтобы извиниться, вместо этого я просто обхожу его и возобновляю быстрый шаг, но, когда вижу, что машина остановилась, тоже останавливаюсь. Открывается дверца со стороны водителя. Его силуэт выплывает из машины, он вытягивается во весь свой рост, после чего захлопывает дверцу машины и застегивает пуговицы серого пиджака. Черная рубашка и галстук идеально идут к его темным волосам, скулы покрыты щетиной. Он потрясающе выглядит. Чувствую себя побежденной, а он еще даже ничего мне не сделал. Чего он хочет? Зачем остановился?

Я борюсь за хоть какие-нибудь здравые мысли в голове и отмираю, разворачиваясь в обратную сторону и ускоряя шаг.

— Ливи! — слышу звук его шагов, преследующих меня, стук его дорогих туфель о бетон позади, слышу, даже несмотря на окружающую суматоху Лондона. — Ливи, подожди!

Шок, заставивший мои ноги двигаться, перерастает в раздражение, когда я слышу, как он кричит мое имя, как будто я что-то должна ему. Останавливаюсь и разворачиваюсь к нему, чувствуя скорее решимость, чем раздражение, когда наконец смотрю в его глаза.

Он останавливается в своей дорожной обуви и одергивает пиджак, просто стоя передо мной и не делая попытки заговорить. Я молчу, потому что мне нечего сказать и, если честно, надеюсь, что он так ничего и не скажет, тогда мне не придется встретиться с неспешным движением этих губ и слышать чистоту его голоса. Я в безопасности, пока он молчит и не двигается... ну или, по крайней мере, в большей безопасности, чем когда он касается меня или со мной разговаривает.

Совсем не в безопасности.

Он подходит ближе, как будто понимая, о чем я думаю:

— Ты ждешь кого-то. Кого?

Я не отвечаю, только мой взгляд приклеился к нему.

— Я задал тебе вопрос, Ливи, — Миллер делает еще один шаг в моем направлении, его близость кричит об опасности, а я все стою на том же месте, хотя должна бежать прочь. — Ты ведь знаешь, я ненавижу повторять. Ответь, пожалуйста.

— У меня свидание, — пытаюсь добиться холодного равнодушия в голосе, только не уверена, что полностью преуспела. Я слишком рассержена.

— С мужчиной? — он спрашивает, и я практически вижу, как он раздражен.

— Да, с мужчиной.

На его обычно равнодушном лице пробегает череда самых разных эмоций. И он абсолютно точно несчастлив. Это только подстегивает мою самоуверенность. Не хочу чувствовать крошечную надежду, которая зарождается в моем животе, которую сложно не заметить.

— Это все? — спрашиваю я, голос становится сильнее.

— Так ты теперь ходишь на свидания?

— Да, — я говорю просто, потому что это правда, и в подтверждение слышу не такой знакомый голос, зовущий меня по имени.

— Ливи? — Люк появляется рядом со мной.

— Привет, — тянусь и целую его в щеку. — Готов?

Он переводит взгляд на Миллера, который, как я замечаю, неподвижно и молча наблюдает за моим приветствием Люка.

— Привет, — Люк протягивает ему руку, и, к моему удивлению, Миллер берет ее, крепко пожимая, манеры его никогда не подводят.

— Здравствуйте, я Миллер Харт, — он кивает, челюсть напряжена, и я вижу, как мой знакомый вздрагивает, прежде чем Миллер отпускает руку Люка и одергивает свой идеально выглаженный пиджак. И уж точно я не выдумала его тяжелое дыхание и потемневший от злости взгляд. Практически слышу, как что-то тикает внутри него, как будто еще не взорвавшаяся бомба. Он в ярости, и его убийственный взгляд, вцепившийся в Люка, начинает меня пугать.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Люк Мейсон, — отвечает парень, пожимая его руку. — Приятно познакомиться. Вы друг Ливи?

— Нет, просто знакомый, — я быстро подпрыгиваю, желая убрать Люка подальше от столь очевидной ярости. — Идем.

— Великолепно, — Люк тянется, беря меня за руку, и я позволяю ему увести прочь от этой неловкой ситуации. — Я думал, мы попробуем бар «Лайон» за углом. У них там перемены недавно были, — говорит мне Люк, заглядывая через плечо.

— Превосходно, — не могу удержаться и тоже бросаю взгляд через плечо, тут же жалея об этом. Миллер стоит, просто наблюдая за тем, как я уйду с другим мужчиной, — непроницаемое выражение лица, неподвижный силуэт.

Вскоре мы поворачиваем за угол, и я чувствую, что Люк смотрит на меня, поэтому вина начинает сдавливать внутренности. Зачем? Это же просто свидание, вот и все. Вина из-за наивности Люка или явно задетого Миллера?

— Он немного странный, — бормочет Люк. Не выдаю своего согласия, отчего Люк переводит свой взгляд на меня. — Выглядишь прелестно, — говорит он. — Прости, что опоздал на пару минут. Пришлось отпустить такси и ехать на метро.

— Не волнуйся. Сейчас ты здесь.

Он улыбается, и эта улыбка милая, такая, что согревает и без того дружелюбное лицо.

— Почти пришли, смотри, — указывает на конец улицы. — Я слышал много хороших отзывов.

— Оно новое? — спрашиваю я.

— Нет, просто отремонтировано. Теперь это винный бар, а не типичный лондонский паб, — он смотрит по сторонам и быстро переводит нас через улицу. — Хотя мне нравятся хорошие старомодные пабы.

Я улыбаюсь, думая, что определенно смогла бы представить Люка в пыльном, отделанном деревом пабе, за бокалом пива и в компании друзей. Он нормальный, просто обычный парень — тот тип парней, которым бы мне стоило уделять внимание, раз уже сейчас я уделяю внимание мужчинам.

Люк открывает дверь, приглашая меня внутрь, а потом ведет меня к столику, расположенному на приподнятом промежуточном этаже в конце зала.

— Что будешь пить? — спрашивает, жестом приглашая садиться.

Вот он, этот самый вопрос, и хотя во время разговора с Грегори я чувствовала абсолютную уверенность, что попрошу стакан воды, теперь эта идея кажется незрелой и глупой.

— Вино, — говорю быстро, прежде чем успею переубедить себя. Кроме того, мне, кажется, нужно выпить. Чертов Миллер Харт.

— Красное, белое, розовое?

— Белое, благодарю, — я стараюсь казаться непринужденной и абсолютно

расслабленной в этой обстановке, но новая встреча с Миллером заставила меня снова нервничать и переживать. Голова кружится, когда я думаю о выражении его лица при встрече с Люком.

— Белое так белое, — Люк улыбается и направляется к бару, оставляя меня одну за столиком, словно рыбу, выброшенную на берег. Бар битком набит, в основном мужчинами в костюмах, которые, кажется, пришли сюда прямо из офисов. Их громкая болтовня и смех, вместе с ослабленными галстуками и сброшенными пиджаками — очевидный признак того, что все эти ребята здесь уже давно.

Мне нравится стильный дизайн этого места, но не шум. Разве первое свидание не должно быть где — то в тихом местечке, где можно поесть и поговорить, узнать друг друга получше?

— Держи, — бокал вина скользит ко мне, и я инстинктивно отклоняюсь к спинке своего стула, вместо того, чтобы взять его и поблагодарить Люка. Он сидит напротив меня, с кружкой пива в руке и делает первый глоток, довольно вздыхая, прежде чем поставить кружку на стол. — Я правда рад, что ты согласилась выпить со мной, — говорит он. — Я уже почти сдался.

— Я рада, что пришла.

Он улыбается:

— Так, расскажи мне о себе.

Я скрещиваю руки и кладу их на стол, начиная играть с колечком, и мысленно даю себе пинок. Конечно, он будет задавать вопросы. Вот что нормальные люди делают на свиданиях, а не перекидываются безрассудными предложениями. Итак, сделав глубокий вдох, стискиваю зубы и делюсь своей жизнью с кем-то новым, что-то, чего я никогда не делала и никогда не думала, что смогу.

— Я совсем недавно начала работать в бистро. До этого ухаживала за своей бабушкой, — это не так много, но уже начало.

— Ох, он умерла? — спрашивает он, чувствуя себя неудобно.

— Нет, — смеюсь я. — Бабуля далека от смерти, уж поверь мне.

Люк тоже смеется:

— Какое облегчение. На секунду, я подумал, что сморозил глупость. Почему ты за ней ухаживала?

На этот вопрос не так легко ответить, и я правда слишком запугана.

— Она болела какое-то время, вот и все, — мне за себя стыдно, но, по крайней мере, я поделилась *маленькой* частичкой себя.

— Мне жаль.

— Не стоит. Сейчас она в порядке, — говорю с мыслью, что Нан понравилось бы мое признание.

— Как ты проводишь свободное время?

Моя заминка очевидна. По правде говоря, никак. У меня нет армии подружек, у меня нет общественной жизни, нет увлечений, и поскольку раньше меня об этом никто не спрашивал, я никогда не думала, насколько я выпала из жизни и изолирована. Я всегда это знала — Боже, я к этому стремилась, но сейчас, когда я хочу произвести впечатление на интересного человека, я в тупике. Мне нечем подогреть этот разговор. Мне нечего предложить дружбе или отношениям.

Начинаю паниковать:

— Хожу в тренажерный зал, гуляю с друзьями.

— А, я занимаюсь в тренажерном зале, по крайней мере, три раза в неделю. В какой ты ходишь?

Становится хуже. Моя ложь провоцирует новые вопросы, за которыми следует новая ложь. Не самый лучший способ начинать дружбу. Беру свой бокал и подношу к губам, отчаянная попытка выиграть время, лихорадочно вспоминая названия местных тренажерных залов. Не могу припомнить ни одного.

— Один в районе Мейфэр.

— «Верджин»?

Облегчение на лице Люка, услышавшего мой ответ, очевидно:

— Да, «Верджин».

— Я хожу туда! Никогда тебя там не видел.

Мне уже физически больно:

— Я начала туда ходить совсем недавно, — надо сворачивать этот разговор быстро, прежде чем наговорю еще больше лжи. — Что насчет тебя? Чем ты занимаешься?

Он заглатывает наживку и погружается в рассказ, выдавая информацию в малейших деталях о себе и своей жизни. За последующие полчаса я так много узнаю о Люке. Ему есть что рассказать, и я не сомневаюсь, что все рассказанное правда и так же интересно, каким кажется, в отличие от моей никудышной попытки приукрасить себя и свою жизнь. Он фондовый брокер и живет со своим приятелем, Чарли, после расставания со своей девушкой четыре года назад, но сейчас покупает свое собственное жилье. Ему двадцать пять, намного ближе ко мне по возрасту, невероятно милый, сильный, благоразумный парень. Мне он нравится.

— Так что, никаких бывших парней, которых мне стоит опасаться? — спрашивает он, заканчивая свою речь.

Мне нравится его слушать. Меня захватило, я вставляю свое мнение и мысли, но, по большому счету, говорит Люк, и я рада.

Была до сих пор.

— Нет, — мотаю головой и делаю крошечный глоток вина.

— Должен быть кто-то, — смеется он. — У девушки с такой внешностью, как у тебя.

— Я ухаживала за бабушкой. Не было времени на свидания.

Он откидывается на спинку стула:

— Вау! Я в шоке.

Мое расслабленное состояние снова сменяется на дискомфорт, как только разговор направляется на меня.

— Не надо, — говорю тихо, покручивая свой бокал.

Взгляд на его лице говорит мне, что он в замешательстве, но больше не давит:

— Ладно, — он улыбается. — Принесу еще выпить. То же самое?

— Да, спасибо.

Он задумчиво кивает, может, задаваясь вопросом, какого черта он тратит свое время на осторожную, сомнительную официантку, и идет к бару, проталкиваясь к барной стойке. Раздраженно вздыхая, я откидываюсь на спинку стула, играя с бокалом, ругая себя за... все. Жизнь переворачивается, нужно менять ориентиры и направления. Но я не знаю, откуда начать.

Подпрыгиваю, чувствуя горячее дыхание у уха и сильную хватку на затылке.

— Идем со мной.

Застываю под его рукой, взгляд мечется по бару в поисках Люка. Не вижу его, но это не значит, что он не видит меня.

— Вставай, Ливи.

— Что ты творишь? — спрашиваю, игнорируя тепло, просачивающееся от его прикосновения к моей коже.

Свободной рукой Миллер берет меня под локоть и поднимает на ноги, а потом тащит к запасному выходу из бара.

— Понятия гребаного не имею, но я не могу остановиться.

— Миллер, пожалуйста.

— Пожалуйста, что?

— Пожалуйста, прекрати делать это, — я тихо умоляю в то время, как должна вырваться и врезать ему. — У меня свидание.

— Не говори так, — он выплевывает слова, и если бы я могла видеть его лицо, уверена, оно бы источало ярость. Но я не вижу его лица, потому что он позади меня и его рука на моей шее не дает мне повернуться. Он идет решительно, не оставляя мне выбора, кроме как бежать вприпрыжку, чтобы поспевать за его шагами.

Подсвеченная входная дверь открывается и захлопывается, меня разворачивают и осторожно прижимают к стене, его сильное тело вжимается в меня:

— Ты собираешься спать с ним? — губы сжаты в тонкую линию, глаза горят. Он все еще в ярости.

Конечно, не собираюсь, но его это никоим образом не касается.

— Это не твое дело, — я выпячиваю подбородок, как маленький знак неповиновения, абсолютно уверенная в том, что я его провоцирую. Могла бы просто сказать нет, только мне слишком интересно, что он собирается сделать. Не стану я падать на колени и упрашивать его, говорить то, что он хочет слышать.

Хоть и хочу этого.

Хочу клясться, что не посмотрю на другого мужчину так долго, сколько он будет меня боготворить. Его тело вжимается в меня, чистый взгляд прожигает, а сквозь приоткрытые губы вырывается яростный воздух тех самых невысказанных чувств и ударяет прямо в лицо. Начинаю дрожать под ним.

Хочу его.

Он опускает губы ближе ко мне.

— Я задал тебе вопрос.

— И я не собираюсь отвечать, — выдыхаю, продолжая артачиться. — Мне приходилось видеть тебя на свиданиях больше, чем единожды.

— Я объяснял тебе сотни раз. Ты ведь знаешь, как я ненавижу повторяться.

— Тогда, может, тебе стоит выразаться яснее, — нападаю я.

— Почему на твоём столе бокал вина?

— Не твое дело.

— Я делаю это своим делом, — он давит сильнее, провоцируя тяжелый выдох. — Ты собираешься спать с ним, и я не позволю этому случиться

Я отворачиваю от него лицо, ослабляя желание и получая взамен раздражение.

— Ты не можешь меня остановить, — я не знаю, что говорю.

— Ты все еще должна мне четыре часа, Ливи.

Я в шоке снова поворачиваю к нему голову.

— Ты думаешь, что я отдам тебе еще четыре часа, чтобы ты снова стал со мной холодным и бездушным? Я поделилась чем-то с тобой. Ты казался таким надежным рядом.

Его губы раздвигаются, дыхание становится более тяжелым, неестественным, словно он пытается себя контролировать.

— Ты в безопасности со мной, — рычит он. — И да, я жду, что ты дашь мне больше. Я хочу остаток времени, который ты мне должна.

— Ты этого не получишь, — заявляю я с уверенностью, в шоке от его абсурдного требования. — Ты правда думаешь, будто я что-то тебе должна?

— Ты едешь со мной домой.

— Нет, не еду, — борюсь с желанием закричать *да*. — И ты не ответил на *мой* вопрос.

— Не собираюсь отвечать, — он наклоняется и касается меня губами. — Позволь мне снова тебя попробовать.

Желание опять пробивается наружу:

— Нет.

— Позволь забрать тебя в мою постель.

Трясу головой и зажмуриваю глаза, ведь так хочется ему позволить, но я все равно знаю, что это будет ошибкой.

— Нет, не для того, чтобы ты снова мог меня выбросить, — чувствую приближающееся тепло его губ, но не поворачиваю голову.

Жду.

Позволяю этому случиться.

И когда его мягкие губы встречается с моими губами, я сдаюсь и с тихим стоном ему открываюсь, руки находят его плечи, голова запрокидывается, давая ему полное разрешение. Я теряюсь. Разум снова не функционирует.

— Искры, — шепчет он. — Настоящие электрические искры, и создаем их мы, — он кусает мои губы. — Не отбирай это у нас, — он прокладывает дорожку поцелуев по моей шее и прижимается к уху. — Прошу.

— Только четыре часа? — шепчу я.

— Прекрати слишком много думать.

— Я и не думаю слишком много. Я вообще едва ли могу думать, когда ты рядом.

— Мне это нравится, — он накрывает мою шею ладонями и приподнимает лицо. Его великолепные черты парализуют. — Позволь этому случиться.

— Уже позволяла, даже не единожды, и каждый раз ты от меня отгораживался. Так же будет и в этот раз?

— Никто не знает, что случится в будущем, Ливи, — его губы движутся не спеша, приковывая мое внимание к его рту.

— Это плохой ответ, — шепчу я. — И *ты* можешь сказать мне, что случится, потому что у тебя все под контролем. — Неприятно, я выложила свои карты на стол — стало совершенно ясно, что я хочу больше, чем он хочет дать.

— На самом деле, я не могу, — он тянется поцеловать меня, но я усилием воли отворачиваю лицо, позволяя ему коснуться своей щеки. — Позволь мне ощутить твой вкус, Ливи.

Я должна отказать ему, и его смутный ответ дает мне силы сделать нужное.

— Ты уже получил слишком много, — если сейчас я оступлюсь, возможности

подняться уже не будет. Приняв предложение, я дам ему шанс повернуться ко мне спиной, когда он получит желаемое, и у меня никогда не будет достаточной причины обвинять его, потому что я сама позволю... снова.

— А ты? — спрашивает он. — Тебе меня достаточно, Ливи?

— Слишком, — я отталкиваю его. — Чересчур много, Миллер.

Он ругается и пробегает рукой по волосам.

— Я не отпущу тебя домой с тем парнем.

— И как ты меня остановишь? — тихо спрашиваю. Он меня не хочет, но и не хочет, чтобы я была с кем-то другим. Я его не понимаю и не позволю ему снова меня заглотить, чтобы потом опять выплюнуть.

— Он не вызовет в тебе таких же чувств, как я.

— Имеешь в виду чувство, будто меня использовали? — возражаю я. — Ты заставляешь меня чувствовать себя использованной. Никогда прежде я не позволяла мужчине влиять на меня эмоционально, а тебе позволила. У меня по жизни за спиной тянется целый багаж сожалений, Миллер. И ты самое главное из них.

— Не говори того, что на самом деле в виду не имеешь, — он тянется и проводит по моей щеке костяшками пальцев. — Как ты можешь сожалеть о чем-то, что было таким прекрасным?

— Просто, — убираю его руку со своего лица и опускаю ее. — Могу сожалеть об этом запросто, если знаю, что с этим покончено, — я прошмыгиваю мимо него, стараясь его не касаться, и иду домой.

— У тебя это может быть снова, — кричит он. — У нас снова это может быть, Оливия.

— Только не на четыре часа, — отвечаю я, зажмуривая глаза. — Лучше у меня этого не будет совсем. — Ноги двигаются, только я их не чувствую, и я смутно понимаю, что в баре у меня свидание с парнем, которому уж точно любопытно, куда я исчезла. Но я не могу вернуться туда и разыгрывать хорошее настроение, уж слишком разбитой я себя чувствую. Поэтому печатаю Люку извинения с оправданием, якобы Нан стало плохо. После чего плетусь домой.

Глава 15

— Как все прошло? — спрашивает Грегори следующим утром, когда я ему звоню. Ни «привет» тебе, ни «чем занимаешься».

— Он милый, — замечаю я, — но не думаю, что увижу его снова.

— И почему я не удивлен, — ворчит он, а я слышу шарканье на заднем плане.

— Где ты?

Затянувшаяся тишина, потом снова шарканье и отчетливый звук закрывающейся двери.

— Я зависал с Беном прошлой ночью, — шепчет он.

— В самом деле? — ухмыляюсь в трубку. — Грязный гуляка.

— Все было не так. Мы погуляли, а потом пили кофе у него дома.

— И завтракали.

— Да, да и завтракали, — улыбается друг, признаваясь в этом, от чего моя собственная улыбка становится только шире. — Слушай, помнишь, я говорил, что Бен хотел с тобой познакомиться?

— Припоминаю.

— Так вот, сегодня открытие ночного клуба. Бен планировал его неделями, и он пригласил меня. Хочет, чтобы ты к нам присоединилась.

— Я? — выпаливаю. — В ночной клуб?

— Да, ну пойдём. Будет весело. Это охрененно шикарное место называется «Айс». Пожалуйста, скажи да, — его умоляющий голос меня не убедит. Не могу ничего себе представить хуже, чем оказаться в ночном клубе Лондона. И в любом случае, три человека — это уже толпа.

— Не думаю, Грегори, — сама себе качаю головой.

— Ну, малышка, — стонет он. Если бы я его видела, знаю, он был бы с надутыми губами. — Это тебя отвлечет.

— И что тебя заставляет думать, что мне нужно отвлечься? — задаю вопрос. — Я в порядке.

Он почти рычит:

— Кончай врать, Ливи. Я не принимаю нет в качестве ответа. Ты идёшь, разговор окончен. Да, и никаких конверсов.

— Тогда я точно не иду, — бормочу я. — Ты больше не заставишь меня надеть те шпильки.

— Да, наденешь. И да, заставлю! — кричит он. — Ты можешь так много предложить миру, Ливи. Я не дам тебе больше зря терять время. Это не пробный вариант, ты ведь понимаешь. У тебя одна жизнь, малышка. Всего одна. Ты идёшь сегодня и попытаешься сделать это. Надевай те туфли и ходи в них вокруг дома целый день, если это то, что тебе нужно. Я буду в восемь, чтобы тебя забрать. Надеюсь, ты будешь готова, — он кладет трубку, оставляя меня с прижатым к уху мобильником и открытым ртом, в полной готовности спорить. Он никогда раньше так со мной не разговаривал. Я в шоке, но мне интересно, я, что ли, только что получила тот самый пинок под зад, который заслужила и который назревал уже давно?

Так много лет потеряно впустую, я очень много времени провела, делая вид, что довольна своей затворнической жизнью. Уже нет. Миллер Харт, может, и толкнул меня в незнакомую эмоциональную сумятицу, но ещё он заставил меня осознать: я так много могу предложить миру. Больше не хочу закрываться и убегать, слишком бояться быть уязвимой — слишком бояться превратиться в свою маму.

Вскакиваю с постели и, скользнув в черные туфли, начинаю мерить шагами комнату, стараясь ходить прямо и с высоко поднятой головой, не заглядываясь на те забавные балетки, к которым привыкли мои ноги. Делая это, открываю на телефоне гугл в поисках местного тренажерного зала — не «Верджин» — и звоню, чтобы записаться на вечер вторника. Потом принимаюсь испытывать лестницу, спускаясь по ней осторожно и в пол оборота, чтобы подчеркнуть осанку и грацию. У меня хорошо получается.

Пройдя по коридору, улыбаюсь, остановившись на деревянном полу кухни, при этом не споткнувшись, не пошатнувшись или поскользнувшись.

Нан оборачивается на стук каблучков и открывает в удивлении рот.

— Что ты думаешь? — спрашиваю, слегка прокручиваясь и демонстрируя свою устойчивость как себе, так и бабуле. — Конечно же, с платьем, — добавляю, показывая на свои пижамные шорты.

— Ох, Ливи, — вздыхая, она прижимает к груди кухонное полотенце. — Помню, как порхала на высоченных каблуках, как будто это плоская подошва. Натоптыши остались в

доказательство.

— Сомневаюсь, что буду порхать, Нан.

— У тебя еще одно свидание с приятным молодым человеком? — она смотрит с надеждой, садясь за кухонный стол.

Не уверена, имеет ли она в виду Миллера, которого встречала, или Люка, которого не видела.

— Сегодня у меня свидание с двумя парнями.

— С двумя? — ее старые, яркого цвета глаза выпучиваются. — Ливи, милая, знаю, я говорила тебе пожить немного, но я не...

— Расслабься, — закатываю глаза, думая, что ей бы стоило лучше знать, но опять же, ее скучная, замкнутая внучка за эту неделю выходит гулять чаще, чем за всю свою жизнь. — Это Грегори и его парень.

— Как мило! — напевает она, но потом ее морщинистые брови хмурятся чуточку сильнее. — Ты ведь не собираешься в один из этих гей баров, правда?

Смеюсь:

— Нет, это новое местечко в верхней части города. Сегодня открытие, и новый приятель Грегори — организатор. Он меня приглашает.

По ее лицу вижу, что она довольна, но, в любом случае, будет волноваться.

— Ногти! — визжит она, отчего я делаю шаг назад на своих каблуках.

— Что?

— Ты должна сделать маникюр.

Смотрю на свои короткие, чистые не покрытые лаком ногти:

— Какой цвет?

— Ну, а что ты наденешь? — спрашивает Нан, а мне становится интересно, много ли двадцатичетырехлетних испытательниц спрашивают такого рода советы у бабушек.

— Грегори заставил меня купить черное платье, но оно слишком короткое, и, кажется, мне бы подошло на размер больше, это слишком обтягивающее.

— Ерунда! — она вскакивает, вся такая возбужденная и взволнованная предстоящей ночью. — У меня есть один, насыщенно красный!

Она исчезает, поднимаясь по лестнице быстрее, чем я когда-либо себе представляла. Спустя секунды она уже возвращается, морщинистой рукой встряхивая флакон ярко-красного лака для ногтей.

— Я храню его для особых случаев, — говорит она, усаживая меня на стул и садясь на соседний.

Могу только смотреть, как тщательно, аккуратно она красит каждый мой ноготь, слегка обдувая мои пальцы, когда заканчивает. Прислоняясь к спинке стула, она, изучая свою работу, наклоняет голову, и я следую за ее взглядом на мои пальцы, таращусь на них несколько минут, после чего подношу ближе, пробегаюсь по ним взглядом.

— Они очень... красные.

— Они очень стильные. Никогда не прогадаешь с красными ногтями и черным платьем, — она, кажется, витает в облаках, а я улыбаюсь бабушке искренне, детские воспоминания о ней и дедушке заполняют голову.

— Нан, а помнишь, как дедуля повез нас в Дорчестер⁹ на твой день рождения? — спрашиваю я. Мне было десять, и я была в абсолютном ужасе от этой роскоши. Дедушка надел костюм, Нан — цветастый костюм двойку из юбки и жакета, а меня нарядили в

темно-синее хлопчатобумажное платье в крупной белый горошек. Дедушка всегда любил, когда его девочки одевали темно-синее. Он говорил, что так наши и без того синие глаза становятся похожи на бездонные сапфировые озера.

Бабушка втягивает воздух и выдавливает из себя улыбку, тогда как на самом деле, хочет заплакать.

— Тогда я впервые покрасила тебе ногти. Дедушке это не понравилось.

Я возвращаю ей улыбку, очень хорошо припоминая грязные словечки, которые он прошептал ей на ухо.

— Еще меньше ему понравилось, когда ты покрасила мне губы своим красным блеском.

Она смеется:

— Он был мужчиной с принципами и твердо стоял на своем. Не понимал потребность женщин приукрашать свое лицо макияжем, отчего ему было еще сложнее общаться с тобой... — она замолкает и начинает быстро закручивать крышку флакончика с лаком.

— Все нормально, — я кладу руку поверх ее и слегка сжимаю ее. — Я помню. — Может я и была всего лишь маленьким ребенком, но хорошо помню скандалы, хлопанье дверьми и дедушку, хватающегося руками за голову в большинстве случаев. Я не понимала всего в то время, но все это снова и снова происходило дома, делая картину болезненно ясной. И дневник, который я нашла.

— Она была слишком красивой и слишком легко поддавалась чужому влиянию.

— Знаю, — соглашаюсь я, однако не думаю, что она так уж легко поддавалась. Думаю, что Нан твердила это себе годами, таким вот образом справляясь с потерей. И я счастлива позволить бабуле это.

— Ливи, — она осторожно передвигает руку, так, чтобы не смазать лак, и пожимает мою руку, пожимает уверенно — ободряюще. — Все в тебе от твоей мамы, но не это, — она постукивает указательным пальцем по виску. — Не надо бояться стать своей мамой. Будет только еще одна даром прожитая жизнь.

— Я знаю, — признаюсь я. Мои собственные подспудные причины избегать повторения маминой жизни достаточно веские, но воспоминания о чувствах бабушки и дедушки только закрепили их.

— Ты абсолютно закрылась, Ливи. Понимаю, я была ну совсем небольшой занозой в заднице после смерти твоего дедушки, но теперь я в порядке — уже некоторое время, милая, — она играет седыми бровями, отчаянно пытаюсь убедить меня в этом. — Я никогда не смирюсь с их потерей, но я по-прежнему жива. Ты не испытала и половины того, что может предложить жизнь, Оливия. Ты была таким смелым ребенком и подростком, пока не обнаружила... — она останавливается, и я понимаю, что она просто не может произнести эти слова. Бабуля говорит о дневнике, ужасающе ярком описании жизни моей матери.

— Так было безопаснее, — бормочу я.

— Так было ненормально, милая, — Нан поднимает мою руку и целует ее любяще.

— Я начинаю это понимать, — я делаю глубокий вдох, набираясь смелости. — Тот мужчина, что приходил на обед... — не знаю, почему не называю его имени. — Он перевернул что-то во мне, Нан. Это никогда ни к чему не приведет, но я рада, что встретила его, потому что он заставил меня понять, какой может быть жизнь, если я только позволю.

Больше я ничего не рассказываю и не признаюсь, что я бы согласилась на что угодно с ним, если бы он только позволил. Это не секс, это связь, ощущение полной безопасности, которого я так хотела добиться самостоятельно. Настоящий вызов разумности. Миллер Харт

раздражительный, осторожный и импульсивный, но время между моментами раздражения невероятно потрясающе и безмятежно. Я хочу, но не верю, что смогу найти эти ощущения с каким-то другим мужчиной.

Нан смотрит на меня задумчиво, крепко сжимая мою руку:

— Почему это ни к чему не приведет? — спрашивает она.

Я честна с ней, и она, в любом случае, должна видеть все как есть. Она не глупая.

— Не думаю, что он надежный, — говорю я тихо.

— Ох, Ливи, — вздыхает бабуля. — Мы не в силах выбрать, в кого влюбиться. Иди сюда. — Она встает и тянет меня к себе, даря крепкие объятия. Напряжение и неуверенность как будто испаряются, когда я в ее руках. — Из любого опыта, что дает нам жизнь, мы должны находить положительное. Я вижу много хорошего в твоей встрече с Миллером, милая.

Бормочу согласно в ее плечо, а сама задаюсь вопросом, буду ли я в состоянии принять эти предполагаемые возможности. Он уже успешно разрушил одно свидание. И если я и дальше собираюсь отказывать Миллеру Харту, мне нужно вырабатывать силу воли и стойкость. Дерзость, которой славятся девочки Тейлор, ушла из меня, но я должна перенастроить ее. Она там. Она вспыхивает сейчас и потом, очень скоро мне нужно будет вцепиться в нее и никогда не отпускать.

Я щурюсь, когда мне в лицо направляют камеру, и Нан ослепляет меня вспышкой.

— Возьми себя в руки, бабуль, — стону я, одергивая подол дурацкого платья. Стою перед зеркалом целых двадцать минут, рассматривая свое драматичное перевоплощение. Целый день, весь чертов день, я провела за депиляцией, выщипыванием, нанесением макияжа, глажкой и выпрямлением. Я опустошена.

— Видишь, Джордж! — она делает еще несколько снимков. — Дерзкая!

Закатываю глаза, глядя на улыбающегося Джорджа, и снова одергиваю подол.

— Прекрати сейчас же, — я убираю камеру от своего лица, при этом чувствую себя подростком, идущим на выпускной. Это было неизбежно, но суматоха только заставляет меня чувствовать себя еще более экстравагантной.

— Выглядишь неподражаемо, Ливи! — Джордж смеется, забирая у Нан камеру и не обращая внимание на ее шокированный взгляд. — Оставь бедную девочку в покое, Жозефина.

— Спасибо, Джордж, — говорю я, снова одергивая платье.

— Прекрати одергивать свое платье, — бабуля шлепает меня по рукам. — Иди прямо, подбородок вверх. Продолжишь нервничать, и ты будешь выглядеть не к месту и чувствовать себя некомфортно.

— О Боже, я уйду, — хватаю свою до глупости маленькую сумочку и иду к двери, отчаянно стремясь избежать чрезмерной реакции на мой... усовершенствованный внешний вид. Хлопаю дверью сильнее, чем намеревалась, и цокаю на каблучках по дорожке, слыша при этом, как Нан кричит на Джорджа. Улыбаюсь, распрямляя плечи, продолжаю идти, сунув сумочку под подмышку и воздерживаясь от желания снова одернуть платье. Я сделала только пару шагов своей важной походкой, когда издалека увидела Грегори, идущего ко мне. Он слегка запинаясь на полпути, и я понимаю, если бы была достаточно близко к нему, то увидела бы, как он жмурится. Странно, но от такой его реакции я не чувствую себя экстравагантной, это придает мне уверенности, и я поднимаю подбородок и делаю свою

лучшую попытку перенять кошачью походку. Не знаю, преуспела ли я, но на лице Грегори появляется улыбка от уха до уха, а в пятидесяти метрах от меня слышится восхищенный свист.

— Горячая штучка! — он останавливается с распростертыми ко мне руками, расставив ноги на ширине плеч. — Чтоб меня, мне придется их отгонять!

Я даже не краснею. Демонстрирую свой идеально отрепетированный поворот, после чего обнимаю его.

— Практиковалась весь день.

— Вижу, — он отстраняется от меня, пробегая по мне взглядом, после чего приглаживает мои волосы и улыбается. — Прямые и блестящие. Ты выглядишь даже более чем потрясающе. Дерьмо, ты только глянь на эти ножки!

Смотрю вниз на свои ноги и вижу изгибы, которых раньше не замечала.

— Ощущения отличные, — признаю я.

Он обвивает рукой мою талию и притягивает к себе.

— Ну, так и должно быть, потому что выглядишь ты удивительно. Решила уйти без меня? — спрашивает он, ведя нас к главной дороге, чтобы поймать такси.

— Нет, я не могла там больше оставаться.

— Могу себе представить.

— Ты одет с иголочки, — тяну рукав его розовой рубашки. — Стараешься произвести впечатление? — Смотрю на него и замечаю сдерживаемую улыбку. Это заставляет меня улыбнуться.

— Мне не надо стараться, Ливи, — пижон. — Пообещаешь мне кое-что?

— Что?

— Называть меня Грегом сегодня.

Моя улыбка становится шире, а рука обнимает его талию.

— Я буду называть тебя Грегом сегодня, если ты будешь называть меня дерзкой леди.

Он смеется:

— Дерзкой леди?

— Да, малышка, сладкая девочка, милая девочка... — тут же осознаю свою ошибку.

— Кто называет тебя сладкой?

— Не важно, — я сразу пресекаю его допрос и пресекаю поток собственных мыслей. — Суть в том, что я не девочка.

— Тогда ясно. Пусть будет дерзкая леди, — он наклоняется и целует меня в лоб. — Ты никогда не поймешь, насколько я сейчас счастлив.

— Потому что встретишься с Бенджамином?

— Он Бен, — толкает меня своим бедром. — И нет, не из-за Бена. Из-за тебя.

Смотрю на своего самого лучшего друга и улыбаюсь:

— Я тоже счастлива, — отвечаю задумчиво.

Глава 16

Первое затруднение с моим коротким платьем. Грегори с легкостью выбирается из такси, в то время как я пытаюсь выбрать наилучший способ вылезти, не обнажив свои модные трусики черного цвета. Обеими руками держу подол платья, но клатч выпадает из руки.

— Дерьмо! — ругаюсь я, поднимая его.

— В этой части ты не упражнялась, верно? — дразнит меня Грегори, одной рукой забирая сумочку, второй беря меня за руку. — Боком. Вылезай боком.

Отдаю сумочку и беру его за руку, следую его совету и выставляю из машины правую ногу, так выбираться гораздо проще, без напряжения, а заодно не устраиваю зрелище прохожим.

— Спасибо.

— Грациозна, как лебедь, — друг подмигивает и вкладывает сумочку мне в руку. — Готова?

Набираюсь уверенности, делаю глубокий вдох:

— Готова, — утверждаю я, глядя вверх на здание с синими огоньками, бегущими вверх по стеклянному фасаду, и красную дорожку, которая распростерлась сбоку с кучей людей на ней, ждущих, пока их впустят.

Я немного поражена. Композиция «Blurred lines» Робина Тика гремит из открытых стеклянных дверей, неоновый свет внутри, и охранник в окружении вышибал делает пометки в папке, прежде чем впустить людей.

Меня хватают за руку и толкают в начало очереди. Я не упускаю двусмысленных взглядов, брошенных в нашу сторону ожидающими гостями.

— Грегори, там очередь, — шепчу я громко, как раз когда мы оказываемся перед охранником с папкой в руках.

— Грег Мейси и Оливия Тейлор, гости Бена Уайта, — уверенно заявляет Грегори, в то время как я вздрагиваю под пытливыми, наглыми взглядами завистников в длинной очереди.

Охранник листает страницы, просматривая список имен, в конце концов хмыкает и отстегивает толстую веревку, соединяющую два крупных ограждения.

— Бар с шампанским на первом этаже, в дальнем углу, слева от вас. Мистер Уайт там, в VIP зоне.

— Спасибо, — Грегори кивает, притягивая меня к себе, и осторожно подталкивает к дверному проему. — VIP зона, — шепчет он мне на ухо. — И ты только что назвала меня Грегори, дерзкая леди.

— Ничего не могу поделать, — осматриваюсь и вижу многочисленные этажи, соединенные лестницами из матового стекла в свете клубных огней. Повсюду со вкусом одетые люди, прислонившиеся к перилам, в поле зрения нет ни стаканов, ни бутылок пива... только шампанское. За каждой барной стойкой — а их три, насколько мне видно — ряды и ряды бутылок шампанского. Я никогда не пробовала его, но, похоже, скоро это изменится.

— Сюда, — Грегори ведет меня вверх по ступенькам, и практичная часть меня не может ничего поделать, обдумывая, как сильно кто-то может пострадать, если упадет здесь. Тем не менее, мои каблучки плавно постукивают, и я смотрю вниз и восхищаюсь ими, улыбаясь и понимая, что моя попа двигается чуть более плавно.

— Щеголяешь? — Грегори хихикает и ударяет меня по заднице. — Работай, милашка.

Я разворачиваюсь с шипением сквозь улыбку:

— Дерзкая, — говорю, задрав нос, отчего мой друг взрывается искренним смехом.

— Вне всяких сомнений.

Мы достигаем верхней ступеньки и поворачиваем налево, как нам сказали, подходя к бару с шампанским, и это смешно, потому что во всех барах тут также было шампанское, поэтому они все бары с шампанским.

— Что будешь?

— Колу, — говорю непринужденно, оглядываясь по сторонам, лишь бы только избежать

гневного взгляда своего друга.

Он усмехается, но не кидает презрительных обвинений, вместо этого просто тянется через барную стойку и просит два бокала шампанского. Клуб уже забит битком, а снаружи, по крайней мере, еще несколько сотен человек. Грегори не шутил, назвав это место нереально шикарным, а название отражает окружающую обстановку. Если бы здесь не было столько разгоряченных людей, я бы замерзла.

— Спасибо, — беру протянутый мне бокал и подношу его к носу, вдыхая горьковатый аромат. Клубника, плавающая на поверхности, отвлекает меня от аромата, щекочущего нос, и отправляет мыслями туда, где я уж точно находиться не хочу.

Клубника — британская, для сладости.

Шоколад — как минимум восемьдесят процентов какао для горьковатого привкуса.

Шампанское завершает эту картину.

Я подпрыгиваю в легком испуге, когда Грегори толкает меня локтем:

— Ты в порядке?

— Конечно, — гоню прочь мысли о сладости и горечи, так же, как и мысли о горячем языке Миллера, неспешных движениях рта, и теплом твердом теле. — Роскошное место, — Слегка приподнимаю свой бокал и рискую сделать свой первый в жизни глоток шампанского. — Ммм, — мурлычу, когда холодная, игристая жидкость течет по горлу, словно шелк.

— Поверить не могу, что ты никогда в жизни этого не пробовала, — Грегори качает головой, поднося свой бокал к губам. — Рай в бокале.

— Так и есть, — соглашаюсь, прокручивая бокал в своей руке. — Так значит, он внес тебя в список гостей?

— Конечно, — друг никак не реагирует на мою подколку. — Я не стою в очереди, как челядь.

— Да ты ханжа, — смеюсь я. — Можно я съем эту клубничку?

— Да, но не макай пальцы в бокал. Веди себя, как леди.

— Как тогда я ее достану? — хмурюсь, глядя на узкий бокал, задаваясь вопросом, смогут ли мои пальцы вообще туда влезть, но не рискую выяснять.

— Поймай ее так, — Грегори демонстрирует мне, наклонив бокал к своим губам и лоя клубничку ртом, когда она скользит по стеклу. — Лучше дождаться, пока шампанского не останется, — добавляет он, пережевывая ягоду.

— У тебя большой рот, — я делаю глоток побольше, не собираясь спешить. Я быстро пьянею из-за того, что не пила очень долгое время.

— Ох, ты и понятия не имеешь, милая.

Недовольно морщу нос:

— И не хочу, Грегори, — я возражаю и получаю улыбку в ярком свете огней.

— Я Грег!

— Дерзкая леди! — пихаю его в бок бедром. — Как бы то ни было, где Бенджамин? — спрашиваю я, заинтригованная мужчиной, который так сильно зацепил моего Грегори.

— Бен прямо там, — он незаметно указывает своим бокалом, а я следую за ним, заглядывая сквозь толпу, и вижу слишком много мужчин, чтобы даже начать гадать.

— Который?

— В VIP зоне. Черный костюм, светлые волосы.

Бросаю взгляд на толпу мужчин: они все болтают в оцепленной зоне рядом с баром,

смеясь и постоянно хлопая друг друга по спине. Золотая молодежь. Потом мой взгляд останавливается на очень хорошо сложенном мужчине. Я в буквальном смысле вижу его мышцы, выпирающие из-под костюма. Я удивлена. Он не в привычном вкусе моего лучшего друга, но опять же, я уже очень давно не я имела удовольствие знакомиться с партнерами Грегори.

— Он... — пытаюсь подобрать подходящие слова, чтоб его описать. Громадный. Накачанный. — Большой, — наконец говорю я.

— Он помешан на спорте.

Поднимаю глаза и вижу Грегори, на его лице играет едва заметная улыбка, пока он смотрит на Бена.

— Как и ты, — замечаю я. Фигура Грегори такая, за которую не будет стыдно, но фигура Бена... ну, он громадный, в хорошем смысле, мужчина, но не до такой степени, когда становятся непривлекательными. Я вижу притягательность.

— По сравнению с Беном я любитель в спортивном зале. Мы болтаем каждый день, дерзкая леди.

— Ты собираешься подойти? — спрашиваю я.

— Нет, — Он почти смеется. — Я не охочусь, Ливи.

— Но ты был на свиданиях. Он пригласил тебя и включил в список гостей.

— Да, он охотится.

— Играешь в непрístupного?

— Чем меньше мы кого-то любим и все такое, — кончиками пальцев он касается дна моего бокала и умоляюще надавливает. — Сейчас ты получишь клубничку.

Я смотрю вниз и вижу, что, потягивая свой первый бокал, я могу достать до клубники. Я наклоняюсь и вздыхаю, хватая зубами сладкую ягоду.

— Изумительно, — прямо как те...

— Еще один? — он не ждет моего ответа. Берет меня за руку и ведет к бару, который представляет собой гигантских размеров планку из чистого стекла, под ней расположены бутылки шампанского во льду. — Еще два, — Грегори подзывает официанта, который тут же предлагает два полных бокала, прежде чем у нас забирают пустые и меня уводят прочь.

— Ты не должен заплатить?

— Вечеринка по случаю открытия. Все бесплатно, только слишком не увлекайся.

— Не буду.

— О, он нас увидел, — Грегори начинает едва заметно ерзать. Я смотрю по другую сторону бара и вижу, как Бен обходит его, широко улыбаясь. — Помни, дерзкая леди. Я Грег.

— Да, да, — говорю я, продолжая наблюдать за огромной приближающейся фигурой Бена.

— Грег, — подойдя к нам, официальным тоном говорит Бен. — Рад, что у тебя получилось. — Он протягивает руку, и Грегори принимает, уверенно пожимая.

— Рад тебя видеть, — отвечает мой друг, отпуская руку Бена, и прячет свою в карман. — Это Ливи.

Ничего не могу с собой поделаться, хмурю в замешательстве брови.

— Привет.

— Знаменитая Ливи, — он наклоняется и целует меня в щеку. — Спасибо за то, что пришла. — Он отстраняется, и я впервые смотрю на него внимательно, сосредоточившись на его лице, а не на формальном приветствии или его крупном телосложении. Он симпатичный

в прямом смысле этого слова.

— Спасибо, что пригласил.

— Без проблем, — он хлопает Грегори по плечу. — Я бы хотел еще поболтать, приятель, но там куча людей, с которыми я должен поговорить. Может, попозже?

— Позже, — кивает Грегори.

— Замечательно, — Бен тепло мне улыбается. — Рад встрече, Ливи.

— Конечно, — говорю тихо, переводя взгляд с одного мужчины на другого, а потом вижу, как спина Бена исчезает в толпе. — Он не показывает свою сексуальную ориентацию! — я полностью разворачиваюсь к Грегори. — Никто не знает, что он гей!

— Шшш, — шипит Грегори. — Он ждет подходящего времени.

Я в шоке. Грегори честно и открыто заявил о своей сексуальной ориентации, когда перешел в старшую школу, и высмеивал тех, кто не был честен с самим собой.

— Те свидания: ты ведь совсем не ходил на них, да?

Грегори избегает моего взгляда, сильнее начиная ерзать на стуле. Ему, кажется, совершенно некомфортно.

— Нет, — отвечает он тихо.

Сердце сжимается за лучшего друга. Это не сильно отличается от ситуации, когда женщина встречается с женатым мужчиной, а он постоянно уверяет, что ради нее разведется со своей женой. И моя роль на сегодня вдруг становится слишком очевидной. Какой же говнюк!

— Сколько ему? — спрашиваю.

— Двадцать семь.

— Как долго он сам о себе знает? — давлю я, и мне совсем не нравится то, что слышу.

— Он говорит, что знал всегда.

Ответ Грегори только подтверждает мои мысли. Если он всегда знал, и все еще не заявил о своем сексуальном статусе, что заставляет Грегори думать, что он сделает это сейчас? Только я не говорю об этом, потому что, судя по выражению лица моего лучшего друга, он уже задавал себе этот вопрос. Грегори не ведет себя как гомосексуалист и не чувствует потребности всем демонстрировать свои сексуальные предпочтения, но в любом случае, он этого не стыдится. Проведя с Беном всего минуту, могу сказать, это не тот случай. А когда я смотрю по ту сторону бара и вижу, как он приветствует женщин, мои мысли только подтверждаются.

Снова смотрю на Грегори и вижу, что его взгляд тоже направлен в ту сторону, и в попытке отвлечь его прошу еще один напиток, махая пустым бокалом перед его носом.

— Еще?

— Очень хорошо идет, — собираюсь отдать свой бокал, но быстро замечаю клубничку. — Ой, подожди. — Я запрокидываю голову и ловлю ягоду, после чего ставлю бокал.

Пока Грегори добывает еще выпивки, я брожу вдоль балкона со стеклянными перилами и перегибаюсь, изучая подтянутых мужчин и элегантно одетых женщин внизу. Это место — эксклюзивный, элитный клуб и вход здесь только для лондонской элиты. От этого я должна была бы чувствовать себя еще более неуютно, но нет. Я просто рада, что пришла, потому что с Беном, избегающим Грегори на публике, мой друг просто слонялся бы один.

— Вот, — бокал появляется из-за плеча. — На что ты смотришь?

— На всех этих богатых людей, — я поворачиваюсь и пятой точкой прислоняюсь к

стеклу. — Это закрытый клуб?

Грегори смеется:

— А *ты* как думаешь?

Я согласно бормочу:

— И Бен организовал открытие?

— Да, он известен в своих кругах, — Грегори ставит локти на высокий стеклянный столик неподалеку. — Ты не замечаешь? — спрашивает он.

Огладываюсь:

— Замечаю что?

— Взгляды, — он кивает на группу мужчин неподалеку, все палятся на нас, не скрывая своего интереса, даже учитывая то, что я в компании мужчины. Грегори мог бы быть моим парнем с их точки зрения.

Поворачиваюсь к ним спиной и вижу, что Грегори по-прежнему смотрит на группу, только по другой причине.

— Заканчивай тарачиться, — говорю я, делая еще один глоток шампанского.

— Прости, — он переводит свой взгляд на меня. — Пойдем, осмотримся?

— Да, давай.

— Тогда идем, — он выпрямляется и, положив руку мне на спину, ведет меня.

По пути вверх по светящейся стеклянной лестнице я смотрю вниз на первый этаж и замечаю, что Бен исчез. Не потому ли это, что мы ушли?

— Там бар в саду, — говорит мне Грегори.

— Тогда зачем мы поднимаемся?

— Он на крыше, — друг ведет меня налево, еще несколько ступенек вверх, и взгляду открывается стеклянная стена, а за ней ночной Лондон во всей своей красе.

— Вау! — выдыхаю я. — Только посмотри на это!

— Впечатляет, да?

Больше, чем впечатляет.

— Ты перестанешь со мной дружить, если я сделаю фотографии? — спрашиваю, готовая отдать ему свой бокал, чтобы найти в сумке телефон.

— Да, перестану. Давай просто будем делать то, что и другие — пить и наслаждаться видом.

Чувствую себя обманутой, желая сфотографировать просто на случай, если память не запечатлеет точный образ того, на что люблюсь. Я привыкла к Лондону, его архитектуре и величественности, но никогда не видела его вот таким.

— Так как вы с Беном познакомились? — спрашиваю, отводя взгляд от потрясающего вида. Грегори жестом указывает на пространство вокруг нас со взглядом «*а ты как думаешь*» на его милом лице, и впервые я смотрю на сад, в котором мы находимся. Я едва слышно выдыхаю. — Ты сделал это?

— Я, — он горделиво выпячивает грудь. — Придумал, создал и закончил. Это мой лучший проект на сегодня.

— Невероятно, — я мечтательно осматриваюсь, начиная впитывать все до маленьких, но важных деталей — крошечные штрихи, которые и оживили все. Боковые стены — не что иное, как компактные неразъемные растения, крошечные листья, сочные и зеленые, с ледяной синей подсветкой, спрятанной в кустах. И фигурно подстриженные деревья высажены в аккуратные круги, подсветка вплетена в листву.

— Трава настоящая? — спрашиваю, шагая, и замечаю, что каблуки не проваливаются.

— Нет, это имитация, но такая качественная, что ты никогда бы не заметила.

— Так и есть, — соглашаюсь я. — Мне нравится обстановка.

— Ммм, лед был главной тематикой, как ты уже, должно быть, заметила. Не совсем был уверен, как создам цветущее, функциональное пространство снаружи в краткие сроки, но меня очень просили.

— Ты того стоишь, — тянусь и целую его в щеку. — Это потрясающе, как и ты сам.

— Прекрати, — смеется он. — Ты заставляешь меня краснеть.

Хихикаю над ним, а потом перевожу взгляд, чтобы запечатлеть еще немного красоты, только глаза не видят открытого пространства и вида позади, потому что сначала натыкаются на Бена. Бена, который присосался ко рту женщины. Я моргаю и пытаюсь двигаться аккуратно, но ничего не могу придумать, поэтому осушаю бокал и пихаю его в лицо Грегори.

— Еще? — недоверчиво спрашивает он. — Сбавь темп, Ливи.

— Я в порядке, — заверяю, беря его за локоть, но он не двигается. Я поднимаю взгляд и понимаю, что он увидел то, что я пыталась от него скрыть. — Грег? — его глаза медленно опускаются ко мне, и я вижу слишком много мучений, чтобы быть мягкой, поэтому я пихаю его, пока ему не приходится двигаться. — Пойдем, выпьем.

— Да, пойдем, — он выдавливает из себя слова, освобождаясь из моей хватки, и берет меня за руку.

Меня целенаправленно ведут вниз через два пролета к бару, где Грегори заказывает два бокала шампанского. За то короткое время, пока нас не было, атмосфера накалилась на несколько градусов, и люди стекаются к центру танцпола с напитками в руках. Музыка, кажется, тоже стала громче, и совершенно точно есть сдвиги в запасных отделах, где шампанское течет свободно — и бесплатно — и Дафт Панк на пару с Фареллом Уильямсом гремит из динамиков.

— Пей залпом, — Грегори на этот раз предлагает мне не просто бокал. Это стопка, и мои глаза впиваются в него. — Давай же, — просит он.

Мое сопротивление очевидно. Я уже выпила несколько бокалов шампанского и чувствую себя хорошо, но это не значит, что пора начинать опрокидывать в себя шоты.

— Грег...

— Давай же. Я не позволю ничему случиться, Ливи, — заверяет он, и глупо это или нет, я беру рюмку и чокаюсь с ним, прежде чем отправить содержимое в себя. Горло тут же обжигает — как напоминание обо всех предыдущих разгах, когда я напивалась.

Я выдыхаю и со стуком ставлю рюмку, после чего беру бокал и глотаю более приятное на вкус шампанское.

— Это было отвратительно.

— Это была текила, только ты забыла соль и лимон, — он поднимает солонку и дольку свежего лимона, показывая как правильно: облизывает тыльную сторону руки, насыпает соль, и снова облизывает, опрокидывает шот и зубами впивается в дольку лимона. — Так намного лучше.

— Ты должен был остановить меня, — жалуясь я, пытаюсь отплеваться от противного вкуса.

— Ты же не дала мне шанса, — смеется он. — Давай попробуем еще. — Он снова заказывает, и в этот раз я делаю все последовательно, как говорил Грег.

Содрогаюсь от долгого привкуса, а потом вздрагиваю по совершенно другой причине, когда знакомый мотив сменяет трек на танцполе. Я тут же смотрю, чтобы увидеть выпученные, довольные глаза Грегори.

— Карт Бланш, — шепчу я, голову атакуют мысли о том, как Грегори устраивал дискотеку прямо в моей спальне, когда я отказывалась идти в настоящий клуб.

— Как удачно, — поддерживает Грегори, улыбка озаряет его лицо. — *Veracocha!*¹⁰ Наша мелодия, милая девочка! — мы оба осушаем свои бокалы шампанского, после чего меня хватают за руки и тянут на пол. Я не возражаю. Не буду. Грегори улыбается, а после того, что мы увидели наверху, это хороший знак.

Он тащит нас сквозь толпу, пока мы не присоединяемся к шквалу других танцоров, все они ценят эту классику танцпола так же, как мы. Вокруг нас движется клубный свет, переливаясь по лицам людей и усиливая мое хорошее настроение. Мы вливаемся в толпу, поднимаем руки в воздух, раскачивая телами, переплетаясь и кружась по полу, беспрестанно смеемся. Это в новинку для меня, но мне нравится. Мне весело.

Грегори придвигает меня к своей груди и прижимается губами к уху так, чтобы я могла слышать его сквозь грохот музыки и крики.

— Даю парню три минуты, чтобы к тебе подкатить.

— Я танцую с мужчиной, — смеюсь я. — И он, кажется, чертовски самоуверенный.

— Сделай мне поблажку, — поддевает он. — Мы же явно не встречаемся.

Я собираюсь возразить, но за спиной Грегори вижу приближающегося Бена, который, проходя мимо танцующей толпы, улыбается и приветствует людей. Хочу утащить моего друга прочь, но мне любопытно, как все пойдет. Бен не знает, что мы его видели, и мне интересно, как Грегори себя поведет. Оторвавшись от него, я двигаюсь назад, уверенная, что продолжаю улыбаться и привлекать внимание Грегори.

Когда Бен приближается, я вижу, как он незаметно изучает тело Грегори, по-прежнему приветствуя людей, по-прежнему улыбаясь. Его соприкосновение неслучайно, когда он проходит мимо моего друга, рукой обвивая его талию в едва уловимом жесте, который выглядит так, словно парень пытается избежать столкновения, только взгляд на лице Бена кричит желанием. Резкий переход Грегори от легких, плавных движений к холодным и угловатым очевиден. Оттолкнет или одарит неодобрительным взглядом?

Нет. При виде Бена он тут же раскрепощается и возвращается к своей предыдущей легкости, когда трек на мгновение замедляется, прежде чем резко пустить десять ударов, приводя завсегдатаев танцпола в полный восторг. Мы в треугольнике, Бен с Грегори улыбаются и танцуют, а сексуальные искры, летающие между ними, ощутимы. Они друг друга не касаются, не смотрят соблазнительно, но все очевидно. Бен ведет опасную игру.

Грегори идет ко мне, улыбаясь:

— Там мужчина собирается схватить тебя.

— Там? — я хочу повернуться, но останавливаюсь, когда Грегори хватается за плечи.

— Доверься мне в этом. Позволь ему, — он отпускает меня, а я напрягаюсь от пяток до кончиков волос, набираясь храбрости. У Грегори потрясающий вкус в мужчинах, но не стоит ли мне, по крайней мере, знать, кто меня обнимает? Или мне стоит просто позволить этому случиться — контролировать себя, но позволить этому случиться?

Сначала я чувствую его бедра, прижимающиеся ко мне. Потом его рука движется по моему животу. Мои движения без всяких мыслей подстраиваются под его решительный шаг,

а моя рука накрывает его руку на моем животе. Грегори широко улыбается, только я не хочу оборачиваться и смотреть на своего партнера, потому что — возможно, из-за алкоголя — он чувствуется хорошо... уютно... правильно.

Закрываю глаза, чувствуя горячее дыхание у уха:

— Сладкая девочка, ты сразила меня наповал.

Глава 17

Я вдруг резко чувствую дико полыхающие внутри искры. Выдыхаю, открывая глаза, и пытаюсь развернуться, но абсолютно ничего не выходит. Его пах упирается прямо мне в поясницу, хватка на моей талии усиливается, также как и то, что находится под брюками. Впадаю в панику, все чувства, что он вызывает, безжалостно меня атакуют.

— Не пытайся сбежать от меня, — шепчет он. — В этот раз я такого не допущу.

— Миллер, дай мне уйти.

— Только через мой труп, — он перекидывает мои волосы на одно плечо и, не теряя времени, прижимается губами к моей шее, разжигая пламя на коже и посылая его прямо в кровь. — Платье очень короткое.

— И? — выдыхаю я, впиваясь ногтями ему в руку.

— И мне нравится, — его рука скользит по бедру, опускается на мой зад и движется вниз к подолу платья. — Это значит, что я могу сделать так, — он целует шею, рукой забираясь под платье и толкаясь пальцами под резинку трусиков. Я двигаю попой назад с тихим стоном, вжимаясь в его пах. Он покусывает шею. — Ты мокрая.

— Остановись, — умоляю я, чувствуя, как от его прикосновений улетучивается вся рациональность.

— Нет.

— Пожалуйста, остановись, остановись, прекрати это.

— Нет... — выдыхает он. — Нет... — уверенно вжимается своим пахом. — Нет, Ливи.

Его палец входит в меня, и мое лицо искажается смесью блаженства и отчаяния, внутренние мышцы сжимаются вокруг него. Наклоняю голову в сторону, открываясь ему, и пальцы, накрывающие его руку, сильно сжимаются, побуждая его сместить свою ладонь и переплести наши пальцы. Знаю, что сдаюсь, и сквозь отчаянное желание выскиваю Грегори, прося помощи. Но он исчез.

Так же, как и Бен.

Дикий жар, а обещание Грегори не позволить случиться ничему плохому только усиливает его. Он позволил этому произойти, да еще и с самым неподходящим мужчиной. Борюсь в руках Миллера, пока он не дает мне немного пространства, отпустив меня и, переместившись на танцполе, я разворачиваюсь, волосы прилипают к лицу. Смотрю на *него*, игнорируя его невозможную красоту. Он в своей привычной одежде, минус пиджак, рукава рубашки закатаны в более обыденной не свойственной Миллеру манере. Хотя жилетка по-прежнему застегнута, а волосы — в потрясающей копне локонов. Пристальные синие глаза буравят меня осуждающе.

— Я сказала нет, — говорю сквозь стиснутые зубы. — Не сейчас, не на четыре часа, ни когда-либо.

— Увидим, — уверенно отвечает он, делая шаг вперед. — Ты можешь постоянно повторять слово «нет», Оливия Тейлор. Но это... — он пробегает кончиками пальцев по моей груди, по животу, от чего я делаю глубокий вдох, пытаюсь унять дрожь. — Это всегда

говорит мне «да».

Ноги приходят в движение прежде, чем мозг посылает сигнал, отчего я быстро прихожу к выводу, что это природный инстинкт. Бежать. Убираться, прежде чем потеряю голову и свою принципиальность и снова позволю ему себя отвергнуть. Я оказываюсь за баром прежде, чем осознаю, в каком направлении иду. Заказываю напиток, быстро беру его из руки бармена и поворачиваюсь, делая глоток.

Миллер стоит прямо передо мной. Его челюсть напряжена, и он кивает бармену поверх моего плеча. А потом, как по волшебству, стакан передается через мое плечо в ожидающую руку Миллера. Мой взгляд опускается к его губам, когда он делает небольшой глоток, пока сам наблюдает за мной, как будто знает, что этот рот творит со мной. Гипнотизирует меня. Абсолютно поглощает. А потом *он* облизывает губы, и я не знаю, что еще делать, ведь если останусь, то поцелую его. Поэтому я снова бегу, на этот раз вверх по лестнице и вдоль ярусного прохода, заглядывая через стекло в поисках Грегори. Мне нужно найти его, дурацкий геморрой, вот кто он.

Я так занята поисками своего друга на нижнем этаже, что не замечаю, куда иду и врезаюсь в кого-то. Твердые мышцы торса под рубашкой и жилеткой слишком знакомы.

— Ливи, что ты делаешь? — спрашивает он почти устало, как будто я сражаюсь в заведомо проигрышном сражении. Боюсь, что так и есть.

— Пытаюсь сбежать от тебя, — говорю спокойно, отчего он раздраженно стискивает челюсть. — Пожалуйста, отойди.

— Нет, Ливи, — он произносит слова невероятно тихо, так, что невозможно оторвать взгляд от его губ. — Сколько ты уже выпила?

— Это не твое дело.

— Это мое дело, когда ты пьешь в моем клубе.

Открываю рот, в полном шоке, но *он* сохраняет свое непреклонное, нерадостное выражение лица.

— Это твой бар?

— Да, и часть моих обязанностей заключается в том, чтобы быть уверенным, что мои гости... ведут себя должным образом, — он снова приближается. — Ты ведешь себя неподобающе, Ливи.

— Тогда выкинь меня отсюда, — испытываю его. — Пусть меня выведут через служебный вход. Мне, черт возьми, плевать.

Он свирепо щурит глаза:

— Единственное место, куда тебя кинут, это моя постель.

Теперь уже я приближаюсь, поднимая к нему свое лицо, как будто собираюсь его поцеловать. Требуется вся моя сила воли, чтобы наши губы не слились, как будто я борюсь с магнитом, неудержимо тянущим меня к себе. Он тоже думает об этом. Его губы приоткрыты, он смотрит на меня, взгляд полон желаний.

— Иди к черту, — говорю я ровно и спокойно, почти шепотом.

Я удивлена собственной холодностью, только не подаю вида. Уверенно встречаюсь с его шокированным взглядом, не отстраняюсь, а делаю еще один неторопливый большой глоток напитка. Но стакан быстро вырван из моей руки.

— Думаю, тебе уже достаточно.

— Да, ты прав. Я *получила* достаточно. Тебя! — я разворачиваюсь на каблуках и ухожу, чтобы найти Грегори, спасти его от глупой ситуации и избежать этого дьявольского

положения.

— Ливи! — кричит Миллер позади меня.

Игнорирую его, направляясь вперед, и, осмелившись, спускаюсь на несколько пролетов, огибаю несколько углов, заглядываю в туалеты, и все это время он преследует меня, просто шагая за мной, спокойно блуждающей по его клубу.

— Что ты делаешь? — он перекрикивает музыку. — Ливи?

Не обращаю на него внимания, думая, где еще можно поискать. Я везде была, за исключением...

Я даже не думаю, что творю, злобно толкая дверь неработающего туалета. До тех пор, пока не слышу стук металлической бляшки ремня о кафельный пол, и не замираю, уставившись на Грегори, упирающегося в раковину со спущенными к щиколоткам джинсами. Бен уверенно держится за бедра моего друга, с диким рыком толкаясь вперед. Ни один из них, кажется, меня не заметил, также как и увеличившийся шум, оба абсолютно поглощены друг другом. Прижимаю в шоке ко рту руку и отступаю, сталкиваясь с грудью Миллера, но он толкает меня вперед и резко хлопает дверью, вырывая Бена и Грегори из их личной эйфории. Уже не такой личной, и оба мужчины, кажется, собираются с духом, испуганные, смущенные, пристыженные; каждый пытается успокоиться.

Я разворачиваюсь к Миллеру:

— Мы должны уйти, — заявляю, толкая его в грудь. — Миллер.

Он просто стоит и смотрит на Грегори и Бена, брови нахмурены, губы поджаты.

— Я выписал чек за вашу работу, он в моем кабинете на открытой террасе, Грег.

— Мистер Харт, — кивает, заливаясь румянцем, Грегори.

— И для вас тоже, — он смотрит на Бена, который явно чувствует себя униженным. Я переживаю за них обоих и ненавижу Миллера за то, что заставляет их чувствовать себя такими ничтожными. — Я вежливо прошу вас не использовать туалетные комнаты моего клуба в качестве борделя. Это закрытое, эксклюзивное заведение. Был бы крайне признателен за ваше уважение.

Я чуть не раскашлялась на месте. Уважение? Он только что шарил руками у меня под платьем посреди танцпола. Мне нужно уйти, прежде чем прибью одного из этих троих. Я рассержена на каждого из них. Выбираюсь прочь, шокированная столькими вещами, произошедшими за такой короткий промежуток времени. Голова кружится от алкоголя, ощущение потери контроля начинает меня беспокоить.

Иду, шатаюсь, по коридору и вижу приближающегося мужчину, его пьяный взгляд похотливо бежит по моему телу. Я знаю этот взгляд. И мне он не нравится. Он льстивый. Мужчина проскальзывает мимо меня и ухмыляется.

— Я за тобой наблюдал, — мурлычет он, глаза горят желанием.

Нужно продолжать идти, но воспоминания замедляют движения, мозг не готов фокусироваться на каких-либо инструкциях, заставляющих идти, и вместо этого требует освежить вещи, спрятанные глубоко в сознании, которых я избегала годами.

Он рычит и толкает меня в стену. Я замираю. Это не работает. А затем он впечатывает свои губы в мои, и воспоминания размножаются, но прежде чем я нахожу моральные и физические силы оттолкнуть его, он исчезает, и я тяжело, мучительно съезжаю по стене, наблюдая за тем, как Миллер удерживает сопротивляющегося парня.

— Какого черта? — орет парень. — Отпусти, блять, меня!

Миллер спокойно достает из кармана свой iPhone и нажимает всего одну кнопку.

— В конце коридора, первый этаж. Туалеты.

Парень продолжает сопротивляться, но он крепко прижат к месту не сильно напрягающимся Миллером, который смотрит на меня без эмоций на лице. Но он в ярости. Вижу это по холодному, как сталь, блеску в синих глазах. Там ярость — бушующая ярость, и мне совсем не комфортно от этого. Начинаю неуверенно идти, прижимаюсь к стене коридора, когда появляются два огромных охранника и надвигаются на меня. Оглядываюсь через плечо, чтобы оценить ситуацию, и вижу, как они забирают удерживаемого Миллером парня, оставляя Миллера поправлять рубашку и жилетку, после чего он поднимает взгляд и смотрит на меня. Он сердится, испарина блестит над его бровью. Миллер начинает медленно качать головой, шагая вперед, волосы теперь спадают на лоб. Знаю, что не уйду далеко, но направляюсь к бару. Мне нужно еще выпить, так что я спешу, быстро достигаю намеченной цели и заказываю шампанское, опрокидываю его, прежде чем *он* вырывает из моих рук пустой бокал и кладет руку на мою шею, уводя прочь. Я быстро передвигаю ногами, чтобы опережать его широкий шаг позади.

— Ты не получишь свои четыре часа! — отчаянно кричу я.

— Я, блять, не хочу их, — рычит он, грубо толкая меня вперед. Это заявление снова и снова ударяет меня в грудь.

Многие люди кивают, улыбаются и заговаривают с Миллером, пока он толкает меня вперед по клубу, но он не останавливается, даже не узнавая их. Не вижу его лицо, чтобы подтвердить свои мысли, лишь подозрительные взгляды каждого, мимо кого мы проходим, говорят мне все, что нужно знать. Его хватка на моей шее под волосами усиливается, и он не делает попыток ослабить руку, даже осознавая свою силу. Мы уже рядом с выходом из клуба, в поле зрения появляется свет больших стеклянных дверей и люди, по-прежнему ожидающие своей очереди.

Что-то привлекает мой взгляд, так что я оглядываюсь и натываюсь глазами на делового партнера Миллера. Она с раскрытым ртом смотрит, как Миллер тащит меня, бокал замирает у ее губ, она явно шокирована увиденным. Даже несмотря на опьянение, я впервые задаюсь вопросом, что Миллер ей сказал обо *мне*.

— Ливи! — слышу Грегори позади и пытаюсь обернуться, но без толку.

— Продолжай идти, — командует Миллер.

— Ливи!

Миллер останавливается и разворачивается, параллельно тянет меня за собой.

— Она идет со мной.

— Нет, — Грегори качает головой, приближаясь и глядя на меня. — Ненавистник кофе? — спрашивает он, и я киваю, заставляя лицо Грегори виновато поморщиться. Он скормил меня льву, а потом спрятался с Бенем, отложив меня *на потом*.

— Миллер, — отвечаю я, подтверждая, что он именно тот, о ком Грегори думает, но еще я задаюсь вопросом, как он мог вообще не знать этого, если работал на него.

— Ты можешь остаться и выпить, — спокойно говорит Миллер. — Или же я могу выставить вас из своего клуба — решать тебе. — Слова Миллера хоть и спокойные, но угрожающие, и, вне всяких сомнений, я знаю, что он исполнит свою угрозу.

— Если я уйду, Ливи уйдет со мной.

— Ошибаешься, — просто и уверенно парирует Миллер. — Возможно, твой любовник попросит тебя поступить разумно и позволить мне забрать ее, — он играет нечестно.

Бен появляется позади Грегори, его лицо бледное и полное страха.

— Что вы собираетесь делать? — спрашивает он Миллера.

— Зависит от того, пойдете ли вы на предложенную сделку. Я отправлюсь с Оливией в свой кабинет, а вы двое вернетесь обратно в бар и будете наслаждаться выпивкой за мой счет.

Грегори и Бен смотрят на нас с Миллером подозрительно, явно находясь в смятении. Это заставляет меня заговорить.

— Я в порядке, — произношу тихо. — Идите, выпейте.

— Нет, — Грегори делает шаг вперед. — Не после того, что ты мне рассказала, Ливи.

— Я в порядке, — повторяю медленно, после чего смотрю на Миллера в молчаливой просьбе двигаться дальше. Его хватка тут же ослабляется, злость стихает, пальцы начинают массировать мою кожу, восстанавливая кровоток.

— Миллер?

Перевожу взгляд влево и вижу ту женщину. Она следует за нами, и ее вишневого цвета надутые губы показывают, что она узнала меня, несмотря на макияж. Потом я смотрю на Миллера. Он выглядит абсолютно бесстрастным, глядя на нее. Все это неловко, напряжение ощутимо летает между нами пятью, только по абсолютно разным причинам. Чувствую себя чужой, однако это не мешает согласиться, чтобы Миллер увел меня подальше от этой ужасающей сцены.

Он молча ведет меня вниз по ступенькам и через лабиринт коридоров, пока мы не оказываемся перед дверью, где он издаст проклятья, взясь с кодовым замком на металлической панели, после чего заходит внутрь. Жду, что он меня отпустит, когда закроет дверь, но не отпускает, и вместо этого ведет к большому белому столу, разворачивая меня. Толкает на спину, разводит мои бедра и нависает надо мной, обхватывает руками мои щеки, обрушивая на меня свои губы, его язык прорывается внутрь, начиная невозможно нежные движения у меня во рту. Хочу спросить, какого черта он вытворяет, но знаю, что буду этим наслаждаться. А вот его жаркими словами, которые, знаю, последуют за поцелуем, наслаждаться не буду, так что ловлю момент. Я принимаю его. С этим поцелуем я принимаю все, что он сделал сегодня и до этого, когда играл с моим сердцем — наполнил его, а потом снова опустошил, оставив кучу ноющих мышц в моей груди.

Он стонет, и мои руки произвольно движутся по его спине, пока не останавливаются на его затылке, прижимая его ближе ко мне.

— Я не позволю тебе снова так со мной поступить, — слабо шепчу ему в губы.

Его рот, мучая, не отпускает меня, и я не пытаюсь его остановить, несмотря на свои слова.

— Не думаю, что вопрос тут в твоём позволении, Ливи, — он толкается своим пахом в низ моего живота, посылая еще больше жара в пульсирующую плоть. Хнычу в поисках силы воли, чтоб его остановить. — Вот и оно, — Миллер кусает мою губу и посасывает ее, отстраняется и смотрит на меня. Убирает волосы с моего лица. — Мы уже смирились. И это нельзя остановить.

— Я могу это прекратить, ты уже так поступал множество раз, — выдыхаю шепотом. — Я *должна* остановить.

— Нет, не должна. Я тебе не позволю, и мне, в любом случае, никогда не следовало останавливаться, — он пробегает глазами по моему лицу и наклоняется, ласково меня целуя. — Что же с тобой случилось, моя сладкая девочка?

— Ты, — упрекаю я. — Ты со мной случился, — из-за него я стала безрассудной и

нелогичной. Он, может, и заставляет меня чувствовать себя живой, но также быстро из-за него я чувствую себя безжизненной. Я как адвокат дьявола с этим мужчиной, притворяющимся джентльменом, и ненавижу себя за то, что не могу стать сильнее, не могу все это прекратить. Сколько раз я буду это повторять и сколько раз он будет так со мной поступать?

— Мне это не нравится, — он убирает мою руку со своего затылка и смотрит на мои ярко-красные ногти. — И мне не нравится это. — Подушечкой большого пальца проводит по красным губам, смотря на меня. — Хочу обратно мою Ливи.

— Твою Ливи? — мозг лихорадочно работает, сердце бешено колотится. Он хочет, чтобы вернулась прежняя Ливи? Чтобы снова вытереть об нее ноги? Так что ли? — Я не твоя.

— Ошибаешься. Ты очень даже моя, — он отталкивается и хватается за руку, поднимая меня в сидячее положение. — Сейчас я пойду и скажу твоему другу, что ты едешь со мной домой. Он захочет поговорить с тобой, поэтому ты возьмешь трубку, когда он позвонит.

— Я иду? — соскальзываю со стола, и он тут же сажает меня обратно.

— Нет, — он указывает куда-то за мое плечо. — Ты пойдешь в ванную и смоешь всю эту фигню со своего лица.

Мне противно, только его это не волнует.

— Ты собираешься пойти туда и сказать той женщине, что я еду с тобой домой? — скрежещу я, злость закипает под его пристальным взглядом.

— Да, — отвечает он просто и безоглядно. Просто да? Мне нечего сказать на это, алкоголь блокирует все разумные мысли, и когда он заканчивает изучать мое ошарашенное лицо, то выходит из кабинета, хлопнув за собой дверь. Понимаю, что слышу щелчок замка, поэтому тут же соскакиваю со стола и подбегаю к двери, дергая дверную ручку, абсолютно уверенная, что зря теряю время. Он запер меня.

Я не иду в ванную, но направляюсь к стеклянному шкафчику с выпивкой, вижу шампанское в ведерке со льдом и два использованных бокала, аккуратно поставленных под прямым углом. Дело рук Миллера, за исключением того, что край одного бокала испачкан вишнево-красной помадой. Меня начинает неистово трясти, так что я хватаю бокал, наливаю шампанское и опрокидываю в себя, после чего наполняю его снова и так же быстро выпиваю. Я уже достаточно пьяна, мне это не нужно, но контроль быстро ускользает.

Как и обещал Миллер, телефон в сумке начинает вибрировать, так что я хватаю ее со стола и вытаскиваю телефон. На светящемся экране вижу имя Грегори.

— Привет, — пытаюсь звучать холодно и собранно, когда на самом деле хочу заорать в телефон, выключить его и разбить.

— Ты уходишь с ним?

— Я в порядке, — мне его беспокойство больше не нужно, и я совершенно точно не уйду с Миллером. — Ты не знал его имени?

— Нет, — вздыхает он. — Просто мистер Харт, деловой мудака.

— Ты сказал мне быть с ним на танцполе!

— Потому что он чертовски горячий!

— Или просто ты хотел продолжить с Беном?

— Маленький танец, вот и все. Я бы не позволил зайти этому дальше.

— Ты позволил!

— Мне нет прощения, — бормочет он. — Я в ярости, но как бы то ни было, об этом, блять, теперь бессмысленно спорить, разве нет? Он чертов ненавистник кофе, и ты уже любишь этого высокомерного придурка!

— Он не придурок! — я не знаю, что говорю. Я могла бы придумать более грубые слова, чтобы описать Миллера, и все они прямо сейчас ему бы подошли.

— Мне это не нравится, — ворчит Грегори.

— А мне не понравилось то, как меня подставили, Грегори.

В течение нескольких секунд на линии тишина, и только потом он заговаривает:

— Дерзкая, — угрюмо заявляет он. — Прошу, придержишься прозвища, если даешь ему еще больше своего времени, Ливи.

— Буду, — заверяю его. — Я буду в порядке. Позвоню тебе. С Беном все хорошо?

— Нет, к нему все еще не вернулся нормальный цвет лица, — смеется друг, повышая настроение. — Выживет.

— Ладно. Поговорим завтра.

— Поговорим, — подтверждает он. — Будь осторожна.

Делаю глубокий вдох и разъединяюсь, плюхнувшись на стол Миллера, на котором нет ни бумаг, ни ручек, ни компьютера или канцелярских принадлежностей, только радиотелефон, который находится точно сбоку. Его стул задвинут, идеально ровно, и, осмотрев всю комнату, я повсюду вижу аккуратно разложенные вещи. Прямо как его дом. У всего свое место.

За исключением меня.

Он владелец ночного клуба?

Поднимаю голову, когда на двери поворачивается защелка, и он возвращается, с удовлетворенным видом, до тех пор, пока не видит мое лицо.

— Я просил тебя кое-что сделать.

— Заставишь меня, если не сделаю? — дразню его, алкоголь в крови придает мне храбрости.

Он, кажется, сбит с толку моим вопросом.

— Я никогда не заставил бы тебя делать что-то против твоей воли, Ливи.

— Ты заставил меня прямо здесь, — бросаю я.

— Я тебя не принуждал. Ты могла сопротивляться мне или вырваться из моих рук, если бы действительно хотела, — он проводит рукой по волосам, делает глубокий вдох и подходит ко мне, раздвигая мои бедра, встает между ними. Его палец скользит под мой подбородок, и он поднимает к себе мое лицо, только взгляд мой немного расплывчат. Я щурюсь, сбитая с толку тем, что не могу в полной мере оценить его черты. — Ты пьяна, — говорит он мягко.

— Твоя вина, — я начинаю говорить неразборчиво.

— Тогда я извиняюсь.

— Сказал обо мне своей подружке?

— Она не моя чертова подружка, Ливи. Но да, я сказал ей о тебе.

Эти мысли меня ужасают, но если ему понадобилось говорить ей обо мне, значит, там есть что-то большее, чем просто бизнес.

— Она бывшая?

— Черт, нет!

— Тогда зачем понадобилось говорить ей обо мне? Какое ей дело?

— Никакого! — он бесится. Мне все равно. Даже приятно видеть что-то, кроме бесстрастного выражения лица и резкого тона.

— Почему ты продолжаешь так себя вести? — спрашиваю, отстраняясь. — То ты ласковый, нежный и чуткий, а потом резкий и жестокий.

— Я не рез...

— Да, резкий, — прерываю его, и мне плевать, если придется расплачиваться за отсутствие манер. С его стороны было не очень вежливо тащить меня сюда, но он все же сделал это, и он прав, я могла лучше стараться и остановить его. Но я не пыталась. — Так ты собираешься трахнуть меня? — спрашиваю бесстыдно.

Он шарахается, отвращение искажает его лицо.

— Ты пьяна, — шипит он. — Я ничего не стану с тобой делать, пока ты пьяна.

— Почему?

Он придвигается к моему лицу, поигрывая желваками.

— Потому что я никогда не соглашусь на меньшее, чем поклонение тебе, вот *почему*, — взяв секунду, чтобы успокоиться, он резко закрывает глаза и не спеша их открывает. Миллер прожигает меня решительным взглядом. — Я никогда не воспользуюсь пьяной женщиной, Оливия. Каждый раз, когда я беру тебя, ты будешь помнить. Все и каждое мгновение навсегда останутся в этой прекрасной голове, — он ласково проводит пальцем по моему виску. — Каждый поцелуй. Каждое прикосновение. Каждое слово.

Сердце ускоряет свой ритм. Слишком поздно, но я, в любом случае, говорю это:

— Не хочу, чтобы все было так, — он уже завоевал постоянное место в моей голове.

— Жаль, потому что так все и будет.

— Но так не должно быть, — я злюсь, задаваясь вопросом, откуда эти уверенные слова и тон и действительно ли я имею их в виду.

— Да, так и будет. Должно быть.

— Почему? — я начинаю слегка покачиваться, и он замечает, потому что берет меня под локоть, удерживая мое равновесие. — Я в порядке! — надменно бормочу. — И ты не ответил на мой вопрос.

Он зажмуривает глаза, потом медленно их открывает, заставляя меня замереть своими синими искренними озерами.

— Потому что для меня это именно так.

Сглатываю, надеюсь, что мне это не слышится под воздействием алкоголя. Мне нечего ответить, ни сейчас, а может и ни тогда, когда протрезвею.

— Ты хочешь меня, — мое пьяное сознание все еще жаждет услышать эти слова.

Он делает глубокий вдох и старается прожечь меня, глядя прямо в глаза.

— Я. Хочу. Тебя, — он подтверждает не спеша... четко. — Отдай мне *мое*.

Я обвиваю руками его шею и тяну к себе, отдавая ему то, что по праву *его*.

Объятия.

Сердце в свободном падении.

Он держит меня долгое время, поглаживает спину и пальцами перебирает мои волосы. Я могла бы заснуть. Он то и дело вздыхает у моей шеи, постоянно целуя и прижимая к себе.

— Можно я верну тебя в свою постель? — тихо задает вопрос.

— На четыре часа?

— Думаю, ты понимаешь, что я хочу гораздо больше, чем четыре часа, Оливия Тейлор, — он сжимает *свое* и ладонями обхватывает мою задницу, снимая меня со стола и

прижимая к себе. — Хочу, чтобы ты никогда не мазала свое личико.

— Это макияж. Им не мажут, его наносят.

— У тебя чистая естественная красота, сладкая девочка, — он разворачивается и направляется к двери, но сворачивает к шкафчику со спиртным, сперва поправляя бокалы для шампанского. — Хочу, чтобы так и оставалось.

— Ты хочешь, чтобы я была робкой и мягкой.

Он слегка качает головой и открывает дверь кабинета, ставя меня на ноги и привычно накрывая рукой мой затылок.

— Нет, я просто не хочу, чтобы ты вела себя так бесшабашно и позволяла пробовать другим мужчинам вкус этих губ.

— Я не собиралась, — меня шатает, так что Миллер хватает меня под локоть, поддерживая.

— Тебе нужно быть более осторожной, — предупреждает он, и он прав. Я осознаю это, даже несмотря на то, что пьяна. Поэтому сдерживаю свою пьяную дерзость.

Пока мы идем по коридору и вниз по служебной лестнице к главному помещению клуба, чувствую, как дурацкий пьяный марафон захватывает меня. Люди размыто, зазря снуют туда-сюда, и громкая музыка больно бьет по ушам. Я качаюсь на своих каблуках, ощущая на себе взгляд Миллера.

— Ливи, ты в порядке?

Я киваю, голова делает не совсем то, что я ей велю, отчего ее движения похожи на медленные вращения вокруг шеи. Потом я врезаюсь в стену:

— Я чувствую... — во рту вдруг появляется слишком много слюны, желудок дико скручивает.

— Вот дерьмо, Ливи! — он поднимает меня и снова несет в кабинет, но недостаточно быстро. Меня тошнит прямо на пол коридора... и на Миллера. — Блин! — ругается он.

Меня еще немного рвет, когда он затаскивает меня в кабинет.

— Мне плохо, — бормочу.

— Что за хрень ты пила? — спрашивает он, подтаскивая мое безвольное тело к унитазу в ванной комнате.

— Текилу, — хихикаю я. — Только неправильно. Я забыла про соль и лимон, так что нам пришлось повторить. Ой! — я соскальзываю с сиденья унитаза и шлепаюсь на задницу. — Ауч!

— Черт возьми! — ворчит он, поднимая меня и удерживая на месте, моя голова качается, пока он стаскивает с себя запачканную жилетку и рубашку. — Ливи, сколько шотов ты выпила?

— Два, — отвечаю я, моя задница опускается, снова встречаясь с сиденьем унитаза. — И я угостилась шампанским, — мычу я. — Но я не стала пользоваться бокалом с вишневой помадой. Она хочет быть ближе, чем деловой партнер, ты, дурачок.

— Да что в тебя вселилось?

Я поднимаю свою отяжелевшую голову и пытаюсь сфокусироваться, видя обнаженное, гладкое произведение искусства в виде торса перед глазами.

— Ты, Миллер Харт! — я кладу руки на его торс и, пользуясь возможностью, ласкаю его. Может я и пьяна в хлам, только я все еще в состоянии оценить вид перед глазами, и это чувствуется хорошо. — Ты в меня вселился, — я с усилием поднимаю глаза и вижу его опущенный взгляд, наблюдающий за моими ласками. — Ты пробрался в меня, и я никак не

могу тебя выкинуть, — он не спеша приседает передо мной на корточки и поглаживает мою щеку, после чего обвивает ладонью мою шею и подтягивает мое лицо к своему.

— Хотел бы я, чтобы ты не была сейчас так мертвецки пьяна.

— Я тоже, — признаюсь. никоим образом я не смогу совладать с ним в пьяном ступоре. Да я бы и не хотела. *Хочу* помнить каждый интимный момент, даже этот. — Если я забуду этот твой взгляд или твои слова, сказанные там на столе, пообещай, что напомнишь мне.

Он улыбается.

— И это! — восклицаю я. — Пообещай, что улыбнешься мне вот так, когда мы увидимся в следующий раз. — Его улыбки редкие и прекрасные, и мне ненавистно, что он дарит одну из них сейчас, когда я, похоже, не в силах запомнить.

Он рычит и, думаю, закрывает глаза. Или я закрыла свои? Я даже не уверена.

— Оливия Тейлор, когда ты проснешься утром, я собираюсь восполнить то, чего ты лишила меня этим вечером.

— Ты сам себя лишил, — спорю я. — Только сначала напомни мне, — шепчу, когда он тянет меня, чтобы получить *свое*. — Улыбнись мне.

— Оливия Тейлор, если у меня будешь ты, улыбка не сойдет с моего лица до конца жизни.

ГЛАВА 18

Мозг как будто покорежен, и в своей темноте я пытаюсь найти ответ на вопрос, какой сейчас год. Наверное, прошло много времени, но я отчетливо понимаю, как буду себя чувствовать, открыв глаза. Во рту сухо, тело холодное и липкое, а тупой стук в голове будто готовится перейти в полномасштабный фестиваль безжалостных бонго, как только я отрываю голову от подушки.

Решив, что наилучшим выходом будет еще немножко поспать, я переворачиваюсь и, найдя холодное местечко, зарываюсь обратно в подушку, счастливо вздыхаю, радуясь новой уютной позе. Слышу сладкий успокаивающий звук низкого, мирного мурлыканья.

Миллер.

Я не вытягиваюсь по струнке, потому что тело этого не позволит, но я открываю глаза и нахожу шокирующе синий улыбающийся взгляд. Хмурюсь и перевожу глаза к его губам. Да, он улыбается, как будто солнечный свет пробивается сквозь серые тучи и делает все просто идеальным. Ярко. По — настоящему. Но чем он так доволен и как я здесь оказалась?

— Я сделала что-то смешное? — хриплю я. В горле першит и жжет.

— Нет, не смешное.

— Тогда почему ты так улыбаешься?

— Ты заставила меня пообещать, что я буду, — говорит он, едва уловимо касаясь губами кончика моего носа. — Когда бы я ни дал тебе обещание, Ливи, я его сдержу. — Он подтягивает меня на свою половину кровати и дарит мне *свое*, располагая меня под собой и крепко обнимая, зарывается лицом в изгиб моей шеи. — Я никогда не соглашусь на меньшее, чем преклоняться перед тобой, — шепчет он. — Никогда не воспользуюсь тобой нетрезвой, Ливи. Каждый раз, когда я тебя беру, ты запомнишь. Все и каждый момент навсегда запечатлется в этой прекрасной голове, — он ласково целует мою шею и обнимает чуть сильнее. — Каждый поцелуй. Каждое прикосновение. Каждое слово. Потому что именно так все для меня.

Воздух застревает где-то в горле, *его* слова посылают тепло в самое мое естество, искреннее счастье пробивается сквозь расплывчатое сознание. Но я хмурюсь. Такое чувство, как будто он один посвящен в какой-то тайный заговор.

— Я прекрасно выполняю свои обещания, — он отстраняется и внимательно изучает мое лицо. — Ты огорчила меня прошлой ночью.

Его легкое обвинение пробуждает смазанные воспоминания обо мне... и другом мужчине... и большом количестве алкоголя.

— Это была твоя вина, — заявляю тихо.

Он удивленно вздергивает бровь:

— Не припомню, чтобы просил тебя позволить другому мужчине попробовать тебя на вкус.

— Я не позволяла и я не помню, чтобы давала тебе согласие везти меня сюда.

— Я и не жду, что ты многое вспомнишь, — он наклоняется и цепляет зубами мой нос. — Тебя стошнило на меня и мой новый клуб; ты падала, больше чем раз; и мне пришлось дважды останавливать машину, поскольку тебе было плохо. И еще тебя успешно стошнило в моем мерседесе, — он целует меня в нос, пока я съеживаюсь, чувствуя унижение. — И потом ты украсила пол в вестибюле моего многоквартирного дома *и* пол моей кухни.

— Мне жаль, — шепчу я. У него, должно быть, случилась паника с его манией чистоты.

— Прощена, — он садится и поднимает меня к себе на колени. — Моя милая сладкая девочка превратилась в дьявола прошлой ночью.

Вспыхивает еще одно воспоминание. *Моя Ливи.*

— Твоя вина, — повторяю, потому что мне больше нечего сказать, разве что признать свою вину, что является правдой, частично.

— Продолжай повторять, — он встает и опускает меня на мои неустойчивые ноги. — Хочешь хорошие новости или плохие?

Пытаюсь сосредоточиться на нем, но мое недовольное, затуманенное, похмельное зрение не позволяет мне впитать его черты полностью.

— Я не знаю.

— Скажу тебе плохие новости, — он приглаживает мои волосы и осторожно раскидывает их по спине. — У тебя было всего одно платье и тебя вырвало на него, так что у тебя нет одежды.

Смотрю вниз и понимаю, что я полностью обнажена, нет даже трусиков: сомневаюсь, что они тоже пострадали вслед за платьем...

— Они симпатичные, но предпочитаю видеть тебя обнаженной.

Я поднимаю глаза и вижу понимающий взгляд.

— Ты ведь постирал мою одежду, правда?

— Твои симпатичные новые трусики, да. Они в ящике. Твое платье, с другой стороны, было слишком грязным и ему нужно отмокнуть.

— Что за хорошие новости? — спрашиваю, слегка смутившись, что он в курсе моих бельевых обновок и его упоминаний об остаточном эпизоде с моим неустойчивым желудком.

— Хорошая новость заключается в том, что тебе одежда не понадобится, потому что сегодня мы — брокколи.

— Мы — брокколи?

— Да, как овощи.

Улыбаюсь своему изумлению.

— Мы собираемся бездельничать, как брокколи?

— Нет, ты все неправильно поняла, — кротко качает головой. — Мы валяемся, как брокколи.

— Так мы овощи?

— Да, — вздыхает он, выходя из себя. — Мы собираемся ничего не делать целый день, поэтому и будем брокколи.

— Я бы лучше была морковкой.

— Ты не можешь валяться, как морковка.

— Или брюква. Как насчет брюквы?

— Ливи, — предупреждает он.

— Нет, забудь. Я точно буду как кабачок.

Он качает, закатив глаза, головой.

— Мы весь день будем разгильдяйничать.

— Хочу быть овощем, — улыбаюсь, только он не реагирует. — Ладно, я буду валяться, как брокколи, с тобой, — уступаю я. — Я буду всем, чем ты только захочешь.

— Как насчет менее раздражающей? — серьезно спрашивает он.

У меня дикое похмелье, и я немного обескуражена тем, как оказалась здесь, но он улыбался мне, говорил очень важные слова и он планирует провести со мной весь день. Мне уже не важно, смеется ли он или улыбается мне, или не понимает меня, когда я пытаюсь быть игривой. Он слишком серьезный, и нет даже намек на чувство юмора, только, несмотря на его четкие манеры, я по-прежнему нахожу его обаятельным. Не могу держаться от него подальше. Он манит и вызывает привычку, а когда он смотрит на свои часы, я вспоминаю кое-что еще...

Я думаю, ты понимаешь, что я хочу больше четырех часов.

Воспоминание меня пугает. Сколько еще? И пойдет ли он на попятную... снова? Еще одна картинка появляется в спутанном сознании — картинка пухлых, вишневого цвета губ и шокированного лица. Она красивая, ухоженная, стильная. В ней есть все, что, как мне кажется, ищут мужчины вроде Миллера.

— Ты в порядке? — взволнованный голос Миллера вырывает меня из мыслей.

Киваю:

— Прости, что меня стошнило, везде, — говорю искренне, думая, что женщина, вроде делового партнера Миллера, никогда бы не сделала что — то столь низкое.

— Я уже простил тебя, — он кладет руку на мою шею и ведет в ванную. — Я пытался почистить тебе зубы прошлой ночью, но ты отказывалась стоять спокойно.

Я съеживаюсь, радуясь тому, что не помню половину вечера. Помню ли я отдельные моменты или нет, лучше не становится — Грегори и Бен, для начала.

— Мне нужно позвонить Грегори.

— Нет, не нужно, — Миллер протягивает мне зубную щетку. — Он знает, где ты и что с тобой все хорошо.

— Он взял с тебя слово? — спрашиваю, удивленная, их перепалка всплывает в сознании.

— Не собираюсь объясняться перед парнем, который допустил твое безрассудное поведение, — он выдавливает на щетку немного зубной пасты, после чего убирает ее

обратно в шкафчик, скрытый огромным зеркалом, висящим над раковиной. — Но я объяснился перед твоей бабушкой.

— Ты ей звонил? — спрашиваю настороженно, задаваясь вопросом, что он имеет в виду под «объяснился». Объяснил, что он непостоянный, что играет с моим сердцем и здравым смыслом?

— Звонил, — берет мою руку и подносит ее к моему рту, заставляя начать чистить зубы. — Мы мило поболтали.

Беру в рот щетку и совершаю ею круговые движения только, чтобы не спрашивать его, как прошел их разговор. Мое лицо, должно быть, выражает полное смятение, даже с учетом того, что я не хочу знать, о чем они разговаривали.

— Она спросила, женат ли я, — шепчет он, от чего я распахиваю глаза. — И как только мы выяснили этот вопрос, она рассказала мне кое-что.

Движения щетки во рту замедляются. Что, черт подери, она ему сказала?

— Что она тебе рассказала? — вопрос, на который я действительно не хочу знать ответа, просто выскальзывает сквозь пасту и щетку.

— Она упомянула твою маму, и я сказал, что ты уже поделилась этим со мной, — он смотрит на меня задумчиво, и я напрягаюсь, чувствуя незащищенность. — А потом она упомянула, что ты пропадала на какое-то время.

Сердце начинает бешено колотиться, нервный узел сжимается в груди. Я в ярости. У Нан нет права делиться с кем-то моей историей, по крайней мере, не с мужчиной, которого она видела пару раз в жизни. Это *мое* прошлое, чтобы рассказывать его, если я *захочу* рассказать. А я не хочу. *Этой* частью я никогда не захочу делиться. Я сплевываю пасту и споласкиваю рот, сгорая от желания сбежать от его настойчивого взгляда.

— Куда ты идешь? — спрашивает он, когда я выхожу из ванной. — Ливи, подожди минутку.

— Где моя одежда? — не утруждаю себя ожиданием его ответа, вместо этого подхожу к комоду, опускаюсь на колени и открываю нижний ящик, потом нахожу свою сумку, трусики и туфли.

Он тянется ко мне, с силой толкает ящик ногой и поднимает меня. Я держу голову опущенной, волосы разметались по шее и лицу, давая мне идеальное укрытие, до тех пока он не убирает их и не приподнимает мой подбородок, одаривая непонимающим взглядом.

— Почему ты прячешься от меня?

Я ничего не говорю, у меня просто нет ответа. Миллер смотрит на меня тем жалостливым взглядом, который я ненавижу. Упоминание о моей матери и моем исчезновении оживило каждую секунду прошлой ночи, каждую деталь, каждый напиток, каждое действие... все.

Когда он осознает, что ничего не добьется, поднимает меня на руки и несет обратно на свою кровать, осторожно положив меня туда, спускает с бедер свои шорты.

— Я никогда не заставлю тебя делать то, что тебе не по нраву, — он наклоняется и целует меня чуть ниже талии, ощущение неспешных движений его губ на моей чувствительной коже тут же отбрасывает все мои беды. — Пожалуйста, пойми. Я никуда не уйду, так же, как и ты, — он пытается меня подбодрить, но я уже достаточно рассказала.

Закрываю глаза и позволяю ему унести себя в то удивительное место, где не существует боли, самоистязаний и прошлого. Миллер — это целый мир.

Чувствую, как его губы поднимаются вверх по моему телу, оставляя после себя

раскаленную дорожку.

— Пожалуйста, отпусти меня в душ, — прошу я, не желая останавливать это, только мне не нравится мысль о том, что он будет боготворить мое послехмельное тело.

— Я водил тебя в душ прошлой ночью, Ливи, — он доходит до моего рта, уделив немного внимания губам, после чего он отстраняется и смотрит на меня. — Я намыл тебя и вернул твоему личику красоту, которую люблю, и я наслаждался каждым моментом.

Дыхание обрывается на слове «люблю». Он сказал слово «люблю», и я так огорчена тем, что пропустила все эти вещи. Он заботился обо мне, даже после моего отвратительного поведения прошлой ночью.

Взяв мои волосы, он поднимает их, и я замечаю отсутствие прямых, блестящих локонов, мои привычно буйные кудри вернулись на свое место. Он подносит их к своему носу и глубоко вдыхает. Потом он берет мою руку и демонстрирует мне чистые ногти, никакого красного лака не видно.

— Чистая неиспорченная красота.

— Ты высушил мне волосы и снял лак? У тебя есть жидкость для снятия лака?

Уголки его губ дергаются.

— Может, я сбегал в круглосуточный магазин, — он поднимается на колени и тянется к прикроватному столику, доставая презерватив. — В любом случае, нам нужно было запастись вот этим.

Мысленный образ Миллера, рыскающего по полкам магазина в поисках жидкости для снятия лака, вызывает у меня улыбку.

— Жидкость для снятия лака и презервативы?

Он не разделяет моего изумления:

— Будем? — спрашивает, зубами разрывая квадратик и вытаскивая его.

— Пожалуйста, — выдыхаю, и мне плевать, даже если это звучит так, как будто я умоляю. У нас нет временных ограничений, на самом деле, нет нужды спешить, но я отчаянно хочу его.

Он с тихим свистом берет свое достоинство и раскатывает презерватив, после чего толкает меня на живот и нависает надо мной.

— Сзади, — шепчет он, отводя одну мою ногу и сгибая ее, раскрывая меня для себя. — Удобно?

— Да.

— Счастлива?

— Да.

— Как ты себя чувствуешь со мной, Ливи? — он резко перегибается через мою спину и кидается на мою нижнюю губу, сжимая щеки, посасывая ее и полизывая. — Скажи мне.

— Живой, — выдыхаю, неистово дыша, поворачивая вверх лицо, когда он снова нависает надо мной и проникает прямо в меня, не издав ни единого шума, в то время как я выкрикиваю. — Миллер!

— Шшш, дай мне тебя попробовать, — он накрывает мои губы своими, оставаясь неподвижным. Щекой на подушке тянусь вперед, чтобы прижаться к его губам, кусая его сильнее, чем намеревалась. — Смакуй, Ливи. Никогда не спеши, — он меняет скорость, успокаивая мои неистовые губы, подстраивая под свой осторожный ритм. — Видишь? Не спеша.

— Я хочу тебя, — нетерпеливо приподнимаю свой зад. — Миллер, я хочу тебя,

пожалуйста.

— Значит, ты меня получишь, — он отстраняется и толкается вперед медленно, с глухим стоном в мой рот. — Скажи мне, чего ты хочешь, Ливи. Все что пожелаешь.

— Быстрее, — зубами впиваюсь в его губу, понимая, что где-то там есть неистовство. Он всегда настаивает на том, чтобы делать это медленно, но я хочу испытать все, что он может дать. Я хочу его перемены настроения и спесивость, когда он берет меня. Он подталкивает меня к этому, сводя с ума от желания, при этом всегда сохраняя спокойствие и контроль.

— Я уже говорил тебе, что с тобой люблю не торопиться.

— Почему?

— Потому что ты заслуживаешь преклонения, — он приподнимается и выскальзывает, садясь на пятки, после чего руками впивается в бока и поднимает меня. — Хочешь более глубокого проникновения? — Я стою на коленях, по-прежнему к нему спиной. — Давай посмотрим, сможем ли мы удовлетворить тебя вот так.

Заглядываю через плечо и вижу, как он выпрямляется, смотря вниз, вид его едва заметно подрагивающего живота под грудой мышц заставляет меня громко вздохнуть.

— Поднимись и двигайся назад, — он подтягивает мои бедра, направляя к себе, пока я не оказываюсь у его коленей с разведенными ногами. — Опускайся осторожно.

Закрываю глаза и сажусь на него.

— Оххх, — стону, чувствуя, как он пронзает меня, с каждым крохотным движением вниз он все глубже и глубже, пока я не замираю, удерживаясь на коленях, и не делаю успокаивающий вдох. — Слишком глубоко, — задыхаюсь. — Слишком глубоко.

— Больно? — его руки скользят вдоль моего живота и обхватывают грудь.

— Немножко.

— Не спеши, Ливи. Дай своему телу принять меня.

— Оно принимает, — возражаю я. Каждая клеточка меня принимает его. Голова, тело, сердце...

— У нас есть все время мира. Не торопи его, — он обводит мои соски и покусывает плечо. Ноги начинают дрожать, мышцы противостоят такому статическому положению, так что я опускаюсь еще немного, задерживая дыхание и запрокидывая голову на его плечо. Его рука оставляет мою грудь, движется вверх по грудной клетке и к горлу, накрывая его ладонью.

— Как ты остаешься таким спокойным? — выдавливаю из себя слова, контролируя дыхание, желая дать передышку мышцам в ногах и опуститься на его член, но боюсь возможной боли.

— Не хочу делать тебе больно, — он поворачивает лицо к моей щеке и кусает ее, после чего ласково целует. — Поверь, это стоит мне всех усилий. Опустись еще немного?

Киваю и еще немного насаживаюсь.

— О Боже, — стискиваю зубы, от постоянной резкой боли голова тяжелеет. Я поворачиваюсь лицом к его шее и прячусь там.

— Потерпи и перед нами откроется целый мир новых наслаждений.

— Почему так больно?

— Не хочу показаться самоуверенным, но... — он выдыхает и начинает содрогаться. — Черт возьми, Ливи!

— Миллер! — я задерживаю дыхание и расслабляю мышцы ног, падая прямо на его

колени с шокированным криком. — Черт!

— Ты в порядке? — восклицает он. — Боже, Ливи, скажи, что с тобой все хорошо.

Меня бросило в пот, и все еще трясет, несмотря на расслабленное тело. Это вне моих сил.

— Все хорошо, — я сильнее вжимаюсь в его шею.

— Я сделал тебе больно?

— Да...нет! — я отстраняюсь и отчаянно запускаю руки в волосы. — Просто дай мне минутку!

— Сколько? — шипит он.

Стискиваю зубы и отталкиваюсь на коленях, совсем немножко, прежде чем снова опуститься, не так подконтрольно, как планировала. Он кричит. Я стону.

— Миллер, я не могу! — чувствую себя абсолютно разбитой смесью наслаждения и боли. Хочу ухватиться за тяжесть в лоне и перебросить ее на следующий уровень, только в ногах не осталось сил. — Не могу сделать это, — прислоняюсь к его груди, мои руки бессильно падают по сторонам, дыхание затрудняется от таких усилий.

— Шшш, — он успокаивает меня. — Хочешь, я об этом позабочусь?

— Прошу, — чувствую себя ничтожной, слабой.

— Думаю, я не достаточно сильно старался, объезжая тебя, Ливия Тейлор, — он медленно и уверенно перемещается во мне, оставаясь глубоко, но не делает резких движений, приносящих дискомфорт.

— Мммм.

— Лучше? — спрашивает, кладя руки мне на бедра. Согласно киваю со вздохом, позволяя ему удерживать нас абсолютно близко и связано, постоянно двигаясь, туда — сюда, снова и снова. — Каковы ощущения?

— Идеально, — выдыхаю.

— Сможешь приподняться немножко?

Не отвечаю, поднимая себя немного, и чувствую, как он слегка выскользывает из меня.

— Ты такой терпеливый со мной, — шепчу я, задаваясь вопросом, такой ли он со всеми женщинами, с которыми спит.

— Ты заставляешь меня ценить секс, Ливи, — еще я чувствую, как он приподнимается, руки скользят от бедер к моей груди, потом на плечи и вниз по рукам, сжимая мои ладони. Переплетя наши пальцы, он поднимает вверх мои безвольные руки и запрокидывает их за голову, удерживая там. Он осторожно толкается веред, отстраняется и снова дюйм за дюймом входит. — Дай мне почувствовать твой вкус.

Поворачиваю голову и нахожу его глаза. Я так давно их не видела.

— Спасибо, — не знаю, почему сказала это, но я чувствую невероятную потребность выразить свою благодарность.

— За что ты благодаришь меня? — его глаза как-то необычно блестят, когда он продолжает входить в меня уверенными, плавными движениями. Предсказуемо, но вся нежность давно забыта, на ее место пришло чистое, прекрасное наслаждение.

— Не знаю, — признаюсь тихо.

— Я знаю, — он звучит уверенно, подкрепляя свои слова уверенным поцелуем, крепким и неспешным, требовательным, но таким дарящим. — Ты никогда не чувствовала ничего подобного, — его бедра отстраняются и толкаются в меня под невыносимо точным углом, выбивая из меня низкий, полный удовольствия стон. — Так же, как и я. — Целует меня в

губы. — Так что я тоже должен тебя благодарить.

Меня начинает трясти:

— О Боже! — восклицаю в панике, отчаянно.

— Оставь руки в моих волосах, — командует он нежно, позволяя собственным рукам опуститься на мою грудь. Ласкает ее, подушечками больших пальцев обводя вершинки сосков, бросая меня за грань удовольствия.

Теряю контроль в мышцах, все тело бесконтрольно содрогается, и я мурлычу, притягивая его ближе так, чтобы дотянуться до его губ.

— Позволь мне почувствовать твой вкус, — передразниваю его слова, погружая свой язык в его рот, вращая им, наступая и отстраняясь в то время, как он мучает меня своим особым ритмом, так осторожно и внимательно.

— Я ощущаюсь так же хорошо, как ты? — спрашивает он.

— Лучше.

— Сильно в этом сомневаюсь, — заявляет он. — Мне нужно, чтоб ты сосредоточилась, Ливи, — он стонет и разделяет наши губы, волосы влажные от пота и падают на лицо. — Я опущу тебя, чтобы мы оба кончили, хорошо? — я согласно киваю, и он целует меня, убирая мои руки от своей головы, и опускает меня так, что я оказываюсь на четвереньках. — Удобно?

— Да, — перемещаю руки, не чувствуя ни отвращения, ни незащитности, находясь в таком положении. Мне абсолютно удобно, и когда он перемещается сам, открываясь и удерживая мои бедра, моя эйфория только усиливается. Делаю глубокий вдох, когда он не спеша отодвигается, а потом обрушивает все ощущения, толкнувшись в меня.

— Охxxx...

Одна рука покидает мое бедро, и его пальцы гуляют по моей спине, каждое прикосновение кончиков его пальцев к моей коже обжигает плоть. Оказавшись на моей шее, ладонь распрямляется и спускается к моей заднице, вырисовывая широкие, нежные круги.

— Боже, Ливи, мне страшно от такой идиллии.

Ногам, может и стало легче от потери давления моего веса, только теперь напряжение перешло к рукам.

— Миллер, — я сдерживаюсь, чтобы не рухнуть на живот, и пытаюсь успокоить неконтролируемые спазмы.

Он наклоняется вперед, бормоча проклятия, и тянется рукой под мой живот, продвигаясь, пока пальцами не обвивает мою плоть. Кричу, роняя голову, волосы разметались на постели подо мной.

— Ты должна мне немножко помочь, — у него пересохло в горле, голос шуршит, как гравий. — Позволь этому поглотить тебя, — он пробегает пальцами вдоль моего клитора, двигая бедрами, свободной рукой находит мою грудь, осторожно ее сжимая.

Я чувственно перегружена, не в силах помочь телу найти то, к чему оно стремится.

Взрыв.

Освобождение.

И оно приходит быстро: я подбрасываю бедра, натянуто крича, руки, в конце концов, на свободе.

— Боже! — кричит он, прижимая меня к себе и глубоко входя. Он вздыхает и удерживает нас сплетенными, освобождаясь от следов нашего наслаждения, тихо шепча сбивающие с толку слова.

Не думаю, что понимаю. В голове вызванная удовольствием пустота, не дающая нормально мыслить, тело перенасыщено. Утро. Не выдержу его пыток весь день. Я позволяю ему просачиваться в меня медленно, томительно, пытаюсь справиться со своими полными наслаждения вдохами.

— Иди сюда, сладкая девочка, — шепчет Миллер, нетерпеливо подтягивая меня к себе.

— Не могу пошевелиться, — выдыхаю, обмякнув.

— Для меня ты *можешь*, — он не оставляет меня в покое, вместо этого становясь более нетерпеливым, так что я поднимаю свое измученное тело и поворачиваюсь к нему, позволяю поднять себя и сажусь на него верхом. Он едва заметно наклоняет голову набок, пробегаясь глазами по моему торсу, руки медленно скользят верх и вниз по моим бокам. — Мне отчаянно хотелось прикоснуться к тебе всю ночь.

— Ты мог бы почувствовать меня.

— Нет, — качает головой. — Ты не понимаешь.

— Как это? — не упускаю возможности прикоснуться к его волосам, зажимая локон между пальцами.

— Прикоснуться к тебе — не чувствовать тебя, — он смотрит на меня, и я хмурюсь, не совсем понимая разницу. — Ощущение тебя дарит мне неописуемое наслаждение, Ливи. — Наклоняясь, Миллер целует ложбинку между груди. — Но прикосновение к тебе, прикосновение к твоей душе. Это за гранью наслаждения. — Он медленно моргает, возвращаясь к моему взгляду, и именно в этот момент я понимаю, что он делает все это не специально. Неспешные движения — часть его природы под маской джентльмена. Это он. — Как будто что-то важное происходит, — шепчет он. — И наслаждение от занятий с тобой любовью — это только маленький бонус.

— Я все еще напугана, — признаюсь я ему. Даже больше с каждым, полным надежды словом, которое он мне говорит.

— Я тоже тебя немного боюсь, — он кладет руку между нашими телами и рисует вокруг соска невесомые круги.

Опустив взгляд, слежу за его движениями.

— Я *не тебя* боюсь. Боюсь того, что ты можешь со мной сделать.

— Могу заставить тебя чувствовать то, что не сможет никто другой, так же, как и ты можешь заставить меня, — шепчет он. — Забрать тебя в полные наслаждений места, за гранью твоего представления, места, куда ты ведешь меня, — наклонив голову, зубами прихватывает мой сосок и посасывает его, от чего я запрокидываю голову, в легких нет воздуха. — Вот, что я могу сделать с тобой, Оливия Тейлор. И это ты делаешь со мной.

— Ты уже сделал, — мой голос неузнаваем, полон страсти, желания.

Он резко перемещается, опрокидывая меня на спину и полностью надо мной нависая, руками держусь за его плечи. Смотрю на него, взглядом выискивая черту, чтобы остановиться — влажные волосы, падающие на лицо, темная щетина на скулах, но именно блеск его глаз пленит меня. Когда бы он ни привлек мое внимание этим взглядом, я загнипнотизирована...беспомощна. Я его.

— Хорошо смотришься в моей постели, — заявляет он тихо. — Беспорядочно, но хорошо.

— Я выгляжу беспорядочно? — спрашиваю, задетая и с мыслями, что ему следовало отпустить меня в душ, как я и хотела.

— Нет, ты не понимаешь, — он хмурится, явно расстроенный моей неправильной

интерпретацией его слов, но я очень даже хорошо слышала его слова. — Постель в беспорядке. Ты же восхитительна.

Уголки моих губ начинают приподниматься в улыбке, когда я осознаю его намерения. Готова поклясться, он спит смертельно тихо, простыни лежат осторожно под ним, в то время как я верчусь во сне: знаю об этом по состоянию собственной постели по утрам — немного похоже на постель Миллера прямо сейчас.

— Хочешь, я заправлю твою постель? — спрашиваю серьезно, надеясь на отрицательный ответ, потому что, честно говоря, сама мысль меня пугает. Я уже видела аккуратность дорогих подушек и шелкового покрывала по центру. Наверное, он хранит линейку в ящике прикроватного столика для измерения точного расстояния от подголовника до простыней и от подушек до покрывала.

Он знает, что я шучу, несмотря на успешную имитацию серьезного лица и даже голоса. Его задумчивый взгляд тому подтверждение.

— Как пожелаешь, — он целует мое ошарашенное лицо и, оттолкнувшись от постели, встает и снимает презерватив, после чего идет в ванную, чтоб его выбросить.

Надо было держать рот на замке. Мои попытки заправить постель никогда не увенчаются успехом. Перекатившись на край постели, встаю и тупо пялюсь на груды простыней, задаваясь вопросом, с чего начать. Подушки. Нужно начать с подушек. Схватив один из четырех взбитых прямоугольников, осторожно привожу его в порядок, потом кладу другой сбоку, прежде чем расположить оставшиеся два к изголовью, провожу рукой по поверхности, разглаживая хлопок. Радуюсь результату, берусь за два края одеяла и встряхиваю, руками развивая его в идеальный квадрат, который аккуратно опускается на постель. Я собой довольна, все выглядит аккуратно, но знаю, что недостаточно, поэтому обхожу кровать, подтягивая одеяло и ладонями разглаживая складки. Потом открываю крышку огромного комода и начинаю раскладывать подушки, усиленно пытаюсь припомнить, как именно они были расположены, когда я была здесь в последний раз. Удовлетворенная результатом, я раскладываю по центру шелковое покрывало и подтягиваю края.

На лице победная улыбка, и я делаю шаг назад, восхищаясь своей работой. Он не сможет воротить носом. Выглядит бесподобно.

— Довольна собой?

Разворачиваюсь, обнаженная, и вижу Миллера, его руки сложены, он лениво подпирает дверной проем ванной комнаты.

— Думаю, я хорошо справилась.

Миллер взглядом пробегает по постели и отталкивается от дверного проема, шагая медленно и усердно размышляя. Ему совсем не кажется, что это хорошая работа. Он точно хочет начать все сначала, и моя ребяческая сторона желает, чтобы он просто так и сделал, и тогда у меня будет повод его дразнить.

— Ты просто умираешь от желания это скинуть и начать заново, да? — спрашиваю я, складывая руки, как он, и пристально изучая постель.

Он пожимает плечами небрежно, демонстративно изображая смирение.

— Сойдет.

Я улыбаюсь:

— Да это идеально.

Он вздыхает и уходит, оставив меня любоваться его постелью.

— Ливи, это далеко от идеала, — он исчезает в гардеробной. Я следую за ним и нахожу Миллера натягивающим на бедра боксеры.

Трудно найти слова, когда сталкиваешься с таким зрелищем.

— Какая потребность делать все именно так? — спрашиваю, замечая, как его плавные движения замедляются от моего вопроса.

Он не смотрит на меня, продолжая натягивать на бедра резинку боксеров.

— Я ценю свое имущество, — и отвечает неохотно и резко, явно не собираясь вдаваться в подробности. — Завтрак?

— У меня нет одежды, — напоминаю ему.

С блеском в глазах неторопливо пробегается по моей наготы.

— Тебе и так хорошо.

— Я голая.

Выражение его лица абсолютно безучастно.

— Да, как я сказал, хорошо, — он надевает черные шорты и серую футболку, а меня в этот момент что-то заставляет задуматься, выходит ли Миллер Харт в чем-то, кроме костюма-тройки.

— Я бы чувствовала себя более комфортно, если бы была более прикрыта, — возражаю тихо, злясь на себя за то, что голос звучит так неуверенно и робко.

Он расправляет футболку и смотрит на меня пристально, от чего меня передергивает, и я чувствую себя еще более неуверенно теперь, когда он одет.

— Как пожелаешь, — ворчит он, и я, не теряя времени, взглядом выискиваю что-нибудь, что можно надеть.

Бегло просмотрев ряды рубашек, я, потеряв терпение, останавливаюсь на рубашках и раздраженно тяну за рукав синюю.

— Ливи, что ты делаешь? — выплевывает он, когда я принимаюсь засовывать руки в рукава рубашки.

— Одеваюсь, — отвечаю, замедляясь при виде настоящего ужаса на его лице.

Он, кажется, выдыхает, успокаиваясь, а потом подходит ко мне и быстро снимает с меня рубашку.

— Не в рубашку за пятьсот фунтов стерлингов.

Я снова обнажена и просто смотрю за тем, как он вешает рубашку обратно и начинает разглаживать переднюю часть, раздраженно фыркая, когда микроскопическая складка, которую я сделала, не исчезает. Не могу смеяться. Он слишком взбешен, и это настораживает.

После добрых нескольких минут Миллера, борющегося с рубашкой, и меня, шокировано наблюдающей за этим, он срывает ее, мнет и выбрасывает в корзину для белья.

— Нужно стирать, — бормочет он и, промчавшись к комоду, резко его открывает. Он вытаскивает стопку черных футболок и кладет ее на комод, в центре комнаты, после чего берет каждую футболку отдельно и образует сбоку новую стопку. Взяв последнюю, встряхивает ее и протягивает мне, а потом возвращается и убирает вновь сложенную стопку обратно в комод.

Смотрю на него, абсолютно замороженная, и готовлю себя к осознанию чего-то, что и так уже очевидно. Он не просто аккуратный. Миллер Харт страдает обсессивно — компульсивным расстройством.

— Ты собираешься надевать это? — спрашивает он, все еще явно раздраженный.

Я ничего не говорю. Не уверена, что именно нужно сказать, так что просто натягиваю футболку через голову и распрямляю на теле, думая о том, что он проживает свою жизнь с армейской точностью, а я, возможно, внесла сумятицу своим присутствием, хотя он продолжает держать меня здесь, так что я не стану над этим особо задумываться.

— Все хорошо? — спрашиваю, нервничая и желая, чтобы он отнес меня обратно в постель и продолжил меня боготворить.

— Жив и здоров, — говорит еле слышно, как будто очень не жив и не здоров. — Сделаю нам завтрак.

Он резко хватает меня за руку и намеренно тащит меня из спальни. Мимо моего внимания не проходит то, каких усилий стоило Миллеру проигнорировать постель, желваки заходили, когда он краем глаза посмотрел на аккуратное покрывало и подушки — аккуратные по моим стандартам, в любом случае.

— Прощу, присаживайся, — инструктирует он, когда мы приходим в кухню, оставляя меня опуститься голой попой на холодное сиденье стула. — Что бы ты хотела?

— Я буду то же, что и ты, — говорю я, желая упростить его жизнь.

— Я буду фрукты и натуральный йогурт. Тебе подходит? — он открывает холодильник и достает ряд пластиковых контейнеров, в каждом разные нарезанные фрукты.

— Пожалуйста, — отвечаю со вздохом, молясь, чтобы мы не ступили на знакомую дорожку краткости и отчужденности. Похоже на то.

— Как пожелаешь, — голос резкий, когда он приседает, доставая из шкафчика миски, ложки из ящика и йогурт из холодильника.

Я молчу, наблюдая за ним. Все, что он ставит передо мной, должно стоять именно так. Апельсиновый сок выжат, кофе сварен, и Миллер в мгновение ока сидит напротив меня. Я ничего не трогаю. Не решаюсь. Все поставлено с невероятной точностью, и я не рискну еще больше портить ему настроение, сдвинув что-то.

— Угощайся, — кивает он на мою миску. Запоминаю место миски для фруктов, так чтобы суметь поставить ее на свое место, и начинаю ложкой накладывать в нее фрукты. Потом осторожно ее переставляю. Я еще даже не взяла ложку, когда он наклоняется через стол и передвигает тарелку с фруктами влево. Мое очарование Миллером Хартом только продолжает расти, и в то время, как эти маленькие проявления довольно раздражают, они, на самом деле, также и очаровывают. Теперь становится довольно очевидно, что именно я привожу этого джентльмена в панику — я и моя неспособность удовлетворять его навязчивую идею оставлять вещи так, как ему нравится. Только я не стану принимать это близко к сердцу. Не думаю, что на свете есть хоть кто-то, кто справился бы с этим.

Тишина безумно неуютная, и я точно знаю почему. Он завтракает, но я знаю, что он борется с желанием уйти из-за стола и идеально перестелить постель. Хочу сказать ему пойти и просто сделать это, особенно если от этого он расслабится, что значит, я расслаблюсь тоже. Хотя, у меня нет такого шанса. Он закрывает глаза, делает глубокий вдох и кладет свою ложку перпендикулярно миске.

— Извини, я отлучусь в ванную, — он встает и уходит из кухни, а мой взгляд следует за ним, желая пойти и посмотреть, что он делает, но я, пользуясь возможностью, изучаю предметы на столе в попытке запомнить их точное местоположение, чтобы он оставался спокойным. Не понимаю.

Проходит добрых пять минут, прежде чем он возвращается на кухню, заметно более расслабленный. Я расслабляюсь тоже и успокаиваюсь от того, что закончила завтракать и

выпила сок, так что мне больше не нужно двигать *что-то*...за исключением себя, так что я начинаю отслеживать последовательность своих движений и перемещений тоже — так же, как в его постели.

Он садится за стол и берет свою ложку, наполняет ее клубникой и отправляет в рот. Неизбежность моего взгляда, следящего за его неспешным пережевыванием — что-то, чему я не могу сопротивляться. Его рот гипнотизирует меня так же, как его глаза, когда он смотрит на меня. И я знаю, смотрят и сейчас, что ставит меня в затруднительное положение. Глаза или рот?

Он решает за меня, начиная говорить. Я практически не слышу его, меня отвлекают губы.

— У меня есть просьба, — заявляет он. Слова, наконец, достигнув моего спутанного сознания, заставляют меня обратить внимание на его глаза. Я была права. Они искрятся.

— Что за просьба, — спрашиваю осторожно.

— Не хочу, чтобы ты выделась с другими мужчинами, — он смотрит на меня задумчиво, явно пытаюсь понять мою реакцию, только я не даю ему многого, так как у меня пустое выражение лица, ведь я не знаю, как именно стоит реагировать. — Думаю, это вполне резонная просьба в свете твоего поведения прошлой ночью.

Теперь мое лицо меняется, и оно немного шокированное.

— Ты причина моего поведения прошлой ночью, — резко отвечаю я.

— Может и так, но мне не нравится мысль, что ты вот так себя обнажаешь.

— Обнажаю в общем или обнажаю себя перед другими мужчинами?

— И то, и другое. Ты не чувствовала потребности обнажаться до встречи со мной, так что не думаю, что тебе будет трудно выполнить мою просьбу, — он берет в рот еще одну порцию фруктов, только на этот раз я не хочу смотреть, как он жует. Нет, я все еще в шоке и смотрю в эти равнодушные глаза.

Он явно думает, что вполне резонно требовать подобное. Я даже не знаю, как это расценивать. Он только что боготворил меня в свое постели, говорил трогательные слова, а теперь он такой деловитый.

— И эта чушь со свиданиями, — продолжает он. — Этого, в любом случае, больше не случится.

Приходится сдерживаться от смеха.

— Почему ты просишь меня об этом? — прощупываю почву. Он так говорит, что хочет видеть нас верными друг другу?

Он пожимает плечами:

— Ни один мужчина не заставит тебя чувствовать себя так, как я, так что это в твоих лучших интересах.

Я в шоке от его самонадеянности. Он прав, но я не стану тешить его это.

— Миллер, — ставлю на стол локти и лбом прижимаюсь к ладоням. — Может, просто скажешь, что именно ты имел в виду? — я смотрю на него и вижу тень беспокойства на его идеальном лице.

— Не хочу, чтобы кто — то еще ощущал твой вкус, — говорит он бесцеремонно. — Это может показаться нерезонным, но это то, чего я хочу, и я был бы рад, если б ты согласилась.

— А что насчет тебя? — шепотом задаю вопрос. — Я знаю о той женщине.

— Переживет.

Переживет? То есть, он посвятил ее.

— И она согласна на это?

— Да.

— Почему бы это имело значение, если она просто деловой партнер?

— Как я уже сказал прошлой ночью, не имеет, но это важно для тебя, поэтому я рассказал ей о тебе, и давай на этом закончим.

Скалюсь на него со своего места:

— Я ничего о тебе не знаю.

— Ты знаешь о моем клубе.

— Только потому, что случайно там оказалась. Сомневаюсь, что узнала бы о нем, если бы ждала, пока ты мне расскажешь. И уверена, ты бы ни за что не привел меня туда сам.

— Ошибаешься.

Хмурюсь на это его слово, самоуверенный скандалист.

— Ты была в списке гостей, Ливи. Если бы я не хотел, чтобы ты туда попала, я бы приказал убрать твое имя из списка.

Закрываю рот и отматываю пленку назад к тому моменту, что могу вспомнить, до того, как шампанское и текила взяли вверх.

— Ты наблюдал за мной весь вечер, так ведь?

— Да.

— Я была с Грегори.

— Была.

— Ты думал, что я с ним на свидании?

— Да.

— И тебе это не понравилось?

— Нет.

Так же, как ему не понравилось видеть меня с Люком.

— Ты ревновал, — говорю, а в голове вертится вопрос, в какой момент он понял, что Грегори гей. Может, на танцполе. Или в туалете. Он работал в «Айс»¹¹, но мой друг не кричит открыто о своей сексуальной ориентации. Он рослый парень, и ему вслед смотрят столько же девушек, сколько и парней-геев.

— Жутко, — подтверждает он.

Я была права и я рада, только он скажет еще хоть что-нибудь, кроме этого слова?

— Что мне с этого? — спрашиваю, чертовски хорошо понимая, что он скажет.

— Удовольствие.

Облокачиваюсь на стол. Наслаждение, доставленное Миллером, главный приз...почти. Но что я действительно хочу, так это его постоянная нежность, такая как когда у него есть *его* или когда мы в его постели.

— Ты хочешь, чтобы я была исключительно твоей?

— Да.

Меня это абсолютно устраивает, но учитывая обстоятельства этого разговора, и то, откуда он пошел, я не уверена, что Миллер только мой.

— А что насчет тебя?

— Меня?

— Ты перестанешь отвечать односложно? — взрываюсь я.

Наклоняется через стол:

— Я прошу прощения?

— Можешь просить все, что хочешь, — в ответ шипение, ярость закипает внутри. — Но от меня ты не получишь никакого прощения.

— Осмелюсь не согласиться.

— Вот опять ты туда же! — я толкаю с места свою миску так, что она ударяется о стеклянную миску с фруктами, толкая ту со своего места. — Проси! — смотрю, как его взгляд фокусируется на разбросанных на его идеальном столе предметах, он резко вздрагивает, лицо искажается в приступе ярости. От этого я только настораживаюсь.

Спокойнее, чем, я знаю, он чувствует себя на самом деле, Миллер несколько минут молча расставляет все по своим местам, потом он встает, и мой взгляд следует за ним до тех пор, пока он не скрывается из виду. Он стоит за мной, я напрягаюсь, чувствуя, как на плечи ложатся его руки, сквозь ткань футболки посылая по коже разряд тока.

— Это ты будешь просить, сладкая девочка, — его губы оказываются у моего уха, прикусывая мочку. — Ты выполнишь мою просьбу, потому что мы оба понимаем, что в твоей голове постоянно звучит вопрос, как ты будешь жить без моего внимания, — большие пальцы начинают вырисовывать приятные, уверенные круги на моих плечах.

— Даже не воображай, что это мои самые важные потребности, — выдыхаю, желая расслабиться от его прикосновения, но отказываюсь дарить своему телу еще большее наслаждение, которого оно так жаждет. В самом начале Миллер говорил, что не сможет быть со мной, а фактически, не может держаться от меня подальше.

Его руки исчезают на секунду и меня поднимают со стула.

— Я не воображаю, Ливи, — он начинает медленно наступать, так что я отступаю до тех пор, пока не оказываюсь осторожно прижатой к стене. — Именно эти потребности мои, поэтому я делаю это предложение и именно поэтому ты его примешь.

Мой мозг проделывает удивительную работу, не давая моему желанию прорваться наружу. Оно там, но есть еще и желание получить ответы.

— Ты говоришь так, как будто это деловая сделка.

— Я много работаю. Она меня истощает эмоционально и физически. Хочу иметь возможность боготворить *тебя* и баловать, когда заканчиваю.

— Думаю, ты, кажется, говоришь об отношениях, — шепчу я.

— Называй, как хочешь. Хочу, чтобы ты была в моем распоряжении.

Я напугана, счастлива...не уверена. Для такого педантичного мужчины, он как-то странно подбирает слова.

— Думаю, я хотела бы называть это отношениями, — говорю, просто чтобы он был в курсе, на какой именно я странице.

— Как пожелаешь, — он наклоняется и находит мои губы, обвивая рукой мои ягодицы и поднимая, вжимает в свой торс. Я просто распадаюсь под ласковыми движениями его языка, наклоняю голову и выдыхаю ему в рот, только мысли по-прежнему вертятся вокруг только что произнесенных фантастических слов. Миллер Харт теперь мой парень? Я его девушка? — Перестань слишком много думать, — бормочет мне в рот, разворачиваясь и унося меня из кухни.

— Я не думаю.

— Да, думаешь.

— Ты меня путаешь, — ногами обвиваю его талию, руками его тело.

— Прими меня таким, какой я есть, Ливи, — он отпускает мои губы и прижимает к себе. Между нами тишина, как будто защищает все, что будет после тех его слов.

— Кто ты? — шепчу вопрос ему в шею и прижимаюсь к нему в ответ.

— Я мужчина, который нашел красивую, сладкую девочку, что дарит мне наслаждение большее, чем вообще возможно, — он опускает меня на диван и ложится рядом, его лицо близко к моему, рука поглаживает внутреннюю сторону моих бедер. — И я имею в виду не только секс, — шепчет он, и я выдыхаю. — Я ясно дал тебе понять свои намерения. — Проводит рукой по волоскам в верхней точке бедер и опускает палец по центру. Выгибаю спину. — Всегда для меня готова, — шепчет Миллер, собирая жаркую влагу с каждого дюйма моей плоти. — Она всегда меня хочет, — прижимаюсь к его лбу своим и закрываю глаза. — И она согласна, что не в силах это остановить. Мы созданы друг для друга. Идеально друг другу подходим.

Дыхание становится слабым, и в ногах появляется тяжесть.

— Она реагирует на меня, даже не подозревая об этом, — он подталкивает меня своим лбом. — И она знает, как я себя чувствую, когда она прячет от меня свое личико.

Заставляю себя открыть глаза, не шевеля головой, и непроизвольно начинаю осторожно толкаться бедрами вперед-назад в такт его ласкам моего влажного, пульсирующего лона. Он смотрит на меня лениво, наблюдая за тем, как я рассыпаюсь. В кулаках сжимаю его футболку, тяну ее и сминаю ткань, приводя в беспорядок идеально выглаженный материал.

— Она вот-вот кончит, — шепчет он, его взгляд плавно скользит по моему телу, оценивая труды своих рук. В ногах появляется дрожь от попытки сдержать резко возрастающее давление. А потом он толкается в меня пальцем, тяжело дыша, тут же добавляет второй, и тогда я кричу и начинаю дрожать. — Вот так, Ливи.

Не могу больше держать глаза открытыми и запрокидываю голову, шепча в кульминации бессвязные слова.

— Покажи мне свое лицо.

— Не могу, — произношу со стоном.

— Можешь для меня, Ливи. Дай мне тебя увидеть.

Отчаянно хнычу и поднимаю голову:

— Ты не можешь так со мной поступить.

Он целует меня, слишком ласково для моего теперешнего бесноватого состояния.

— Могу, делаю и всегда буду. Кричи мое имя, — Миллер касается подушечкой большого пальца моего клитора и кружит по нему уверенно, наблюдая, как мне приходится сражаться с наслаждением, которое он мне дарит.

— Миллер!

— Это единственное имя мужчины, которое ты когда-либо будешь выкрикивать, Оливия Тейлор, — он овладевает моим ртом, целуя со стоном в оргазме, и прижимается ко мне своей грудью, впитывая мою дрожь. — Я обещаю, что всегда буду дарить тебе такое особенное чувство, — он подносит к моему рту пальцы и проводит влажностью по моим губам. — Никто, кроме меня и тебя, никогда не узнает этот вкус, — его лицо лишено эмоций, но я начинаю распознавать его внутреннее состояние по его завораживающим глазам. Прямо сейчас он самодовольный, удовлетворенный...победивший. Я подтверждаю все его заявления тихими стонами и системными реакциями на его прикосновения.

Миллер Харт владеет моим телом.

И довольно быстро становится очевидно, что он владеет и моим сердцем тоже.

Ноги замерзли, и все тело затекло. Миллера нет со мной на диване, но я слышу его неподалеку, звук открывающихся шкафчиков и осторожно звякающей посуды быстро говорит мне о том, где он и что он делает. Потянувшись со счастливым вздохом, я улыбаюсь и смотрю в потолок, потом сажусь, напоминая себе о красивых картинах, что украшают стены его квартиры. Переводя взгляд с одной на другую, потом на третью несколько раз, перестаю пытаться выбрать любимую. Обожаю их все, даже несмотря на то, что они перекошены и рамки жуткие.

В голове сумбур после сна, как будто в противовес алкоголю, и несмотря на немного ноющие мысли, чувствую себя замечательно. Встаю с дивана, направляюсь на поиски Миллера и застаю его за протиранием кухонного стола антибактериальным спреем.

— Привет.

Он поднимает взгляд, тыльной стороной ладони убирая со лба выбившуюся прядь волос.

— Ливи, — он складывает тряпку и кладет ее рядом с раковиной. — Ты в порядке?

— Все хорошо, Миллер.

Он кивает:

— Превосходно. Я приготовил ванну. Хочешь присоединиться?

Мы вернулись к манерам джентльмена. Это вызывает у меня улыбку.

— Я бы с удовольствием к тебе присоединилась.

Он непонимающе наклоняет голову, подходя ко мне:

— Я сказал что-то забавное? — спрашивает, накрывая ладонью мой затылок и разворачивая меня.

— Твои манеры кажутся мне забавными, — я позволяю ему привести себя в спальню и в ванную комнату, где огромная ванна на резных ножках наполнена водой с пенкой.

— Мне стоит обидеться? — он берет низ моей футболки и снимает ее через голову, а потом аккуратно складывает ее и отправляет в корзину для белья.

Пожимаю плечами:

— Нет, твои привычки очаровательны.

— Мои привычки?

— Да, твои привычки, — я не конкретизирую. Он знает, к чему я клоню, и дело не только в его джентльменском поведении — когда он решает воспользоваться им.

— Мои привычки, — бормочет он, стягивая свою футболку, и повторяет ритуал со складыванием. — Думаю, я обиделся, — он снимает шорты и, аккуратно сложив их, также отправляет в корзину для белья. — После тебя, — говорит он, указывая на ванну, его обнаженное совершенство приводит меня в смятение. — Нужна помощь?

Поднимаю взгляд и вижу в его глазах самодовольство, он протягивает мне руку.

— Благодарю, — нерешительно берусь за его предложенную руку и поднимаюсь по ступенькам, прежде чем опуститься в ванну.

— Температура нормальная? — спрашивает Миллер, следуя за мной и садясь по другую сторону ванны так, что мы оказываемся лицом друг к другу, его ноги согнуты, колени разбивают гладкую поверхность воды.

— Конечно, — ложусь, ноги скользят по дну ванны до тех пор, пока не протискиваются под его бедра. Он вздергивает брови, заставляя меня покраснеть.

— Прости, скользко.

— Не извиняйся, — он вытаскивает из-под себя мои ноги и кладет их себе на грудь. —

У тебя симпатичные ножки.

— Симпатичные? — приходится сдерживать смех. Никогда не знаю, какие слова в каком тоне сейчас сорвутся с губ Миллера, но каждый раз, так или иначе, они меня впечатляют: удивление это, раздражение, страсть или смятение.

— Да, симпатичные, — он наклоняется и целует мои пальцы. — У меня к тебе просьба. От его фразы я довольно легко перестаю смеяться. Еще одна просьба?

— Какая? — спрашиваю нервно.

— Не смотри так испуганно, Ливи.

Легко ему говорить.

— Я не напугана. Заинтересована.

— Так же, как и я.

Хмурюсь, глядя на него:

— И чем ты заинтересован?

— Что именно я буду чувствовать внутри тебя без каких-либо преград.

— Ооо... — выдыхаю я.

Он наклоняется вперед и берет меня за руку, тянет, вынуждая меня подняться на колени, и кладет мою руку на твердый ствол у его живота.

— Ты, должно быть, тоже заинтересована.

Сейчас да.

— Ты так говоришь, как будто это надолго, — говорю я поспешно, храбрясь услышать его ответ.

— Я уже говорил тебе, что хочу больше, чем оставшиеся у нас четыре часа, которые, думаю, уже истекли, — он обхватывает себя моей рукой и накрывает мою руку своей, а потом начинает медленно направлять меня вверх и вниз под водой. Все мое естество расслабляется, в ответ на его слова меня окутывает умиротворенность. Движения его груди заметно изменяются, вдохи выдохи резко учащаются. Он ощущается как бархат, но вид наших слаженных движений размывается водой вокруг нас. Вижу только набухшую головку его члена, так что я поднимаю глаза и позволяю им насладиться видом чуть приоткрытых невероятных губ.

— Я заинтересована, — сознаюсь, продвигаясь вперед на коленях. — Только я не на таблетках.

— Готова исправить это, чтобы мы оба могли утолить свой интерес?

Киваю согласно, позволяя ему контролировать движения моей руки по его эрекции. Ощущения совершенные — гладкий, твердый и внушительных размеров. И выглядит он таким же совершенным, вдыхая в меня уверенность; я напрягаю руку до тех пор, пока он не отпускает ее и не смотрит хмуро, как я сажусь на его колени.

— Что ты делаешь, Ливи? — спрашивает настороженно, только не останавливает мои перемещения, пока я не устраиваюсь у него на коленях, его возбуждение оказывается точно подо мной. На самом деле, он мне помогает.

— Хочу почувствовать тебя, — опускаю к нему свое лицо, ощущение его, пульсирующего подо мной, придает уверенности. Теряю рассудок, тело движется само по себе.

Он едва заметно качает головой и прижимается к моим губам, целуя с обожанием. Я, может, дразню и мучаю его, но только он держит все под контролем.

— Нельзя, Ливи.

— Пожалуйста, — выдыхаю, найдя его волосы. — Позволь мне.

— Боже, ты меня убиваешь.

Принимаю его слабые, напряженные слова за поражение и тянусь вниз между наших тел, не разрывая наш поцелуй.

— Это ты меня, — ласково прикусываю его язык. — Ты разрушил меня, — рукой нахожу то, что искала, и приподнимаюсь, располагая над ним свое лоно.

— Я тебя не разрушал, Ливи, — чувствую, как его рука обвивает мое запястье, останавливая мои беспечные намерения. — Я пробудил в тебе желание, которое только я могу удовлетворить, — он убирает мою руку и предостерегающе поджимает губы. — И кажется одному из нас необходимо сохранять здравомыслие, прежде чем окажемся в неловком положении.

Сдерживаю желание, но его предостерегающий взгляд быстро возвращает меня к действительности:

— Твоя ошибка, — бормочу, смущенная и чувствую себя беспричинно отвергнутой.

— Все время так говоришь, — говорит Миллер, закатывая синие глаза. Признак раздражения, редкое проявление эмоций. Пытаясь возместить обиду и отвлечь Миллера от пренебрежения мной, начинаю опускаться, стремясь снова его ощутить. Только я не сильно продвигаюсь.

Он останавливает меня, выглядя практически нервно, и тянет вверх, полностью прижимая меня к себе и прислоняясь к бортику ванной, располагает меня на своей груди.

— *Мое.*

Несмотря на замешательство от его заявления, я счастливо мурлычу и отвечаю на его железные объятия, цепляясь за него везде и наслаждаясь звуком его дыхания, в то время как вода ласкает нас двоих.

— У меня тоже есть просьба, — шепчу я, чувствуя храбрость и понимая, что это подходящее для вопроса время.

— Придержи свою мысль в голове, — он поворачивает голову и целует меня в мокрую щеку. — Позволь мне получить *мое*.

— Я могу спросить, *пока* ты получаешь *свое*, — я сдерживаю улыбку.

— Возможно, но я люблю смотреть на тебя, когда мы разговариваем.

— Думаю, крепкие объятия, может быть, теперь и *мое* тоже, — я прижимаюсь чуть сильнее, отчего наши тела скользят. От уюта и покоя, поглотивших меня в эти минуты, мне хочется накрепко к нему приклеиться.

— Надеюсь, ты имеешь в виду со мной.

— Исключительно, — вздыхаю я. — Можно мне уже озвучить свою просьбу?

Он нехотя отрывает меня от своей груди, и я выпрямляюсь у него на коленях.

— Скажи, чего ты хочешь.

— Информацию, — храбрость исчезает при виде его поджатых губ и стиснутых скул, но я нахожу в себе силы продолжить. — Твои привычки.

— Мои привычки? — он поднимает брови, в практически предупреждающем жесте.

Осторожно продолжаю:

— Ты очень... — останавливаюсь, грамотно подбирая слова. — Точный.

— Ты имеешь в виду аккуратный?

Это больше, чем аккуратность. Это навязчивость, но у меня складывается такое чувство, что он чувствителен в этом вопросе.

— Да, аккуратный, — смягчаюсь я. — Ты очень аккуратный.

— Я беспокоюсь о том, что мое, — он тянется и прикусывает мой сосок, от чего я подпрыгиваю на нем. — А ты теперь моя, Оливия Тейлор.

— Да? — произношу шокировано, хотя внутри я счастлива. Хочу принадлежать ему каждую секунду каждого дня.

— Да, — просто говорит он, берет меня за талию и тянет к себе до тех пор, пока наши лбы не соприкасаются. — Ты тоже моя привычка.

— Я привычка?

— Вызывающая зависимость привычка, — он целует меня в нос. — Привычка, от которой я не собираюсь избавляться никогда.

Без колебаний даю ему знать свои мысли о нем и его новой привычке:

— Ладно.

— Кто сказал, что у тебя есть выбор?

— Ты сказал, что никогда не заставишь меня делать то, чего я не хочу, — напоминаю ему.

— Я сказал, что никогда не заставлю тебя делать то, что *я знаю*, ты делать не хочешь, а я знаю, что ты, на самом деле, хочешь быть моей привычкой. Так что это бессмысленный спор, не согласна?

Бросаю на него полный злости взгляд, озадаченная таким ответом.

— Ты наглый.

— У тебя проблемы.

Я отодвигаюсь на его коленях:

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю. Он меня предупреждает?

— Давай поговорим про вчерашний вечер, — он предлагает, так, как будто мы собираемся обсудить, куда пойти обедать. Я тут же настораживаюсь, и то, что я прижимаюсь к его груди и прячу лицо в изгибе его шеи — явный тому признак.

— Мы уже говорили об этом.

— Не совсем. Я так ничего и не узнал о твоём безрассудном поведении, Ливи, и от этого мне немного некомфортно, — он отрывает меня от своей груди и удерживает на месте. — Когда я с тобой разговариваю, ты смотришь на меня.

Держу голову опущенной:

— Я не хочу с тобой разговаривать.

— Не прокатит, — он передвигается, устраиваясь удобнее. — Объяснись.

— Я напилась, все, — я не специально, но, стиснув зубы, смотрю на него раздраженным взглядом. — И прекрати разговаривать со мной, как будто я нашкодивший ребёнок.

— Тогда не веди себя так, — он совершенно серьезен. Я в шоке.

— Знаешь что? — я отталкиваюсь и вылезаю из ванной, а он не делает ничего, чтобы меня остановить. Он просто ложится обратно, расслабленный и совершенно не впечатленный моей маленькой истерикой. — Ты может и заставляешь меня чувствовать себя потрясающе, говоришь красивые слова, занимаясь со мной любовью, только когда ты ведешь себя вот так, весь...весь...весь...

— Весь какой, Ливи?

— Ты лицемерный придурок! — кричу в отчаянии.

Его это совсем не трогает.

— Скажи, почему ты исчезала. Где ты была?

От его требовательных вопросов ярость только усиливается...и отчаяние.

— Ты сказал, что никогда не заставишь меня делать то, чего я не хочу.

— То, что, *я знаю*, не хочешь. Я вижу, как что-то тяготит мою сладкую девочку, —

Миллер дотрагивается до меня рукой. — Позволь мне облегчить это.

Несколько секунд смотрю на его руку, в голове проносится только одна тревожная мысль. Он снова оставит меня, если я когда-нибудь расскажу.

— Ты не сможешь, — разворачиваюсь и ухожу босиком. Я не могу это выдержать. Миллер Харт словно поездка на американских горках, бросает меня из неопишуемого наслаждения в несказанную ярость, от уверенности к робости и нервозности, из искренней радости в мучительную боль. У меня неизменно два пути, и хоть я прекрасно помню свои чувства, когда он оставил меня в прошлый раз, отчаяние хотя бы было закономерным. По крайней мере, я знала, где находилась. В этот раз решать буду я.

Мокрая и замерзшая, я открываю нижний ящик комода и забираю свои трусики, сумку и туфли, после чего спешу в его гардеробную и хватаю первую попавшуюся рубашку, до которой дотягиваюсь, набрасываю ее на плечи и ставлю на пол туфли. Надев белье и натянув туфли, срываюсь, пробегая по спальне, коридору и гостиной, отчаянно скрываясь от его давящих вопросов и осуждающего тона. Я понимаю, что вела себя безрассудно прошлой ночью. Моих ошибок более чем достаточно, но ни одна из них не является такой масштабной, как мужчина, которого я только что оставила в ванной. Не знаю, о чем я только думала. Он не поймет.

Рванув к входной двери, начинаю успокаиваться, как только рука соприкасается с дверной ручкой. Только я не могу повернуть ее. Дверь не заперта, я могу уйти, если захочу, но вот мышцы игнорируют приказ мозга открыть дверь. И все потому, что мозг посылает более сильную команду вернуться и *заставить* его понять.

Смотрю на свою ладонь, мысленно желая, чтобы она повернула ручку. Но она не поворачивает. И не повернет. Прислоняюсь лбом к блестящей поверхности черной двери, глаза зажмурены, пока я борюсь с противоречивыми командами в голове и в отчаянии переминаюсь с ноги на ногу. Я не могу уйти. Мое тело и голова не готовы переступить через этот порог и оставить позади единственного мужчину, с которым я когда-либо была связана. Я не позволяла этому случиться. Это было непреодолимо.

Разворачиваюсь, спиной прижимаясь к двери, и смотрю на Миллера. Он стоит, тихо наблюдая за мной, абсолютно обнаженный и полностью мокрый.

— Ты не можешь уйти, так ведь?

— Не могу, — всхлипываю я, ноги становятся слабыми, так же, как и мое влюбленное сердце, и отказываются дальше держать меня, так что я сползаю вниз по двери до тех пор, пока пятая точка не соприкасается с полом. Злость превращается в слезы, и я беззвучно плачу, последняя защита испарилась. Позволяю безысходности утекать сквозь пальцы, а последняя стена ломается под пристальным взглядом сбитого с толку Миллера Харта. Проходит как будто вечность, хотя на самом деле всего несколько секунд, после которых он поднимает меня с пола и несет обратно в свою постель. Он ничего не говорит. Садится на край, снимает с меня туфли и трусики, стягивает с моих плеч и рук свою рубашку, в то же время тянется ко мне и целует щеку.

— Не плачь, сладкая, — шепчет Миллер, швыряет рубашку на пол, что так на него не похоже, и опускает меня на постель. — Пожалуйста, не плачь.

Его просьба имеет обратный эффект, и еще больше слез бежит, его обнаженный торс

становится таким же мокрым, как и мое лицо, так как он прижимает меня к себе, ласково целую в макушку тут и там, умиротворяющее мурлыча. Я начинаю успокаиваться, и всхлипы стихают в его тепле, пока он меня держит, тихий шепот его голоса заполняет мои уши.

— Я не сладкая девочка, — шепчу ему в грудь. — Ты продолжаешь называть меня так, хотя не должен.

Мурлыканье стихает, исчезают ласковые поцелуи в макушку. Он задумался над моими словами.

— Ты очень даже сладкая... женщина, Ливи.

— Это совсем не имеет отношения к «девочке», — шепчу я. — Меня больше беспокоит часть про «сладкую», — чувствую, как он едва заметно напрягается, прежде чем оторвать меня от своей груди. Мы разговариваем, он хочет зрительного контакта, и, получив его, подушечками больших пальцев вытирает мои мокрые щеки, и смотрит на меня полным жалости взглядом. Я не хочу жалости. Не заслуживаю ее.

— Ты *моя* сладкая девочка.

— Ошибаешься.

— Нет, ты моя, Ливи, — настаивает он, практически выказывая раздражение.

— Я не об этом, — вздыхаю, опуская взгляд, но вскоре снова поднимаю его, когда он опускает руку с моей щеки к шее, и приподнимает голову.

— Конкретизируй.

— Я хочу быть твоей, — шепчу, и он улыбается. Дарит мне свою редкую, красивую улыбку, сердце наполняется радостью всего на секунду, но потом я вспоминаю, о чем будет идти разговор. — Я действительно хочу быть твоей.

— Рад, что мы это выяснили, — он прикасается ко мне губами, осторожно целуя. — Только в этом вопросе, правда, у тебя нет выбора.

— Знаю, — я соглашаюсь, понимая, что это не только из-за слов Миллера. Я пыталась уйти, но не смогла. Правда пыталась.

— Послушай меня, — говорит он, садясь и перетаскивая меня к себе на колени. — Я не должен был на тебя давить. Говорил, что никогда не заставлю тебя делать то, что, я знаю, ты делать не хочешь. Так будет всегда, только, пожалуйста, знай, ты зря боишься, что хоть что-то может изменить мое отношение к моей сладкой девочке.

— Что, если это не так?

— Я никогда этого не узнаю, если ты мне не расскажешь, а если не расскажешь, все тоже будет хорошо. Да, я хотел бы, чтоб ты мне доверилась, но только если тебя это не будет так расстраивать, Ливи. Не могу видеть тебя такой грустной. Хочу, чтобы ты доверилась мне: это никогда не изменит моего к тебе отношения. Позволь мне тебе помочь.

Подбородок начинает дрожать.

— Твоя мама, — говорит он тихо.

Киваю.

— Ливи, ты не такая. Не позволяй чьему-то плохому выбору влиять на твою жизнь.

— Хотела бы я, — шепчу, стыд начинает меня настигать, и я роняю голову.

Он касается моего лица и приподнимает его, но я не поднимаю глаз, не желая лицом к лицу сталкиваться с его осуждением.

— Мы разговариваем, Ливи.

— Я сказала достаточно.

— Нет, не сказала. Посмотри на меня.

Заставляю себя заглянуть в его глаза, но не вижу в них осуждения. Вообще ничего. Даже сейчас Миллер Харт держит все под контролем.

— Я хотела узнать, куда она пропала.

Он хмурится:

— Ты меня запутала.

— Я прочитала ее дневник. Читала про места, куда она ходила и с кем. Прочитала про мужчину. Мужчину по имени Уильям. Ее сутенера.

Он просто смотрит на меня. Знает, к чему я клоню.

— Я познакомилась с ее миром, Миллер. Я жила ее жизнью.

— Нет, — он качает головой. — Нет, ты этого не делала.

— Да, жила. Что такого удивительного было в той жизни, чтобы она оставила свою роль мамы? Что заставило ее бросить меня? — борюсь со слезами, готовыми вот-вот снова политься. Отказываюсь проливать еще хоть слезинку из-за этой женщины. — Я достала бабушкин джин и потом нашла Уильяма. Заставила его взять меня, и он свел меня с клиентами. Ее клиентами. Я прошла через большинство мужчин, упомянутых в ее дневнике.

— Остановись, — шепчет он. — Пожалуйста, остановись.

С силой тру свои мокрые щеки.

— Все, что я увидела, это унижение, когда ты позволяешь мужчинам трахать тебя.

Он морщится в отвращении:

— Не говори так, Ливи.

— Не было ничего прекрасного или привлекательного в бездумном сексе.

— Ливи, пожалуйста! — кричит он, отталкивая меня от себя и вставая, оставляет меня с чувством ненужности и одиночества. Он начинает вышагивать по комнате, явно взбешенный, запрокидывая в ярости голову. — Я не понимаю. Ты такая чистая и красивая внутри. И я люблю это.

— Алкоголь помогал пройти через это. Там было только мое тело. Но я не могла остановиться. Продолжала думать, что там есть что-то большее, то, что я пропустила.

— *Прекрати!* — он оборачивается и буравит меня безумным взглядом, заставляя в шоке отпрыгнуть на постели. — Любого мужчину, позволившего себе меньшее, чем преклонение перед тобой, нужно, на хрен, застрелить, — он опускается на пол, запустив руки в волосы. — Блять!

Все внутри меня распадается — тело, разум и сердце. Всему конец, мое прошлое слишком сильно вплелось в настоящее и заставляет меня объясняться. Он переводит свой взгляд на меня. Синие глаза прожигают меня. Потом они закрываются, и он набирает большой, успокаивающий глоток воздуха, только я не даю ему времени обрушиться на меня свои мысли. В любом случае, я хорошо представляю, какие они.

Я разрушила его образ чистой, красивой девочки.

— Прости, — бросаю зло, сползая с постели. — Прости, что сломала твой идеал, — поднимаю с пола его рубашку и молча ее надеваю. Чувствую, как боль скручивается в животе, оживляя годы мучений и страданий.

Натягиваю свои модные трусики, поднимаю с пола сумочку и туфли и выхожу из его спальни, понимая, что в этот раз смогу уйти. И я уйду. От очевидного презрения, которое он чувствует, с легкостью поворачиваю дверную ручку, иду по коридору к лестничной клетке, босые ноги плетутся по полу так же, как и мое пропащее сердце.

— Пожалуйста, не уходи. Мне жаль, что накричал на тебя.

Его мягкий голос останавливает меня на полпути и вырывает из моей груди разбитое сердце.

— Не чувствуй себя обязанным, Миллер.

— Обязанным?

— Да, обязанным, — говорю я, снова возобновляя шаг. Миллер чувствует себя виноватым, за то, что его бурная реакция была не тем, что было нужно мне, что он не проявил сочувствия. Не знаю, где золотая середина, но принятие и понимание, возможно, помогают. Это будет больше, чем я могу себе позволить.

— Ливи! — слышу звук его босых ног, следующих за мной, и когда он останавливается прямо передо мной, с ужасом замечаю, что на нем только черные боксеры. — Не знаю, сколько раз тебе нужно повторять, — шипит он. — Когда я с тобой разговариваю, ты на меня смотришь.

Он говорит это потому, что ему больше нечего сказать.

— И что ты скажешь, если я на тебя *посмотрю*? — спрашиваю я, потому что не хочу видеть отвращение, вину или сочувствие.

— Если согласишься, узнаешь, — он наклоняется, замирая в поле зрения моих опущенных глаз, и вынуждает взглянуть на него. Вижу его прекрасное лицо, лишенное каких-либо эмоций, и хотя обычно нахожу это раздражающим, прямо сейчас чувствую облегчение, потому что с отсутствием эмоций нет презрения или одной из тех эмоций, что я не хочу видеть. — Ты все еще моя привычка, Ливи. Не проси меня от тебя избавиться.

— Я тебе отвратительна, — шепчу, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. Не хочу больше перед ним плакать.

— Я отвратителен сам себе, — он осторожно протягивает руку и обхватывает, приподнимая, мой затылок, смотрит на меня пристально, ища признаки обвинений. Я не стану его винить. Никогда не стану его винить. Понимаю, что мое лицо сейчас, должно быть, так же сложно прочитать, как и его, и это потому что я не уверена, что чувствую. Часть меня чувствует облегчение, огромной части все еще стыдно и другая, самая большая, понимает, что для меня значит Миллер Харт.

Комфорт.

Убежище.

Любовь.

Я пропала. Этот мужчина дарит мне намного больше комфорта и предлагает намного больше защиты, чем мой привычный образ жизни когда-либо мог. Когда он не издевается надо мной и не напоминает о моих манерах, он переполняет меня обожанием, и даже раздражающие его черты до глупого уютные. Я влюблена в псевдо-джентльмена так же сильно, как во внимательного любовника. Я люблю его — люблю целиком.

Уголки его губ дергаются, но это нервное. Могу сказать это с уверенностью.

— Ненавижу саму мысль о тебе в таком положении. Ты никогда не должна была в нем оказаться.

— Я сама поставила себя в такое положение. Я напивалась, проходя через это, даже если это делало меня глупой. Уильям прогонял меня, когда узнал кто я, но я была полна решимости. Я была дурой.

Он не спеша моргает, пытаюсь выдержать мою атакующую его реальность. Прошрое моей матери. И мое прошлое.

— Пожалуйста, вернись внутрь.

Я киваю едва заметно, и он облегченно выдыхает, кладя руки на мои плечи и притягивая к своей груди. В тишине мы не спеша возвращаемся в его квартиру.

Усадив меня на диван и поставив под столик мою сумку и туфли, он решительно направляется к шкафчику с алкоголем и наливает какую-то темную жидкость в стакан, быстро опрокидывает ее в себя и наполняет снова. Руки напряжены, голова опущена. Слишком тихо. Неуютно. Мне нужно знать, что крутится в его запутанных мыслях.

После долгой трудной тишины он берет свой стакан и подходит ко мне, съезжившейся, садится на стеклянный столик и ставит стакан, чуть-чуть передвинув. Наконец выдыхает.

— Ливи, я изо всех сил стараюсь, чтобы это не выбило меня из колеи.

— Да, — соглашаюсь я.

— Ты так... ну, очаровательно чиста в самом хорошем смысле этого слова. Я люблю это.

Хмурюсь:

— Потому что ты можешь вытирать об меня ноги?

— Нет. Это просто...

— Что, Миллер? Это просто что?

— Ты другая. Твоя красота начинается здесь, — он наклоняется и проводит ладонью по моей щеке, гипнотизируя меня пристальным взглядом синих глаз. Потом проводит по моей шее и опускается к груди. — И идет прямо сюда. Глубоко сюда. Она сквозит в этих сапфировых глазах, Оливия Тейлор. Я увидел ее в ту же секунду, как взглянул на тебя, — меня душат эмоции, упоминание сапфировых глаз оживляет воспоминания о бабушке. — Я хочу полностью в тебе раствориться, Ливи. Хочу быть твоим. Ты мой идеал.

Я в шоке. Но не произношу этого вслух. Для Миллера сказать, что я его идеал, учитывая его безумно идеальный мир...просто сумасшествие.

Он берет мои руки и целует костяшки пальцев.

— Мне плевать, что происходило годы назад, — он хмурится и качает головой. — Нет, прости. Мне есть дело, я, нахрен, ненавижу, что ты это делала. Не понимаю, зачем.

— Я чувствовала себя потерянной, — шепчу я. — Дедушка не давал всему развалиться, когда мама исчезла. Он годами сражался с горем бабушки и прятал свое. А потом он умер. Он все это время прятал мамин дневник, — я перевожу дух и продолжаю, пока не потеряла ход своих мыслей или Миллер не потерял рассудок. С каждой секундой он выглядит все более и более шокированным. — Она писала обо всех тех мужчинах, что засыпали ее подарками и вниманием. Может, найди я его, нашла бы и ее.

— Твоя бабуля любила тебя.

— Нан была неспособна на что-либо после смерти дедушки. Она проводила каждую секунду каждого дня, плача и моля об ответах. Она не видела меня в своем горе.

Миллер крепко зажмуривает глаза, но я продолжаю, несмотря на его явную борьбу.

— Я ушла и нашла Уильяма. Он меня не принял, — теперь Миллер стиснул зубы. — У него не заняло много времени сложить два и два, и он отослал меня. Но я вернулась. Теперь я представляла, как это работает. Во мне стало еще больше решимости выяснить что-нибудь о своей маме, но я так никогда и не выяснила. Все, что я почувствовала — это стыд, когда позволила одному из них поиметь меня.

— Ливи, пожалуйста, — щеки Миллера раздуваются, и он медленно выдыхает, очевидная попытка успокоиться.

— Уильям отвез меня домой, и я нашла бабулю в еще более худшем состоянии, чем она

была, когда я уходила. Ей было так плохо. Я почувствовала себя виноватой и поняла, что теперь моя работа — заботиться о ней. У нас были только мы. Я больше не возвращалась к Уильяму, и с тех пор больше ни с кем не была. Нан не узнает, где я была и чем занималась. Она не вынесет.

Затуманенным взором вижу распахнутые синие глаза и мужественное лицо. Теперь ничего нет. И оно не вернется.

Он, кажется, встряхнулся, возвращаясь к жизни, и крепко сжал мои руки.

— Обещай мне, что больше никогда так не унизишься. Я умоляю.

Я не колеблюсь:

— Обещаю, — это самое простое обещание, которое я когда-либо давала. Это все, что он хочет сказать? В его взгляде нет ни презрения, ни отвращения. — Я обещаю, — подтверждаю я. — Я обещаю, обещаю, обе... — мне не позволяют продолжить. Одним стремительным движением он укладывает меня на спину и захватывает вниманием своего рта, целуя до тех пор, пока я, буквально, не вижу звезды. Он стонет мне в шею, прокладывая дорожку поцелуев вдоль моей щеки, врываясь языком в мой рот. Он повсюду. — Я обещаю, — слышится мой стон. — Обещаю.

Он борется с рубашкой на мне, расстегивая ее и открывая себе доступ к моему телу.

— Тебе же лучше, — предостерегает он серьезно, спускаясь губами по моей шее к груди. Его рот обхватывает мой затвердевший сосок и всасывает его жестко, я выгибаюсь, руки движутся сами собой. Они останавливаются на его сильных плечах, ногти врезаются в его кожу, а потом я чувствую его пальцы между бедер, он раздвигает мои ноги, и его голова начинает спускаться. Он безумно, уверенно и жарко лижет мое лоно, после чего поднимается, снова накрывая собой мое тело и обрушиваясь на мой рот. — Так готова, — шепчет он.

— Внутри. Хочу тебя внутри, — я требую, отчаянно желая, чтобы он стер последний час отравляющих признаний и осуждений. — Пожалуйста.

Он рычит, углубляя свой поцелуй. — Презерватив.

— Возьми его.

— Черт! — рычит он, вскакивая и поднимая меня на ноги. Тянется и закидывает меня на плечо, стремительно врываясь в спальню и бросая меня на постель, поспешно стягивает свои боксеры, достает презерватив и быстро его раскатывает.

В нетерпении смотрю на него, желая, чтобы он поспешил, пока я не потеряла чертов рассудок.

— Миллер, — зову, тянусь наверх и провожу рукой по центру его живота.

Он толкает меня на спину и опускается на кулаки, поставив их по обе стороны от моей головы. Он не дышит, волосы спадают на лоб, в глазах голод.

— Вот о чем все это, — двигает бедрами и погружается в меня со сдерживаемым вдохом, оставаясь глубоко внутри и пытаюсь стабилизировать неровное дыхание. Я вскрикиваю. — Это наслаждение, — он отстраняется и толкается с новым потоком воздуха, выбивая из меня еще один вскрик удовольствия. — Это чувство, — почти выходит и снова погружается. — Именно так это будет всегда, — его движения неукоснительны, точны и идеально рассчитаны. — Это мы.

— Я хочу, чтобы так было, — выдыхаю, встречая каждое его движение постоянным подмахиванием своих бедер. Его глаза улыбаются, а потом, подобно солнечному свету, пробивающемуся сквозь серые тучи, туманный день Лондона, его губы улыбаются тоже —

идеально ровные белые зубы во всей красе, неистовый блеск в его глазах. Он принимает меня. Все во мне.

— Я рад, что мы это выяснили, только не то чтобы у тебя был выбор.

— Я и не хочу выбирать.

— Знаешь, от этого появляется идеальное чувство, — он опускается на руках, и мы оказываемся нос к носу, снова и снова обмениваясь потрясающими, глубокими движениями. Руки беспорядочно блуждают по его спине, ноги согнуты в коленях и широко разведены, а его рубашка — смятое месиво, прилипшее к моему телу. — У меня очаровательная привычка, — говорит он, изучая мое лицо.

— У меня тоже.

— Она самое прекрасное создание.

— Моя привычка интригует, — стону я и поднимаю лицо, ловя его губы. — Он замаскирован.

— Замаскирован? — спрашивает в мой рот, его язык встречается с моим требовательным.

— Он замаскирован под джентльмена.

С его губ срывается удивленный смешок.

— Если бы прямо сейчас я не получал удовольствие, наказал бы тебя за дерзость. Я джентльмен, — он входит глубже и прикусывает мою губу. — Хрен!

— Джентльмены не сквернословят! — кричу, обвивая ногами его талию и сжимая их, и вдавливаю их в его упругую задницу.

— Черт!

— Боже! Быстрее! — руки вжимаются в его шею, принуждая его губы впиться в мои.

— Смаковать, — возражает он слабо. — Я буду наслаждаться тобой медленно.

Он, может, и наслаждается мной медленно, а я вот схожу с ума быстро. Его контроль за гранью объяснимого. Как он это делает?

— Ты же хочешь быстрее, — подстрекаю его, вцепляясь в его взъерошенные волосы.

— Ошибаешься, — он отстраняется, заставляя меня ослабить хватку. — Я не хотел раньше и уж точно не хочу сейчас.

Резкое напоминание того, что предшествовало правильности этого момента, останавливает на полпути мою искушающую тактику.

— Спасибо, что оставил меня, — шепчу.

— Не благодари меня. Это просто происходит, — он резко выходит и осторожно заполняет меня снова, тянет вверх мои бедра, прежде чем снова погрузиться в меня. Зарываюсь лицом в подушку, кусая хлопок, пока он систематично двигается назад и вперед, мучительно медленно. Он бьет по моим чувствам, и я понимаю, что тело реагирует на его толчки, следует за его движениями. Он снова меняет позицию, переворачивая меня на спину и запрокидывая мои ноги себе на плечи, и он снова во мне, глубоко внутри.

Он вспотел, волосы превратились в беспорядочную влажную массу, щетина блестит.

— Люблю видеть движения твоего тела.

Позволяю своим глазам спуститься к его груди, вижу, как перекачиваются мышцы торса с каждым его новым толчком. Я вот-вот взорвусь, но пытаюсь держаться, чтобы еще немного следовать за ним. Снова найдя его глаза, накаляюсь еще больше при виде одной из его прекрасных улыбок, что он мне дарит.

— Даю тебе гарантию, Ливи. Ты и есть истинная красота в моих глазах.

— Ошибаешься, — выдыхаю серьезно, тянусь вверх, чтобы коснуться его. Он настолько идеален, что глазам почти больно.

— Мы придем к соглашению не соглашаться, сладкая девочка, — он намеренно входит глубже, от чего я просто не в состоянии с ним спорить. — Договорились?

— Да!

— Согласен! — он роняет плечи, позволяя моим ногам спуститься, скользнув по его плечам, так что он смог опустить свой торс. — Закинь руки за голову.

— Хочу касаться тебя, — возражаю, мои любопытные руки горят в бешенстве.

— Закинь руки за голову, Ливи, — он повторяет свой приказ с резким толчком, отчего я запрокидываю голову, так же, как и руки. Опустившись на локти, он накрывает ладонями мои руки и вытягивается, ускоряя темп своих бедер. В синих глазах дикая страсть.

— Ты готова, Ливи?

Киваю, потом качаю головой и снова киваю:

— Миллер!

Он рычит, ускоряя ритм.

— Ливи, я собираюсь весь день сводить тебя с ума от наслаждения, так что ты должна научиться контролировать свое тело.

Теперь я качаю головой, тело атакуют повторяющиеся уколы удовольствия. Это слишком.

— Пожалуйста, — умоляю, заглядывая в его полные триумфа глаза. Он любит сводить меня с ума. Преуспевает в этом. — Ты это специально.

Он отпускает мою ногу, и я оказываюсь в ловушке его тела, не могу изгибаться, шевелиться или содрогаться. Я больше не могу. Я потеряю сознание.

— Конечно, специально, — соглашается он. — Если бы ты видела то же, что и я, ты бы и сама подседала на это.

— Не мучай меня, — стону, подбрасывая бедра.

Он опускается и целует меня.

— Я тебя не мучаю, Ливи. Я лишь показываю, как это должно быть.

— Сводишь меня с ума, — выдыхаю. Ему не нужно мне показывать. Он делал это каждый раз, когда превозносил меня.

— И это самое блаженное зрелище, — он прикусывает мою губу. — Хочешь кончить?

Киваю и поднимаю руки, и он меня не останавливает. Нахожу его плечи, мои руки скользят повсюду, и, черт побери, целую его. Я отчаянно ласкаю его языком, и он уносит меня все выше и выше, а потом это происходит. Он кричит в унисон с моим криком мучительной боли в теле, и мы оба начинаем содрогаться и пульсировать. Я абсолютно переполнена, и, как только судороги стихают, не могу говорить, двигаться и отчетливо видеть. Он дергается, продолжая уверенно двигаться.

— Плохие новости или хорошие? — спрашивает мне в шею, только я не в силах ответить. Не могу дышать, мысли спутались, и я пытаюсь пожать плечами, что больше походит на спазм. — Сообщи тебе плохие новости, — говорит он, когда становится очевидно, что ответа не последует. — Плохие новости заключаются в том, что я парализован. Я, черт возьми, не могу пошевелиться, Ливи.

Если бы у меня были силы, я бы улыбнулась, но я отчаянная кучка скрученных нервных окончаний. Так что, я мурлычу свой ответ и пытаюсь чуть-чуть сильнее к нему прижаться. Бесполезно.

— Хорошие новости, — заявляет он, — нам никуда не нужно идти, так что мы можем остаться здесь вот так навсегда. Я тяжелый?

Он очень тяжелый, только у меня нет сил или настроения говорить ему об этом. Он закрывает меня, каждую клеточку, наша вспотевшая кожа соприкасается везде. Снова несогласно мурлычу, в изнеможении закрываю газа.

— Ливи? — шепчет он мягко.

— Ммм?

— Чтобы не случилось в прошлом, ты все равно моя сладкая девочка. Ничто этого не изменит.

Открываю глаза и нахожу в себе силы ответить.

— Я женщина, Миллер, — говорю я, нуждаясь в том, чтобы он понял: я не девочка. Я женщина, у меня есть потребности, и одна из них — самая большая — теперь Милер Харт.

ГЛАВА 20

То, что он меня бросит, было неизбежно. Все его действия, успокаивающие слова и комфорт были слишком хороши для правды. Я должна была понять это по его виноватому выражению лица, когда он не дал мне уйти. Хочу, чтобы он никогда не шел за мной. Хочу, чтобы он никогда не позволял своей жалости взять верх и не дарил мне комфорта. От этого только тяжелее выносить все. Бесконечная темнота и безжалостная боль. Все болит — мозг от слишком долгих раздумий, тело от нехватки его прикосновений и глаза, потому что не видят его. Не уверена, как давно он ушел от меня. Дни. Недели. Месяцы. Может, дольше.

Я рискую не выбраться из своей тихой темноты. Рискую не показывать свою израненную душу миру, который погружает меня в еще большее одиночество, чем я чувствовала до встречи с Миллером Хартом.

Из глаз начинают литься слезы. В сознание врывается образ моей матери, а голова дергается от пощечины Нан.

— Ливи?

— Оставь меня в покое, — хнычу, переворачивая свое обнаженное тело на живот и пряча заплаканное лицо в подушку.

— Ливи, — руки начинают тянуть меня, и я отталкиваю их, не желая никого и ничего видеть. — Ливи, пожалуйста.

— Отвяжись! — кричу, беспомощно мечась.

— Ливи!

Меня вдруг вдавливают в матрас, руки прижимают по бокам.

— Ливи, открой глаза.

Начинаю качать головой и сильнее зажмуриваю глаза. Я еще не готова лицом к лицу столкнуться с миром — может, никогда не буду. Мои руки отпускают, и голова замирает неподвижно, когда знакомая мягкость неспешных губ касается моего рта, и слышу низкое мурлыканье, которое так сильно люблю.

Открываю глаза и поспешно сажусь — я в шоке, растеряна и вся взмокла. Сердце бешено стучит, а я ничего не вижу из-за беспорядочной копны волос, упавших на лицо.

— Миллер? — волосы убирают с глаз, и он медленно появляется в поле моего зрения, озабоченность читается в каждой черточке его невозможно красивого лица.

— Я здесь, Ливи.

Облегчение, наконец, накрывает меня, я бросаюсь на него, стоящего на коленях и роняю

на спину. Я одновременно испытываю грусть, облегчение, ужас и спокойствие.

Это был просто сон.

Сон, который заставил меня слишком живо ощутить, что может быть, если *он* уйдет.

— Обещай, что ты меня не бросишь, — бормочу я. — Обещай, что никуда не уйдешь.

— Эй, откуда это взялось?

— Просто скажи это, — прячу лицо в изгиб его шеи, не желая отпустить. У меня и прежде были сны, после которых я просыпалась и задавалась вопросом, было ли это на самом деле, но этот был другим. Он был ужасающе реальным. Все еще чувствую боль в груди и охватившую меня панику даже сейчас, когда он уверенно держит меня в своих руках.

Это требует от него некоторых усилий, но он, в конце концов, отрывает от своей спины мои вжавшиеся пальцы и отстраняет меня от себя. Сев и расположив меня между своих ног, он ладонями обхватывает мою шею и приподнимает мою голову до тех пор, пока наши глаза не встречаются, мои — полные слез, его — нежности.

— Я не твоя мать, — говорит он уверенно.

— Так больно, — всхлипываю я, пытаюсь убедить себя, что это был всего лишь сон — глупый, глупый сон.

Его лицо мрачнеет:

— Твоя мать оставила тебя, Ливи. Конечно, это больно.

— Нет, — качаю в его руках головой. — Это больше не болит, — новый страх стер любые ощущения брошенности, которые я чувствовала прежде. — Мне без нее лучше, — он морщится, мучительно закрывая глаза от моей резкости. Мне плевать. — Я говорю о тебе, — я шепчу. — Ты оставил меня, — понимаю, что кажусь убогой и слабой, но отчаяние меня убивает. В сравнении с тем, что я чувствую сейчас, исчезновение мамы кажется сейчас легким бризом. Миллер показал мне комфорт. Он принял меня. — Я никогда не чувствовала такую боль.

— Ливи...

— Нет, — прерываю его. Он должен знать. Я отползаю на кровати, подальше от его личного пространства, оказываясь вне зоны досягаемости.

— Ливи, что ты делаешь? — спрашивает он, потянувшись за мной. — Иди сюда.

— Ты должен знать кое-что, — бормочу нервно, отказываясь встречаться с ним взглядом.

— Ещё что-то? — выпаливает он, убирая протянутую руку так, как будто я могу его укусить. Он насторожен, внимателен. Это не уменьшает моей уверенности. Я шокировала Миллера Харта своими маленькими грязными секретами больше, чем он когда-либо шокировал меня своими настроениями — переходом от доминирующего к пассивному, от холодного к любящему быстрее, чем я могла уследить.

— Есть еще одна вещь, — соглашаюсь, слыша, как он переводит дух, готовясь к тому, что я скажу дальше. Для него это может быть самым большим шоком.

— Думаю, мы можем поговорить, Ливи, — его тон резок и пугает, заставляя меня обратить внимание, смеюсь ли я в этот момент или съезживаюсь. Сейчас я съезживаюсь.

— Ты по-прежнему чаруешь меня, — говорю, переводя на него взгляд. — Все твои привычки, возня с предметами, когда они и так уже идеальны, и то, что ты хочешь относиться к вещам именно так.

Он хмурится, глядя на меня, и на долю секунды мне кажется, что он начнет отрицать это. Но нет.

— Принимай меня таким, какой я есть, Ливи.

— Как раз это я и говорю.

— Поясни, — требует он резко, от чего я только сильнее съеживаюсь.

— Ты командуешь надо мной, — начинаю нервно. — И это, возможно, должно пугать меня или, может, заставить меня говорить то, что тебя разозлит, но...

— Кажется, ты сказала мне убираться к дьяволу прошлой ночью.

— Твоя ошибка.

— Возможно, — он прекращает ворчать и закатывает свои потрясающие синие глаза. —

Продолжай.

Улыбаюсь про себя. Он делает это прямо сейчас — ведет себя грубо и холодно, но это ужасно соблазнительно, даже когда чертовски бесит. С ним я чувствую себя в безопасности.

— Я не знаю, сможет ли мое сердце тебя выдержать, — говорю тихо, внимательно следя за его реакцией. — Но я хочу принимать тебя таким, какой ты есть, — я не должна удивляться тому, что выражение его лица остается бесстрастным, и я не удивлена, потому что эти глаза говорят мне кое-что. Они говорят мне то, что он уже знает, что я чувствую. Он был бы чертовски глупым, если бы не понял. — Я влюбилась.

Взгляд его синих глаз пробирается ко мне в душу. Теперь он полон знания и понимания.

— Почему ты на другой стороне постели, Ливи? — спрашивает он, голос низкий и уверенный.

Мои глаза осматривают пространство между нами, замечая добрый метр матраса. Возможно, я переборщила с решением отгородиться, но я не хотела чувствовать, как он напрягается от моих слов. Я не сказала этого, но Миллер умный человек. Мои карты медленно выкладывались на стол, и теперь они все раскрыты.

— Я...я...я не...

— Почему ты на другой стороне постели, Ливи?

Наши взгляды соединяются. Он смотрит на меня строго, как будто уже в ярости от того, что я отгородилась, но я по-прежнему вижу в них и понимание тоже.

— Я...

— Я уже повторил, — он резко обрывает меня. — Не заставляй меня делать это снова.

Я колеблюсь слишком долго, начиная двигаться к нему, но возвращаясь назад, задаюсь вопросом, что творится в этой слишком понимающей голове.

— Слишком много думаешь, Ливи, — предостерегает он. — Дай мне *мое*.

Двигаюсь вперед медленно, но он не встречает меня с распростертыми объятиями и не подбадривает, он просто смотрит сурово, следуя за моими глазами по мере того, как они становятся ближе и ближе до тех пор, пока я осторожно не забираюсь к нему на колени и руками ласково не обвиваю его плечи. Чувствую, как его ладони нежно ложатся мне на спину и начинают осторожно поглаживать, он не спеша зарывается лицом в мои волосы, пока мы не прижимаемся друг к другу, полностью соприкасаясь... просто держим друг друга. «*Мое*» Миллера Харта быстро становится и «*моим*» тоже. Ничто никогда не принесет ощущения такой защищенности и покоя, как простые объятия Миллера. Его прикосновения забирают все горе и отчаяние.

— Не уверена, что смогу функционировать без тебя, — говорю я мягко. — Ты стал самой важной частью того, что заставляет меня дышать, — я не преувеличиваю. Этот сон был леденяще душу реальным, и то чувство одиночества было достаточным, чтобы заставить меня рассыпаться. Но он слишком тихий. Я чувствую биение его сердца под своей грудью,

оно уверенное, не шокированное или беспорядочное, но это все, что я чувствую. Я очень быстро задумываюсь над тем, что он думает — возможно, что я глупая и наивная. Я никогда не испытывала этого прежде, но эти чувства сильны, неконтролируемы. Не уверена, что готова к ним, и тем более не уверена, что готов Миллер. — Пожалуйста, не молчи, — прошу тихо, слегка сжимая его руку. — Скажи что —нибудь.

Он сжимает мою руку в ответ, потом отстраняется от моей шеи и делает глубокий вдох, позволяя воздуху срываться с губ медленно и спокойно. Я тоже делаю глубокий вдох, только не выдыхаю.

Проведя руками вверх по моей спине, он находит мои волосы и начинает перебирать их пальцами, всматриваясь. Потом не спеша переводит взгляд к моим глазам.

— Эта красивая, чистая девочка влюбилась в большого, злого волка.

Я хмурюсь:

— Ты не большой, злой волк, — возражаю, не собираясь отрицать другую честь его заключения. Он абсолютно прав, и мне не стыдно. Я люблю его. — И я думала, мы выяснили, что я не такая уж сладкая, — хочу почувствовать его волосы и губы, но он выглядит мрачным, почти озабоченным фактом, что его кто-то любит.

— Мы ничего такого не выясняли. Ты моя сладкая девочка, и закончим на этом.

— Ладно, — уступаю быстро и легко, ненавидя его резкий тон, но в тайне радуясь словам, которые он выбрал. Я его.

Он вздыхает и просто меня целует.

— Ты, наверное, голодна. Позволь приготовить тебе ужин, — он принимается распутывать наши тела и ставит меня на ноги, пробегая взглядом по моему телу. Я все еще в его рубашке, нараспашку, пуговицы расстегнуты, складка на складке. — Посмотри на ее состояние, — ворчит он, едва заметно качая головой. И, как обычно, переключается обратно к идеальному, точному Миллеру Харту, как будто я только что не призналась ему в любви.

— Может, тебе стоит покупать немнущиеся рубашки, — говорю задумчиво, запахивая рубашку.

— Дешевый материал, — он убирает мои руки и начинает застегивать пуговицы и даже разглаживает воротничок, прежде чем одобрительно кивнуть и накрыть ладонью заднюю часть моей шеи.

На нем уже шорты, что означает только одно: пока у меня были ужасные кошмары, мой педантичный, милый Миллер прибирался.

— Прошу, присаживайся, — говорит он, когда мы приходим на кухню, и отпускает меня. — Что бы ты хотела?

Опускаюсь на стул, ощущение холода под попой напоминает о том, что я без трусиков.

— Я буду то, что ты будешь.

— Ну, я буду брускетту¹². Присоединишься? — он достает из холодильника несколько контейнеров и включает гриль.

Думаю, он подразумевает с помидорами.

— Конечно, — отвечаю, положив руки на колени, чтобы он мог накрыть на стол. Я должна предложить свою помощь, но знаю, что мои попытки не оценят. Как бы то ни было, я предлагаю. Я, возможно, удивляю себя — и Миллера — и делаю это с точностью. — Я накрою на стол, — я встаю, не упуская из виду напряжение в его плечах, когда он медленно ко мне оборачивается.

— Нет, пожалуйста, позволь мне со всем разобраться, — он использует все свои

обожаемые манеры в качестве извинений, чтобы только не дать мне испортить все его совершенство.

— Я бы хотела, — не обращаю внимание на его беспокойство и подхожу к шкафчикам, где, знаю, должны быть тарелки, в то время, как Миллер нехотя начинает поливать кусочки хлеба оливковым маслом. — Почему ты просто не рассказал мне про свой клуб? — спрашиваю, стремясь отвлечь его от мыслей, что его сладкая девочка может испортить его идеальный стол. Беру с полки две тарелки и подхожу обратно к столу, осторожно их расставляя.

Он насторожен, переводит взгляд с тарелок на меня, заканчивая с оливковым маслом.

— Я говорил тебе. Не люблю мешать бизнес с удовольствием.

— Значит, ты никогда не станешь разговаривать со мной о работе? — спрашиваю, подходя к ряду ящичков.

— Нет. Это утомительно, — он ставит на гриль поднос, полный хлеба, и приступает к уборке беспорядка, которого нет. — Когда я с тобой, я хочу концентрироваться только на тебе.

Я запинаюсь, беря две пары ножей и вилок.

— С этим я могу справиться, — говорю, улыбаясь едва заметно.

— Кто сказал, что у тебя есть выбор?

Моя улыбка становится шире, и я смотрю на него:

— Я и не хочу выбирать.

— Тогда это бессмысленный разговор, не согласишься ли?

— Согласна.

— Рад, что мы это выяснили, — Миллер говорит серьезно, снимая с гриля слегка поджаренный хлеб. — Будешь вино с ужином?

И снова я запинаюсь, уверенная, что неправильно его расслышала. После всего, что я ему рассказала?

— Я буду воду, — я подхожу обратно к стойке.

— С брускеттой? — говорит он с отвращением. — Нет, здесь подойдет Кьянти. В шкафчике с алкоголем есть бутылка, бокалы в шкафчике по левую руку. — Он кивает в сторону гостиной, осторожно выкладывая на тосты выжатый помидор и раскладывая их на белое блюдо.

Разложив ножи и вилки так аккуратно, как только могу, я иду к шкафчику с алкоголем, нахожу десятки бутылок вина, все расставлены в аккуратные ряды, ярлыками наружу. Не рискуя к ним прикоснуться, слегка наклоняюсь и начинаю читать ярлыки, останавливаясь на каждой бутылке и не найдя ни одной с названием Кьянти. Я выпрямляюсь и хмурюсь, пробегая глазами по *всем* бутылкам, украшающим фасад шкафчика, замечаю, что они разбиты на группы, согласно напитку в каждой. Как раз тогда и вижу корзинку с невысокой бутылкой, а присмотревшись, вижу этикетку с названием «Кьянти». Она тоже открыта.

— Бинго, — улыбаюсь, забирая бутылку из плетеной корзинки, и открываю левый шкафчик, чтобы взять два бокала. Они все сияют, когда неестественное освещение комнаты касается хрусталя, и я несколько секунд восхищаюсь осколками света, которые бокалы перебрасывают между собой, после чего беру два и возвращаюсь обратно. — Кьянти и два бокала, — заявляю, поднимая свои находки, но тут же замираю, когда вижу, насколько мои старания накрыть идеальный стол были пустой тратой времени. Он просто перекладывает свежевывглаженные салфетки в аккуратные треугольники с левой стороны от каждого места,

когда поднимает глаза на меня.

Я хмурюсь, глядя на него, но он хмурится тоже. Понятия не имею, почему. Он изучает бутылку, потом бокалы и в абсолютном раздражении подходит и забирает из моих рук. Я чертовски напугана, наблюдая за тем, как он несет все это обратно к шкафчику, кладет бутылку в корзину, а стаканы ставит в шкафчик. Я же видела этикетку. Там говорилось «Кьянти», и может, я не специалист в винах, но это точно были бокалы для вин.

Хмурюсь еще сильнее, когда вижу, как он из того же шкафчика достает другие бокалы, потом берет корзинку с вином и возвращается.

— Ты собираешься сесть? — спрашивает он, подводя меня к столу, как только касается меня.

Отвечаю ему тем, что сажусь на стул, а дальше наблюдаю, как он ставит бокалы точно с правой стороны над ножами. Потом он опускает между нами корзинку с вином. Недовольный окончательным расположением предметов, он передвигает их все, прежде чем взять бутылку вина и налить немного в мой бокал.

— Что я сделала? — спрашиваю, по-прежнему хмурясь.

— Кьянти принято оставлять в плетении, — он наливает и себе немного. — И бокалы, которые ты взяла, предназначены для белого вина.

Смотря на бокалы, теперь наполовину заполненные красным вином, хмурюсь еще сильнее.

— Это важно?

Он смотрит на меня в абсолютном шоке, немного раскрыв свой потрясающий рот.

— Да, конечно, это важно. Бокалы для красного вина шире, потому что больший доступ кислорода помогает глубже и более многогранно раскрыть привкус красного вина, — он делает глоток и задерживает вино во рту несколько секунд. Я уже почти жду, что он его выплюнет, но нет. Он глотает и продолжает. — Ширина поверхности увеличивает доступ кислорода, а глубина бокала одновременно открывает большее количество красного вина.

У меня нет слов, и я чувствую себя еще более невежественной и запуганной.

— Я знала это, — бормочу, поднимая свой бокал. — Ну и хитрая же ты задница.

Он сдерживает улыбку, и мне это известно. Хотела бы я, чтобы он дал послабление своему совершенству и чопорным манерам, которые особенно сильно проявляются за обеденным столом, и дарил мне эту сногшибательную улыбку.

— Я хитрая задница, потому что ценю красивые вещи? — он поднимает свои идеальные брови, беря при этом идеальный бокал с идеальным вином, и делает идеально неспешный и многообещающий глоток этим идеальным ртом.

— Ценишь или заиклен на них? — произношу это слово, потому что, если и есть в Миллере Харте хоть что-то, что меня беспокоит, так это то, что он одержим и заиклен на большинстве вещей в своей жизни. И надеюсь, что одна из таких вещей я.

— Я больше склоняюсь к «ценю».

— Я больше склоняюсь к «заиклен».

Он опускает голову, веселясь.

— Ты говоришь загадками, сладкая девочка?

— Ты умеешь их отгадывать?

— Мастер, — произносит он низко, облизывая губы, заставляя меня ерзать на стуле. — Я разгадал тебя, — он указывает на меня бокалом. — И покорила тебя.

Не могу поспорить: покорила, так что я наклоняюсь и беру брускетту.

— Выглядит вкусно.

— Согласен, — говорит Миллер, беря одну для себя. Вгрызаюсь с удовлетворенным мурлыканьем, быстро замечая, что на меня снова смотрят с неодобрением. Перестаю жевать, пытаюсь понять, что сделала теперь. Вскоре я выясняю. Он берет нож и вилку и до глупого медленно разрезает на кусочки, прежде чем медленно взять с вилки кусочек, и аккуратно кладет приборы. Он жует, смотря на меня, вспыхнувшую от смущения. Мне нужно взять пару уроков по этикету.

— Я тебя раздражаю? — спрашиваю, откладывая брускетту и следуя его примеру.

— Раздражаешь меня?

— Да.

— Ничего подобного, Ливи. За исключением тех моментов, когда ты бываешь немного бесшабашной, — он смотрит на меня неодобрительно, что я решаю проигнорировать. — Ты меня очаровываешь.

— Своей посредственностью? — спрашиваю тихо.

— Ты не посредственная.

— Нет, ты прав. *Ты* сноб... — быстро замолкаю, когда он удивленно кашляет. — Иногда, — добавляю я. Мой прекрасный мужчина под маской в основном джентльмена, за исключением моментов, когда ведет себя, как высокомерный придурок.

— Не думаю, что хорошие манеры можно классифицировать как снобизм.

— Это больше, чем хорошие манеры, Миллер, — говорю, сопротивляясь желанию поставить на стол локти. — Хотя, мне это вполне даже нравится.

— Как я уже говорил, Ливи, прими меня таким, какой я есть.

— Принимаю.

— Как и я тебя.

Я замыкаюсь, немного задетая его замечанием. Он имеет в виду, что принимает мое постыдное прошлое и отсутствие манер, вот что он имеет в виду: я принимаю его — отчасти джентльмена с очаровательной манией делать все в своей жизни идеальным, в то время, как он принимает меня — беспечную шлюху, которая не в силах отличить бокал для белого вина от бокала для красного. Хотя он прав, я рада, что он меня принимает, но ему не нужно напоминать мне о моих недостатках.

— Слишком много думаешь, Ливи, — говорит он тихо, вырывая меня из размышлений.

— Прости. Я просто не понимаю...

— Ты ведешь себя нелепо.

— Не думаю...

— Прекрати! — кричит он, одновременно передвигая недавно поставленный бокал вина. — Просто прими то, что происходит, как я и сказал, так будет, — осторожно отодвигаюсь на стуле, оставаясь тихой. — Я уже говорил тебе, что, может, и не всегда понимаю, но это происходит, и ни я, ни ты не можем или не должны что-то с этим делать. — Он хватается свой бокал, отчего предыдущие его действия становятся абсолютно бессмысленными, и пьет яростно — не отпивает, он не смакует вкус, просто пьет.

Он на самом деле в ярости.

— Черт! — шипит Миллер, с силой ставя бокал и хватаясь за голову. — Ливи, я... — он вздыхает и отодвигает стул, протягивая ко мне руки. — Пожалуйста, иди сюда.

Я тоже вздыхаю, выхожу из-за стола, непонимающе качая головой, подхожу к нему, быстро забираюсь к нему на руки и позволяю ему извиниться *его* способом.

— Прости, — шепчет он, целуя мои волосы. — Меня выбивает из колеи, когда ты говоришь вот так, как будто ты не достойна. Это я недостойный.

— Неправда, — говорю, отстранившись так, чтобы можно было видеть его потрясающее лицо. А оно действительно прекрасно: сильные черты и сияющий взгляд синих глаз. Потянувшись, беру локон волос Миллера и осторожно зажимаю между пальцами.

— Мы придем к соглашению не соглашаться, — он прижимается ртом к моему и возобновляет свои извинения неспешным танцем наших языков. Все снова встает на свои места, только вспышки раздражительности, о которых он меня предупредил, заботят меня. Он всегда дичает моментально, и я со всей ясностью вижу, как он старается с этим совладать.

После основательных извинений, он разворачивает меня на своих коленях и кормит брускеттой, потом берет себе. Мы едим в уютной тишине, но я немного озадачена тем, что застольные манеры Миллера допускают меня на его коленях, но не допускают неточного местоположения бутылки вина.

Все спокойно и прекрасно до тех пор, пока звонок его iPhone не разрушает наш мирный ужин, настойчиво трезвоня откуда-то сзади меня.

— Извини, — говорит он, поднимая меня со своих коленей, и подходит к этажерке у холодильника. Я определенно вижу раздраженный взгляд, когда он смотрит на экран, прежде чем ответить. — Миллер Харт, — он уходит из кухни, оставляя меня откинувшейся на спинку стула. — Нет проблем, — заверяет он кого-то на другой стороне линии, его обнаженная спина исчезает из виду.

Пользуюсь возможностью, пока его нет, и из-за стола изучаю обстановку, снова пытаюсь выяснить, есть ли теория его сумасшествия. Тянусь и поднимаю блюдо, глупо интересуясь, есть ли там какая-то отметка, куда ставить. Конечно, ее нет, только это не останавливает меня, и я поднимаю тарелки, проверяя и под ними тоже. Ничего. Улыбаясь, я прихожу к простому умозаключению, что есть пометки *для всего*, но только Миллер может их видеть. Потом я беру свой бокал красного вина и подношу его к носу, прежде чем осторожно пригубить.

Все мое внимание направлено на Миллера, когда он возвращается на кухню и кладет телефон на его место на стыковочной полке.

— Это был менеджер «Айс»¹³.

— Менеджер?

— Да, Тони. Он занимается делами в мое отсутствие.

— Оу.

— У меня интервью завтра. Он просто подтвердил время.

— Интервью для газеты?

— Да, об открытии нового закрытого клуба в Лондоне, — он принимается загружать посудомоечную машину. — Завтра в шесть вечера. Хочешь пойти со мной?

Душа поднимается на невысказанную высоту.

— Я думала, ты не смешиваешь бизнес с удовольствием, — я поигрываю бровью, глядя на него, и он поигрывает в ответ, заставляя меня усмехнуться.

— Хочешь пойти? — повторяет он.

Теперь я уже открыто улыбаюсь:

— Где это будет?

— В «Айс». Потом я угощу тебя обедом, — он украдкой бросает на меня взгляды. —

Невежливо не принимать предложение джентльмена угостить тебя вином или обедом, — говорит он серьезно. — Спроси у бабушки.

Я смеюсь и начинаю собирать со стола посуду:

— Предложение принято.

— Отлично, мисс Тейлор, — есть смешинка в его голосе, и от этого моя улыбка становится шире. — Могу я предложить тебе позвонить бабушке?

— Можешь, — я ставлю на столешницу последнюю тарелку, оставляя Миллера переставлять и загружать. — В каком ящике я найду свои вещи?

— Второй снизу. И поторопись. У меня есть привычка, с которой я хочу спрятаться под простынями. — Он серьезен и суров... и я не могла беспокоиться еще меньше.

ГЛАВА 21

Я засыпаю под спокойный голос Миллера, мурлыкающего мне на ухо, он то и дело целует мои волосы и окружает меня *своим*. Знаю, что он вставал с постели, чтобы поднять свои боксеры и рубашку, которую я бросила на полу, но он быстро вернулся и обнял меня со спины.

Когда я просыпаюсь, он уже собрался, принял душ и заправил свою сторону постели. Я лежу там несколько минут, размышляя над тем, какой беспорядок наделало мое появление в его идеально устоявшемся и организованном мире, а после мне велят встать и одеваться. Учитывая отсутствие другой одежды, меня доставляют домой в только что постиранном платье, на счастье Нан.

Приняв душ, отправив Грегори сообщение о том, что жива, и собравшись на работу, я лечу вниз по лестнице, имея в запасе только двадцать минут, чтобы доставить свою счастливую задницу в бистро. Бабуля ждет меня на последней ступеньке, я рада видеть ее восхищенное лицо, а вот ежедневник в ее руках не очень.

— Пригласи Миллера на обед, — приказывает она, пока я надеваю свою джинсовку. Она листает страницы своего ежедневника и морщинистым пальцем пробегает по датам. — Я могу сегодня, но не могу завтра или в среду. Сегодня мало времени для приготовления чего-то вкусного, но у меня есть время съездить в Харродс. Или можно было бы в субботу... ой нет, никак. У меня чаепитие с пирожными.

— У Миллера интервью сегодня вечером.

Ее старые ярко-синие глаза шокировано распахиваются:

— Интервью?

— Да, о новом баре, который он открыл.

— Миллер владеет баром? Это ж надо! — она захлопывает свой ежедневник. — Ты хочешь сказать, он будет в газете?

— Да, — я перекидываю через плечо сумку. — Он заберет меня с работы, так что на чай я не приду.

— Как здорово! Что насчет субботы? Я могу изменить свое расписание, — меня поражает то, насколько бабушкина жизнь разнообразнее моей... или так было до недавнего времени.

— Я спрошу, — обхожу ее и открываю входную дверь.

— Позвони ему сейчас.

Я разворачиваюсь, хмурясь:

— Мы с ним увидимся чуть позже.

— Нет, нет, — она указывает на мою сумку. — Мне нужно знать сейчас. Я же должна буду пойти за покупками и еще позвонить в центр культуры, чтобы перенести чаепитие. Я ведь не могу просто присоединиться к вам с Миллером.

Смеюсь про себя:

— Тогда давай устроим обед на следующей неделе, — предлагаю я, быстро решая проблему.

Бабуля надувает свои старые, тонкие губы.

— Звони! — она настаивает, вынуждая меня рыться в сумке в поисках телефона. Я не могу винить ее за такое возбуждение, не тогда, когда мы с Миллером, кажется, оказались на одной странице.

— Ладно, — уступаю под ее пристальным взглядом, набирая Миллера.

Он быстро отвечает:

— Миллер Харт, — говорит он отстраненно и официально.

Я хмурюсь:

— Мой номер у тебя забит?

— Конечно.

— Тогда, почему ты отвечаешь так, будто не знаешь, кто это?

— Привычка.

Я качаю головой и смотрю на бабулю, видя, как она тоже хмурится:

— Ты свободен в субботу вечером? — спрашиваю, чувствуя себя безумно неловко под наблюдением Нан. В такие же моменты, как сейчас, когда он сдержан и краток, пренебрегая тем нежным мужчиной, которого вижу, когда он не в костюме и располагает мной для себя.

— Ты просишь меня о свидании? — спрашивает он, и я слышу нотку веселья в его голосе.

— Нет, моя бабушка. Она хочет, чтобы ты еще раз пришел к нам на обед, — чувствую себя девочкой-подростком.

— С удовольствием, — говорит он. — Я принесу свои булочки.

Не могу сдержать взрыв смеха, который срывается с губ, отчего Нан кажется обиженной.

— Нан это понравится.

— А кому нет? — спрашивает он игриво. — Увидимся после работы, сладкая девочка.

Я разъединяюсь и, оставив обиженную Нан в коридоре, не спеша иду по дорожке от дома.

— Ну? — кричит она, выходя следом за мной.

— У тебя будет свидание.

— Что такого смешного было?

— Миллер принесет свои булочки! — кричу в ответ.

— Но я собиралась приготовить свой ананасовый пирог-перевертыш!

Смеюсь про себя, всю дорогу до работы.

— Ты, возможно, понадобишься мне вечером в воскресенье, Ливи, — говорит Дэл в конце моей смены. — Как думаешь, сможешь меня выручить? Большое событие. Мне нужно как можно больше рук.

— Конечно.

— Сильвия? — спрашивает он, кивая в ее сторону, когда она, гримасничая, направляется в выходу из бистро. Она покачивается на своих байкерских ботинках и приторно улыбается.

— Нет, — говорит она просто.

Наш босс уходит, бормоча себе под нос что — то о «помощи в эти дни», тогда как Пол смеется, и я пытаюсь сдерживаться.

— Итак, — говорит Сильвия, как только Пол прощается вслед за боссом. — Надеюсь, причиной твоего хорошего настроения стал вполне ожидаемо хороший вечер пятницы с мистером Больше глаза.

Я гримасничаю:

— Он был милым.

— И это все? — спрашивает она недоверчиво.

— Да.

— Черт побери, Ливи. Если ты хочешь отхватить приличного парня, стоит быть более оптимистичной, — она смотрит на меня, а я делаю все, чтобы избежать ее взгляда. — Так что сделало тебя такой жизнерадостной?

— Думаю, ты и так уже знаешь, — я не смотрю на нее, но знаю, что она только что недовольно закатила глаза и беспокойно вдохнула. — Миллер забирает меня, — говорю, выглядывая на дорогу. — Он будет здесь с минуты на минуту.

— Ладно, — говорит она коротко и резко. — Не уверена...

— Сильвия, — замолкаю и поворачиваюсь, осторожно беря ее за руку. — Я ценю твою заботу, но, пожалуйста, не пытайся отговорить меня от встреч с ним.

— Просто...

— Такая милая девушка, как я?

Оно улыбается болезненно:

— Ты слишком милая. Это меня и беспокоит.

— Все верно, Сильвия. Я не могу уйти. Если бы ты жила моей жизнью, ты бы возможно, поняла, ради чего это.

Вижу, как ее лицо становится задумчивым в попытке понять мои слова.

— Что «это»?

— Шанс для меня почувствовать себя живой, — признаю я. — Он шанс для меня жить и чувствовать.

Она медленно кивает и тянется, целуя меня в щеку, а потом обнимает.

— Я здесь, — говорит она просто. — Надеюсь, он все, чего ты хочешь и в чем нуждаешься.

— Я знаю, так и есть, — я делаю глубокий вдох и освобождаюсь из объятий Сильвии. — Он здесь, — я оставляю Сильвию и иду к черному Мерседесу, сажусь и быстро машу рукой. Она машет мне в ответ, не спеша отступая.

— Добрый вечер, Оливия Тейлор.

— Добрый вечер, Миллер Харт, — говорю я и пристегиваю ремень безопасности, улыбаясь, услышав мелодию «Gypsy Woman¹⁴» в исполнении Crystal Waters. — Хорошо провел день?

Он вливается в поток машин:

— У меня был очень *занятой* день. А ты?

— Много дел.

— Голодна? — он смотрит на меня со спокойным равнодушным выражением лица.

— Немножко, — отвечаю, чувствуя легкий озноб от кондиционера в машине. Глядя на приборную панель, замечаю множество огоньков и циферблатов. Два окошка температуры и циферблат рядом с каждым, оба показывают шестнадцать градусов. — Зачем две температурных панели?

— Одна с пассажирской стороны, вторая с водительской, — он неотрывно следит за дорогой.

— Значит, ты можешь установить две разные температуры?

— Да.

— Так, что с моей стороны будет двадцать градусов, а с твоей шестнадцать?

— Да.

Тянусь вперед с мыслью о том, что это до абсурдного глупое приспособление, и переключаю один из регуляторов, устанавливая со своей стороны температуру в двадцать градусов.

— Ты что делаешь? — спрашивает он, начиная ерзать на сиденье.

— Я замерзла.

Он тянется к панели и переключает регулятор до тех пор, пока на дисплее снова не появляется отметка в шестнадцать градусов.

— Так не холодно.

Я смотрю на него со своего места и начинаю выяснять суть проблемы:

— Но разве не в этом суть двойного температурного режима? Чтобы и пассажир и водитель могли установить комфортный для себя режим?

— В этой машине он остается одинаковым.

— Что, если я переключу *оба* на двадцать градусов?

— Тогда мне будет слишком тепло, — отвечает он быстро, переместив руку на руле. — Температура комфортна такая, как сейчас.

— Или комфортны совпадающие цифры, — бормочу себе под нос, откидываясь на спинку сиденья. Даже представить себе не могу, насколько это должно быть напряженно, жить в мире, в котором желание делать все определенным образом так навязчиво, что оно по сути контролирует твою жизнь. Улыбаюсь сама себе. Вообще-то могу, потому что всю мою жизнь перевернул с ног на голову не только этот самоуверенный псевдо-джентльмен рядом со мной, его особенные привычки тоже произвели на меня забавный эффект. Меня стало заботить, какими должны быть вещи, даже если я не слишком уверена, как этого достичь. Но я научусь, и тогда сделаю жизнь Миллера как можно менее напряженной.

Клуб кажется совершенно другим, все залито дневным светом, нет неоновых огней, что были ночью; повсюду, куда бы я не посмотрела, только холодное стекло. Сейчас здесь пусто, только обслуживающий персонал тут и там пополняет запасы бара и начищает огромные стеклянные пространства. И сейчас невероятно тихо, только Лана Дель Рей еле слышно напевает что-то о видеоиграх. Как будто в тысячи миль от жестких битов клуба субботней ночи.

Хорошо сложенный коренастый мужчина, абсолютно расслабленный и уверенный, ожидает сразу за танцполом, сидя на стуле из перспекса¹⁵ и потягивая пиво. Как только мы заходим, он поднимает бритую голову, отрываясь от записей, которые просматривал, и дает знак бармену, который тут же готовит напиток для Миллера и к нашему прибытию ставит

его на стеклянную поверхность барной стойки.

— Миллер, — мужчина поднимается, протягивая руку.

Рука исчезает с моей шеи, и Миллер уверенно, по-мужски пожимает ему руку, после чего жестом показывает мне сесть, что я и делаю без колебания.

— Тони, это Оливия. Ливи — Тони, — он проводит рукой между нами и, не теряя времени, берет свой напиток и опрокидывает в себя, тут же молча требуя повторить.

— Приятно познакомиться, Оливия, — Тони произносит мое имя как вопрос, явно интересуясь, как именно меня называть.

— Ливи, — я принимаю его руку и позволяю провести этот ритуал с рукопожатием, пока он задумчиво меня рассматривает.

— Выпьешь что-нибудь? — спрашивает Миллер, принимая от бармена второй стакан.

— Нет, спасибо.

— Как пожелаешь, — он переводит все свое внимание на Тони.

— Кэси будет здесь с минуты на минуту, — говорит Тони, бросая в мою сторону предостерегающий взгляд. Это заставляет меня выпрямиться и сконцентрировать внимание.

— Ей не стоило беспокоиться, — отвечает Миллер, сосредоточенно глядя на меня. — Я говорил ей не приходить.

Тони смеется:

— С каких пор она прислушивается хоть к чему-нибудь, что ты говоришь, сынок?

Миллер бросает на Тони холодный взгляд, но не отвечает на вопрос, оставляя меня задаваться вопросом, кто, черт побери, такая эта Кэси и почему она не слушает Миллера. Хоть и вполне очевидно, сейчас не время задавать вопросы, но исходя из взгляда Тони и ответа Миллера, думаю, я уже знаю, кто такая Кэси. Почему она едет сюда? Она никогда не слушается его? В чем? Во всем? В чем всем? Мысленно ору на себя и, пытаясь сдержать любопытные мысли до подходящего времени, погружаюсь в современную обстановку клуба. Теперь она кажется холодной, когда нет толпы и темноты, со светом и стеклом повсюду такое чувство, как будто я застряла в гигантском куске... ну, льда.

Глядя на Миллера, просматривающего переданные ему Тони бумаги, задаюсь вопросом, кардинально ли другим он был, если бы сейчас на нем были пара джинсов и футболка. Серый костюм-тройка и голубая рубашка делают его глаза невероятно синими, только вот обычная маска на месте, когда бы он ни был в костюме — что составляет девяносто девять процентов времени.

— Мой кабинет, — голос Миллера заставляет мой взгляд метнуться от голубизны рубашки у его шеи к синеве его пристальных глаз.

— Прости?

— Иди в мой кабинет, — он осторожно тянет меня со стула и разворачивает в направлении, в котором я должна буду двигаться. — Помнишь, где это?

— Думаю, да, — помню, как была у главного входа в клуб, потом вниз по лестнице, но я была чертовски близка к пьяному ступору.

— Я тебя догоню.

Оглядываюсь, оставляя Миллера и Тони у бара, оба мужчины демонстративно ждут, когда я пересеку зону слышимости, прежде чем продолжить разговор. Миллер равнодушен, Тони задумчив. Чувствую всю нерешительность Тони и прихожу к выводу, что они либо говорят о делах и это не предназначено для моих ушей, либо они говорят обо мне. Забавное ощущение плюс дискомфорт Тони, и я выбираю последнее, а когда подхожу к

противоположной стороне клуба и заворачиваю за угол, вижу, как Тони машет рукой в сторону Миллера, что только подтверждает мои мысли. Останавливаюсь и вижу сквозь лестничный пролет, как Тони опускается на пятую точку и прячет круглое лицо в ладонях. Признак отчаяния. Потом Миллер показывает такое редкое для него раздражение, вспышка той злости, которой я опасалась, вскидывает руки и, матерясь, в бешенстве мчится в моем направлении. Я быстро спускаюсь по лестнице, бесцельно брожу по коридорам, пока не натыкаюсь на металлическую цифровую панель, на которой, смутно припоминаю, Миллер набирал какие-то цифры.

Спустя считанные секунды он появляется из-за угла, явно взбешенный, рукой проводит по волосам, убирая непослушную прядь, упавшую на лоб. Целенаправленно направляется ко мне, раздражение все также очевидно, даже больше, когда он со злостью набирает код и толкает дверь слишком сильно, от чего та ударяется о гипсовую стену позади.

Я подпрыгиваю от удара, и Миллер опускает голову:

— Дерьмо, — ругается тихо, не делая попыток зайти в свой кабинет.

— Ты в порядке? — спрашиваю, сохраняя дистанцию. Я постоянно хочу от него эмоций, только если они не похожи на это.

— Прости, — шепчет он, продолжая смотреть в пол, нарушая собственно правило смотреть на кого-то во время разговора. В любом случае, я ему не напоминаю. Слова, которыми только что обменялись Миллер и его менеджер, были обо мне. Даже не сомневаюсь. И теперь он в ярости.

— Ливи?

Чувствую, как напрягается каждая мышца, заставляя меня выпрямиться:

— Да?

Его плечи поднимаются и опускаются в тяжелом вдохе:

— Дай мне *мое*, — говорит он, обращая ко мне умоляющий взгляд синих глаз. — Пожалуйста.

Я сутулю плечи при виде той стороны Миллера Харта, которая мне еще не знакома. Он хочет комфорта. Тянусь к его широким плечам и, встав на носочки, прячу лицо в изгиб его шеи.

— Спасибо, — шепчет он, обернув руки вокруг моей талии, и поднимает меня. Его сильные руки сдавливают мои ребра, от чего становится немного трудно дышать, только я не стану его останавливать. Ногами обнимаю его талию, когда он, захлопнув дверь, ведет нас к своему пустующему рабочему столу. Он опускается на край стола, позволяя нам и дальше обниматься, как будто не собирается меня отпускать. Я поражена. Его костюм превратится в кучу складок, а у него интервью.

— Я мну твой костюм, — говорю тихо.

— У меня уют есть, — Миллер сжимает меня сильнее.

— Конечно, есть, — я отстраняюсь от него так, что теперь мы смотрим друг другу в глаза. Он ничего мне не показывает. Ярость, кажется, угасла, и на лице, как всегда, никаких эмоций. — Что тебя расстроило?

— Жизнь, — он не колеблется. — Люди слишком много думают и вмешиваются.

— Вмешиваются во что? — спрашиваю, хотя, полагаю, ответ мне уже известен.

— Во все, — выдыхает он.

— Кто эта Кэси? — я также знаю ответ и на этот вопрос.

Он встает, опускает меня на ноги и ладонями обхватывает мои щеки.

— Женщина, которая, ты думала, была моей девушкой, — он дарит мне долгий страстный поцелуй, заставляя плавиться.

— Почему она сюда едет? — спрашиваю ему в губы.

Он не разрывает наш поцелуй:

— Потому что она заноза в заднице, — он носом проводит дорожку по моей щеке к уху. — И потому что думает, что ее доля в моем клубе дают ей право диктовать, что здесь будет происходить.

Я выдыхаю, отстраняясь:

— Так она на самом деле деловой партнер?

Он практически рычит, прежде чем прижать меня обратно к своей груди.

— Да. Сколько раз мне нужно тебе повторять? Я просил доверять мне.

От этого знания легче мне не становится. Я не стопроцентная дура и видела, как она на него смотрит. И на меня, если уж на то пошло.

— У меня был жуткий день, — Миллер нежно целует меня в щеку, отвлекая этими мягкими губами. — Но ты снимешь мой стресс, когда я отвезу тебя домой.

Я позволяю ему взять меня за руку и провести вокруг стола.

— Что мы делаем?

Он сажает меня в свое кресло и разворачивает лицом к столу, потом берет из нижнего ящика пульт дистанционного управления и устраивается позади меня, поставив локоть на подлокотник кресла.

— Хочу показать тебе кое-что.

— Что? — спрашиваю, замечая, что рабочий стол Миллера так же пуст, как и в последний раз, когда я его видела, телефон — единственное украшение.

— Это, — Он нажимает на кнопку, и я на выдохе отскакиваю в кресле, когда поверхность стола передо мной приходит в движение.

— Что за... — я открываю рот и плююсь, как идиотка, когда пять плоских экранов поднимаются из задней секции. — Офигеть!

— Впечатляет?

Я, может, и шокирована немного, но нет ни капли сомнений в том, что в его голосе звучат горделивые нотки.

— Так ты просто смотришь здесь телевизор?

— Нет, Ливи, — вздыхает он, нажимая еще одну кнопку, отчего экраны включаются, перебирая одну картинку его клуба за другой.

— Это система видеонаблюдения? — спрашиваю, взглядом блуждая по экранам, каждый из которых разделен на шесть картинок, за исключением того, что по центру. На этом экране только одна большая картинка.

И на ней я.

Наклоняюсь вперед и вижу себя, в нижней зоне «Ice», напивающуюся той ночью с Грегори, картинка меняется на нас, поднимающихся по лестнице, и я восторженно оглядываюсь по сторонам. А потом я на танцполе. И Миллер незаметно подходит сзади. Вижу, как Грегори шепчет мне на ухо, и я собираюсь обернуться, а потом я вижу, как Миллер приближается и, окинув меня оценивающим взглядом, касается меня. Видеоряд отчетлив, но когда Миллер тянется вперед и касается центра экрана, тот становится больше, картинка яснее, и от взгляда на его лице я тут же становлюсь влажной. Я дрожу, и прямо сейчас я задаюсь вопросом, какого черта я плююсь на экран, когда он настоящий стоит

рядом.

Медленно поворачиваюсь лицом к нему:

— Ты сидел здесь и наблюдал за мной, — я не спрашиваю, потому что это и так очевидно. Я знала об этом, но не предполагала, что клуб напичкан камерами.

Он смотрит на меня задумчиво, едва заметно наклонив голову:

— Моя потрясающая, сладкая девочка, ты возбуждалась?

Не хочу, но съеживаюсь в его большом офисном кресле, щеки жутко горят.

— Ты здесь. Так что, конечно, — мне нужно постараться и сразиться с его самообладанием — *постараться* ключевое слово. Я никогда не могла соответствовать Миллеру в силе, задумчивости или в привлекательности, или в сексуальности. Разве что в дерзости.

Кресло медленно разворачивается в сторону Миллера, пока он аккуратно кладет пульт дистанционного управления на стол, а его ладони закрадываются под мои бедра, подтягивая меня к нему так, что наши лица оказываются всего в паре сантиметров друг от друга.

— Когда я наблюдал за тобой в субботу ночью, — шепчет мне в лицо, — я тоже завелся.

Образ Миллера, вальяжно расположившегося в своем кресле, только рукой подать, молча наблюдающего за тем, как я напиваюсь, болтаю и слоняюсь по его клубу, заполняет мое полное желаний сознание. Картинки в голове заставляют жар с лица хлынуть прямо к лону. Я мокрая, и ему это известно.

— Сейчас ты завелся? — выдыхаю, придвигаясь чуть ближе, так, что наши носы соприкасаются.

— Проверь сама, — он целует меня в губы и поднимается, заставляя меня запрокинуть голову, сохраняя наш поцелуй. Руками он вцепился в кресло, поймав меня в ловушку, и удовлетворенный стон, сорвавшийся с его губ в мой рот — самый прекрасный звук, который я когда-либо слышала.

Не теряя времени, рукой пробираюсь к нему. Вслепую расстегиваю его ремень, наши губы сражаются в яростном поцелуе, нежные прикосновения как будто далекое воспоминание сейчас. Он, кажется, на взводе, и я могу улучшить его состояние.

— Только рукой, — шепчет отчаянно.

Расстегиваю его молнию, пуговицу и скольжу рукой в его брюки, тут же находя горячую твердую плоть.

Я с легкостью сжимаю руку, и Миллер выдыхает, отчего я поднимаю взгляд. Смотрю в затуманенные синие глаза, делаю медленное, плавное движение, приоткрытый рот и частые вдохи согревают лицо.

— Ты делал также, наблюдая за мной? — спрашиваю тихо, его желание подстегивает меня, придавая уверенности.

— Я никогда этого не делаю сам.

Его ответ шокирует, движения руки сбиваются.

— Никогда?

— Никогда, — его бедра осторожно толкаются вперед.

— Почему нет? — я потрясена до глубины души, и хотя звучит это неправдоподобно, я ему верю.

— Неважно, — он наклоняется и захватывает мои губы, обрывая все последующие вопросы. Я концентрируюсь на осторожных движениях, но его губы, необычно настойчивые, кажется, влияют на мою руку, давление моего кулака усиливается, провоцируя новые

стоны. — Спокойнее, — почти умоляет он.

Следуя его наставлениям, я замедляю ритм до тех пор, пока не перехожу к равномерным движениям по всей его длине.

— Ммм, о Боже, — он напрягается от макушки до кончиков ног, как будто сдерживается, но при этом ему нравится. Чувствую, как он пульсирует под моей ладонью, жар нарастает, дыхание становится все более тяжелым. Продолжать наш глубокий поцелуй просто. Удержаться и не увеличить амплитуду движений руки — нет. Осознание его приближающейся кульминации подстегивает мою уверенность, заставляя мою сжимающуюся руку болеть от напряжения, чтобы обуздать инстинкт резко дергаться вверх и вниз.

Он кусает мою губу и отстраняется, открывая мне потрясающий вид своего идеального лица в то время, как я продолжаю работу. Его бедра начинают двигаться в такт с моей рукой, и я вижу, как напряглись его руки на кресле. А вот его лицо пугающе спокойное.

— Хорошо? — спрашиваю, желая чего-то большего, чем реакции его тела. Хочу слов, в которых он так хорош в такие моменты.

— Ты никогда не узнаешь, — его голова едва заметно опускается, и с губ начинают срываться короткие, прерывистые вдохи. Свободной рукой забираюсь ему под рубашку, проводя по животу и чувствуя сокращения мышц пресса. — Черт! — ругается он.

Сильнее сжимаю его член, а потом громкий стук в дверь заставляет меня подпрыгнуть, и я неожиданно отпускаю его и отскакиваю в кресле.

Он выдыхает:

— Черт побери, Ливи!

— Прости! — выпаливаю, не понимая, то ли мне снова обратить все внимание на Миллера, то ли спрятаться под столом.

Вижу болезненное выражение на его лице, когда он, оттолкнувшись от кресла, встает и пытается успокоить затрудненное дыхание.

— Ну, это, блять, просто идеально, разве нет?

Поджимаю губы, смотря, как он быстро отходит и застегивает брюки с ремнем.

— Мне жаль, — повторяю, не зная, что еще сказать. Он все еще чертовски твердый, и это очевидно сквозь брюки.

— Ну, тебе должно быть, — рычит он, и я оставляю попытки сдержать улыбку. — Смотри, — показывает на свой пах и вздергивает брови, заметив мое веселье. — У меня небольшая проблемка.

— Действительно, — соглашаюсь, смотря на один из его экранов, и вижу двух человек, стоящих за дверью кабинета как раз, когда стук повторяется. — Мне впустить их?

— Это будет мучением, — он приводит в порядок свои штаны в области паха. — Да, пожалуйста.

Я соскакиваю с кресла и оставляю Миллера устраиваться там, и понимаю, что мое собственное возбуждение контролировать легко, отвлекаясь на явный дискомфорт Миллера. Распахнув дверь, лицом к лицу встречаюсь с симпатичной девушкой, которая при виде меня тут же хмурится.

— Вы? — говорит она, махая рукой мужчине с камерой позади себя.

Я отхожу назад, давая ей обзор прежде, чем меня снесут с дороги.

— Ливи, — говорю сама себе, потому что она уже прошла мимо меня и направляется к столу Миллера, вся такая улыбчивая и взволнованная. Я довольна при виде его маски,

вернувшейся на место, холодная, деловая сторона пришла на место отчаянного предоргазменного состояния.

— Привет! — говорит она ему нараспев, практически перегнувшись через стол, чтобы его достать. — Диана Лоу, — она протягивает руку, но могу сказать, она просто умирает, как хочет его поцеловать. — Вау! Это место просто потрясающее!

— Благодарю, — Миллер по-деловому, как и всегда, пожимает ей руку прежде, чем указать на стул с противоположной стороны своего стола, и незаметно поправляет свой пах. — Могу я предложить вам выпить?

Она опускает свою упругую задницу на стул и кладет на стол свой лэптоп. Я тут же реагирую на исходящую от Миллера тревогу, когда он смотрит на лэптоп.

— Ох, обычно я не пью на работе, но вы моя последняя встреча на сегодня. Я буду мартини со льдом.

Мимо меня проходит фотограф, явно измученный.

Только сейчас мне в голову приходит вопрос, хочет ли Миллер вообще меня здесь видеть, так что я смотрю на него и жестом показываю на дверь, но он начинает качать головой, а потом кивает в сторону дивана, при этом взяв лэптоп и передавая его мисс Лоу. Он хочет, чтобы я осталась.

Закрываю дверь и смотрю на фотографа, который садится рядом с болтливой девушкой, положив камеру на колени.

— Выпьете? — Миллер смотрит на парня, и я вижу, как он качает головой:

— Неа, все нормально.

— Я принесу напитки, — заявляю, открывая дверь. — Мартини и скотч?

— Со льдом! — девушка оборачивается, одаривая меня еще одним взглядом. — Убедитесь, что он со льдом.

— Лед, — подтверждаю, смотря на Миллера, он кивает в знак благодарности. — Скоро вернусь, — я выхожу, радуясь, что больше не слышу раздражающий голос Дианы Лоу.

Я вижу впереди приглушенный свет и включенные неоновые огни, которые погружают бар в сияние, которое я помню. Из нескольких баров на выбор, в итоге, подхожу к тому, где были Миллер и Тони, вижу молодого парня, снующего за стойкой и вытирающего зеркальную поверхность холодильников.

— Привет, — говорю, привлекая его внимание. — Могу я заказать мартини со льдом и скотч неразбавленный?

— Для мистера Харта?

Киваю, и он начинает мельтешить, выставляя стакан и кардинально его начищая, после чего заполняет его на несколько сантиметров и толкает по поверхности барной стойки.

— И мартини?

— Пожалуйста.

Пока бармен готовит напиток, чувствую себя неловко от осознания того, что меня с интересом рассматривает Тони. Я оборачиваюсь и получаю едва заметную улыбку, только это жалкая попытка заставить меня чувствовать себя комфортно. Его круглое лицо задумчиво.

— Как там все идет? — спрашивает он, разрывая неуютную тишину.

— Я просто оставила их, — отвечаю вежливо и принимаю мартини.

— Миллер не ценит суету и повышенное внимание.

Пытаюсь выяснить двойной смысл резкого заявления Тони.

— Знаю, — отвечаю, думая, что он не в курсе.

— Он счастлив в своем собственном маленьком организованном мире.

— Знаю, — повторяю, разворачиваясь, чтобы уйти от неудобного разговора. Он не особо враждебный, но я не знаю, куда ведет эта беседа.

— Он эмоционально недоступен.

Я останавливаюсь и разворачиваюсь, смотрю в задумчивые глаза на его лице несколько секунд прежде, чем начать говорить:

— В чем смысл? — спрашиваю напрямую, чувствуя, что раздражение грозит моему самообладанию. Миллер говорил мне тоже самое, но я нашла в нем эмоции. Может не так как у всех, но они там.

Он улыбается, и это искренняя улыбка, но это еще и улыбка, которая говорит мне, что я слепа, наивна и заблуждаюсь.

— Такая сладкая девочка, как ты, не должна застревать в этом мире.

— Что навело вас на мысль, что я сладкая? — спрашиваю, раздражение нарастает. И что он подразумевает под «этот мир»? Клубы? Выпивка? Он качает головой и возвращается к своей писанине, не ответив на мой вопрос. — Тони, что вы имеете в виду?

— Я имею в виду... — он замолкает и вздыхает, глядя вверх. — Ты отвлечение, без которого он смог бы обойтись.

— Отвлечение?

— Да, ему нужно сконцентрироваться.

— На чем? — спрашиваю я.

Тони поднимает свое коренастое тело с барного стула, собирает бумаги, вставляет ручку за ухо и берет свое пиво.

— На этом мире, — говорит он просто, разворачивается и шагает вдоль клуба.

Стою, как вкопанная, в полной растерянности и смотрю, как увеличивается между нами расстояние. Может, отвлечение — именно то, что нужно Миллеру. Он много работает, находится в постоянном стрессе и ему нужно, чтобы я снимала этот стресс в конце дня. Я хочу делать это. Хочу помогать ему.

Опустив взгляд, смотрю на стаканы в своих руках и замечаю, что от тепла ладони лед в мартини немного растаял, но не заменяю его. Диана Лоу может выпить мартини и с растаявшим льдом. Иду обратно в кабинет Миллера.

Его взгляд прикован к двери, когда я вхожу, а Диана расхаживает по его кабинету, просто потрясающе виляя бедрами, в то время как фотограф сучает, развалившись в кресле.

Отдаю Миллеру скотч, передавая стакан ему в руку, не решаясь поставить на стол, потому что понятия не имею, где именно на столе мне следует его поставить.

— Спасибо, — он практически выдыхает, постукивая по колену и призывая меня на него сесть. Я немного шокирована такой личной просьбой во время деловой встречи, но не возражаю.

Следуя его сигналу, опускаюсь к нему на колено и с молчаливым весельем жду, как поведет себя в этой ситуации Диана Лоу. Не могу удержаться и пользуясь маленькой властью, держу ее мартини так, что ей приходится подойти ко мне, чтобы забрать его.

Как только стакан покидает мою руку, Миллер оборачивает свою вокруг моей талии и спиной прижимает меня к своей груди.

Диана Лоу, стараясь изо всех сил тепло мне улыбается, пытаюсь собраться с мыслями.

— Полагаю, мне следует изменить название своей статьи.

— А каким было название, мисс Лоу? — холодно спрашивает Миллер.

— Ну, оно звучало как «Самый завидный лондонский холостяк открывает самый престижный лондонский клуб».

Миллер подо мной напрягается:

— Да, — осушив стакан, с невероятной точностью ставит его на стол. — Измените.

Абсолютно раздраженная, она снова садится в кресло напротив Миллера. Самый завидный лондонский холостяк? Миллер говорил, но все же приятно слышать, как кто-то еще признает, что он одинок. Или был.

Она хмурится, поставив стакан на стол Миллера, отчего он напрягается, и я напрягаюсь в результате настроения Миллера.

— Не возражаете? — я тянусь и хватаю стакан, втискивая его обратно ей в руку. — Подставки нет, а стол очень дорогой.

Она смотрит непонимающим взглядом на стакан Миллера, который стоит *на* столе без подставки...но в правильном месте.

— Простите, — отвечает, забирая стакан.

— Нет проблем, — улыбаюсь так же неискренне, как она, и чувствую, как Миллер сжимает меня, молча выражая благодарность.

— Итак, давайте подведем итог, — говорит она, пытаясь удержать стакан и сделать пометки в своем ноутбуке. — На чем основывается решение о получении членства в ваш клуб?

— Взнос, — отвечает Миллер, коротко и устало, заставляя меня улыбнуться.

— И как потенциальные клиенты подают заявку?

— Они не подают.

Она снова поднимает непонимающий взгляд:

— Тогда, как вы заполучаете клиентов?

— За вас должен поручиться действующий член клуба.

— Это не ограничивает вашу клиентуру? — спрашивает она.

— Нисколько. У меня уже больше двух тысяч членов клуба, а мы открылись меньше недели назад. Теперь у нас появился лист ожидания.

— Оу, — она кажется расстроенной, но потом соблазнительно улыбается и не спеша перекидывает ногу на ногу. — И что же нужно сделать, чтобы проскочить лист ожидания?

Морщусь недовольно от такой наглости, бесстыжая девица.

— Да, что нужно сделать, Миллер? — спрашиваю я, оборачиваясь, чтобы взглянуть на него, и надуваю губки.

В его глазах искорки, уголки губ едва заметно приподнимаются, когда он переводит взгляд обратно на Диану Лоу.

— Вы знаете какого-нибудь из членов клуба, мисс Лоу?

Ее улыбка становится ярче:

— Я знаю *вас*.

Мне стоит усилий сдержать шокированное покашливание, готовое вырваться из горла. Она вообще меня замечает?

— Вы меня не знаете, мисс Лоу, — произносит Миллер, тихо и резко. — Немного людей знают.

Фотограф, чувствуя неудобство, ерзает в кресле, а Диана Лоу смущенно краснеет. Полагаю, ее нечасто отшивают, и мне интересно, стоит ли Миллеру быть таким

враждебным, когда она собирается написать статью о нем и его новом клубе. Впрочем, его слова не произвели того же эффекта на меня, потому что я его *знаю*.

— Фото! — вскрикивает Диана, вскакивая с кресла и снова ставя стакан, очевидно забыв в своей бестактности мою предшествующую просьбу.

Я быстро хватаю его прежде, чем Миллера начинает трясти, и отхожу в сторону, чтобы фотограф мог получить то, что ему нужно. Смотрю, как Миллер встает и начинает разглаживать все складки на костюме, ворча при этом себе под нос. Это моя вина, отвлекла его от гладильной доски, с помощью которой он сделал бы свой внешний вид идеальным, пусть даже ему и не нужно. Он всегда выглядит идеально.

Он бросает на меня обвиняющий взгляд и беззвучно произносит:

— Твоя вина.

Я широко улыбаюсь, пожимая плечами и возвращая ему беззвучное:

— Сожалею.

— Не надо, — произносит он вслух. — Я нет, — Миллер подмигивает, практически сбивая меня с ног, после чего снова устраивается в своем большом кресле, откидывает полы пиджака и кивает фотографу. — К вашим услугам.

— Замечательно, — он настраивает камеру и делает пару шагов назад. — Оставим телевизионные экраны на месте. Хотя, я подумывал еще о нескольких вещах на вашем столе.

— Например? — спрашивает Миллер, ужас начинает просачиваться при мысли, что что — то нарушит идеальную поверхность.

— Какие —нибудь бумаги, — отвечает тот, забирая блокнот Дианы и выкладывая его с левой стороны от Миллера. — Идеально.

Совсем не идеально. Даже я вижу неровность, край бумаги не параллелен краю стола, и незаметная поправка Миллера тому подтверждение.

— Тогда, не тяните, — рычит он, пытаясь расслабиться в кресле, и проваливается в своей попытке. Он на взводе.

Кажется, проходит вечность, пока фотограф настраивается и нацеливается на моего бедного Миллера, который выглядит так, будто готов взорваться от напряжения. Он меняет положение, а фотограф, обойдя стол, делает снимки экранов с Миллером, рассматривающим мониторы, а потом он просит его сесть на край стола, небрежно скрестив щиколотки и руки. Это его убивает, и последней каплей становится тот момент, когда его просят улыбнуться.

Он оборачивается и смотрит на меня в неверии, как будто: *как они смеют просить о таком*.

— Мы закончили, — кричит он раздраженно, застегивая пиджак и забирая блокнот, так долго нарушавший идеальность его стола. — Благодарю за потраченное время, — он швыряет Диане Лоу ее блокнот и шагает к двери, распахивая ее и жестом показывая им выход.

Ни журналист, ни фотограф не спорят, быстро пересекая кабинет Миллера на пути к двери.

— Спасибо, — Диана резко останавливается у двери и смотрит на Миллера. — Надеюсь, скоро увидимся.

Я в шоке, в голове возникает вопрос, нормальное ли это поведение. Она безнадежна.

— Всего хорошего, — заявляет с непоколебимой решительностью Миллер, выпроваживая бестактную журналистку, как раз когда другая женщина заходит в его кабинет.

Деловой партнер Миллера.

Кэси.

Она, кажется, растерялась и затаила дыхание, но спустя секунду она впивается глазами в Диану Лоу, останавливаясь рядом с Миллером. Прищуривается, глядя на бестактную журналистку:

— Я же говорила, у него нет времени на интервью.

— Да, я знаю, — Диана не обеспокоена враждебностью, исходящей от одетой в дизайнерскую одежду фигуры Кэси. — Но вы явно ошибались, поскольку еще пара звонков и выяснилось, что он свободен. — Она оборачивается к Миллеру и соблазнительно улыбается. — Ладно, пока, — подняв руку и помахав, она простреливает Кэси гневным взглядом и выплывает из кабинета, и как только она уходит, я понимаю, что гневное расположение Кэси сейчас направится на меня.

Она разворачивается и, кажется, впервые замечает мое присутствие.

— Что она здесь делает? — выплевывает она, смотря на Миллера в ожидании ответа. Я замираю в шоке так же, как и Миллер.

— Не лезь в это, — спокойно говорит Миллер, беря ее за руку и направляя к двери.

— Я забочусь о тебе, — возражает она, не особо сопротивляясь, ее слова подтверждают мои подозрения.

— Не трать силы, Кэси, — он осторожно выталкивает ее, и дверь кабинета захлопывается, отправляя меня на пару сантиметров назад в испуганном прыжке. Он сказал верить ему, и я должна. Он и правда ее выпроводил. Миллер разворачивается, чтобы посмотреть на меня, с угрюмым и изможденным видом. — Я истощен, — заявляет он отрывисто, делая все очевидным и заставляя меня снова подпрыгнуть на ковре.

— Хочешь, принесу тебе еще выпить? — спрашиваю я, впервые задумавшись, что, возможно, Миллер пьет слишком много. Или это началось только со встречи со мной?

— Мне не нужен алкоголь, Ливи, — он отвечает гортанным, глубоким голосом, взгляд жадно по мне блуждает. — Думаю, ты знаешь, что мне нужно.

Кровь закипает под его пристальным взглядом, всем своим сексуальным естеством осознаю и откликаюсь. Да поможет мне Бог, когда он ко мне прикоснется.

— Снять напряжение, — шепчу, видя сквозь ресницы, как он медленно ко мне приближается.

— Ты как лекарство для меня, — он подходит ко мне и наклоняется, целуя меня намеренно и со смыслом, со стоном и шепотом в мой рот, наши языки отчаянно переплетаются. Мысли тут же пугаются. — Люблю тебя целовать.

Мы в его кабинете. Не хочу быть в его кабинете. Я хочу быть в его постели.

— Забери меня домой.

— Это займет слишком много времени, мне нужно снять напряжение прямо сейчас.

— Пожалуйста, — упираюсь руками в его плечи и отстраняюсь. — Ты заставляешь меня нервничать, когда такой взвинченный.

Он делает глубокий вдох и роняет голову, позволяя непослушной прядке упасть. Меня так и подмывает убрать ее, что я и делаю, и пользуюсь шансом ощутить всю его непослушную копну. Чувствую себя привилегированной, потому что этот собранный мужчина доверяет мне снимать его стресс, и я готова делать это, когда будет нужно, но я вижу те пути, как он сам может это сделать.

— Прости, — шепчет он, — твоя просьба услышана.

— Спасибо. Отведи меня в свою постель.

— Как пожелаешь, — он смотрит вниз на свой костюм и рычит, пытаясь разгладить несколько складок. Сдается, разочарованно вздыхая, и склоняет голову, поймав мою улыбку.

— Что такого забавного?

— Ничего, — небрежно пожимаю плечами и принимаюсь разглаживать себя. Это ужасная ирония, но когда я поднимаю взгляд, вижу, как Миллер достает из встроенного в стену шкафа гладильную доску и устанавливает ее, отчего мое веселье угасает. — Ты ведь не...

Он останавливается и, обернувшись, заглядывает в мои выпученные глаза:

— Что?

— Ты собираешься гладить свой костюм?

— Он весь мятый, — Миллер ужасается от того, что я шокирована. — Кто-то отвлекал меня до этого, так что на фотографии я буду выглядеть, как мешок картошки.

— Как же насчет постели? — вздыхаю, предвкушая долгие часы ожидания, пока Миллер будет доводить до идеала идеальное.

— Сразу, как закончу, — он поворачивается и достает уют.

— Миллер... — я замираю, заметив подозрительно явные движения его плеч и, заинтригованная, быстро пройдя по кабинету, обхожу его и обнаруживаю самую большую мальчишескую улыбку, которую я когда-либо имела удовольствие видеть. У меня отвисает челюсть. Я в шоке и даже не помню, что собиралась сказать.

— Твое лицо! — он смеется, складывая доску и убирая ее обратно. Миллер Харт, мистер серьезность, мое сбивающее с толку сложное создание обводит меня вокруг пальца? Разыгрывает? Кажется, я сейчас упаду.

— Не так уж смешно, — бормочу, хлопая дверцей шкафа и обижаясь, словно ребенок.

— Клянись в обратном, — смеется он, выпрямляясь и догоняя меня с этой мальчишеской улыбкой. Никогда не видела ничего подобного.

— Клянись, сколько хочешь, — взрываюсь, а потом верещу, когда он хватает меня и кружит. — Миллер!

— Не собираюсь я гладить свой костюм, потому что уложить тебя в мою постель — первостепенная задача.

— Важнее, чем выгладить твой костюм до прежней идеальности? — спрашиваю, пропуская его волосы сквозь пальцы. — И важнее, чем поправить волосы?

— Намного, — он ставит меня на ноги. — Готова?

— Я думала, ты возьмешь меня на ужин?

— Ужин или постель? — подшучивает он. — Сейчас ты ведешь себя, как глупышка.

Я улыбаюсь.

— Что нужно сделать, чтобы проскочить клубный лист ожидания?

Искры в глазах тускнеют, когда он прищуривается, губы поджимаются. Он пытается не засмеяться.

— Нужно знать члена клуба.

— Я знаю *владельца*, — заявляю уверенно, но быстро вспоминаю его комментарий на слова мисс Лоу. Скажет ли он мне тоже самое? Я знаю Милера, только согласен ли он?

Он кивает задумчиво и подходит к столу, выдвигает ящик и что-то оттуда достает. Что-то, чем вносят оплату через терминалы, оно пищит, и сканируют в плоскоэкранных мониторах прежде, чем исчезнуть в глубине белого стола.

— Вот, — он протягивает мне прозрачную карту, на которой по центру заглавными буквами выгравировано только одно слово.

ICE¹⁶

Перевернув ее, вижу серебристую полоску, но это все — ничего больше. Никаких подробностей клуба или члена. Смотрю вверх подозрительно.

— Это подделка, да?

Он улыбается и ведет меня из кабинета в главный зал клуба, но не кладет руку мне на шею в привычном жесте, вместо этого он сильной рукой обвивает мои плечи, прижимая к себе.

— Все очень даже настоящее, Оливия.

ГЛАВА 22

Подняв меня на руках в свою квартиру и оказавшись внутри, он тут же наполняет ванную и раздевает нас, прежде чем схватить меня и, подняв по ступенькам, опустить в горячую, пенящуюся воду. Это не его постель, но я не спорю. Я в его руках, где ощущаю себя счастливее всего. Этого более чем достаточно.

Вздыхаю, абсолютно умиротворенная, пока он предается нашему купанию, прижимает меня к себе, чувствуя меня повсюду и крепче сжимая. Мурлычет ласковым голосом. Теперь этот звук становится мне родным. Я чувствую, когда он собирает дыхание и когда поменяется тон, и знаю, когда наступит маленькая пауза, пользуясь которой, он прикоснется губами к моей макушке.

Щека покоится на его мокрой груди, и я провожу кончиком пальца вокруг его соска, пристально разглядывая его кожу. Спокойная и умиротворенная — слова, которые даже близко не передают то, что я чувствую. В те моменты, когда возникает ощущение, как будто я чувствую настоящего Миллера Харта, а не мужчину, прячущегося за великолепными костюмами-тройками и ничего не выражающей маской на лице. Серьезный Миллер Харт, прикидывающийся джентльменом, скрывает от мира свою красоту внутри и выставляет на обозрение мужчину, который, кажется, с одержимостью отталкивает любые признаки дружелюбности, с которыми сталкивается, и смущает окружающих своими идеальными манерами, всегда демонстрируя их с такой холодностью, что люди просто принимают тот факт, что он хорошо воспитан.

— Расскажи мне о своей семье, — я нарушаю молчание тихим вопросом, практически уверенная в том, что он от него отмахнется.

— У меня ее нет, — шепчет он просто и ласково, снова целуя меня в макушку, пока я морщу брови, лежа на его груди.

— Совсем никого? — стараюсь скрыть неверие в голосе, только не получается. У меня нет семьи, если уж на то пошло, только бабуля, но ценность, по крайней мере, одного члена семьи... ну, безгранична.

— Только я, — подтверждает он, отчего я молчаливо сочувствую и начинаю размышлять над тем, какое одиночество заключается в его признании.

— Только ты?

— Неважно, как ты это преподнесешь, Ливи. По-прежнему буду только я.

— У тебя никого нет?

Поднимаюсь и опускаюсь на его груди, когда он вздыхает:

— Уже три. Дойдем до четырех? — ласково спрашивает он. Он не выказывает раздражение или нетерпение, хотя могу сказать, если продолжу в том же духе, они обязательно появятся.

Не так уж сложно поверить, учитывая мою собственную скудную семью. Еще у меня есть Грегори и Джордж, но кровный родственник только один. Один — больше, чем никто, один — это кусочек истории.

— Ни одной живой души? — вздрагиваю, как только слова срываются с губ, и тут же извиняюсь. — Прости.

— Тебе не нужно просить прощения.

— Но совсем никого?

— И у нас номер пять, — слышу нотки веселья в его голосе и, надеясь увидеть блеск той редкой улыбки, поднимаюсь с его груди, но все, что вижу, это мокрая, ничего не выражающая красота.

— Прости, — улыбаюсь.

— Принято, — ловким движением он отправляет меня на другую сторону ванной, укладывая на спину. Мои ноги расставлены, и он стоит между ними на коленях, взяв меня за лодыжку, поднимает ногу до тех пор, пока моя ступня не оказывается по центру его груди. Мой крошечный пятый размер¹⁷ будто теряется на фоне его мышц еще больше, когда его большая мужская рука начинает ласкать кончики пальцев, а сам он смотрит на меня задумчиво.

— Что? — его вопрос сводится к простому выдоху под обжигающей страстью синих глаз. Миллер Харт источает страсть каждой клеточкой великолепного тела и даже полным решимости взглядом синих глаз. Надеюсь, это особый случай и он только для меня, но понимаю, что надеюсь зря. Возможно, Миллер Харт открывается и срывает маску лишь тогда, когда он играет с девушкой.

— Просто думаю о том, как мило ты смотришься в моей ванной, — тихо говорит он, поднимая мою ногу к своему рту и медленно, мучительно медленно, лижет кончики пальцев, верхнюю часть ступни до тех пор, пока не оказывается у моей голени, колена... бедра.

Вода вокруг меня колышется от тихих вздрагиваний, руками цепляюсь за края ванной, царапая блестящую керамику. Кожа теплая от горячей воды и пара в ванной, но жар его языка обжигает, я будто в огне. Тихо выдыхаю, закрываю глаза и подготавливаю себя к тому, что меня будут превозносить, и когда он достигает точки, где мои бедра встречаются с водой, рукой забирается под поясницу и без всяких усилий приподнимает меня, приближая ко рту так, что мне нужно сдвинуть руки, чтобы не уйти под воду. Со всей силы цепляюсь за края ванной, а он осторожно направляет меня в область его настоящего возбуждения — место, где агония страсти интенсивна и где я глубже и глубже погружаюсь в возбуждающий мир Миллера Харта.

Сложно справляться с его легкими покусываниями возле клитора. Легкие движения языка приносят муку. Но когда он погружает в меня два пальца и начинает неспешные движения в такт своему рту и языку, я теряю всякую надежду удержать тихое блаженство вокруг нас.

Хнычу и выгибаю спину, мышцы рук, цепляющиеся за ванну, неимоверно болят, а

мышцы живота напряжены в попытке контролировать яркие искры, взрывающиеся в паху. Мое возрастающее желание только подстегивает его, толкающиеся пальцы подкрепляют полный желания шаг. А движения становятся более твердыми, решительными.

— Не знаю, как ты со мной это делаешь, — шепчу в своей темноте, медленно качая головой.

— Делаю что? — шепчет он, посылая в меня холодный поток воздуха, дрожь его дыхания, переплетаясь с пылающей кожей, заставляет и меня дрожать.

— Это, — выдыхаю, бездумно цепляясь за края ванной, когда он наказывает меня ласковыми укусами, неспешными ласками языка и уверенными движениями пальцев. — И это! — сильнейший спазм пробивает тело, от чего все мышцы, словно плавятся, а я из последних сил стараюсь оставаться в воде относительно спокойной.

Открываю глаза, и спустя несколько секунд взгляд становится ясным, а потом все снова расплывается просто от того, с чем я сталкиваюсь лицом к лицу: невероятная покорность — чистота его взгляда, которую вижу только, когда он мне поклоняется, и его темные волосы, слишком длинные на кончиках, завиваясь, топорщатся из-за ушей.

В отличие от моей сдерживаемой дрожи, он хладнокровен, спокоен и сдержан, когда смотрит на меня в ответ, ни на секунду не прекращая действий, приносящих мне такое наслаждение.

— Ты имеешь в виду, что, если бы так было всегда, — бормочет он, — ты была бы счастлива.

Киваю, в надежде, что он со мной соглашается, а не просто озвучивает мои мысли.

Он не говорит в подтверждение моему молчаливому вопросу, вместо этого возвращая свое внимание к моим кричащим между ног нервным окончаниям. Его лицо, склонившееся туда, и взгляд, обращенный к моему лицу — самое чувственное зрелище из всех, что мне посчастливилось когда-либо видеть. Не в силах сдерживаться, закрываю глаза, готовясь к натиску давления, готовому сорвать крышу.

— Не останавливайся, — выдыхаю, моля о большей дозе безумного, мучительного удовольствия. Он вдруг резко перемещается, вода вокруг нас расплескивается, и он накрывает меня собой, впиваясь в мой рот, язык пытается меня в такт пальцам, большим пальцем он вырисовывает круги по набухшему клитору.

Руками вцепляюсь в его мокрые плечи, его сила — единственная вещь, удерживающая меня от падения под воду. Я как будто в лихорадке, но Миллер держит под контролем все, за исключением моих отчаянных стонов.

А потом это происходит.

Взрыв.

Всплеск миллионов искр заставляет меня разорвать поцелуй и спрятать лицо в изгиб его шеи, пока мое тело пытается справиться с лавиной наслаждения. Он притих, помогая мне унять дрожь. Только поглаживания его пальцев глубоко внутри и замерший в легком прикосновении к узелку нервов большой палец ослабляют затянувшуюся дикую дрожь.

— Думается, предполагалось, что это я буду снимать твой стресс, — лепечу, не желая отпускать его — никогда.

— Ливи, ты снимаешь.

— Позволяя тебе мне поклоняться?

— Да, отчасти, но в большей степени просто позволяя мне быть с тобой. — Он садится, вместе со мной, и усаживает к себе на колени. Мои тяжелые, мокрые волосы спадают просто

так, его руки оборачиваются вокруг предплечий, уверенно меня удерживая. — Такая красивая.

Чувствую, как щеки вспыхивают, и опускаю глаза, немного смутившись.

— Я сделал тебе комплимент, Ливи, — шепчет он, притягивая к себе мой взгляд.

— Спасибо.

Он улыбается едва заметно и перемещает руки на мою талию, его взгляд блуждает по каждому доступному глазам уголку моего тела. Смотрю на него пристально, когда он, в конце концов, накрывает губами мою грудь, целуя ее нежно, а потом пальцем начинает путешествовать по мне, так невесомо, что иногда я его не чувствую. Он делает глубокий задумчивый вдох и выдыхает, голова немного склоняется набок, в добавление к его задумчивости.

— Каждый раз, когда я касаюсь тебя, — шепчет он, — я чувствую, что должен делать это с невероятной осторожностью.

— Почему? — спрашиваю тихо, немного ошарашенная.

Он делает еще один долгий вдох и обращает ко мне свой взгляд, медленно моргнув.

— Потому что боюсь, что ты исчезнешь.

Его признание выбивает весь воздух из груди:

— Я не исчезну.

— Ты можешь, — бормочет он. — Что мне тогда делать? — его глаза изучают мое лицо, и я шокирована от вида абсолютной серьезности, может даже тени страха.

Чувство вины говорит, что не должна, но я ничего не могу с собой поделать, молча радуясь такому вопросу. Он тоже падает, так же стремительно, как и я. Чувствую его неуверенность и крепко обнимаю, сцепляя руки вокруг его шеи, а ноги вокруг талии, как будто пытаюсь силой придать ему уверенность.

— Я уйду, только если ты меня прогонишь, — наверное, это то, что он имеет в виду. Я не смогла бы просто исчезнуть.

— Есть кое-что, чем я бы хотел с тобой поделиться.

— Что? — спрашиваю, оставаясь все в том же положении и пряча лицо в изгибе его шеи.

— Давай заканчивать с ванной, и я тебе покажу, — он тянется к затылку и убирает мои руки, заставляя меня покинуть свою зону комфорта. — Ты будешь первой.

— Первой?

— Первым человеком, кто увидит, — он разворачивает меня в своих руках с задумчивым выражением лица.

— Увидит?

Кладет подбородок мне на плечо:

— Обожаю твое любопытство.

— Это ты делаешь меня любопытной, — возражаю, прижимаясь щекой к его губам. — Что ты собираешься мне показать?

— Увидишь, — поддразнивает, отпуская меня.

Я поворачиваюсь и снова смотрю на него, соскальзывающего и опускающего голову в воду, втирающего в волосы шампунь, после чего он ополаскивает голову и наносит кондиционер.

Удобнее устраиваюсь на другой стороне ванной и наблюдаю за тем, как он втирает кондиционер в кудряшки.

— Ты пользуешься кондиционером?

Его руки замирают, и в течение нескольких секунд он внимательно изучает меня, прежде чем заговорить:

— У меня очень непослушные волосы.

— У меня тоже.

— Тогда ты должна понять мои мучения, — он соскальзывает вниз и ополаскивает волосы в то время, как я улыбаюсь как идиотка. Он смущен.

Когда он снова появляется, я все еще улыбаюсь, так что он закатывает глаза и поднимается, мой взгляд неотрывно следует за ним до тех пор, пока он не нависает надо мной, а я пялюсь на его мокрое обнаженное совершенство.

— Оставлю тебя мыть свою непослушную гриву, — он не улыбается, но абсолютно точно хочет.

— Благодарю, о милостивый сударь, — продолжаю восхищаться его мокрой наготой, пока он выходит из ванной, его ягодицы напрягаются и восхитительно покачиваются. — Миленькие булки, — тихо говорю себе под нос, глубже опускаясь в пену.

Он медленно разворачивается и склоняет голову на бок.

— Умоляю, не выражайся, как твоя бабуля.

Тут же вспыхиваю и, за неимением лучшего сокрытия своего смущения, исчезаю под водой.

Закончив обрабатывать кондиционером собственные дикие локоны, неохотно покидаю теплую безмятежность огромной ванной Миллера и вытираюсь. Убедившись, что спустила воду, избавилась от пенки и все за собой убрала, захожу в его спальню и вижу черные боксеры и серую футболку, аккуратно разложенные на постели. Одеваясь, сама себе улыбаюсь, его боксеры едва ли держатся на моей талии, в футболке вообще утопаю, но они пахнут Миллером, так что я мирюсь с раздражающей необходимостью поддерживать боксеры, когда иду на его поиски.

Нахожу его в кухне, вид, захватывающий дух: черные боксеры и футболка в тон той, что он дал мне. Видеть Миллера без идеального костюма, подчеркивающего идеальное тело — редкость, но привычная пропасть, к которой как обычно толкает его обыденный наряд, всегда приветствуется. Меня начинают злить его костюмы, для меня это маска, за которой он скрывается.

— Мы подходим друг другу, — говорю, подтягивая боксеры.

— Так и есть, — он приближается ко мне и пробегает пальцами по моим влажным кудряшкам, зарывается в них носом, глубоко вдыхая.

— Мне нужно позвонить бабуле, — говорю, закрывая глаза и впитывая его близость — его кожу, его тепло... его все. — Не хочу, чтобы она волновалась.

Он отпускает меня и приглаживает мои волосы, задумчиво рассматривая.

— Ты в порядке? — спрашиваю тихо.

— Да, прости, — он качает головой, прогоняя мысли. — Просто думал, как мило ты смотришься в моей одежде.

— Она большевата, — замечаю, глядя вниз на материал, в котором тону.

— Идеальна на тебе. Звони бабушке.

Как только заканчиваю с Нан, он едва уловимо касается моей шеи и ведет меня мимо полки, где лежит его айфон. Нажимает несколько кнопок, после чего уводит меня с кухни,

не сказав ни слова. Композиция «Ангелы» группы The XX сопровождает нас, мягкая и гипнотизирующая где-то неподалеку, тихо раздаваясь из встроенного приемника. Мы проходим мимо спальни Миллера и поворачиваем налево, а потом он отпирает дверь и ласково подталкивает меня в просторную комнату.

— Вау! — выдыхаю, замерев на пороге. — Ох, вау!

— Заходи, — он проводит меня внутрь и нажимает выключатель, который освещает комнату мощным искусственным светом. Тру глаза, раздраженная тем, что ослепла на долю секунды, а мои глаза привыкают.

Перестав шуриться, опускаю одну руку, другой подтягивая боксеры, и осматриваюсь в полном восхищении. Я лечу. В небесах... я в шоке.

Поворачиваюсь к нему и одариваю непонимающим взглядом:

— Это все твое?

Он кажется почти смущенным, когда его плечи равнодушно вздрагивают:

— Это мой дом, так что полагаю, что да.

Я медленно поворачиваюсь к причине своего шока и принимаюсь изучать. Стены покрыты креплениями от самого пола и навесными фронтальными картинами. Их десятки, может сотни, и на всех них мой обожаемый Лондон, его архитектура и пейзажи.

— Ты рисуешь?

Он прижимается к моей спине и кладет руки мне на плечи:

— Как думаешь, смогла бы сказать что-то так, чтобы это не звучало как вопрос? — он слегка кусает мое ухо, отчего обычно у меня перехватывает дыхание, только я еще его не восстановила. Это не может быть правдой.

— Ты написал их все? — обвожу рукой всю студию, изучая все по второму кругу.

— Снова вопрос, — на этот раз Миллер кусает мою щеку. — Это было моей привычкой до того, как я нашел тебя.

— Это не привычка, это хобби, — снова смотрю на картины на стене, думая, что такое величие нельзя называть простым хобби. Их следует выставлять в галерее.

— Ну, теперь *ты* мое хобби.

На осознание уходит секунда, а потом меня вдруг передвигают и уводят из студии в зону отдыха, пока я не оказываюсь перед одним из масляных холстов, украшающих его стену. На нем Лондонский глаз¹⁸, затемненный, но ясный.

— Ты сделал это? — снова говорю с долбанной вопросительной интонацией. — Прости.

Он подходит ко мне слева и останавливается рядом, рассматривая собственное творение.

— Я.

— И эту? — по-прежнему поддерживая дурацкие боксеры, указываю на противоположную стену, на которой Лондонский мост привлек мое внимание.

— Да, — подтверждает он и ведет меня обратно в студию. На этот раз я прохожу дальше, окруженная картинами Миллера.

Здесь пять мольбертов, на всех белые холсты с еще незаконченными работами. На огромном, по всей длине боковой стены, столе из дерева стоят банки с кисточками, краски всевозможных цветов, и повсюду разбросаны фотографии, некоторые приколоты к пробковым плитам холстов. Старый, мягкий диванчик стоит перед окнами высотой от потолка до пола, лицом к стеклу так, что можно сидеть и восхищаться видом на город, что

почти также восхитительно, как картины вокруг меня. Типичная художественная студия... и это абсолютно точно бросает вызов тому, как живет Миллер.

Экспрессивно, даже шокирующе, ужасный беспорядок. Такое чувство, как будто я под гипнозом, момент из Алисы в стране чудес, и я с по-настоящему наивным любопытством начинаю оценивать все более внимательно, пытаюсь выяснить, есть ли какой-то особый способ того, как он здесь все расставил. Как будто нет; все выглядит очень произвольным и хаотичным, но чтобы убедиться, я подхожу к столу и беру банку с кисточками, небрежно поворачивая в руке, а потом ставлю ее бессмысленно, прежде чем повернуться и посмотреть на его реакцию.

Он не дергается, не смотрит на банку с кисточками так, будто она кусается, и он не подходит, чтобы ее передвинуть. Просто смотрит на меня с интересом, и, выдержав его взгляд несколько секунд, я отворачиваюсь с улыбкой на лице. Шок переходит в радость, потому что тот, кого я вижу в этой комнате — другой человек. Это почти смягчает его образ. До меня он самовыражался и снимал стресс рисованием, и не важно, что он супер-пупер педантичный в других сторонах своей жизни, потому что здесь он спонтанный.

— Люблю это, — говорю, еще раз не спеша осмотрев комнату, даже красота Миллера не заставит меня оторваться. — Просто влюбилась.

— Я знал, что полюбишь.

Вдруг снова становится темно, только огни ночного Лондона за окном, а Миллер медленно подходит и берет меня за руку, ведет к старому потертому дивану перед окном. Садится и усаживает меня рядом.

— Я засыпал здесь большинство ночей, — говорит он задумчиво, притягивая меня к себе. — Завораживает, как думаешь?

— Фантастически, — соглашаюсь, но большой трепет у меня вызывает то, что позади. — Ты всегда рисовал?

— Время от времени.

— Только пейзажи и архитектуру?

— В основном.

— Ты очень талантлив, — говорю тихо, подбирая под себя ногу. — Тебе стоит выставлять их.

Он тихо смеется, и вскоре я уже смотрю на него, недовольная тем, что он всегда смеется именно тогда, когда я не вижу его лица. Он больше уже не смеется, просто улыбается мне. Этого достаточно.

— Ливи, это просто хобби. У меня клуб и предостаточно стресса, превращение хобби во что-то большее станет лишним напряжением.

Я хмурюсь, совсем не улавливая логики, и при этом надеюсь, что его теория не относится ко мне. Я хобби.

— Я сделала тебе комплимент, — дерзко поигрываю бровями, отчего его улыбка становится ярче, глаза сияют и все такое.

— Так и было. Прости, — он целует меня ласково и возвращает обратно под свое крылышко. — Спасибо.

— Пожалуйста, — отвечаю, позволив своему телу принять резкие очертания его силуэта, рукой задираю край его футболки. Таким Миллером Хартом я действительно восхищаюсь — умиротворенным, беззаботным и экспрессивным. Удобно устраиваюсь у него под рукой и наслаждаюсь его ласковыми поцелуями в макушку и мягкими поглаживаниями

руки. Но потом он перемещает меня так, что я спиной лежу на диване с головой на его коленях. Он убирает с моего лица волосы и смотрит на меня какое-то время, после чего вздыхает и запрокидывает голову. Он продолжает касаться меня, молча глядя в потолок в то время, как приглушенные звуки городской суматохи окружают нас. Все так замечательно — спокойствие окутывает сознание, и прикосновения Миллера неспешно ласкают щеку. А потом звонок его телефона в кухне нарушает наш покой.

— Извини, — он передвигает меня и выходит из комнаты, оставляя горьковатый привкус теперь, раздосадованная видом, я встаю и иду за ним.

Когда захожу в кухню, он берет со столешницы свой айфон и обрывает довольно симпатичный рингтон.

— Миллер Харт, — говорит, снова выходя из кухни.

Не хочу идти за ним, когда он говорит по телефону, он определенно посчитает это грубым, так что я сажусь на пустующий стол и кручу кольцо на пальце, желая, чтобы мы снова оказались в его студии.

Когда Миллер возвращается, он все еще говорит по телефону. Он целенаправленно подходит к комоду с ящиками и выдвигает верхний, доставая оттуда органайзер в кожаном переплете и листая страницы.

— Мало времени, да, но как я уже сказал, без проблем, — он берет в ящике ручку и записывает что-то поперек страницы. — Жду с нетерпением, — Миллер разъединяется, быстро захлопывает органайзер и убирает его в ящик. Судя по его голосу, совсем не скажешь, что он чего-то с нетерпением ждет.

Проходит несколько секунд, после которых он смотрит на меня, но когда смотрит, я тут же понимаю, что он не счастлив, несмотря на то, что на лице никаких эмоций.

— Я отвезу тебя домой.

Выпрямляю спину, продолжая сидеть:

— Сейчас? — спрашиваю, уязвленная и раздраженная.

— Да, прости, — Миллер выходит из кухни. — Незапланированная встреча в клубе, — бормочет, а потом уходит.

Расстроенная, раздраженная и уязвленная, я разворачиваюсь лицом к идеальному пустому столу, а потом любопытство заставляет меня встать, и прежде чем смогу удержаться, я оказываюсь у ящиков, открываю верхний. Органайзер в кожаном переплете лежит в дальнем правом углу, так и манит заглянуть, так что я запоминаю, как именно он лежит, после чего поднимаю его, оглядываясь через плечо. Не стоит этого делать. Сую нос в чужие дела, когда не имею на это право... но не могу удержаться. Чертово любопытство. И чертов Миллер Харт, вызывающий его.

Листаю страницы, вижу разнообразные пометки, но понимаю, что Миллер может застукать меня в любой момент, я поспешно перелистываю все, пока не нахожу сегодняшнюю дату. И здесь написанная идеальным почерком пометка:

Quaglino ¹⁹ 9.00

К.

Черный костюм. Черный галстук.

Хмурюсь и одновременно подпрыгиваю от звука захлопнувшейся двери. С паникой и бешеным сердцебиением совершаю жуткую попытку положить органайзер Миллера именно

так, как он лежал. Нет времени. Мчусь к столу и сажусь обратно, используя всю силу воли, чтобы перестать трястись и выглядеть нормально. К? Кэси?

— Твоя одежда на кровати.

Разворачиваюсь и вижу Миллера в одних боксерах, только мыслей слишком много, чтобы оценить вид.

— Спасибо.

— Пожалуйста, — отвечает он и снова уходит. — Поторопись.

Что-то не так. Он снова спрятался под маской джентльмена, такого формального и резкого, это обидно после проведенного вместе времени, особенно после нескольких прошедших дней. Он поделился чем-то очень личным и особенным, и теперь он опять обращается со мной, как с деловой сделкой. Или как со шляхой. Вздрагиваю от собственных мыслей, стуча боковой стороной кулака по лбу. Что такое Quaglino, и почему он соврал об этом? Неуверенность и недоверие накрывают меня, когда я проваливаюсь в попытке остановить себя от вопросов.

Нахожу свой телефон и молюсь, чтобы он не сел. У меня два пропущенных звонка... от Люка. Он звонил мне? Зачем это? Он не ответил на мое сообщение, и это было не один день назад. Нет времени думать об этом. Удаляю их и захожу в Гугл, набирая в поиск «Quaglino», возвращаясь при этом в кухню. Когда мой интернет, наконец, решает выдать необходимую мне информацию, мне не нравится то, что я вижу: модный ресторан в отеле Мейфэйр (Mayfair), с коктейльным баром в придачу. Еще больше настораживаюсь, когда Миллер входит в черном костюме и черном галстуке.

— Ливи, мне нужно идти, — говорит он коротко, стоя перед зеркалом и возясь с противным галстуком. Он уже был идеальным.

Я оставляю его, доводящим до идеала идеальное, и спешу в его комнату, где запрыгиваю в свои джинсы и конверсы. Я подозрительна, а я никогда не была подозрительной, потому что никогда не было ничего, что следовало бы подозревать. Мне это не нравится.

— Готова?

Поднимаю взгляд и с горькостью замечаю, насколько он великолепен. Так всегда, но черный костюм-тройка для встречи в клубе?

— Замечательно, — бормочу.

— Ты в порядке? — в привычном жесте берет меня за затылок и выводит из комнаты.

— Я поеду с тобой, — говорю с уверенностью в голосе.

— Оливия, тебе будет смертельно скучно, — по крайней мере он не раздосадован моим требованием.

— Нет, не будет.

— Поверь мне, будет, — он наклоняется и целует меня в лоб. — Я буду опустошен к тому времени, как закончу. Мне будут нужны твои объятия, так что я приеду и заберу тебя, и ты сможешь остаться со мной сегодня.

— С таким же успехом я могла бы подождать здесь.

— Нет, ты сможешь собрать кое-какие вещи, и утром я отвезу тебя прямо на работу.

Злюсь сама на себя:

— Во сколько ты закончишь?

— Не уверен. Я тебе позвоню.

Я сдаюсь и позволяю ему вести себя по бесконечному количеству ступенек до тех пор, пока мы не оказываемся у его машины в подземном гараже. Всю дорогу до дома в машине

смертельно тихо, а когда он останавливается у дома Нан, отстегивает свой ремень безопасности и поворачивается лицом ко мне.

— Ты расстроена, — говорит он и тянется, ласково проводя большим пальцем по моей щеке. — Мне надо работать, Ливи.

— Я не расстроена, — возражаю, хотя чертовски очевидно, что так и есть, хоть и по не тем причинам, о которых думает Миллер.

— Готов поклясться в обратном.

— Я расскажу тебе позже.

— Расскажешь, — он тянется и проводит несколько секунд, наполняя мою память тем, по чему я буду скучать следующие несколько часов. Это не улучшает моего настроения.

Выхожу из машины и иду по дорожке к дому Нан, мысли стремительно проносятся, быстро захожу и хлопаю за собой дверь. Как и думала, Нан стоит на нижней ступеньке с самой большой улыбкой на лице.

— Хорошо провела время? — спрашивает она. — С Миллером, я имею в виду.

— Замечательно, — пытаюсь подражать ее улыбке, но подозрение и тревога меня уродуют. Если это работа, то почему он встречается с ней в модном ресторане?

— Я думала, ты останешься на ночь.

— Собираюсь вернуться туда, — слова вылетают изо рта, кажется, мое подсознание приняло решение за меня.

— С Миллером? — с надеждой спрашивает она.

— Да, — отвечаю. Ее радость возможным новостям тяжелым грузом оседает в сердце.

ГЛАВА 23

Вылезаю из такси так элегантно, как только могу, в точности, как показывал Грегори. Я искала, как следует одеться, и судя по тому, что выдает Гугл, конверсы в Quaglinone приняты, также, как и приходить без предварительного заказа, но я не планирую ужинать. Коктейльный бар — вот, куда я направляюсь.

Портье кивает и открывает стеклянную дверь, потянув за гигантскую дверную ручку в форме буквы Q.

— Добрый вечер.

— Здравствуйте. — Выпрямляюсь и прохожу мимо него, а потом на ходу одергиваю короткое шелковое платье бледно — розового цвета, которое меня заставил купить Грегори. Миллер, может, и возненавидел мою прическу и макияж, но я отчетливо помню, он говорил, что платье ему понравилось. И вот теперь волосы золотистым каскадом рассыпаны по спине и макияж снова естественный, так что он должен быть доволен. Если он с той женщиной, надеюсь, он только взглянет на меня и подавится.

Вздрагиваю, спускаясь вниз к метрдотелю, новые телесного цвета шпильки натирают. Она улыбается мне лучезарно:

— Добрый вечер, мадам.

— Здравствуйте. — Откуда ни возьмись у меня появляется этот самоуверенный тон, как будто, обычный в таких роскошных местах.

— Заказ на? — Она смотрит вниз на свой список.

— Я хочу остановиться в баре, выпить коктейль и подождать своего спутника. — Слова на удивление с легкостью срываются с языка.

— Конечно, мадам. Прошу, сюда. — Она жестом показывает на бар и указывает дорогу, направляя меня за угол, где мне приходится сдерживать себя, чтобы не застонать в голос.

В поле зрения оказывается мраморная лестница с изысканными золотистыми перилами и черными узорами в виде буквы Q, соединяющимися вместе и образующими по обеим сторонам перильные ограждения, лестница ведет вниз в огромный зал ресторана, светлый и просторный, с потрясающим зеркальным сводчатым потолком, стекающимся в центр. Здесь шумно и многолюдно для вечера понедельника, за каждым столом оживленно болтают группы людей. Успокаиваюсь, когда вижу, что бар находится на этом этаже, а стеклянные панели позволяют спокойно видеть, что происходит в ресторане. Осматриваюсь, взгляд останавливается в каждом уголке, но его я не вижу. Я совершила огромную ошибку?

— Могу я порекомендовать вам вишнево-апельсиновый Беллини²⁰? — говорит метрдотель, указывая на стул у барной стойки.

Отвергаю предложенный стул у дальнего конца барной стойки и сажусь ближе к краю так, чтобы смотреть вниз.

— Спасибо. Может и попробую. — Улыбаюсь, спрашивая себя, смогу ли обойтись стаканом воды, когда нахожусь в таком шикарном месте в таком шикарном платье.

Она кивает и уходит, оставляя меня с барменом, который с улыбкой протягивает мне коктейльную карту:

— Лавандово — сливовый мартини намного лучше.

— Спасибо, — улыбаюсь ему в ответ, чувствуя себя более удобно и легко теперь, когда мое тело поддерживает стул.

Кладу ногу на ногу, спину держу прямо, изучая карту, замечаю, что в предложении бармена содержится разбавленный сухой лондонский джин, и сразу же его отвергаю. Улыбаюсь, вспомнив, как дедушка постоянно спорил с бабулей по поводу её привычки пить джин. Он всегда говорил, если хочешь, чтобы женщина на тебя набросилась, напой еёджином. А потом моя улыбка угасает, вспоминая последний раз, когда сама пила джин.

В составе Беллини есть шампанское, явный победитель в забеге на милю. Я выбираю и поднимаю взгляд на ожидающего бармена:

— Спасибо, но я всё же буду Беллини.

— Мужчина может попытаться. — Он подмигивает и берется за приготовление напитка, а я тем временем разворачиваюсь на стуле и снова принимаюсь за изучение пространства внизу. Быстрый осмотр результата не дает, так что я начинаю осматривать каждый столик, изучая лица и затылки. Это глупо. Я бы заметила голову Миллера на флешмобе Трафалгарской площади среди тысячи людей. Его здесь нет.

— Мадам? — Бармен привлекает мое внимание к барной стойке и передает мне бокал, украшенный листочком мяты и коктейльной вишенкой.

— Благодарю. — Осторожно принимаю бокал и делаю такой же осторожный глоток под пристальным взглядом бармена. — Вкусно. — Улыбаюсь в подтверждение, и он снова подмигивает, прежде чем пойти обслуживать пару в другом конце стойки.

Повернувшись спиной к стойке, отпиваю превосходный коктейль и задаюсь вопросом, что я, в конце концов, собираюсь делать. Сейчас половина десятого. Его встреча была назначена на девять. Он бы всё ещё был здесь, верно? И как будто прочитав мои мысли, телефон начинает звонить в сумке. Я паникую, быстро поставив бокал, роюсь в сумочке и съезживаюсь при виде его имени на экране телефона. Плечи буквально соприкасаются с ушами, и каждая клеточка в теле напрягается, когда я отвечаю:

— Привет.

— Скоро заканчиваю. Буду у тебя через час.

В облегчении облакачиваюсь на стойку. За час я смогу довести до дома свое разыгравшееся воображение и раздетую тушку. Я в безопасности и чувствую себя довольно глупо.

— Ладно, — выдыхаю, беру свой бокал и делаю так необходимый сейчас глоток. Я посмотрела не на тот день в его органайзере? В моем безумии и спешке, возможно.

— Шумно. Ты где?

— Телевизор. — Выпаливаю я. — У Нан плохо со слухом.

— Очевидно, — говорит он сухо. — Готова снимать мой стресс, моя сладкая девочка?

Улыбаюсь:

— Очень даже готова.

— Рад, что мы это выяснили. Будь готова через час. — Он разъединяется, и я мечтательно и влюблено вздыхаю, поспешно допивая свой Беллини.

Машу бармену:

— Могу я получить свой счет, пожалуйста?

— Всего один? — говорит он, кивая на пустой бокал.

— Кое с кем встречаюсь.

— Жаль, — бормочет, протягивая мне крошечное черное блюдо с моим счетом. С улыбкой передаю ему двадцатку. — Приятного вечера, мадам.

— Спасибо. — Элегантно опускаюсь на ноги и разворачиваюсь, направляясь к выходу и надеясь, что смогу быстро поймать такси.

Но, едва успев сделать два шага, застываю на месте. Желудок скручивает, и кожа становится мертвенно холодной, отчего каждый волосок на теле встает дыбом. Он *здесь*. И он с ней. Она просто занимает место за столиком, спиной ко мне, но я отчетливо вижу лицо Миллера, оно, как всегда, ничего не выражает, хотя мне просто и ясно видна тоска. Кэси оживлена, активно размахивая повсюду руками, постоянно смеясь и запрокидывая голову, и еще выпивая шампанское. Волосы собраны в тугий пучок на затылке, и одета она в черный атлас, в общепринятом смысле, далеко не деловой наряд. На столе устрицы. И она постоянно тянется через стол и прикасается к нему.

— Решили остаться еще на один? — спрашивает бармен, только я не отвечаю. Продолжаю смотреть на Миллера и пятиться, пока поясница не соприкасается с барным стулом. Потом я медленно усаживаюсь.

— Да, пожалуйста, — бормочу, ставя сумочку обратно на стойку. Не уверена, как я его упустила. Его столик прямо внизу, прекрасно виден. Может, я слишком старалась найти. Тщательно обдумываю, пытаюсь понять свой следующий шаг. Боже Милостивый, чувствую, как ярость начинает полыхать в груди.

Забираю предложенный мне Беллини, достаю из сумочки телефон и набираю его, спокойно удерживая телефон у уха. Он начинает звонить. Смотрю, как он ерзает на стуле и выставляет палец, как бы извиняясь перед Кэси, а потом он смотрит на экран и не выражает никаких эмоций или шока при виде моего имени. Кладет телефон обратно в карман и качает головой. Действие, предполагающее, что звонящий человек не важен. Его действия разжигают боль, но что хуже всего, разжигают злость.

Кидаю телефон в сумочку и поворачиваюсь к бармену:

— Только схожу в ванную комнату.

— Вниз по лестнице. Я присмотрю за вашим коктейлем.

— Спасибо. — Делаю глубокий вдох, набираясь уверенности, и направляюсь в сторону лестницы, подойдя к ней, крепко хватаюсь за позолоченные перила и молюсь лестничным богам, чтобы не выставить себя полной душой, приземлившись на задницу. Дрожу, как лист, но мне нужно оставаться собранной и хладнокровной. Как, черт возьми, я оказалось в этой мерзости?

Сама себя загнала, вот как.

Каждый мой шаг просчитан и осторожен, бедра соблазнительно покачиваются. Слишком просто. Я под пристальным взглядом большого количества мужчин. Спускаться по этой лестнице, как будто грести среди волн. Я одна, и я преднамеренно привлекаю к себе внимание. Тем не менее, я никуда не оглядываюсь, смотрю только на заклятого врага моего сердца, желая, чтобы он поднял глаза и увидел меня. Он слушает Кэси, вставляет какие-то реплики, но чаще всего просто не спеша потягивает свой скотч. Меня душит обида — обида за то, что другая женщина вблизи любит этими идеальными губами, касающимися стакана.

Быстро опускаю глаза, когда он переводит взгляд на лестницу. Он меня увидел, я в этом уверена. Чувствую, как ледяной взгляд синих глаз покалывает кожу, но я отказываюсь останавливаться и, только дойдя до туалетов, заглядываю через плечо. Он идет за мной. Говорила, что шокирую его, думаю, у меня получилось. На лице слишком много эмоций — ярость, шок...беспокойство.

Скрываюсь в дамской комнате и изучаю себя в зеркало. Отсюда нет выхода; я выгляжу взволнованной и немного подавленной, а поглаживания щек ладонями превращаются в легкие пощечины, когда я пытаюсь вернуть себе хоть каплю благоразумия. Я на чужой территории. Не знаю, как справиться с этой ситуацией, но инстинкт, кажется, неплохо меня направляет. Он знает, что я здесь. Понимает, что мне известно о его вранье. Что же он скажет?

Решив, что на самом деле хочу знать, быстро умываю липкие от пота руки, распрямляю платье и собираюсь с силами посмотреть ему в лицо. Открываю дверь, находясь на грани нервного срыва, но вид его, спиной прислонившегося к стене, явно раздраженного, в скором времени высасывает все нервы. Теперь я просто в ярости.

Смотрю в его чистые глаза с равным ему презрением:

— Как устрицы? — зло спрашиваю.

— Пересолены, — отвечает он, ямочки на его щеках дергаются из-за стискиваемой челюсти.

— Какая жалость, но я не стала бы волноваться. Кажется, твоя девушка слишком пьяна, чтобы заметить.

Приближаясь, щурит глаза:

— Она не моя девушка.

— Тогда, что она?

— Бизнес.

Я смеюсь. Это унизительно и грубо, только меня это не волнует. Деловые встречи не проходят в понедельник ночью в Quaglino. И на них не одевают атласные платья.

— Ты солгал мне.

— Ты шпионила.

Не могу и не отрицаю. Чувствую, как эмоции берут верх. Они проносятся по венам,

восполняя их отсутствие у Миллера.

— Просто бизнес. — Он делает еще один шаг ко мне, сокращая расстояние. Хочу отойти, отстраниться, но туфли как будто приклеились к полу, мышцы отказываются работать.

— Я тебе не верю.

— Ты должна.

— Ты не дал мне оснований, Миллер. — Беру верх над своими бесполезными конечностями и прохожу мимо него. — Наслаждайся вечером.

— Буду, как только смогу снять стресс, — говорит он мягко, беря меня за шею и предотвращая мой побег. Жар его прикосновения тут же заставляет кожу покрыться мурашками и тело вспыхнуть...езде. — Иди домой, Ливи. Я скоро тебя заберу. Мы поговорим, перед тем как приступить к снятию напряжения.

Чувствуя отвращение и вырываясь из его рук, я разворачиваюсь и впииваюсь взглядом полным ярости в его ничего не выражающее лицо.

— Ты больше ничего от меня не получишь.

— Готов поклясться в обратном.

Вздрагиваю от его высокомерия и самоуверенности. Никогда в жизни не была мужчиной. Никого не была.

До этой минуты.

Сила удара моей маленькой ладошки о его лицо создает самый пронзительный звук, хлопок эхом раздается в шумном пространстве вокруг нас. Рука горит в наказание за красную отметину на загорелой коже Миллера, на его щеке. Я в шоке от своего поступка, застывшее тело и удивленное лицо тому доказательство.

Он сжимает свой подбородок, как будто вправляя челюсть. Миллер Харт не многое показывает, но нет сомнений — он удивлен:

— Отличный удар, сладкая девочка.

— Я тебе не сладкая девочка, — злобно шиплю, оставляя Миллера растирать онемевшую щеку. Мчусь к лестнице и быстро поднимаюсь, отчаянно нуждаясь в оставленном Беллини. Подхожу к бару и быстро опрокидываю в себя содержимое бокала, выдыхаю и с шумом ставлю его на стойку, привлекая внимание бармена.

— Еще? — спрашивает он и начинает крутиться, как только я киваю.

— Ливи. — Шепот Миллера рядом с ухом заставляет меня подпрыгнуть. — Пожалуйста, иди домой и жди меня там.

— Нет.

— Ливи, я прошу тебя по-хорошему. — Есть нотка отчаяния в его голосе, услышав которую я разворачиваюсь на стуле, чтобы взглянуть на него. Выражение лица спокойное, только глаза умоляют. — Позволь мне это исправить.

Он *умоляет*, но он просто уверен, что здесь действительно есть, что исправлять.

— Что нужно исправлять? — спрашиваю я.

— Нас. — Односложный ответ произнесен тихо. — Потому что больше нет тебя или меня, Ливи. Есть мы.

— Тогда зачем ложь? Если тебе нечего скрывать, к чему мне лгать?

Он закрывает глаза, очевидно пытаюсь сохранить спокойствие, а потом медленно их открывает.

— Поверь мне. Это просто бизнес. — Его голос и глаза полны искренности, когда он

наклоняется и нежно целует меня в губы. — Не заставляй меня уходить без тебя сегодня. Ты нужна мне в моих руках.

— Я подожду тебя здесь.

— Бизнес и удовольствие, Оливия. Ты знаешь мои правила. — Он осторожно снимает меня со стула.

— То есть ты никогда не мешал бизнес и удовольствие с Кэси?

Он хмурится:

— Нет.

Теперь я тоже хмурюсь:

— Тогда зачем ужин в роскошном ресторане? И устрицы, прикосновения через стол?

Наши хмурые взгляды идентичны, но, прежде чем Миллер успевает прояснить явное недопонимание, мы сталкиваемся с Кэси.

Ну, или, по крайней мере, с тем, кого я принимала за Кэси. Эта женщина, потрясающая и с великолепной фигурой со спины, старше — около пятидесяти, по крайней мере. Она явно богата и очень жизнерадостна.

— Миллер, дорогой! — нараспев произносит она. Она пьяна, размахивает бокалом перед моим лицом.

— Кристал. — Он перемещается, врезаясь в мою спину. — Пожалуйста, дай мне минуту.

— Конечно! — Плюхается на мой недавно освобожденный стул. — Заказать нам еще выпивки?

— Нет, — отвечает Миллер, подталкивая меня вниз. К? Кристал? Я не понимаю, только мой бедный перегруженный мозг не позволит мне озвучить это или задать вопросы.

— Твой подруге необязательно уходить, — кричит она, и я оборачиваюсь и вижу, как она мне улыбается. Нет, она не улыбается, она насмехается. — Чем больше, тем веселее.

Хмурюсь и смотрю на Миллера, который, кажется, в шоке. Он заговаривает, но челюсть стиснута, от чего слова выходят угрожающими.

— Я говорил тебе, это был просто ужин.

— Да, да, — она драматично закатывает глаза и выпивает остатки шампанского в бокале. — Не это ли маленькое сладенькое создание причина перемен в правилах нашего поведения?

— Не твое дело, — он пытается увести меня из бара, но я сейчас так же непреклонна, как он, так что пресекаю его попытки.

— О чем она говорит, Миллер? — Спрашиваю гораздо спокойнее, чем на самом деле себя чувствую.

— Ни о чем. Пошли.

— Нет! — Я вырываюсь из его хватки и поворачиваюсь к женщине.

Она, кажется, не обращает внимания на напряжение, искрящееся между мной и Миллером, заказывая у бармена еще шампанского, прежде чем протянуть мне карту.

— Вот. Кажется, мне это больше не понадобится. Оставь себе.

Беру её без задней мысли и смотрю на выбитый каллиграфический почерк, здесь только имя Миллера, номер телефона и адрес электронной почты.

— Что это?

Миллер пытается вырвать её, но мои ловкие руки быстрее, и я отдергиваю их.

— Ничего, Ливи. Пожалуйста, отдай это мне.

Женщина смеется:

— Поставь его на кнопку быстрого дозвона, милая.

— Кристал! — кричит Миллер, тут же заставляя её заткнуться. — Тебе пора уходить.

Её глаза распахиваются, и она медленно переводит их на меня:

— Оо, мой Бог, — выдыхает она, пьяным взглядом путешествуя по моему застывшему телу. — Неужели самый скандально известный мужской эскорт Лондона влюбился и канул в лету?

Её слова выбивают весь воздух из моих легких, ноги едва ли не подкашиваются, так что я вынуждена протянуть руку и ухватиться за пиджак Миллера. Эскорт? Медленно переворачиваю карту и с обратной стороны вижу «Услуги Харта» элегантно выгравированным шрифтом.

— Заткнись, Кристал! — рычит он, сжимая мою руку.

— Она не знает? — она снова смеется, глядя на меня с жалостью. — А я-то думала, она платит, как и все мы. — Она залпом выпивает шампанское в то время, как я борюсь с комом, поднимающимся в горле. — Считай, что тебе повезло, милая. Ночь с Миллером Хартом стоит тысяч.

— Остановитесь, — шепчу, качая головой. — Пожалуйста, прекратите. — Хочу убежать, только бешено отстукивающее сердце не пошлет из мозга команду моим ногам. Оно просто швырнет их обратно в голову, делая меня слабой и ополоумевшей.

— Ливи. — Он появляется в поле моего зрения, его лицо больше не бесстрастная красота, к которой я так быстро привыкла. — Она пьяна. Пожалуйста, не слушай её.

— Ты берешь деньги за секс. — Слова раз за разом врезаются в меня острым лезвием ножа. — Ты слушал всё, о чем я рассказывала — о маме, обо мне. Изображал шок, хотя сам такой же, как она. Как я...

— Нет, — Он решительно качает головой.

— Да, — заключаю, мое бездвижное тело снова оживает и начинает дрожать. — Ты продаешь себя.

— Нет, Ливи.

Боковым зрением вижу, как Кристал спускается со стула.

— Обожаю драмы, но у меня есть толстый, лысеющий ублюдок в виде мужа, которому и этого на вечер будет достаточно.

Миллер яростно к ней оборачивается:

— Держи рот на замке.

Она улыбается и подталкивает его в руку.

— Я не сплетница, Миллер.

Он рычит, когда она, посмеиваясь, выплывает из бара, забирая меховой полушубок, переданный ей гардеробщиком.

Миллер достает из кармана бумажник и кидает на барную стойку пачку банкнот, беря меня за шею.

— Мы уходим.

Я его не отталкиваю. Я в шоке, чувствую себя больной, в голове звенит. Не могу даже ясно мыслить, чтобы оценить всё происходящее. Чувствую, как ноги двигаются, но я, кажется, никуда не иду. Чувствую, как сердце бешено стучит, но я, кажется, не могу дышать. Открываю глаза, но всё, что вижу, это моя мама.

— Ливи?

Смотрю на него, не моргая, и вижу печаль, боль и страдания.

— Скажи, что мне это снится, — тихо бормочу. Это будет самым страшным кошмаром, но до тех пор, пока это не реальность, мне плевать. Пожалуйста, дай мне проснуться.

Его лицо искажается в поражении, и он перестает идти, останавливая меня перед гигантскими стеклянными дверьми. Он выглядит невероятно раздавленным.

— Оливия, хотел бы я сказать да.

Он обхватывает меня руками и с силой прижимает к своей груди, но я не возвращаю ему *его*. Просто оцепенела.

— Едем домой. — Он прижимает меня к себе и ведет на улицу. Мы проходим какое-то расстояние, но ни один из нас ничего не говорит, я, потому что не могу физически, Миллер, потому что, понимаю, он не знает, что сказать. Я, возможно, кажусь беспомощной в состоянии шока, только мой мозг работает лучше, чем когда-либо, и отправляет мне воспоминания, которые я видела слишком много раз за последнее время. Мама. Я. И теперь Миллер.

Он осторожно усаживает меня в свою машину, как будто боится, что я могу сломаться. Могу — если уже не сломана. Хочу перемотать вечер, изменить так много вещей, только, где я тогда буду, разве что в ничего не знающей, кромешной темноте?

— Хочешь, чтобы я отвез тебя домой? — спрашивает он тихо, удобнее устраиваясь на сиденье.

Поворачиваюсь к нему с непроницаемым лицом. Роли поменялись, теперь он, а не я, показывает бурю эмоций.

— Куда бы мне еще хотеть поехать? — спрашиваю.

Он опускает взгляд и заводит машину, везет меня домой, а группа Snow Patrols не позволяет глазам закрываться.

Поездка длится долго, как будто он медлит, ведя машину впервые за долгое время. И когда он медленно паркуется у дома Нан, я без промедления открываю дверцу и выхожу из машины.

— Ливи, — голос звучит отчаянно, когда он берет меня за руку, не давая двигаться дальше, только он больше ничего не говорит. Не уверена, что он *может* сказать, и он явно тоже.

— Что? — спрашиваю, надеясь, что проснусь в любой момент и окажусь в его объятиях, в безопасности его постели, далеко от холодной жестокой реальности, в которой оказалась — реальности, которая слишком знакома.

Тишина разрывается звонком телефона Миллера, и он, матерясь, нажимает кнопку сброса вызова, но он снова начинает звонить.

— Блять! — кричит он, бросая его на приборную доску. Он замолкает и начинает трезвонить снова.

— Тебе лучше ответить. — Вырываю руку из его хватки. — Думаю, они уже готовы выложить свои тысячи за ночь с самым скандально известным эскортом Лондона. Ты так можешь заработать миллиарды, трахая женщин. Я, должно быть, задолжала тебе тысячи.

Игнорирую его вздрагивания и оставляю его в машине с лицом, полным боли, все силы уходят на то, чтобы оставить вторую проститутку, с которой столкнулась за свою короткую жизнь. Только этот принимал и оберегал меня. С этим будет сложнее покончить. Нет, с этим будет невозможно покончить. Чувствую, меня ждет еще более темное одиночество.

ГЛАВА 24

Уже рассвет, а я всё также безучастно смотрю в потолок своей спальни. Безвыходная ситуация — уснуть и видеть кошмары, или не спать и жить в них. Решение было принято за меня. Я не могла спать. Моему бедному мозгу нет передышки, и перед глазами один за другим мелькают картинки его лица. Я не готова встретиться с миром. Как и боялась, я оказалась в еще большем уединенном заточении, чем была когда-либо до встречи с Миллером Хартом.

Телефон начинает звонить на прикроватном столике, и я тянусь, беря его, знаю, что звонить может только один из двух людей, но учитывая побежденный взгляд Миллера прошлой ночью, ставлю на Грегори. Он захочет получить подробности моих выходных с кофе-ненавистником. Я права. Совсем не чувствую вины, отклоняя его вызов и позволяя голосовой почте принять его. Не могу ни с кем говорить. Посылаю ему короткое сообщение.

Опаздываю на работу. Позвоню тебе позже. Надеюсь, ты в порядке. ХХ

Может я и опаздываю, не уверена, да это и не важно, потому что я никуда не собираюсь, разве что под одеяло, где темно и тихо. Слышу скрип половиц и последующее жизнерадостное пение бабули. От этого глаза опять наполняются слезами, но я сознательно их проглатываю, когда она врывается в мою комнату и простреливает меня счастливым взглядом синих глаз.

— Доброе утро! — объявляет она, подходя к шторам и распахивая их. Утренний свет атакует глаза.

— Нан! Закрой шторы! — зарываюсь под одеяло, прячась не столько от яркого света, сколько от вида её радостного лица. Это съедает меня изнутри.

— Но ты опоздаешь!

— Мне не надо сегодня на работу. — На автопилоте выпаливаю оправдания остаться в постели и, желательно, подальше от Нан. — Я работаю в пятницу ночью, так что Дэл дал мне сегодня выходной. Я собираюсь воспользоваться этим и поспать. — Прячу лицо под одеялом, и, хотя я её не вижу, уверена, она улыбается.

— Разве ты не выспалась на выходных у Миллера? — радость в её голосе больно меня ударяет.

— Нет, — это до глупого неподходящий разговор для бабушки, но я знаю, что это её успокоит и даст мне немного покоя...на какое-то время. Не хватит целой комнаты, чтобы уместить чувство вины за то, что соврала ей.

— Превосходно! — кричит она. — Пойду по магазинам с Джорджем. — Через одеяло чувствую легкие поглаживания её руки по спине, а потом её шаги становятся всё тише и тише, дверь в мою комнату закрывается.

Нахожу в себе силы повременить с рассказом бабушке о нашем с Миллером разрыве до тех пор, пока не придумаю уважительную причину. Она не согласится на что-то меньше полного объяснения. Она не любит Миллера Харта; она любит саму идею видеть меня счастливой и в крепких отношениях. Но, если я ошибаюсь, и она любит Миллера, то в скором времени я могу это исправить...Только я не стану. Мое недавнее открытие только разбудит и призраков Нан тоже. Она может и бойкая, но всё же пожилая дама. Я буду мучиться в этой темноте одна.

Расслабляюсь в постели и пытаюсь уснуть, надеюсь, что сны не принесут еще больше

кошмаров.

Зря надеялась. Сон был беспокойным, заставляя меня постоянно просыпаться, всю в поту, задыхаясь и злясь. К вечеру я сдаюсь. Заставила себя принять душ и теперь лежу на постели, завернутая в полотенце, пытаюсь вырвать из мыслей Миллера и отчаянно стараюсь найти что-то, на чем можно сосредоточиться. Хоть что-нибудь кроме него.

Нужно записаться в тренажерный зал. Сажусь на постели. Я *записывалась* в тренажерный зал.

— Блин! — хватаю телефон и вижу, что у меня сорок минут до начала моих занятий. Я могу это сделать, и это идеальное отвлечение. Говорят, физические нагрузки снимают стресс и вырабатывает гормон счастья. Как раз то, что мне нужно. Начинаю лихорадочно собираться, кидая в сумку леггинсы, футболку на несколько размеров больше и белые конверсы. Я буду выглядеть стопроцентным любителем, с полным отсутствием спортивного вида, но пока сойдет. Я схожу за покупками. Завязываю в пучок тяжелые волосы, спускаясь вниз, а потом останавливаюсь, услышав звук, свидетельствующий о входящем сообщении. Медленно спускаюсь по лестнице, сердце падает с каждым новым шагом, когда вижу, что это от него.

Буду в ресторане «Langan's Brasserie» на Стрэттон стрит в восемь часов.

Хочу получить свои четыре часа.

Задницей ударяюсь о ступеньку посреди лестницы, плююсь на сообщение, снова и снова его перечитывая. Он уже получил гораздо больше своих четырех часов. Что он пытается сказать этим? Он притягивает меня за сделку, которая была заключена недели назад, и разрушена чувствами и слишком большим количеством встреч в придачу. Он и сам говорил, что это была глупая сделка. Это, на самом деле, *была* глупая сделка. И она всё ещё глупая.

Его необоснованное требование пробуждает злость, копившуюся годами до тех пор, пока она не закипает неконтролируемым потоком в животе. Я годами боролась с самоистязаниями. Мучила себя, пытаюсь понять, что такого нашла моя мама, что могло оказаться важнее меня и бабушки с дедушкой. Видела страдания бабушки и дедушки, причиной которых были её поступки, и я оказалась слишком близка к тому, чтобы причинить еще большие страдания. Всё ещё могу, если Нан когда-нибудь узнает, где именно я была во время своего долгого отсутствия. Он слушал, когда я изливала ему свою душу, сочувствовал мне, всё это время являясь королем унижения? Снова смотрю на его сообщение. Он думает, что, снова став грубым, эгоистичным придурком, он заставит меня пасть к его ногам? Красная пелена спадает, блокируя вопросы, которые хочу задать, и ответы, которые мне нужно найти. Не вижу ничего, кроме обиды, боли и жгучей злости. Не пойду в зал, чтобы унять боль на тренажерах или у боксерской груши. Миллер в состоянии забрать её всю.

Поднимаюсь на ноги и бегу в спальню, хватая третье и последнее платье, купленное мной и Грегори. Тщательно его осмотрев, прихожу к выводу, что Миллер расплавится перед моими глазами. Ничего себе, оно кожаное. Без понятия, как Грегори удалось уговорить меня купить его, но я так рада, что купила. Оно красное, с открытой спиной, короткое... дерзкое.

Еще раз приняв душ, побрившись везде и нанеся крем от пяток до макушки, я надеваю платье. Его дизайн не предусматривает лифчика, который раздражает, так что это не

проблем для меня и моей упругой груди. Трясу головой, после чего укладываю непослушную белокурую копну в идеальные свободно спадающие кудри, после чего наношу макияж, стараясь сделать его натуральным, как раз так, как ему нравится. Новые шпильки черного цвета и сумочка завершают образ и, решив, что куртка испортит вид, спускаюсь по лестнице быстрее безопасного.

Дверь открывается прежде, чем я оказываюсь внизу, и Нан с Джорджем прерывают разговор, увидев меня, идущую им навстречу.

— Ух, ты! — выпаливает он, а потом без конца извиняется, потому как Нан на него рычит. — Прости. Немножко шокирован, вот и все.

— Ты уходишь с Миллером? — Бабушка выглядит так, как будто только что выиграла джек-пот.

— Да, — спешу мимо них.

— Повеселись, — кричит она. — Видишь, как ей идет красный, Джордж?

Я не слышу ответ Джорджа, хотя, исходя из его реакции на мое красное облачение, это должно быть звучное да.

Пройдя половину улицы в направлении главной дороги, я покрываюсь испариной, так что замедляю шаг и думаю о том, что должна опоздать — заставить *его* попотеть. Несколько минут топчусь на углу, смешно, но чувствую себя проституткой, после чего ловлю такси и называю адрес.

В отражении окна проверяю макияж, взъерошиваю волосы и одергиваю платье, убеждаясь, что оно не помялось. Я так же педантична, как Миллер, только готова поклясться, у него внутри нет бабочек, и я проклинаю себя за то, что у меня их там целая ферма, кружащихся в животе.

Когда такси поворачивает на площадь Пикадили, ведущую на Стрэттон стрит, смотрю на часы на приборной панели. Пять минут девятого. Я не сильно опаздываю, и мне еще нужно найти банкомат.

— Остановите здесь, — говорю, роясь в сумочке и доставая единственную двадцатку. — Спасибо. — Выбираюсь из машины максимально элегантно и иду по шумной площади, где в будничную ночь я кажусь оскорбительно разодетой. Это только подстегивает мои сомнения, но вспоминая слова Грегори, я изо всех сил стараюсь казаться уверенной — как и всегда, это стоит мне больших усилий. Найдя банкомат, снимаю кое-какие наличные и поворачиваю за угол, на Стрэттон стрит. Четверть девятого, идеальное для меня опоздание в пятнадцать минут. Для меня открывается дверь, и, сделав глубокий вдох и набираясь храбрости, вхожу со спокойным видом и уверенностью в себе, и когда оказываюсь внутри, задаюсь вопросом, какого дьявола я здесь делаю.

— У вас здесь встреча, мадам? — спрашивает метрдотель, быстро осматривая меня, одновременно впечатленный и осуждающе. От этого я одергиваю платье, за что тут же себя ругаю.

— Миллер Харт, — сообщаю ему с напускной уверенностью, незаметным движением поправляя подол платья.

— Аа, мистер Харт. — Он явно его знает. Чувствую себя, как в ловушке. Ему известно, чем занимается Миллер? Он думает, я его клиентка? Злость выжигает все нервы.

Он широко мне улыбается и жестом указывает следовать за ним, что я и делаю, отчаянно стараясь не вглядываться в зал в поисках Миллера.

Когда мы проходим мимо беспорядочно расставленных столиков, появляется ощущение

ожогов на коже, которое вызывает враг моего сердца, только посмотрев на меня. Где бы он ни был, он меня видит, так что я медленно обвожу зал глазами и тоже его вижу. Никогда не смогу ничего поделать ни с бешеным скачком сердца, ни с обрывающимся дыханием. Может он и является мужским эквивалентом проститутки высокого класса, но это по-прежнему Миллер, и он по-прежнему потрясающий, и он по-прежнему...идеальный. Он поднимается со стула и застегивает пуговицу своего пиджака, темная щетина украшает невероятно красивое лицо, синие глаза пронзают, когда я подхожу. Не спотыкаюсь. Встречаю его взгляд с равной решимостью, тут же замечая, с чем мне придется столкнуться. От него исходит аура непреклонности. Он опять попытается и соблазнит, что хорошо, только он не получит свою сладкую девочку.

Он кивает метрдотелю, давая понять, что дальше справится сам, потом он обходит столик и отодвигает для меня стул.

— Прошу, — рукой указывает на место.

— Благодарю. — Я сажусь и ставлю сумочку на стол, почти расслабившись, но только до тех пор, пока рука Миллера не опускается на мое плечо, а губы не оказываются рядом с ухом.

— Ты невероятно красива. — Он убирает мои волосы в сторону и губами касается чувствительной впадинки за ухом. Он меня не видит, так что не имеет значения, что я закрываю глаза, только вот склонившаяся на бок шея, предоставляя ему больше пространства, выдает всё то, что он со мной делает. — Совершенна, — шепчет он, посылая по спине толпу мурашек.

Лишив меня своих прикосновений, он появляется передо мной, расстегивает пуговицу пиджака и садится на свое место. Он смотрит вниз на свои дорогие часы и вздергивает брови, молча раздумывая над моим опозданием.

— Я взял на себя смелость сделать заказ за нас двоих.

Так же, как он, поднимаю брови:

— Ты, очевидно, был уверен, что я приду.

— Ты ведь здесь, разве нет? — Достает из стоящего на полу у нашего столика ведерка бутылку белого вина и разливает. Бокалы меньше, чем для красного вина, те, которыми мы пользовались вчера, и мне интересно, как Миллер справится с расставленными в ресторане предметами. Всё расположено не так, как должно быть дома, но это его, кажется, не особо заботит. Он не дергается и, что странно, передергивает *меня*. Я почти хочу переставить вино туда, где оно должно быть.

Возвращая любопытные мысли к мужчине напротив, я несколько секунд рассматриваю его хладнокровный образ, а потом спрашиваю:

— Зачем ты просил меня придти?

Он поднимает бокал и медленно покачивает, прежде чем поднести к этим сбивающим с толку губам и медленно отпить, всё это время его пристальный взгляд не отрывается от меня. Он знает, что делает.

— Не помню, чтобы просил тебя придти.

На долю секунды, я практически теряю свою уверенность:

— Ты не хотел, чтобы я здесь была? — кокетливо спрашиваю.

— Насколько помню, я отправил тебе сообщение, в котором сказал, что буду здесь в восемь. Также выразил свое желание что-то получить. Не просил. — Делает еще один неспешный глоток. — И поскольку ты здесь, уверен, будешь рада дать мне желаемое.

Его высокомерие вернулось в полной мере. От этого вспыхивает и моя дерзость, знаю, сейчас он о ней подозревает. Ему нравится его сладкая девочка. Беру сумочку и достаю оттуда наличные, которые принесла с собой. А потом я бросаю их на тарелку перед ним и вальяжно откидываюсь на спинку стула, нагло и спокойно.

— Я бы хотела получить четыре часа развлечений.

Бокал с вином зависает между его губами и столом, когда он смотрит на кучу денег, жестоко использованные мной накопления со сберегательного счета, накопления каждого пенни, который оставила мне мама, накопления, которыми я принципиально никогда не пользовалась. Какая ирония использовать эти деньги сейчас...чтобы *развлечься*. Получаю как раз ту реакцию, на которую рассчитывала, и слова, однажды им сказанные, мечутся в голове, подстегивая меня. *Пообещай мне, что больше никогда так не унизишься. Я? А как же он?*

Молчит. Взгляд прикован к деньгам, и я абсолютно точно вижу, как зависшая в воздухе рука начинает дрожать, всплески вина тому доказательство.

— Что это? — спрашивает он напряженно, ставя бокал. Не удивлена, когда он переворачивает бокал, прежде чем посмотреть на меня сердитым взглядом синих глаз.

— Тысяча, — отвечаю, нисколько не впечатленная его очевидной злостью. — Понимаю, что скандально известный Миллер Харт стоит больше, но раз мы заключаем сделку на четыре часа и ты знаешь, что получаешь, подумала, тысячи будет достаточно. — Беру свой бокал и не спеша делаю глоток, преувеличенно подчеркнуто глотая и облизывая губы. Его синие глаза больше, чем обычно. Его шок, возможно, и не будет замечен посторонним, но мне знакомы эти глаза, и я знаю, что большинство его эмоций исходит из них.

Он делает глубокий вдох и медленно берет деньги, складывая в аккуратную стопку, после чего берет мою сумочку и запикивает их туда.

— Не надо меня оскорблять, Оливия.

— Ты оскорблен? — На самом деле, я высмеиваю эти слова. — Сколько же денег ты заработал, отдавая себя тем женщинам?

Он наклоняется вперед, поигрывая желваками. Оо, я всё правильно делаю, выводя его на эмоции.

— Достаточно, чтобы купить эксклюзивный клуб, — говорит он холодно. — И я не давал *себя* тем женщинам, Оливия. Я отдавал им свое тело, ничего больше.

Вздрагиваю и понимаю, что он замечает это, но от услышанных слов желудок скручивает.

— Едва ли дал что-то большее и мне, — заявляю я несправедливо. Он абсолютно точно дал мне что-то большее, и его едва заметное вздрагивание говорит мне, что он тоже это понимает. Ему больно от моего заявления. — Купишь себе новый галстук. — Беру деньги и швыряю их на его половину стола, шокированная собственной жестокостью, но его реакции подстегивают меня, подкармливая необъяснимую потребность доказать что-то, даже если я не совсем уверена, чего хочу добиться своей холодностью. Так или иначе, я не могу остановиться. Действую на автопилоте.

Ямочки на его щеках начинают дергаться.

— И чем же это отличается от того, когда это делала ты? — спрашивает он вымученно.

Пытаюсь скрыть свое удушье.

— Я вошла в этот мир по причинам, — шиплю я. — Я не наслаждалась этой блажью. И

не выстраивала жизнь, продавая себя.

Он закрывает рот и на какое-то время опускает взгляд на стол, а потом встает и застегивает пуговицы.

— Что же с тобой случилось?

— Я уже говорила, Миллер Харт. Ты случился со мной.

— Мне не нравится этот человек. Мне нравилась девочка, которую я...

— Тогда. Ты. Должен. Оставить. Меня. В. Покое. — Произношу медленно и четко, вырывая еще больше чувств из этого, на первый взгляд, лишнего эмоций мужчины. Он едва себя сдерживает. Не уверена, хочет он заорать или завывать.

Мы ненадолго прерываемся, когда к нам подходит официант, ставя на стол блюдо со льдом и устрицы. Он ничего не говорит и не спрашивает, не нужно ли нам что-нибудь еще. Просто удаляется быстро и тихо, чувствуя очевидное напряжение, оставляя меня в неверии палиться на блюда.

— Устрицы, — выдыхаю я.

— Да, наслаждайся. Я уйду, — говорит он, явно заставляя себя повернуться ко мне спиной.

— Я платящий клиент, — напоминаю ему, беру одну из ракушек и вилкой достаю из неё мясо.

Он снова не спеша ко мне поворачивается:

— Ты заставляешь меня чувствовать себя дешево.

Хорошо, думаю про себя. Дорогие костюмы и шикарная жизнь делают это не приемлемым.

— А другие женщины нет? — спрашиваю я. — Мне стоит купить тебе Ролекс? — Медленно подношу устрицу ко рту и съедаю мясо, тыльной стороной ладони провожу по губам и, сдерживая его взгляд, соблазнительно их облизываю.

— Не вынуждай меня, Ливи.

— Трахни меня, — произношу, наклоняясь вперед и странно возбуждаясь при виде его, борющегося с осознанием того, что со мной следует сделать. Он не на это надеялся, затаивая этот разговор. Я обвела его вокруг пальца.

В течение нескольких секунд он собирается с мыслями, а потом наклоняется вперед:

— Ты хочешь, чтобы я тебя трахнул? — спрашивает он, не забывая о манерах джентльмена в присутствии других посетителей.

Успешно справляюсь с чувством отвращения при виде его вернувшейся самоуверенности, даже если не произношу ни единого слова.

Он наклоняется еще ближе, лицо смертельно серьезное, вся боль, злость и шок, кажется, испарились.

— Я задал тебе вопрос. Ты ведь знаешь, как я отношусь к повторениям.

По причинам, которые, возможно, никогда не узнаю, я не колеблюсь:

— Да. — Говорю на выдохе и, несмотря все усилия, тело включает опасно чувствительный режим.

Его глаза прожигают:

— Вставай.

Я тут же встаю и жду, пока он обходит столик, уверенным движением берет меня за шею и подталкивает к выходу из ресторана. Оказавшись под властью холодного вечернего воздуха, он ведет меня через дорогу к большому, роскошному отелю, где, как я думаю, припаркована его машина, только мы не направляемся на стоянку. Портье открывает стеклянную дверь, меня подталкивают внутрь, и вдруг я оказываюсь в окружении исключительно традиционного декора, каменный фонтан расположен по центру фойе и повсюду расставлены старые, мягкие диванчики из кожи. Манерность в каждом углу. Здесь торжественно, как будто сама королева может появиться в любую секунду.

Миллер отпускает меня:

— Жди, — резко инструктирует, подходя к ресепшену. Он несколько минут тихо разговаривает с женщиной за большой, изогнутой стойкой, а потом берет быстро протянутые ему ключи. Он поворачивается и кивком головы указывает на лестницу, только с отсутствием его руки на шее я чувствую себя не совсем устойчивой.

— Ливи, — рычит, и его нетерпеливость приводит меня в действие.

Он так и не касается меня, пока мы поднимаемся по лестнице, напряжение между нами почти осязаемо, но я не уверена сексуальное это напряжение или же нервное.

И то и другое.

Теперь, когда у Миллера через край льется сексуальное желание, я нервничаю. Он безучастно смотрит вперед, ничего не выражая, что необычно, не говоря уже о том, что мне неловко.

Он окончательно закрылся и, хотя меня трясет от желания, мне еще и немного страшно.

Я достаиваюсь его прикосновения в своей шее, когда мы достигаем четвертого этажа, он ведет меня по экстравагантному коридору, пока не останавливается, вставляя в дверь магнитную карточку и заталкивая меня в комнату. Меня должна была впечатлить гигантских размеров кровать с балдахином и столбиками и струящаяся роскошь, но я слишком занята попытками успокоить собственные ощущения. Стою посреди комнаты, чувствуя себя уязвимой и ранимой, в то время как Миллер кажется хладнокровным и сильным.

Он тянется и начинает медленно развязывать галстук.

— Давай посмотрим, что грандиозного ты сможешь получить от скандально известного Миллера Харта? — В голосе полная отрешенность. — Раздевайся, сладкая девочка. — Нежное ко мне обращение наполнено сарказмом.

Повсюду внутри себя ищу прежнее безрассудство, но не могу найти.

— Ты колеблешься, Ливи. Женщины, которых я трахаю, имея меня, времени зря не тратят.

Его слова с силой ударяют в сердце, а еще они пробуждают храбрость и воспаляют мою злость. Не могу позволить ему увидеть свою нерешительность. Я спровоцировала всё это, но причины теперь забыты. Придаю своим движениям уверенности и стягиваю платье, позволяя ему упасть на пол, красный материал стелется у ног.

— Лифчика нет, — произносит он, сбрасывая пиджак и расстегивая жилетку. Его взгляд медленно блуждает по моему телу, впитывая его. — Снимай трусики. — Он и прежде множество раз использовал командный тон, только теперь ласковые нотки исчезли. Не хочу от этого заводиться. Не хочу, чтобы пульсация между ног усиливалась. Не хочу, чтобы самодовольный придурок передо мной привлекал меня. Но я не могу заставить тело не отвечать ему. Меня лихорадит в предвкушении. Всё предрешено. Даже сейчас.

Медленным движением стаскиваю нижнее белье и отхожу, а потом скидываю и туфли.

Я обнажена и, когда возвращаю свой взгляд к Миллеру, вижу, что он уже по пояс обнажен. Забываю об отвращении, ослепленная истинным великолепием его торса. Слов, на самом деле, нет, но когда он не спеша снимает брюки и боксеры, я нахожу одно:

— Оххх...., - выдыхаю, губы приоткрываются в попытке впустить в легкие хоть сколько-нибудь воздуха.

Его одежда небрежно отброшена в сторону, он смотрит на меня из-под темных ресниц, раскатывая презерватив.

— Впечатлена?

Не знаю, к чему спрашивать. Нет ничего, что бы я не видела раньше, но с каждым разом становится всё лучше. Превосходный член Миллера, его идеальное тело и идеальное лицо. Всё кричит об опасности. Так было раньше. Я понимала это тогда и уж точно знаю это сейчас.

— Ты заставишь меня повторить вопрос?

Возвращаю к нему свой взгляд и выдавливаю из себя несколько слов:

— Впечатлена, но не на тысячу фунтов. — Меня шокирует собственная дерзость.

Стискивает челюсть и направляется ко мне не спеша, практически прогуливаясь, до тех пор, пока не подходит ко мне вплотную, дыша на меня сверху вниз.

— Посмотрим, что можно с этим сделать.

Не успеваю ответить. Он толкает меня к кровати до тех пор, пока не упираюсь в неё бедрами, отступить больше некуда. Отчаянно хочу почувствовать его, так что поднимаю руки и зарываюсь в его волосы, парой движений взъерошивая его темные локоны.

— Убери от меня руки, — рычит он. Не могу скрыть шока в ответ на его жесткий приказ, руки тут же опускаются по швам. — Ты не можешь ко мне прикасаться, Ливи. — Он тянется и сильно сжимает мои соски между большим и указательным пальцами.

Я шиплю от боли и стону, но болезненный укол удивляет и отдается внизу живота, переплетаясь с удовольствием. Пьянящий коктейль ощущений и у меня нет и мысли, как с этим справиться.

— Я сведу тебя с ума, — заявляет он, доставая из-за спины ремень. Вид коричневой кожи заставляет мои глаза распахнуться и взлететь к его глазам, находя искру сомнения. Он не уверен; я это вижу.

— Сделаешь мне больно? — Возможность применения ремня пробивает меня шоковой волной страха.

— Я не бью женщин, Оливия. Подними руки к перекладине.

Смотрю вверх и вижу деревянную перекладину коричневого цвета, которая тянется от одного столба к другому, успокоившись тем, что его намерения, кажется, отличаются от моих мыслей, охотно поднимаю руки. Но мне не дотянуться.

— Я не могу...

— Встань на кровать. — Он резок, нетерпелив.

Устоять на мягком матрасе еще та задачка, но я, в конце концов, нахожу баланс без каких-либо предложений о помощи, и прикладываю к перекладине запястья. Он собирается связать меня, подавить меня, и хотя эта идея более привлекательна, чем быть отстеганной, мне она совсем не нравится. Я думала, он трахнет меня. Не ожидала вовлечения ремней и уж тем более рассчитывала на то, что смогу к нему прикасаться.

Его рост позволяет ему спокойно дотянуться до перекладины, он пропускает кожу между моих запястий и с легкостью и уверенностью обматывает его вокруг перекладины. Он

делал это и прежде.

— Миллер, это...

— Уже бросаешь меня? — Он вызывающее приподнимает брови, победа искрится в синих глазах. Он думает, я сбегу. Думает, я попрошу остановиться.

Ошибается.

— Нет, — выпячиваю подбородок с чувством уверенности, которое только усиливается, когда пропадает его самодовольство.

— Как пожелаешь. — Он стягивает с постели мои ноги так, что я зависаю в воздухе. Кожа на запястьях мгновенно натягивается и больно врезается. — Держись за перекладину, чтобы облегчить давление.

Следую его команде, пальцами обхватывая перекладину. Это смягчает эффект врезающейся в плоть кожи, от чего мне становится комфортнее, а вот от грубых слов и резкости в лице Миллера нет. Он всегда только занимался со мной любовью. Всегда только поклонялся мне. И я вижу, что сейчас не будет ни того, ни другого.

Начинает взглядом блуждать по моему обнаженному подвешенному телу, явно пытаюсь решить, с чего начать. А потом, после секундного разглядывания верхней части бедер, он кладет руку на бедро и начинает двигать ею вверх до тех пор, пока едва уловимо не касается клитора. Делаю глубокий вдох и задерживаю воздух. Это действие довольно нежное, но я не тешу себя иллюзиями, что мне будут поклоняться.

— У меня есть правила, — говорит он не спеша, погружая в меня свои пальцы и выбивая из легких весь воздух. — Ты ко мне не прикасаешься. — Он отстраняется и пальцами проводит по моей нижней губе, размазывая повсюду мою же влажность, а потом наклоняется ко мне так близко, насколько это возможно. — И я не целуюсь.

Впитываю его жестокий взгляд и резкие слова. Связанные руки не дают к нему прикоснуться, но его губы близко, так что я тянусь в попытке их захватить. Он отстраняется, качая головой, а потом руками цепляется за мои бедра и прижимает меня к своему телу. Словно одержимый, он насаживает меня на себя с грудным рыком, заполняя меня всю, нет ласковых прикосновений или слов, он просто берет меня. Я кричу в шоке от его безжалостных движений, ногами бессильно за него цепляюсь, но он не дает мне времени привыкнуть. Он приподнимает мое тело и снова резко насаживает на себя. Совершенно беспощадно. Задает непростительно быстрый и жесткий ритм, разрывая меня снова и снова, раз за разом, матерясь и рыча с каждым рывком. Моя голова опустела, крик стал громче, а тело в шоке. Это больно, но по мере того, как он продолжает вколачиваться, дискомфорт уходит, а удовольствие начинает нарастать, от чего мое обезумевшее сознание приходит в отчаяние.

— Миллер! — стону, дергаюсь и тяну запястья в тщетной попытке освободиться. Мне нужно его почувствовать, но он меня игнорирует, его хватка усиливается, толчки становятся сильнее. — Миллер!

— Замолчи, нахрен, Оливия! — рычит он, сопровождая свой холодный приказ сильным вколачиванием в мое тело.

Каждой беспомощной мышцей шеи пытаюсь удержать обмякшую голову, поднимаю её и нахожу полный решимости взгляд синих глаз. Он кажется сумасшедшим и абсолютно отрешенным, как будто головой он не здесь, а тело действует инстинктивно. В глазах нет ничего. Мне они не нравятся.

— Поцелуй меня! — стону я, желая вызвать чувства, которые, знаю, там. Это

невыносимо, и не из-за его беспощадных в меня вколачиваний, а из-за отсутствия нашей обычной связи. Её вообще нет, а она мне нужна, особенно когда он берет меня так агрессивно. — Поцелуй! — Теперь уже кричу ему в лицо, но он только сильнее сжимает мои бедра и толкается в меня сильнее, капельки пота стекают по его лицу. Мое удовольствие исчезло. Я не получаю ничего, за исключением предшествующей боли, которая вернулась, только теперь больно физически и эмоционально. Больше не держусь за перекладину, позволяя коже ремня врезаться в мою плоть, и его хватка на моих бедрах калечит кожу. Но больше всего болит сердце. Я больше не чувствую уютной безмятежности или безопасности, и его отказ позволить мне поцеловать его просто убивает. Он точно знает, что делает. И сделать это просила его я.

Закрываю глаза и запрокидываю голову, не желая больше видеть его лицо. Я его не узнаю. Это не тот мужчина, в которого я влюбилась, но я не прекращаю это, потому что в самом извращенном смысле, это поможет мне отпустить Миллера Харта, и тот факт, что он не ругает меня за то, что прячу от него свое лицо, только разжигает боль еще больше. Причины принять такое глупое решение — всё, о чем я могу думать теперь, отстранившись и приняв его грубость. Думаю обо всех любящих словах, которые он мне говорил, обо всех ласковых прикосновениях, которые мне дарил.

Я никогда не сделаю меньше, чем поклонение тебе. Никогда не воспользуюсь пьяной девушкой. Каждый раз, когда я буду обладать тобой, Ливи, ты запомнишь. Все и каждый момент запечатлеются в этой прекрасной головке навсегда. Каждый поцелуй. Каждое прикосновение. Каждое слово.

Громкий рык Миллера заставляет меня вздрогнуть в комнате, холодной и неприветливой, несмотря на теплоту и роскошь обстановки. И что-то странное происходит — что-то, что за пределами моего контроля. Я шокирована, тело живет своей жизнью и отвечает на его яростные толчки. Я кончаю. Только он проходит без намека на удовольствие. Он атакует меня последним круговым движением разрывающих толчков, потом он приподнимает меня, входя под лучшим углом, после чего кончает с пронзительным рыком, разлетающимся по комнате. Он остается во мне и запрокидывает голову, грудь вздымается под яростными вдохами, по шее стекают капельки пота. Оцепенела. Не чувствую ни боли от врезающейся в руки кожи, ни агонии, разрывающей сердце.

Любого мужчину, который позволит себе меньше, чем поклонение тебе, надо, нахрен, пристрелить!

Он отталкивает от себя мои ноги, и он отстраняется от меня быстро, но не начинает меня отвязывать. Он оставляет меня, тихо матерясь, и уходит в ванную, яростно хлопнув за собой дверью.

Все пропавшие от этой встречи эмоции поднимаются, когда я начинаю всхлипывать. Голова становится тяжелой, подбородок соприкасается с грудью, а я даже не нахожу в себе сил избавиться от боли в запястьях, забравшись обратно на кровать. Я просто вишу безжизненно, тело содрогается от рыданий.

Разрушена.

Опустошена.

Слышу звук открывающейся двери, но держу голову опущенной. Не могу смотреть на него и не могу позволить ему увидеть, что я сломалась. Я подстрекала его, раздвигала его границы. Он прятал от меня этого мужчину. Он всё время вынужден был себя контролировать.

— Блять! — гавкает он, и я поднимаю отяжелевшую голову, чтобы увидеть, как он смотрит в потолок. Его черты искажены... встревожены. Он испускает еще один бьющий по ушам рык и разворачивается, отправляя кулак в дверь ванной, треснувшее дерево падает на пол.

Сдерживаемые рыдания срываются с губ, и подбородок снова касается груди.

— Ливи? — Его голос стал мягче, но это не облегчает моего скверного состояния, когда я чувствую его руки, работающие на моих запястьях. Он обвивает рукой мою талию, поддерживая, пока развязывает ремень, и я шиплю от боли, когда руки безвольно падают вдоль тела. — Ливи, отпусти гребаную перекладину! — Он усаживает меня на край постели и опускается предо мной на колени, убирая волосы так, чтобы видеть меня. Поднимаю взгляд, встречаясь с его глазами. Лицо в слезах, и Миллер просто расплывается перед глазами, но ужас на его лице очевиден, даже сквозь искаженное зрение. — О Боже. — Он берет мои запястья, поднося руки ко рту, и снова и снова целует костяшки пальцев, боль обжигает кожу от его прикосновений, еще больше искажая его лицо. Переместив руки к локтям, он молча изучает злосчастные рубцы до тех пор, пока я не вырываю руки и не поднимаюсь на подкашивающиеся ноги. — Ливи?

Не обращаю внимания на беспокойство в его голосе и поднимаю свои трусики, натягивая их так быстро, как только позволяют обмякшие конечности.

— Ливи, ты что делаешь? — спрашивает он, появляясь передо мной, в поле моего зрения.

Поднимаю взгляд, встречаясь с паникой и неуверенностью.

— Я ухожу.

— Нет. — Качает головой и кладет руки мне на талию.

— Не трогай меня! — кричу, отскакивая, чтобы от него отгородиться. Я этого не вынесу.

— Господи, нет! — Он хватается с пола мое платье и прячет за спину. — Ты не можешь уйти.

Ошибается. На этот раз мне будет легко уйти от него.

— Могу я получить свое платье?

— Нет! — Швыряет его через всю комнату и снова берет меня за талию. — Ливи, тот мужчина не я.

— Уйди! — Вырываюсь из его хватки и иду туда, где приземлилось мое платье, но он меня опережает. — Прошу, отдай мне платье.

— Нет, Ливи. Я не дам тебе уйти.

— Никогда больше не хочу тебя видеть! — кричу ему в лицо, от чего он вздрагивает.

— Пожалуйста, не говори так, — умоляет он, а я пытаюсь вернуть платье. — Ливи, это не будет твоим последним обо мне воспоминанием!

Вырываю платье, хватаю сумочку и туфли, полуобнаженная выбегаю из комнаты, оставляя Миллера сражаться со своими боксерами. В голове гудит, тело лихорадит, когда я забегаю в лифт и кулаком жму все кнопки, которые только вижу, не удосуживаясь тратить время на поиски одной нужной.

— Ливи! — Его быстрые шаги гулким эхом разносятся по коридору, а я продолжаю бить по кнопкам.

— Давай же! — кричу я. — Закрывайся!

— Ливи, пожалуйста!

Спиной прислоняюсь к дальней стене, когда двери лифта начинают закрываться, но они не закрываются полностью. Появляется рука Миллера, заставляя их снова открыться.

— Нет! — кричу я, забиваясь в угол кабинки.

Он запыхался, вспотел, паника явно читается на этом идеальном обычно лишенном эмоций лице.

— Оливия, прошу, выйди из лифта.

Жду, что он зайдет внутрь и схватит меня, но он этого не делает. Он просто застыл в дверях, постоянно матерясь и заставляя двери открываться каждый раз, когда они пытаются закрыться.

— Ливи, выходи.

— Нет, — качаю головой, прижимая к груди свои вещи.

Он протягивает руку, но между ней и мной, по крайней мере, два шага.

— Дай мне руку.

Почему он просто не вытащит меня отсюда? Он выглядит напуганным, и я начинаю осознавать, что это не только из-за того, что я сбегая от него. Он боится чего-то еще. Жуткое осознание врывается в спутанные мысли, сопровождаемое многочисленными картинками его, несущего меня вверх по бесконечной лестнице. Он боится лифта.

Он медленно осматривает внутреннюю обстановку лифта, а потом снова обращается ко мне.

— Ливи, я умоляю. Пожалуйста, дай мне руку. — Он снова протягивает руку, но я слишком шокирована, чтобы её принять. Он, на самом деле, парализован. — Ливи!

— Нет! — говорю тихо, снова нажимая на кнопки. — Я не выйду. — Затуманенные глаза выпускают скопившиеся в них слезы, и они потоком начинают литься по щекам.

— Блять! — Он отпускает двери лифта и руками зарывается в темные кудри.

А потом двери снова начинают закрываться.

И на этот раз он их не останавливает.

Мы смотрим друг на друга то короткое время, пока они соединяются посередине, и самый последний образ Миллера, который я вижу, вполне ожидаем. Спокойное лицо. Ничего, что могло бы сказать, о чем он думает. Но мне больше не нужны его эмоции, чтобы понять, как он себя чувствует.

Я молча смотрю на двери, в голове столько мыслей, но звоночек лифта заставляя меня подпрыгнуть и двери начинают открываться. Только сейчас я понимаю, что стою в нижнем белье с платьем, туфлями и сумочкой всё также прижатыми к груди.

Тороплюсь одеться, когда в поле зрения оказывается коридор, слава богу там нет никого в ожидании лифта. А потом я останавливаюсь на каждом этаже по пути вниз, пока двери не открываются в фойе. Сжимающееся сердце бьется слишком часто, ударяясь о грудную клетку, когда я выхожу из лифта, отчаянно желая сбежать из этого отеля. Картинки Миллера, ведущего множество женщин через это фойе, атакуют сознание, а женщина на ресепшене ловит мой взгляд, и я спешу уйти. Она знакома с Миллером, она знала намерения, передавая ключи без вопросов и оплаты, и теперь она смотрит на меня понимающим взглядом. Не могу этого вынести.

— Ой! — вскрикиваю, роняя сумочку и спотыкаясь, опускаюсь на колени и подбираю дорогой кожаный кейс, валяющийся на мраморном полу. Боль бьет по рукам, когда ладонь соприкасается с мрамором в попытке остановить бьющую в голову жестокую реальность, слезы теперь не сдержать. Шокированный вдох разрезает воздух, когда я пялюсь в узорчатый

мраморный пол. А потом становится тихо. Все смотрят на меня.

— Ты в порядке, милая? — большая рука появляется перед опущенными глазами, глубокий шероховатый голос заставляет меня посмотреть вверх на присевшую передо мной фигуру. Я вижу взрослого мужчину в дорогом костюме.

Выдыхаю.

Он отшатывается.

Поднимаюсь с коленей и перемещаюсь, приземляясь на задницу. Сердцебиение вне контроля. Мы оба пялимся друг на друга.

— Оливия?

Поднимаю сумочку и поднимаюсь через силу, не зная, сколько еще потрясений смогу выдержать. Всего семь лет прошло, а его засаленные, тронутые сединой виски полностью поседели, так же, как все его волосы. Он также потрясен видеть меня, но в лице всё та же мягкость, и серые глаза по-прежнему искрятся.

— Уильям. — Его имя срывается с моих губ с шокированным выдохом.

Его высокий силуэт поднимается, взгляд блуждает по моему лицу.

— Что ты здесь делаешь?

— Я...

— Оливия!

Я разворачиваюсь и вижу, как Миллер мчится по лестнице, на ходу пытаюсь справиться с пиджаком. Он выглядит взъерошенным и неопрятным, полная противоположность моего обычно педантичного, прилежного Миллера. В фойе тихо, все смотрят на девушку, которая только что упала, и теперь на мужчину, который бежит вниз по лестнице, при этом одеваясь. Он отрывает пуговицу и замирает на полпути, его взгляд направлен за мое плечо, глаза распахнуты. Это заставляет меня развернуться и увидеть Уильяма, смотрящего так же напряженно, как Миллер. Мужчины смотрят друг на друга на расстоянии, я между ними.

Они знакомы.

Простая маленькая фраза переворачивается вверх дном и прямо сейчас врезается в меня. Мне нужно сбежать. Ноги приходят в действие, оставляя позади двух единственных мужчин, которых я когда-либо любила.

Уильям — призрак для меня, таковым и должен оставаться.

Но Миллер — сердце, бьющееся в моей груди.

Каждый шаг пробуждает во мне его образ. Каждый глоток воздуха вызывает воспоминания его слов. Каждый стук сердца пронзает чувством пустоты без его прикосновений. Но нет ничего хуже, чем отпечаток его красивого лица в голове, когда я ухожу.

Бежать от него.

Спрятаться от него.

Защищаться от него.

Вне всяких сомнений, так и следует поступить. Всё говорит о том, что я поступаю благоразумно — голова, тело... всё.

Только не мое любящее сердце.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Об авторе

Джоди Элен Малпас родилась и выросла в городке Мидленд графства Нортхемптоншир в Великобритании, где она живет со своей семьей. Работая в семейном строительном бизнесе полный рабочий день, с перспективой возглавить его, когда отец уйдет на пенсию, она пыталась игнорировать навязчивую идею написать роман до тех пор, как это стало невозможным. В конце концов, она нашла время и смелость выпустить творческую жилку, и в октябре 2012 года самостоятельно опубликовала электронную книгу «Этот мужчина». Она рискнула, создав историю с пылкими героями, в особенности с мистером Джесси Уордом, владельцем поместья, и вызвала невероятные реакции у женщин по всему миру. Два месяца спустя, Джоди приняла решение бросить постоянную работу и сосредоточиться на своей новой, очень неожиданной карьере писательницы.

Другие работы Джоди Элен Малпас

Этот мужчина #1

Внутри этого мужчины #2

Признания этого мужчины #3

Заметки

[

←1

]

Нан (Nan) — ласковое Бабуля, Бабушка.

[

←2

]

Boulevard of Broken Dreams — проспект несбывшихся мечт.

[

←3

]

Белгравия (Belgravia) — фешенебельные кварталы в лондонском Вест-Энде вокруг Белгрейв-сквер

[

←4

]

Harrods — самый известный универмаг Лондона.

[

←5

]

Tesco Express — крупнейшая розничная сеть Великобритании.

[

←6

]

Биф Веллингтон (Beef Wellington) — изысканное мясное блюдо.

[

←7

]

Royal Doulton — роскошный королевский фарфор.

[

←8

]

Topshop — сеть магазинов женской одежды.

[

←9

]

Dorchester — Бутик-отель в самом центре Лондона

[

←10

]

Veracocha — совместный проект двух голландских диджеев Vincent De Moor и Ferry Corsten. Единственным треком, выпущенным под псевдонимом Veracocha, был «Carte Blanche», который был записан на лейбле «Positiva» в 1999 году.

[

←11

]

«Ice» [айс] — в переводе с английского «Лед»

[

←12

]

Брускетта (bruschetta) — простая в приготовлении средиземноморская закуска, представляющая собой тост из запеченного на гриле хлеба с различными намазками и присыпками.

[

←13

]

Айс (Ice) — лед. Название клуба Миллера

[

←14

]

Gypsy Woman — шаловливая девочка

[

←15

]

Перспекс — сорт прочного, небьющегося стекла

[

←16

]

Ice — лед.

[

←17

] Пятый размер ноги в США эквивалентен 36 европейскому.

[←18

] Лондонский глаз — колесо обозрения в Лондоне.

[←19

] Один из самых престижных ресторанов Лондона

[←20

] Bellini — итальянский алкогольный коктейль, состоящий из игристого вина Просекко (Prosecco) и персикового пюре. В состав для вкуса добавляются различные фрукты и ягоды.